

82.
В. И. Немировичъ-Данченко

ПОСЛѢ ВОЙНЫ

ОЧЕРКИ И ВПЕЧАТЛЕНІЯ РУССКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ ОСВОБОЖДЕННОЙ БОЛГАРИИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. Е. Келрибарджи

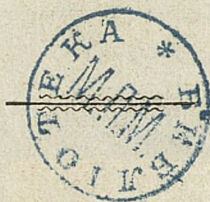
1880

82
В. И. Немировичъ-Данченко

ПОСЛѢ ВОЙНЫ

ОЦЕРКИ И ВПЕЧАТЛЕНІЯ РУССКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ ОСВОБОЖДЕННОЙ БОЛГАРИИ

812/3434

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. Е. Кедрбарджик

1880

5826-0

2007052673

ТИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ 12.

ОТЪ АВТОРА.

Въ прошломъ году редакція газеты „Русскій Курьеръ“ предложила мнѣ сдѣлать экскурсію къ „Освобожденной Болгаріи“. Дѣло я провелъ въ восточной ея половинѣ, при чемъ къ сожалѣнію письма мои оттуда не могли появиться своевременно, вслѣдствіе запрещенія газеты на два мѣсяца.

Въ молодомъ княжествѣ—событія сльдуютъ за событіями чрезвычайно быстро. Въ самое время печатанія книги — нѣкоторыя предположенія автора становились уже дѣйствительнымъ фактомъ. Предугадывавшаяся прочная побѣда либеральной партіи—совершилась, какъ исполнилось и многое другое. Дѣла не менѣе письма о прошломъ, еще вчера казавшимся очень продолжительнымъ, а сегодня уже отошедшемъ назадъ,—не лишены интереса и во всякомъ случаѣ характеризуютъ страну и людей...

Значительное мѣсто книги отведено администраціи княжества. Разумѣется, меня обвинятъ и въ отвѣтствіи патріотизма и въ слишкомъ мрачномъ взглядѣ на дѣло... Впередъ принимаю упреки. Скажу одно: по моему убѣжденію, истинный патріотизмъ состоитъ не въ томъ, чтобы закрывать глаза на свои недостатки. Также не разграничишь, гдѣ

кончается ложно понижаемый патриотизм и едь начищается подлость... Довольно самоослепленія, довольно самоуверенности. Не мьшаеьт и свести счетъ чьмз мы задавались и что сдѣлали. Мы не дѣти, чтобы прятаться отъ дѣйствительности за ширмы изъ громкихъ фразъ и благихъ намьреній... Если я былъ рьзокъ, то это потому, что истину не съпдретъ, какъ больнаго выводитъ на воздухъ закутанной.

Разумьется, книга вызоветъ взрывъ осужденій со стороны всѣхъ обиженныхъ ею. Разумьется, по этому поводу повторятся обвиненія, которыя авторъ слышитъ уже шестъ лѣтъ. Что же! Съ Богомъ. Слѣпыхъ не рубдишь, а зрячіе видятъ сами.

Западной половиць Бюлгаріи будетъ посвящена съпдующая поьздка. Книга запоздала—не по зць авторъ. Въ теченіи почти двухъ мьсяцевъ типографія, едь она печаталась была закрыта.

20 іюня 1880 г.

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

I.

ПЕРЕДЪ ОТЪЪЗДОМЪ.

24 іюня.

Какой-то французъ, проѣхавъ изъ Парижа въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ, выходилъ изъ вагона, только для того, чтобы закусывать на станціяхъ, перемѣнять бѣлье въ вокзалахъ. Самая продолжительная остановка его была въ русской таможенѣ. Тѣмъ не менѣе по возвращеніи въ свою rue Racine онъ написалъ три тома «путешествій по Россіи», цитируемые многими его соотечественниками въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ссылаться на сѣверныхъ варваровъ. Англичанинъ Кингстонъ описалъ Италію, ни разу не сходя съ палубы парохода. Дюмонъ-Дюрвиль путешествовалъ вокругъ свѣта.... сидя у себя въ кабинетѣ. Одинъ остроумный русскій странствователь признавался, что перемѣна странъ и народовъ для него ознаменовывалась только перемѣщеніемъ изъ одного отеля въ другой; тѣмъ не менѣе, почерпая свои впечатлѣнія въ книжкахъ болѣе серьезныхъ изслѣдователей, онъ находилъ читателей и даже служилъ для разныхъ простаковъ — большимъ авторитетомъ... Что касается до меня—я не знаю ни-

чего курьезнѣ манеры писать съ дороги. А между тѣмъ она усвоена многими нашими странствующими публицистами, съ налета, по полицеймейстерски разрѣшающими вопросы дня, или изслѣдователями, ассигнующими на изученіе страны и народа два-три часа. Изъ окна вагона изучается страна, по пустой болтовнѣ—съ неизмѣнно врущими пассажирами,—ея нравы... Цифры!.. Но для этого есть статистическіе сборники, изданія земства... Во всемъ остальномъ, разумѣется, отыгрываются прежде всего разказами о личныхъ впечатлѣніяхъ, благо это дешево и общедоступно.

Я съ дороги писать не стану, а лучше скажу нѣсколько словъ о цѣли своей поѣздки. Задумана она была давно; многое, относившееся къ ней, прочитано и обмозговано ранѣе. Она только приведетъ къ одному знаменателю тѣ данныя, выводы и параллели, которыя наслоивались у меня въ теченіи прошлой войны.

Блуждая по славянскимъ землямъ, сталкиваясь съ ихъ обычнымъ складомъ, я не имѣлъ возможности тогда же ответить имъ должное мѣсто въ своихъ письмахъ. Совсѣмъ иное занимало читателей, другаго требовали редакціи. Военныя событія, кровавыя боины 1877—1878 гг. заслоняли цѣлый міръ оргинальной жизни, который иначе бы невольно остановилъ на себѣ вниманіе туриста. Въ нескончаемомъ грохотѣ орудіи, въ безпрестанныхъ переѣздахъ съ одной битвы на другую, въ этомъ постоянномъ слѣдованіи за зловѣщимъ знаменемъ войны—нервы напрягались, — то отчаяніе, то ненависть, то озлобленіе не давали возможности отчетливо всмотрѣться въ бытъ народа, въ положеніе страны, освободить которую мы двинулись столь смѣло и на первыхъ же порахъ въ этомъ святомъ дѣлѣ обнаружили такое грѣшное легкомысліе. Поэтому въ концѣ концовъ и оказалось, что болгаръ мы освободить—освободили, а узнать ихъ—не узнали.

Читатель согласится со мною: въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, не дико ли, что, продѣлавъ всю эту колоссальную эпопею 77—78 годовъ, потратя на нее много жертвъ,

расплачиваясь до сихъ поръ и финансовыми и иными кризисами, мы такъ таки и не свели болѣе тѣснаго знакомства съ Болгаріей, Сербіей и Черногоріей. И теперь, когда война окончена, также какъ и тогда, когда она начиналась, въ нашей печати, въ нашемъ обществѣ, въ славянскихъ и иныхъ комитетахъ слышатся самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о Болгаріи, о болгарахъ. Одни, преимущественно бывшіе интенданты, и люди интендантскаго склада вообще, съ пѣною у рта набрасываются на этотъ народъ, точно онъ виноватъ въ нашихъ ошибкахъ, въ нашемъ легкомысліи; другіе возводятъ его настолько въ идеаль, что, кажется, для полнаго соціально-политическаго совершенства нужно вынести нѣсколько столѣтій тяжелаго гнета и рабства, отдать своихъ женъ и дочерей въ турецкіе гаремы, затѣмъ подвергнуться своеобразной освободительной культурѣ нагаекъ и затрещинъ. Нѣтъ трезваго взгляда, потому что нѣтъ точныхъ свѣдѣній о народѣ и странѣ. Гдѣ соберутся трое—тамъ и три взгляда, одинаково легкомысленныхъ, одинаково безпутныхъ!..

— Братушки—подлецы!.. Безапелляціонно рѣшаетъ одинъ насадитель культуры, всю войну пропьянствовавшій въ Зимницѣ или Систовѣ, разставшійся и съ честью, и съ совѣстью, и съ здравымъ смысломъ, только не съ нагайкой!..

— Братушки—это народъ, у котораго намъ нужно учиться... Витійствуютъ другіе, изъ своего прекраснаго далека замиѣчающіе учрежденія страны но не знающіе ея народа.

— Братушки—лѣнтяи, торгаши...

— Братушки—съ утра до ночи работаютъ, не складывая рукъ...

— Братушки—нищіе.

— Братушки—богачи.

Короче, не оберешься противорѣчій!.. Знакомство наше съ братушками до сихъ поръ еще можно характеризовать эпизодомъ, дѣйствительность котораго подтверждаютъ многіе.

Тырново занято русскими. Голодный офицеръ подходитъ къ лавкѣ. Жирный благопучный болгаринъ сидитъ около.

— Купецъ?

— Да.

— Булка есть.

— Има, братушка, има.

— Ну, такъ давай ее сюда, скорѣе!

Болгаринъ, оторопѣвъ, срывается съ мѣста и въ крайнемъ возбужденіи оретъ:

— Има булку, только одну—для себѣ...

«Вотъ какіе это подлецы—мы для нихъ сорока-верстный переходъ сдѣлали, проголодались, а ему, скоту, булки жаль!»

И разумѣется—тутъ-же баць-баць.

Въ послѣдствіи разъяснилось дѣло.

Булка—по болгарски жена. Братушка вообразилъ, что русскій офицеръ требуетъ у него жену и «какъ можно поскорѣе».

Такъ мы понимали другъ друга, Такъ мы понимаемъ другъ друга и теперь. Взаимныя отношенія нисколько не уяснились, напротивъ запутались, если хотите. Гражданская администрація военнаго времени со всеусердіемъ помогла этому и въ существующую уже суматоху внесла такой непомѣрный хаосъ, что разобраться теперь пожалуй еще потруднѣе, чѣмъ въ началѣ. Таково уже свойство російскихъ Цинцинатовъ, гдѣ бы они не дѣйствовали: на почвѣ обрусѣнія или же на театрѣ военныхъ дѣйствій. Отсюда понятно, что разъ поднимается вопросъ о Болгаріи и вдругъ со всѣхъ сторонъ слышутся самые невозможные совѣты. Забывая во всякомъ случаѣ, что новоосвобожденные земли населены не воспитанниками нашихъ классическихъ гимназій, не дѣтьми, коимъ нужно руководство гувернеровъ, мы то навязываемъ имъ византійскій строй и озлобленно бѣснуемся, когда этотъ демократическій народъ прибѣгаетъ къ испытаннымъ уже формамъ государственной жизни, то изводимъ себя на безплодныя lamentaціи, что Болгарія еще не стала Бельгіей, что ея конституція оставляетъ большой просторъ тѣмъ или другимъ началамъ проявлять себя въ управленіи страной. Особенно комичны, разумѣется, первые, которые всюду хотѣли бы завести свои клоаки безъ соображенія

о томъ, что народъ вовсе не для того освободился отъ турецкаго рабства, чтобы немедленно впасть въ еще болѣе тяжкое, систематичное и безповоротное.

Мы требовали отъ Болгарь, чтобы они, не заимствуя отъ западной Европы готовыхъ формъ государственнаго управленія, обратились бы къ тѣмъ, о которыхъ говорится, что они искони бѣ, что они коренятся на народныхъ началахъ, или, во всякомъ случаѣ, создали бы на сей разъ свои спеціальныя. Укажите же, ради Бога, мудрецы халдейскіе, эти прекрасныя учрежденія, разъ вы уже хотите ихъ, во чтобы то ни стало навязать народу, и безъ васъ дѣлающему свое кровное дѣло. Укажите ихъ Бога ради. До сихъ поръ вѣдь мы только и знаемъ, что ваши пожеланія — дальше ихъ вы не идете. Въ нашемъ отношеніи къ болгарамъ, я пожалуй готовъ именно то высоко и цѣнить, что, освободивъ народъ, мы не взяли на себя неблагодарную и, простите за откровенность, неблагоприятную роль его опекуновъ. Послушавъ совѣтниковъ пришлось бы создать въ молодомъ княжествѣ враговъ и ненавистниковъ всего русскаго. Повѣрьте, что такая демократическая нація сама устроится лучше, чѣмъ бы ее устроили всевозможныя князья Черкасскіе и другіе. Нашему шатанію, нашимъ колебаніямъ, нашей раздѣльности, разобщенности, взаимному недоувѣрію — тутъ и мѣста не можетъ быть, потому что здѣсь едино тѣло и единъ духъ. Опасенія же, что вмѣстѣ съ западными учрежденіями въ Болгарію вселятся и тѣ крайности и увлеченія, съ коими теперь борятся у насъ, столь же основательны, сколь основательны были премудрые доносы румынскихъ и иныхъ дипломатическихъ агентовъ на болгарскую молодежь какъ на коммунистовъ и революціонеровъ. Благо для обвиненій такого рода особенно шевелить мозгами не требуется, да и цѣли они всегда достигаютъ неукоснительно, въ какой бы формѣ не являлись — въ горячечномъ ли бредѣ бѣсноватаго Цитовича или въ официальной бумагѣ, снабженной указаніемъ на статьи Устава о наказ. угол. и исправительныхъ. Сверхъ того, если бы какія либо легальныя увлеченія въ Болгаріи

и проявились—молодой странѣ бояться ихъ нечего. Это не недугъ, а противовѣсъ крайностямъ иного рода. До государственныхъ переворотовъ, до катаклизма эта практическая нація не дойдетъ, а честные порывы юности—ей не опасны. Въ борьбѣ партий—крайнія поглощаются средними и придаютъ только силу организму, заставляють живѣе обращаться кровь въ его жилахъ, вызываютъ мозговую работу... Крайности страшны только застарѣлымъ въ умственномъ дѣствѣ невѣстамъ ненеувѣстнымъ, поклонникамъ всяческой китайщины и застоя. Увлеченія противны одной дряхлой старости, которая съ злобною завистью смотритъ на кипучую силами юность. Подагрику всегда дика быстрота движеній и неуклюжая энергія молодаго человѣка. Прогнившему насквозь сифилитику отвратительна здоровая любовь молодаго организма. Золотушному цѣломудрію—кажется безнравственнымъ горячій поцѣлуй случайно подмѣченной пары. Тутъ все дѣло въ томъ—отчего-де это не я..

Какъ и чѣмъ живутъ наши братья, богаты ли они или бѣдны, любятъ ли свою страну или нѣтъ, умны-ли, глупы-ли, враги они намъ, или друзья, и по поводу этихъ вопросовъ тѣ же огульныя противорѣчія, тотъ же апломбъ непроходимаго невѣжества?

Знаемъ-ли мы ихъ обычаи, страну?.. Въ этомъ случаѣ мы ориентированы нѣсколько больше, благо нѣмецъ Каницъ помогъ намъ, но и онъ не чуждъ также очень и очень крупныхъ ошибокъ. Въ то же время, къ нашему изумленію, со всѣхъ сторонъ доходятъ вѣсти, совершенно иначе рисующія намъ положеніе этой страны. Считали мы ее земледѣльческой и пастушеской—а вдругъ оказываются въ ней значительныя отрасли промышленности, которыхъ мы и не подозрѣвали. А тутъ еще начинается развиваться горнозаводское дѣло. Около Тырново и Плевно открыты богатая залежи каменной соли, о которой мы, простоявъ здѣсь годъ, ничего не слышали. Золото, серебро, мѣдь и каменная соль чуть не на поверхности земли оказались по Витежу около Софіи. А по Искеру—золотоносные пески и изобильныя,—и никому о нихъ невдомекъ. Болгары знали объ

этомъ и ранѣе, но лишняго не говорили, чтобы не дошло до свѣдѣнія турокъ. Пастухи промывали этотъ песокъ и копили его у себя, а теперь онъ и для насъ неожиданно выглянуть на свѣтъ Божій! Оказывается, что и намъ не совсѣмъ довѣряли братушки...

Съ другой стороны мы видѣли и удивительное для насъ развитіе общественной жизни. Еще подъ ферулою неопредѣленнаго положенія въ Восточной Румелии, какъ ее называемъ мы, или въ Южной Болгаріи, какъ ее именуютъ на мѣстѣ, развивались чуть-ли не въ каждомъ селѣ, а въ каждомъ городѣ—непремѣнно, гимнастическія общества, клубы, читалища, дружества... Члены этихъ обществъ учатся владѣть оружіемъ, маневрируютъ, дѣлаютъ примѣрные штурмы, роютъ траншеи, редуты, гимнастическія общества эти даютъ странѣ болѣе 30,000 славныхъ добровольцевъ, готовыхъ на все, умѣлыхъ солдатъ-гражданъ; что-же мы знаемъ объ этомъ?.. Ничего. Печать растеть не поднимъ, а по часамъ. Разумная на свободной почвѣ, она пока еще груба, не выработана но уже пробуетъ свои силы и по первымъ движеніямъ вы замѣчаете, что это не худосочный ребенокъ, съ первыхъ дней закутанный въ пеленки и покровительствуемый медициной, а здоровое горластое дитя, поднимающееся на радость матери... Печать эта груба—но мѣлка. Эта грубость отъ сердца... Это не трехэтажная брань извощика, который только и знаетъ одно право: ругаться сколько ему угодно съ себѣ подобнымъ,—нѣтъ это громкая пѣсня вольныхъ пловцовъ, которые пользуясь попутнымъ вѣтромъ поставили себѣ паруса и скользятъ по тихому синему морю при блескѣ восходящаго солнца, въ стрѣтеніе обѣтованнаго дня... Туманы ночи свернулись тучками, исчезающими на западѣ, — первые теплые лучи заставятъ ихъ совсѣмъ разбѣяться на этомъ безбрежномъ просторѣ... Впередъ же вольные пловцы... Безъ конца неси ихъ бѣлый парусъ — попутный вѣтеръ.

Русская администрація смѣняется тамъ космополитическимъ сбродомъ авантюристовъ, которые, чуя великую силу

пробуждающагося народа, пренятствуютъ его уже могучимъ инстинктамъ. Что же мы знаемъ объ этихъ Вогоридесахъ, Виталисахъ и другихъ? Да ничего — рѣшительно ничего, кромѣ того, что соблаговолили намъ сообщить въ своихъ скудныхъ письмахъ корреспонденты.

Въ Сѣверной Болгаріи пока еще неувѣренной народной силой замѣтно растутъ и растутъ дружины. Три раза уже происходилъ наборъ и два раза готовые и хорошо обученные солдаты, до поры до времени, ушли въ безсрочный отпускъ.

Молодое княжество уже можетъ такимъ образомъ выставить въ поле до 70,000 вооруженныхъ (къ сожалѣнію, ружьями Крнка) и хорошо обученныхъ солдатъ. Болѣе ста тысячъ ружей Пибоди, взятыхъ нами подъ Плевною, на Шибкѣ въ Софіи и другихъ мѣстахъ, остались въ народѣ. Это все сила и сила грозная. На столько грозная, что случись кое-какія столкновенія, молодое княжество — по счастью для насъ — обойдется пожалуй безъ русской крови, безъ русскихъ жертвъ *). Что же мы знаемъ объ этомъ? Да ничего, рѣшительно ничего.

Въ странѣ на первыхъ же порахъ гражданской жизни появились твердо опредѣлившіяся партіи. Что мы знаемъ о ихъ вожакахъ, объ этихъ новорожденныхъ министрахъ, призванныхъ играть такую роль въ молодомъ государствѣ?

Наша администрація всюду смѣнена болгарскою; губернаторы—болгары, начальники округовъ—болгары, чиновники—болгары. Кто это такіе? гдѣ ихъ характеристика? кто сообщилъ о нихъ болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія? Вы скажите: что намъ за дѣло до этихъ болгарскихъ дѣятелей? Да развѣ мы, чтобы создать ихъ, не истратили болѣе 300,000 жизней, не бросили миллиардовъ, не переживаемъ теперь народную нищету и финансовую неурядицу. Развѣ до сихъ поръ не ходять по

*) Довольно литься этой крови. Дитя скоро окрѣпнеть и выростеть, мы охраняли его младенчество — пусть же юношею оно обойдется безъ нашей помощи. Русская кровь—слишкомъ дорога для Россіи.

лицу земли русской сотни тысячъ вдовъ и сиротъ, кормильцы которыхъ легли тамъ, на кровавыхъ нивахъ этой, вдругъ ставшей намъ, не интересной страны?..

Вообще мы ко всему относимся столь же легкомысленно. Что мы знаемъ, напримѣръ, о Хивѣ? о среднеазіатскихъ владѣніяхъ намъ только и извѣстно, что тамъ ѣздятъ на верблюдахъ, ѣдятъ пилавъ, увлекаются бачами. На этомъ и оканчиваются все наши свѣдѣнія. Кстати, простите моей болтливости, одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, возвратясь съ засѣданія какой-то конференціи по среднеазіатскимъ дѣламъ, въ совершенномъ недоумѣніи обращается къ своему секретарю.

— Я ихъ не понимаю... О чемъ они толкуютъ: Оксусъ, да Оксусъ—какое Россіи дѣло до Оксуса. У насъ и рѣки такой нѣтъ!

Тотъ же дипломатъ, узнавъ о существованіи въ Россіи Оксуса и то къ крайнему своему удивленію,—впослѣдствіи совсѣмъ отрицалъ славянское дѣло, находя что принципъ освобожденія славянъ—есть принципъ революціонный, ибо онъ разрушаетъ монархію турецкихъ султановъ... Вы, русскій читатель, не интересующійся Болгаріей, право стоите—глубокомысленнаго дипломата, узнаваго о существованіи Оксуса изъ англійскихъ книжекъ...

— Правда, что Болгарія сохранила обычай сажать на коль въ особо важныхъ случаяхъ? Освѣдомлялся у меня одинъ изъ російскихъ юпитеровъ.

— Правда! Только на коль невѣжества и безсмыслія...

— Болгары, авторитетно повѣстествовалъ мнѣ другой, до сихъ поръ женъ, уличенныхъ въ невѣрности мужьямъ, зашиваютъ въ *козьи мышки* и бросаютъ въ Босфоръ.

— Какъ же они доберутся до Босфора.

— Да вѣдь Болгарія на Босфорѣ!

— Точно такъ, ваше—ство! поклонился я... Только позвольте присовокупить, что внутри страны, гдѣ Босфора нѣтъ, они этихъ легкомысленныхъ дамъ низвергаютъ въ пропасть со скалы... Тарпейской...

На Балканскомъ полуостровѣ готовится глухая пока борьба народностей за существованіе. Волны чуть поднимаются, кое гдѣ только змѣятся бѣлые гребни пѣны. Тучи охватили еще не все небо, косые лучи солнца сквозь него ложатся на эту колеблющуюся стихію. Но вдаль слышны громовые раскаты и первый шкваль уже обдалъ брызгами дрогнувшее судно. Еще немного, и кузовъ его затрепещетъ подъ могучими ударами, застонутъ мачты, заскрипятъ снасти. Еще немного—и гордые стихіи станутъ къ самымъ тучамъ забрасывать взмызы своей пѣны—море поборется съ небомъ; чья гроза грознѣе... А мы спимъ себѣ и не видимъ, и не слышимъ. Участвовать въ этой борьбѣ, съ пустыми карманами и тремястами тысячъ вычеркнутыхъ жизней, не дай Богъ, но и закрывать глаза не слѣдуетъ. Иначе, какъ евангельскія глупыя дѣвы, погасивъ свои свѣтильники, мы окажемся совсѣмъ неподготовленными къ пріему нежданнаго жениха, хотя въ данномъ случаѣ онъ и не въ нощи грядетъ.

Ни одно изъ созданныхъ нами княжествъ—ни Румынія, ни Сербія, не начинали, при столь благоприятныхъ условіяхъ, своей политической жизни. Они долго возились, испытывали на себѣ всевозможныя системы, прежде чѣмъ пришли къ послѣдней установившейся формѣ. Болгарія уже имѣетъ свои учрежденія. Она имѣетъ войско—у тѣхъ его не было. Она имѣетъ администрацію, о которой тѣ и не мечтали. У Болгаріи за прошлый годъ въ остаткѣ 14.000,000 франковъ золота—таковы податныя силы страны. Она отказала иностраннымъ желѣзнодорожнымъ представителямъ, этимъ хитроумнымъ Улиссамъ, съ чего-то возмнившимъ, что тутъ то для нихъ и приготовлено настоящее золотое руно. Кстати, пока по секрету, сюда уже толкались и соотечественники наши, россійскіе Струсберги, мечтавшіе о клочкѣ медвѣжьяго ушка. Болгары рѣшили обойтись своими силами.

— Мы бы охотно предоставили постройку дороги русскимъ, да къ намъ совались такіе господа, которымъ нужно только,

построивъ самый путь, въ качествѣ подрядчиковъ нажиться, а потомъ передать его въ другія руки...

— Какъ же вы сами сдѣлаете это?

— Очень просто, распустимъ двадцати-пяти-франковыя акціи желѣзно-дорожнаго займа—и добудемъ ровно столько, чтобы построить четыре тысячи верстъ рельсоваго пути.

— Когда болгарскій крестьянинъ увѣрится въ томъ, что у него никто денегъ не отниметъ—посмотрите, сколько капиталовъ явится въ странѣ, разумѣется, не въ единичныхъ рукахъ—а у многихъ...

Въ Тырновѣ на дняхъ открывается Государственный банкъ княжества Болгарскаго, причемъ на это есть уже миллионъ франковъ золотомъ—готоваго фонда. Въ странѣ столько капиталовъ, отчасти и посѣянныхъ нами, что приливъ ихъ въ это молодое учрежденіе ожидается весьма обильный.

Мои письма — дневникъ корреспондента, видѣвшаго эту страну не изъ окна вагона, а изколесившаго ее и верхомъ и пѣшкомъ. Я не держусь опредѣленной системы, не стану рисовать полной картины. Это дѣло—не по моимъ силамъ. Я просто, не мудрствуя лукаво, расскажу день за днемъ лѣтнюю поѣздку свою по молодому княжеству. Заключенія мои не будутъ поверхностны потому, что ранѣе этаго лѣта, я болѣе года пробылъ въ молодомъ княжествѣ. Найдутъ интереснымъ—прочтутъ, нѣтъ—книга останется на полкахъ у издателя... Въ «Годѣ Войны»—я сказалъ, насколько было возможно, правду о войнѣ, въ этотъ разъ скажу тоже о мирномъ режимѣ и о нашихъ доморощенныхъ Вашингтонахъ, устроившихъ въ княжествѣ гражданское благополучіе .. Разумѣется, многое изъ ихъ дѣяніи мнѣ осталось неизвѣстнымъ—но извѣстнаго не скрою. Бояться, я не боюсь никого, а на дѣло корреспондента смотрю такъ: чѣмъ больше у него враговъ, тѣмъ больше и друзей.

II.

ОДЕССА.

25 іюня.

Оставивъ знойный до одури, сплошь покрытый пылью и со-
всѣмъ ужь помертвѣвшій Севастополь, я думалъ на другой
день пересѣсть въ Одессѣ съ нашего парохода на такой же
русскаго общества пароходства и торговли, отправляющійся
въ Варну, но не тутъ то было. Оказалось, что человекъ пред-
полагаетъ, а Чихачевъ и К^о располагаютъ. Прямое сообщеніе
на повѣрку вышло хуже всякаго кривого. Когда пароходъ при-
сталъ къ Одесской пристани, намъ сообщили, что «Олеги» ушолъ
уже въ Варну.

— Да вѣдь онъ долженъ былъ ждуть...

— Чего?..

— Пассажировъ, грузовъ...

— Вотъ еще... У насъ не ждуть. И чего вы волнуетесь!..
Въ четвергъ отойдетъ тутъ же Императоръ Александръ II...
А пока поживите у насъ—городъ хорошій. Жидовъ много, а
послѣ возвращенія войскъ и дѣвиць легкаго чтенія развелось—
хоть прудъ пруди.

— Да вѣдь по росписанію...

— Вотъ чудако то, право. Какое тутъ росписаніе—развели
паръ и ушли...

Скрѣпя сердце, приходилось застрять здѣсь на два дня.

А между тѣмъ въ эти два дня—я пропушу и прибытіе мо-
лодаго болгарскаго князя въ Варну и вступленіе его въ Тыр-
ново, и смотръ болгарскимъ дружинамъ... Оно положимъ, что
всѣ эти официальные торжества описывать не мое дѣло, на
это нужны настроенныя на высокій ладъ лиры. Всѣ эти казо-
вые концы народныхъ восторговъ и ликованій съ факельцугами
и площадками, съ криками «да живее!» съ проливнымъ дождемъ
цвѣтовъ, съ адресами и депутаціями — устраиваются обык-

новенно заранѣе и умиляться ими совсѣмъ не слѣдъ... Этого рода росписанія, не чета—русскому пароходству и торговлѣ—выполняются всегда буквально. Еще бы! Проектировано учрежденіе ордена Болгарскаго льва—тутъ ли не послужить ходячимъ иконостасамъ... Помилуйте да они—лобъ разобьютъ себѣ, а дѣло сдѣлаютъ. И плошки загорятся во время, и флаги будутъ на своихъ мѣстахъ и «да живее» окажется достаточно, чтобъ оглушить самое лужное ухо... Вотъ смотрѣ болгарскихъ дружинъ пропустить, совсѣмъ жалко... Видѣлъ ихъ когда то въ огнѣ—хотѣлось бы посмотрѣть и теперь...

На палубѣ нашего парохода былъ одинъ молодой интеллигентный болгаринъ, только что пріѣхавшій изъ Софіи. Къ нему приступили по руссiйскому обыкновенію съ ножемъ къ горлу.

— Какъ народъ относится къ молодому князю?.. Любятъ его?

— Любить его пока еще не за что... Кто его знаетъ.

— Значитъ онъ не популяренъ?

— И не любить не за что... Поживемъ посмотримъ.

— Вы ему очень мало содержанія назначили... У насъ въ Одессѣ Бродскій и Рафаловичъ больше получаютъ.

— Понравится—прибавимъ... Будетъ дѣло дѣлать и мы не постоимъ, ну а тяжело намъ будетъ содержать князя попросимъ его уменьшить свои издержки... Мы хотѣли русскаго князя... Объ Александрѣ еще въ прошломъ году никто не думалъ. Правда онъ былъ при русской арміи, но дѣятельнаго участія въ нашемъ освобожденіи не принималъ... Мы даже не знаемъ въ какомъ бою онъ участвовалъ.

Оказалось, что въ нѣкоторыхъ округахъ Болгаріи молодаго князя и теперь уже называютъ ш в а б о м ъ, хоть при чемъ тутъ швабы никому не извѣстно. Болгары, какъ и русскіе, терпѣть не могутъ нѣмцевъ. Стоитъ принцу привести ихъ съ собою, чтобы разомъ стать не популярнымъ. Болгары скорѣе съ туркомъ поладятъ, чѣмъ съ нѣмцемъ. Народъ чутко отгадываетъ своихъ будущихъ враговъ.

— Турокъ челоуѣкъ мертвый—нѣмецъ еще захочетъ насъ... Говорили не разъ болгары.

— Нѣмецъ и буйвола съѣсть! Гласить мѣсткая пословица, имѣя въ виду буйволовъ не совсѣмъ обыкновенныхъ, а тѣхъ, на которыхъ мѣръ стоитъ. По повѣрью русскаго крестьянина мѣръ утверждёнъ на трехъ китахъ, а по болгарскому на рогахъ трехъ буйволовъ. Далѣе повѣрье говоритъ, что нѣмца и теперь ужь много и онъ поѣдомъ ѣсть остальные націи, а впоследствии его будетъ и того больше. Тогда то нѣмецъ сожретъ все, а сожравъ все—съѣсть и буйволовъ міродержцевъ.

Пока впрочемъ и буйволы цѣлы и по конституціи—нѣмцамъ къ должностямъ въ молодомъ княжествѣ доступу нѣтъ. Воображаю разочарованіе тѣхъ безчисленныхъ цивилизаторовъ, которые передъ отъѣздомъ принца Александра въ Болгарію, засыпали его просьбами объ опредѣленіи ихъ на мѣста сюда...

— Болгарія для болгаръ! Громко заявлялъ каждому Словейковъ въ Тырновскомъ Національномъ Собраніи—и это теперь повторить вамъ каждый болгаринъ хлѣбопашецъ.

— Намъ не нужно ни нѣмца, ни шваба, ни турка. Сами станемъ на ноги.

Кстати какой-то хитроумный Одиссей изъ вѣнскихъ швабовъ подалъ просьбу о томъ, что бы ему предоставили привилегію шить мундиры на всѣхъ чиновниковъ княжества Болгарскаго.

Это ему разрѣшили тотчасъ.

Швабъ возрадовался, но вскорѣ разочаровался.

Мундиры, оказалось, конституціей отмѣнены вовсе.

Одесса на этотъ разъ поразила меня своей мертвенностью ее видѣлъ въ прошломъ году, какая это разница! Тогда слышались горячіе споры, ожидали, какъ прямой результатъ войны, счастливыя переменны въ нашей внутренней жизни. Ради этихъ событій—забывали Берлинскій конгрессъ, упадокъ русскаго рубля и прочія невзгоды. Мѣстная пресса сильно поднимала тонъ. Одни ухаживали за выдающимися дѣятелями столичнаго либеральнаго лагеря, въ ихъ газетѣ появлялись честныя имена, къ которымъ съ уваженіемъ относилась мѣстная интеллигенція «Правда» стояла на ряду съ лучшими

петербургскими газетами, «Одесскій Вѣстникъ» преслѣдовалъ свои земскія задачи и служилъ интересамъ городского самоуправленія. Вездѣ чувствовалось что то новое, свѣжее. Точно добрая фея, пролетая надъ городомъ, брызнула на него нѣсколькими каплями живой воды... Даже валаамовы ослицы биржеваго ажютажа и тѣ заговорили въ возвышенномъ тонѣ. Дѣла оживились. Начали печататься книжки, высылка таковыхъ изъ столичныхъ магазиновъ превзошла по числу прошлые года. Подписка на газеты поднялась тоже. Готовились къ празднику.

Прошелъ только одинъ годъ и Одессы узнать нельзя.

Все будто поникло; всѣ точно чѣмъ то испуганы, если что и скажутъ, то съ оглядкой. Начнутъ и не кончатъ. Такъ и кажется, что за спиной у cadaго стоитъ нѣкій сердцевѣдъ и сторожить всякое слово... Зловѣщіе слухи носятся по городу и каждый новый день рождаетъ новые. Мѣстная печать поблекла. Но вы знаете, что и наша столичная, за исключеніемъ ликующихъ ословъ и остервенѣлыхъ барабанщиковъ застоя, поджала хвостъ и усердно лижетъ руки всѣмъ, кто теперь соблаговолитъ подать ей таковыя. Положеніе провинціальной—еще хуже. Тутъ уже совсѣмъ мать... «Утихли ручейки, замолкли лѣсъ и горы». Только нѣкоторые не растерялись и бодро стремятся въ ряды литературныхъ спасителей отечества. Намъ уже извѣстно, съ какимъ каторжнымъ восторгомъ эти недавніе либиралы печатаютъ авторовъ извѣстнаго сорта. Будочники и сыщики проникли въ печать. Имъ мѣстные издатели служатъ своими органами. Точно нашель человекъ свое евангеліе и радуется ему. Будто случайно наткнувшись на эту петлю, только и думаютъ какъ бы имъ поудобнѣе въ ней повѣситься. Тонъ остальныхъ изданій упалъ до точки замерзанія. Тоже что у насъ въ Москвѣ и Питерѣ. И разумѣется не писателей можно винить въ этомъ. Когда люди молчатъ — ослы орутъ во все горло... Ихъ по неволѣ слушаютъ — не заткнуть же уши!..

А между тѣмъ въ литературномъ движеніи нашей провин-

ціи, особенно опредѣлившемся за послѣднее время,—югъ едва ли не шель впереди. Тутъ явились талантливые фельетонисты, серьезные передовики, а подборъ корреспондентовъ изъ южныхъ губерній былъ здѣсь гораздо лучше того же у нашихъ столичныхъ газетъ... Какъ и въ Тифлисѣ печать здѣсь крѣпла не по днямъ, а по часамъ. Явилась возможность существованія трехъ большихъ газетъ «Одесскаго Вѣстника», «Правды» и «Новороссійскаго Телеграфа». Администрація редакцій сложилась также какъ въ «Голосѣ», «Новомъ Времени» и другихъ крупныхъ ежедневныхъ изданіяхъ. Явились даже свои телеграммы помимо международнаго агентства. Вообще мы уже слишкомъ величественно въ Петербургѣ относимся къ литературнымъ силамъ провинцій, забывая, что всѣ крупнѣйшія имена даны столичной журналистикѣ именно русской губерніей. И это вовсе не стремленіе къ центрамъ, какъ нѣкогда объяснялъ г. Мордовцевъ, и не жажда большой наживы. Не за рваными же рублями денежно-литературныхъ подрядчиковъ ѣдутъ изъ провинціи молодые начинающіе писатели, а за свободой высказываться, за возможностью дышать не спертымъ воздухомъ провинціальной чиновничьей кельи; поставьте въ тѣ же, что и у насъ условія ежедневную прессу губерній и къ вамъ пойдутъ не многіе. Примѣръ Тифлиса, обильный литературными талантами, когда тамъ былъ Клушинъ. Этотъ не давилъ печать, прекрасно понимая, что она—сила, сила добрая и честная, страшная только разврату, насилію и невѣжеству.

Новость дня вообще въ провинціи брошюры quasi-публицистическаго характера.

Вы разумѣется уже знаете ихъ. Когда тутъ уже я перечитывалъ эти чахлыя книжки, чахлыя, но дорого продающіяся, я былъ пораженъ сходствомъ ихъ авторовъ между собою, у меня даже на нѣсколько мгновеній мелькнула мысль, не одно ли и тоже это лицо, подъ различными псевдонимами. Не Брамбеусъ ли это изданный Сенковскимъ? Въ самомъ дѣлѣ, если это разные люди, то они совершенно

«два орѣшка—подъ одною скорлупой». Одни только превосходная степень другихъ. Всѣ впрочемъ въ одинаковой степени бездарны и грубы. Самые талантливые изъ нихъ — подходят къ типу горластыхъ извозчиковъ. Случалось ли вамъ слышать когда нибудь ругань расходившихся Ванекъ. Иногда вы просто столбенѣли въ такихъ случаяхъ отъ мѣткости, задорливости, оригинальности, неожиданности оборотовъ. Вотъ къ такимъ-то именно талантливымъ извозчикамъ и принадлежать лучшіе авторы брошюръ. Они защищаютъ нравственность, но въ засосъ изображая безнравственное, такъ что книги этихъ моралистовъ стали настольными у поклонниковъ маркиза де-Сада, Белло. Это успѣхъ публичнаго дома. Это спекуляція разврата. Тоже что продажа соблазнительныхъ картинокъ. Вы поразитесь, съ какимъ вкусомъ эти добродѣтельные люди и энергичные волонтеры полиціи нравовъ описываютъ различныя паденія прекрасныхъ россиянокъ, увлекаемыхъ на скользкій путь нелегальнаго амура разными Исавами. Самое изображеніе сихъ ужасныхъ Исавовъ является столь одностороннимъ, что такъ и кажется, будто авторы знакомились съ ними только въ полицейскихъ участкахъ да домахъ терпимости. Я говорю, что между этими: будочниками-беллетристами и будочниками-публицистами много сходства. Еще бы. Всѣ доносятъ: беллетристы живописуя и смакуя, а публицисты остервенѣло бѣснуясь, но какъ тѣ, такъ и другіе въ одинаковой степени нечистоплотно. Впрочемъ говорить положительно, что въ последнее время ихъ статьи приняты за указанія и потому возымѣли практической результатъ—и мы душевно радуемся этому. Публицисты впервые выступаютъ на такое поприще. Авось они исключительно займутся этою почтенною дѣятельностію и тѣмъ окончательно опредѣлятся, освободивъ отъ себя литературу. Они въ одинаковой степени обрушиваются на новую русскую женщину, видя въ ней: одни блудницу Вавилонскую, а другіе социальную бабу съ дубиной. И всѣ забываютъ—святыхъ труженицъ недавней войны, этихъ ангеловъ, вносившихъ миръ и утѣшеніе въ душевные госпитали послѣ войны.

Болгаріи и Румуніи. Всѣ забываютъ сестеръ милосердія, умиравшихъ тамъ—рядомъ съ солдатомъ, съ народомъ и за народъ! Какая подумаешь, короткая память!.. Стыдно за васъ, господа, дурное дѣло вы дѣлаете, рисуя русскую женщину столь смрадными красками. Мѣсто такимъ живописцамъ расписывать клоаки, а не рисовать якобы живые, а въ сущности созданные развратнымъ воображеніемъ типы.

Хотѣлось бы еще сказать многое, да слишкомъ уже противно!...

III.

ВАРНА.

Вотъ общество, которому, очевидно, не нужны пассажиры. Оно можетъ существовать безъ нихъ — и ясно показываетъ это. Я говорю все о томъ же — «русскомъ пароходствѣ и торговлѣ», отождествляемомъ съ именемъ г. Чихачева. Я уже вамъ рассказывалъ, что въ Севастополѣ намъ объявили:

— Вы должны попасть на пароходъ, управляющійся въ Турцію. Это—прямое сообщеніе.

И дѣйствительно попали.. черезъ три дня по приѣздѣ въ Одессу. Пароходъ, который долженъ былъ дожидаться нашего, принять пассажировъ, плывшихъ изъ Севастополя, — дождался; потомъ оказалось, что какъ только мы показались въ одесской гавани, онъ далъ третій свистокъ и торжественно отправился въ Варну.

Русское общество пароходства и торговли до конца осталось вѣрнымъ себѣ. Въ Одессѣ насъ посадили на пароходъ «Гунибъ». Что это за отвратительный уголь. Разумѣется — черкесскій аулъ того же имени въ своихъ дымныхъ сакляхъ представлялъ несравненно большія удобства. Каюта первого

класса на семь человекъ не давала и двухъ кубическихъ сажень воздуха, и притомъ какого... Грязь вездѣ неимовѣрная. Ютъ того же класса устроены столь умно, что на немъ нельзя и двухъ минутъ подышать воздухомъ, чтобы не выпачкаться въ сажѣ, которая свободно ложится сюда изъ парходной трубы. Тента—не полагается. Живетъ и такъ. Стоитъ ли заботиться о пассажирахъ, когда этихъ овецъ и безъ того можно стричь сколько душѣ угодно—сами шерсть подставляютъ. Ни до чего не дотронешься, — такъ все загажено. Валокъ этотъ парходъ до послѣдней возможности. Прислуги не дозовешься, потому что ея мало; столъ — сѣверный, несмотря на двадцатирублевою стоимость переѣзда отъ Одессы до Варны.

— Вы напрасно взяли билетъ въ первомъ классѣ, сообщили мнѣ.

— Почему это?

— Да потому, что второй у насъ гораздо удобнѣе, — и комфорту, и воздуху больше...

Парходъ «Александръ II» опять сломалъ себѣ винтъ, что случается каждый разъ, какъ только онъ выйдетъ въ море и «Гунибъ» замѣнилъ его. Для всѣхъ пассажировъ этотъ «Гунибъ» надолго останется самымъ неприятнымъ воспоминаніемъ. Мы едва допросились карболовой кислоты, чтобы уничтожить зловоніе въ каютѣ, гдѣ сверхъ того духота едва давала дышать. Каюта 1-го класса состоитъ изъ одной комнатки (общей—отдѣльныхъ нѣтъ)—въ ней дверь—за дверью, плохо затворяющеюся—ватерклозетъ. Одно это обстоятельство вызывало морскую болѣзнь у пассажировъ. Льду такъ и не нашли на парходѣ и въ концѣ концовъ рѣшили, по прибытіи въ Варну, сдѣлать подписку по 15 коп. съ пассажира и препроводить собранныя деньги бѣдному обществу парходства и торговли на улучшеніе каютъ 1-го класса. Къ сожалѣнію, и это намѣреніе пошло на устройство адской мостовой (добрыми намѣреніями адъ вымощень). Мой совѣтъ путешественникамъ—лучше подождать день, но ѣхать на французскихъ или ав-

стрийскихъ пароходахъ,—это и вдвое дешевле, и богъ знаетъ во сколько разъ удобнѣе.

На пароходѣ собралось очень небольшое общество. Жан-дармъ, котораго посылали организовать кавалерію болгарскую, хотя по роду своихъ обязанностей, онъ въ строевой службѣ ровно ничего не смыслилъ; мрачный генералъ изъ судейскихъ, обкуривавшій насъ отвратительнѣйшими сигарами и двое интендантовъ, съ нарочито длинными и ужасно гремѣвшими пашками, нагайками въ серебряной оправѣ, неизвѣстно для чего засунутыми за голенища сапоговъ. Необыкновенно воинственные наружности. Одинъ, впрочемъ, оказался подъ судомъ.

— Подъ судъ подлецы отдали. Что дѣлать.

— Скажите пожалуйста! соболѣзнуеть какой-то штатскій.

— А вы жалѣете? Я и не думаю нисколько. Богъ не выдать—свинья не съѣсть... Года два поводить на веревочкѣ— а потомъ и пустять на всѣ четыре стороны. Человѣкъ—шампанскаго! Да не по вчерашнему скотина. Одной бутылкой мерзавецъ подчуетъ. Подай три сразу... Намъ, батюшка, на все наплевать... Хоть еще десять комиссій устрой — дѣло чисто. Комаръ носу не подточить. Это вѣрно.

Низменные берега Добруджи, вдоль которыхъ мы шли, ничего не давали для взгляда: чуть-чуть замѣтенъ, сливающійся съ волнами, край земли, на которомъ изрѣдка примерещется чахлый лѣсокъ или садикъ приморскаго села,—примерещится на минуту и опять отойдетъ назадъ, смѣняясь безлюдьемъ лихорадочной пустыни. Такимъ образомъ мы прошли мимо Кюстенджи, Мангаліи и только немножко не доходя до мыса Телигра-Бурунъ, замѣтили первыя высоты берега. Отвѣсною стѣной идетъ онъ здѣсь, такъ что самый конецъ мыса, на свѣту, подымается словно старая башня, омываемая внизу вспѣнными волнами Чернаго моря. На немъ, на самомъ носу, живописныя развалины старинной крѣпости и красивый бѣлый маякъ... Отсюда берегъ направляется на юго-западъ, къ Варнѣ... Внутри страны, какъ разъ противу этого пункта, нѣсколько сель некрасовцевъ, затерявшихся среди мусульманскаго населе-

нія. Одинъ изъ нихъ былъ у насъ на пароходѣ и не стѣсняясь высказывался, что имъ при турецкомъ султанѣ было куда лучше и что теперь такихъ правъ имъ не дадутъ. Турки ихъ не только не обижали, но, напротивъ, чтили. Напримѣръ, подъ Силистріей (всѣ укрѣпленія ея возведены некрасовцами) есть ихъ кладбища, которыя охраняются турками съ величайшимъ уваженіемъ. Жилища, могилы, поля и рыбный ловъ некрасовцевъ были неприкосновенны. Некрасовцы управлялись сами собою и знать никого не хотѣли.

— Мы и каймакомовъ никакихъ не знали... Ихъ чиновники въ наши дѣла не мѣшались... Жили мы на своей волѣ, какъ хотѣли...

— Ну, а въ Россію назадъ не тянуло?

— Нѣтъ, что же въ Россіи?... Въ Россіи намъ не льготно... Слободы простому человѣку не было. Одни исправники да становые чего стоятъ. Тутъ одинъ каймакамъ, да и его не видишь. А у васъ чего-чего не понасажено. У насъ здѣсь хорошо было, легко. Тутъ и липованы есть, — тоже не нахвалятся.

Затѣмъ некрасовецъ пояснилъ, что, по его крайнему убѣжденію, въ Россіи ихъ не любятъ. Безъ взятки и въ святомъ дѣлѣ — поди какъ и прежде не обойдешься. Въ судъ идешь — деньги тащи.

— Теперь новые суды — не берутъ.

— Не можно это.

— То есть какъ же?

— Не можно, чтобъ судья да безъ пешкеша (подарка), помилуйте, мы тоже понимаемъ. Слышали. Изъ Россіи къ намъ тоже бѣгутъ, рассказываютъ. Не можно это! Тонемъ глубокаго убѣжденія повторялъ некрасовецъ, не вѣря нашимъ убѣжденіямъ

— Вотъ послѣ Крымской кампаніи переселились въ Россію и наши, и болгары. Болгарамъ отвели мѣста чудесныя — богатство. Дали по сто пятидесяти рублей на брата, а насъ въ Перекопъ загнали — песокъ одинъ, ничего ты съ нимъ не подѣлаешь. Нѣтъ, зачѣмъ же... Коли румыны насъ будутъ обижать,

мы опять уйдемъ къ турецкому султану. Простому человѣку у турокъ куда лучше.

Податей съ некрасовцевъ здѣсь почти не брали, земли имъ отданы были хорошия.

— А что на войну насъ звали, когда турецкій султанъ ополчался на кого, такъ мы—прирожденные казаки и отъ войны не прочь—это наше дѣло...

Службу турецкому султану они несли вѣрно и даже противу насъ дрались въ отрядахъ Сулеймана... Кадры черногорскихъ войскъ были изъ некрасовцевъ.

Отсюда — этотъ русскій языкъ, постоянно слышавшійся въ рядахъ у турокъ въ прошлую войну, причемъ нѣкоторые легкомысленные алармисты, разумѣется, валили все это на поляковъ. Извѣстно впрочемъ что передъ войной значительная часть некрасовцевъ хотѣла передаться къ намъ, думая-ли, что Турціи не выдержать, или старая любовь къ Россіи сказалась — Богъ знаетъ. Депутаты некрасовскіе поставили только одно условіе: освободить какого-то старца, заточеннаго не то въ Кіевѣ, не то въ Соловкахъ, не то въ Суздальѣ. Просьбу ихъ сочли дерзостью.

— Сволочь осмѣливается предлагать условія!

Благодаря этому мы лишились прекрасныхъ развѣдчиковъ нѣсколько тысячъ хорошихъ солдатъ—въ свою очередь турки приобрѣли то и другое...

Горы все высились и высились. Сады по нимъ сползали къ самому морю.

Въ зелени персиковыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ мелькали бесѣдки и деревенскія фермы, словно крѣпости, обнесенныя стѣнами....

Вотъ первыя горы Варны....

Самъ городъ прячется за мысами рейда. Заливъ чуть-чуть еще намѣчивается, словно серебряная щель.... Въ золотистой пыли солнечнаго блеска стоятъ черные пароходы и суда...

На первыхъ же высотахъ хмуруются грозныя профили укрѣпленій.... На горахъ втораго кряжа, параллельнаго берегу,

тоже насыпаны брустверы редутовъ.... Вотъ у самаго берега большой фортъ Раката-Табія, дѣлавшій недоступнымъ для военныхъ судовъ входъ въ заливъ Варны; вотъ командующій всею окрестностію Азіезе-Табія....

Современная крѣпость, съ ея земляными валами, почти сливается со всею остальною окрестностію, и нужно подойти ближе, чтобы различить ея зловѣщія профили.... Тутъ нѣтъ ни суровыхъ башенъ, ни величавыхъ стѣнъ, ни подъемныхъ мостовъ... Ничего не кидается въ глаза,—точно звѣрь, прижавшій къ землѣ, чтобы вѣрнѣе броситься и растерзать васъ...

Нѣсколько каменныхъ домовъ монастыря, обратившагося теперь для жителей города въ увеселительное мѣсто загородныхъ прогулокъ, словно выбѣгаютъ къ вамъ на встрѣчу и—вдругъ, съ новымъ поворотомъ парохода, городъ весь выдвигается надъ моремъ съ древними стѣнами упраздненной крѣпости, огрызки которой поднимаются изъ бѣлой пѣны волнъ, сегодня особенно злобно накидывающихся на тихіе берега.

Мѣсиво каменныхъ домовъ надъ моремъ, цѣлое море черепичныхъ кровель. Нѣсколько мечетей некрасивыхъ, убогихъ, двѣ три церкви.... Все это сѣро, однообразно.... Даже солнце не придаетъ яркаго колорита этому унылому городу.

Единственный портъ княжества Болгарскаго—пустынь и безжизнень. Два парохода, нѣсколько каиковъ да промысловое судно ловцовъ дельфиновъ вотъ и все... Какъ смѣшны казались здѣсь всѣ эти высокопарныя фразы о рейдѣ Варны, съ сотнями судовъ, о нарождающейся торговлѣ, пульсъ которой бьется тутъ. Если и бьется то незримо, неслышимо.... Впрочемъ, виновать. На берегу дѣйствительно какой то обожженный на солнцѣ, черный какъ головѣшка, мальчуганъ продавалъ булки, а на одномъ изъ каиковъ было нѣсколько дынь.... Ничего живописнаго,—со всѣмъ не похоже на другіе города Востока....

На пристани—арка. Надъ аркой болгарскій гербъ и надпись: «Да живѣе, Българія слободна»... Полицейскій—въ уланской формѣ... Оказывается, что и губернаторовъ здѣсь

уже успѣли одѣтъ въ ту же уланскую форму... Даже муниципалитетъ—«градскій-те совѣтъ» облекся въ гусарскіе мундиры, Разница одна—администрація щеголяетъ золотымъ шитьемъ. городское же представительство серебрянымъ. Новоявленные полицейскіе уланы носятъ свой мундиръ довольно ловко и не безъ удали покручиваютъ щетинистые усы, торчащіе на ихъ черномазыхъ рожахъ. На первый взглядъ всѣ эти воинственные сбиры такъ и кажутся выхваченными изъ оперетки Оффенбаха; потомъ, какъ это увидятъ читатели, оффенбаховщина окажется и не въ однихъ мундирахъ нашихъ братушекъ *).

На пристани пришлось ждать извозчиковъ. До города нѣсколько шаговъ, а съ насъ содрали чуть не по серебряному рублю за переѣздъ... Опять на первыхъ порахъ наталкиваешься на ту же систему повального грабежа, которая широко практиковалась во всю прошлую войну, да вѣрно практикуется и теперь.

Аробаджи-турокъ неистово сталъ бить чахлыхъ голодныхъ коней, которые вытягивались, напрягали послѣднія усилія чтобы вывезти колесницу, вѣроятно извлеченную какимъ либо неистовымъ археологомъ изъ нѣдръ Чернаго или Краснаго моря, По крайней мѣрѣ по наружному виду она несомнѣнно принадлежала къ числу тѣхъ, на коихъ Фараонъ со всѣмъ своимъ воинствомъ египетскимъ кинулся за Моисеемъ и его евреями....

Узкія, необыкновенно узкія улицы, сверху до низу переполненныя вывѣсками—однообразно черными съ бѣлыми надписями по гречески и по болгарски. Въ каждомъ домѣ, въ каждой лачугѣ—по нѣскольку лавокъ... Рестораны—на всякомъ шагу. На одной изъ площадей—столбъ, на столбѣ—доска, на доскѣ изображенъ бюллетень петербургской биржи.

*) Наши войска еще стояли потому и мундиры братушки носили. Съ нашимъ уходомъ и мундиры сняли. Болгарская конституція совѣмъ упраздняетъ мундиры гражданскимъ чиновникамъ.

Надъ небольшимъ каменнымъ домомъ громадный турецкій флагъ.

— Что это.

— Банкъ оттоманскій. Отвѣчаютъ мнѣ.

— Какъ онъ уцѣлѣлъ.

— Онъ и совсѣмъ остается здѣсь...

— Да вѣдь въ Тырновѣ основывается болгарскій банкъ.

— А вы вѣрите во что нибудь болгарское? Обратился ко мнѣ мой случайный спутникъ.

— Разумѣется, вѣрю.

— А я нѣтъ.

— Да вѣдь вы болгаринъ.

— Никогда имъ не былъ! Обидѣлся тотъ. Я не болгарскій песь, а эминъ и торгую искусствами и художествами!

— Какими это?

— Разными.

По тщательному разспросу оказалось, что этотъ греческій артистъ содержитъ... Кофе-шантанъ!

Извозчикъ говорить по русски необыкновенно, но говорить. Чего не можетъ высказать словами, выразить движеніями, для этого останавливаетъ лошадей и начинаетъ жестикулировать посреди улицы, при чемъ за нимъ останавливается цѣлая вереница экипажей: объѣхать нельзя, ибо улица слишкомъ узка.—Навстрѣчу въ это время другой экипажъ. Моментъ недоумѣнія и затѣмъ громкая, во всю, ругань, при чемъ изъ сосѣдней лавки выбѣгаютъ «купцы», и начинается томаша.

По словамъ аробаджи (извозчика), оказывается, что въ этомъ мѣсивѣ лачугъ и скверныхъ домовъ, каждое окно которыхъ задѣлано желѣзными рѣшетками, существуютъ первоклассныя гостинницы.

— Неужели первоклассныя?

— Да,—преміеръ калита.... іестъ второй калита,—тамъ урусъ нѣтъ... Тамъ болгаръ, грекъ. Страннопріемницы... А преміеръ калита—московъ стоитъ.

— Какіе же это преміеры калита?

— Отель Имперіаль, отель де-лагранда Руси, отель Санъ-Петербурзь.

На улицахъ—красныя фески, черномазые греки, болгары, уже замѣнившіе феску фуражками, и изрѣдка русскіе офицеры; кое-гдѣ мелькають солдатики въ рубахахъ. Во всемъ остальномъ—та же самая обстановка восточнаго города, что и въ другихъ мѣстахъ Турціи, видѣнныхъ мною и вовсе не напоминающихъ сказочныхъ декорацій тысячи и одной ночи. Голые пекари тутъ же, въ открытыхъ на улицу пекарняхъ, ставятъ хлѣбы въ печи; странствующие повара на жаровняхъ пекутъ куски баранины, обдавая васъ невозможнымъ, удушливымъ чадомъ. Сотни разнощиковъ — мальчишекъ оглушаютъ васъ своими криками на перекресткахъ. Греческіе «пазаванги» то и дѣло останавливаютъ фараонову колесницу.

— Чего вамъ.

— Васе сіятельство.... Есть хоросія дамы....

Вы начинаете наконецъ завидовать интендантской нагайкѣ, съ которой не мѣшало бы познакомиться этихъ господъ, занимающихся искусствами и художествами.

У кофеенъ, за столиками, сидятъ блаженствующие рантьеры и молча пьютъ свой неизбѣжный кофе «а-ла-турка». Въ одной изъ самыхъ жалкихъ лачугъ, у еще болѣе жалкаго и чахлаго садика, какая то нестрая, избитая дама. Синяки спорятъ съ румянами. Глаза подкрашены, брови намазаны, волосы разныхъ цвѣтовъ,—видимо изъ нѣсколькихъ шиньоновъ созданъ одинъ. На стѣнѣ надпись: «вельколэпны кофе шантанъ». Избитая и нарумяненная дама оказалась премьершей этого великолѣпія. На доскѣ у дверей было изображено мѣломъ, что именно сегодня гг. Аргиропуло и другіе, г-жи Антуанеттъ и какая то Хичка-дѣвица (неизвѣстно для чего пояснено сіе)—дадутъ блистательное, необыкновенное и единственное въ своемъ родѣ представленіе, при чемъ извѣстный всему міру маэстро и профессоръ пѣнія Аргиропуло будетъ не только пѣсти пѣть, но и шпаги глотать, а г-жа Антуанета

покажетъ въ честь русскихъ войскъ свой знаменитый фокусъ съ канарейкой. Въ концѣ концовъ все эти великолѣпные артисты «по требованію публики» будутъ танцовать канканъ и турецкую пляску... Въ окно лачуги виднѣлся билліардъ, на которомъ въ потѣ лица своего, снявъ кителя, работали офицеры.... Подъ тресканье шаровъ слышалась какая-то шансонетка, напѣваемая хриплымъ, пьянымъ голосомъ. Оказывается—тамъ же, у билліарда, сидитъ вторая изъ великолѣпныхъ дѣвицъ, еще болѣе нарумяненная и избитая, m-lle Хичка-дѣвица, которая услаждаетъ игру офицеровъ музыкою и дѣніемъ.....

Отель «де премьеръ калита» оказался чѣмъ-то въ родѣ «великолѣпнаго» кафе шантанъ. Вездѣ прислуга—далматинцы, говорящіе на всѣхъ языкахъ одинаково скверно. Я приютился въ отелѣ «де-ла-гранъ Руси», гдѣ съ меня за жалкій и грязный уголь (все-таки казавшійся дворцомъ сравнительно съ пароходомъ «Гунибъ») содрали по два рубля въ сутки....

— Отчего же такъ дорого?

— У русскихъ денегъ много.... Они—принцы! улыбнулась хозяйка.

— Нельзя ли уступить?

— Фи, русскіе никогда не торгуются! вступилась она за честь Россіи. Развѣ вы—турокъ?...

IV.

НАШИ И МУСУЛЬМАНЕ.

Первый мой визитъ былъ старому знакомому—русскому губернатору Варны Баумгартену, уже сдавшему свою должность болгарину Цанкову, тому самому, который участвовалъ въ депутаціи болгаръ къ европейскимъ кабинетамъ. Съ Баумгартеномъ во время войны мы два раза проходили Балканы и участвовали въ эпической битвѣ 28 декабря. У него я за-

сталъ героя аблавскаго дѣла, генерала Тимоѳеева, стараго и опытнаго, который, прїѣхавъ въ Болгарію первымъ, уѣзжалъ отсюда 3-го іюля послѣднимъ. Тимоѳеевъ подѣ Аблавой, во время отступленія нашихъ войскъ, самъ бросился въ цѣпь и удерживалъ, какъ простой солдатъ, атаку врага.... Потомъ все это было приписано другимъ, но подвиги истинныхъ героевъ существуютъ не для наградныхъ листовъ и реляцій... Реляціи послѣ боя пишутъ на-досугѣ и служатъ такъ-сказать доказательствомъ литературныхъ талантовъ ихъ автора, ничего общаго не имѣющаго съ дѣятелями боеваго поля.

Кстати, одинъ эпизодъ. Было это въ октябрѣ 1877 г. Тотчасъ же послѣ боя—молодой офицеръ генеральнаго штаба читаетъ мнѣ реляцію.

— Помилуйте—да вѣдь ничего подобнаго и не было.

— Ну вотъ.

— Да я самъ былъ свидѣтелемъ битвы съ начала до конца.

— А вѣдь хорошо написано, литературно?... Въ Россіи будутъ читать—въ какой восторгъ придутъ. У насъ батюшка кавалерійскій генераль Д—нъ такъ еще лучше. Тотъ садится и цѣлый романъ вмѣсто реляціи валяетъ. Ну и ему хорошо—и подчиненнымъ не вредно... Одно только не благородно. Все что другіе дѣлаютъ онъ скромно себѣ припишетъ.

— Послушайте не ужели эта реляція пойдетъ.

— А то нѣтъ. Вотъ увидите.

Прїѣзжаю въ главную квартиру черезъ нѣсколько дней.

Полковникъ Л., захлебываясь отъ восторга, читаетъ мнѣ отрывокъ изъ реляціи.

— Вотъ вамъ образецъ военнаго краснорѣчія!...

— Только не правды, полковникъ.

— Ну кто о правдѣ заботится—все врутъ.... За то какъ талантливо....

Г. Тимоѳеевъ—не былъ изъ такого сорта литераторовъ. Это правдивый и честный солдатъ, одинаковый и въ мирное и въ боевое время. Къ рекламѣ онъ прибѣгать не станетъ и небы-

валаго боя не выдумаетъ—довольно и тѣхъ, въ которыхъ онъ лично участвовалъ....

Варненская губернія принята въ русское управленіе отъ турокъ 28 октября. Въ первыхъ числахъ декабря отсюда выступили послѣднія турецкія войска. Въ теченіе семи мѣсяцевъ нужно было ухитриться ввести здѣсь всѣ новыя учрежденія, которыя въ другихъ мѣстностяхъ княжества болгарскаго были введены уже два года; вмѣсто старыхъ—найти новыхъ чиновниковъ, которые бы замѣнили враждебныхъ намъ турокъ и грековъ.

Работа ть русскимъ приходилось, преодолевая постоянное и упорное сопротивленіе грековъ и гагаузовъ, тоже примкнувшихъ къ грекамъ. Болгарское населеніе здѣсь составляетъ только $\frac{1}{3}$, а остальные $\frac{2}{3}$ —греки, гагаузы и мусульмане. Эти не хотѣли знать никакого княжества болгарскаго, никакихъ новыхъ властей. На болгаръ они смотрѣли до сихъ поръ какъ на рабовъ, презирали ихъ за безсиліе, и вдругъ рабы становятся господами, являются чиновниками, вводятъ, подъ главенствомъ двухъ или трехъ русскихъ, чуждые большинству населенія порядки, открываютъ неизвѣстныя дотолѣ учрежденія, муниципалитетъ, суды, и открываютъ—встрѣчая постоянное глухое сопротивленіе жителей Варны. Насколько всѣ эти учрежденія соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ страны, будетъ видно изъ другихъ моихъ писемъ; но тѣмъ не менѣе Баумгартенъ, которому привелось работать на этомъ поприщѣ, только своей энергіи обязанъ тому, что не бросилъ всего и не опустилъ рукъ. И дѣйствительно, нѣсколько дней тому назадъ, онъ сдалъ губернію Цанкову, со всѣми учрежденіями, которыя введены окончательно.

Населеніе не довольно, особенно, рекрутскимъ наборомъ. Противодѣйствія во время послѣдняго дошли до апогея. Было даже что-то въ родѣ бунта. При туркахъ воинской повинности здѣсь не существовало, а при новомъ управленіи сразу же пришлось выставять новобранцевъ. Исполняя предписаніе центральнаго управленія, Баумгартенъ долженъ былъ, въ виду

противодѣйствія мѣстнаго греческаго населенія, распредѣлить военный постой по домамъ семействъ, отказавшихся дать солдатъ. Греческая газета «Оракія», издающаяся въ Константинополѣ, назвала за это русскаго губернатора Нерономъ, но въ концѣ концовъ все уладилось какъ нельзя лучше. Молодые люди явились, облеклись въ военныя уланки и теперь щеголяютъ пестрымъ шитьемъ и содержатъ здѣсь внутренній карауль— какъ нельзя лучше.

— Ничего, мы подождемъ, пока русскіе уйдутъ.

— А когда мы уйдемъ отсюда!

— Тогда и мы снимемъ форму. Въ лавкахъ сидѣть лучше. Пускай болгары служатъ. Ихъ княжество—они и служи.

— Ну а въ случаѣ войны съ турками?

— Мы умываемъ руки...

— Такъ турки заберутъ васъ.

— Тѣмъ лучше. Скорѣе страна достанется Греціи. Это все должно принадлежать ей. И море наше, и земля наша... Болгары подчиненная раса... Эти обезьяны не могутъ быть господами...

Изо всѣхъ учрежденій, введенныхъ здѣсь русскими, прежде всего организованы таможни. Въ Варнѣ еще они устроены какъ слѣдуетъ. Но на румынской и румелійской границахъ не открыты, потому что наши коммисіи, опредѣляющія эти границы, до сихъ поръ, въ теченіе болѣе года, почти ничего не сдѣлали. Когда уйдутъ русскія войска, дѣло замедлится еще больше. Оно и понятно. Румыны были далеко не уступчивы въ виду русскихъ дивизій, расположенныхъ вдоль границъ; но разъ эти дивизіи стали уходить—и требованія добрыхъ сосѣдей начали расти сообразно квадратамъ разстояній, отдѣляющихъ Румынію отъ нашихъ солдатъ. Вотъ на примѣръ дѣло съ знаменитою Арабъ-Табіей *)—фортомъ Силистріи, на который заявили при-

*) Исторія занятія этого форта румынами—извѣстна, но эпизодъ перехода укрѣпленія въ наши руки мало кому вѣдомъ. Тотлебенъ распорядился придвинуть къ Арабъ-Табіи гдѣ засѣли румыны около двухъ дивизій. Въ

тензію и разъ даже заняли его румыны. Мы нѣсколько мѣсяцевъ по этому поводу не дѣлали здѣсь ничего; а когда ушли русскіе и румыны стали нахальны и требовательны—получень былъ совѣтъ отъ нашего министерства изъ С.-Петербурга, которымъ княжескому болгарскому правительству поставляется на видъ необходимость—какъ можно скорѣе покончить съ этимъ вопросомъ.

Спрашивается, что же мы то дѣлали и что можетъ сдѣлать княжеское правительство, у котораго въ окрестностяхъ Силистріи не наберется и пяти дружинъ?..

Я говорилъ выше о таможняхъ. Вообще Болгарія будетъ странюю излюбленною для контрабандистовъ. Обиліе выючныхъ тропинокъ, оригинальнаго свойства пограничныя линіи, гдѣ въ горныхъ трущобахъ есть множество путей, недоступныхъ контролю,—помимо всякихъ таможенъ создадутъ здѣсь свободную торговлю.

Болгары жалуется на то, что съ таможенными доходами за прошлый годъ совершились какія-то чудеса,—они пропали невѣдомо куда. Ихъ должно быть очень много, а на-лицо—почти пустая касса.

Справедливы или нѣтъ подобныя жалобы—я слышалъ ихъ не разъ въ той или другой формѣ. Наши второстепенные чинов-

боевомъ порядкѣ кругомъ расположились войска. Рѣшено было выбить добрыхъ друзей нашихъ изъ за земляныхъ валовъ форта огнемъ и штыками. Утромъ двинулись, разсыпали цѣпи—все какъ и слѣдуетъ. Вдругъ изъ за валовъ слышится „урра!“ что такое? Подбѣжали,—оказывается, что Арабъ-Табія занята десятками двумя русскихъ солдатъ. Разгадка не заставила себя долго ждать—за ночь румыны ушли, а утромъ чуть ли даже не обозные солдатикъ поднялись и отправились—занимать фортъ. Говорятъ, что солдатиковъ рѣшили было *послать*, но ближайшее начальство положило резолюцію: «побѣдителей не судятъ».

— Экіе подлецы румыны! вскричалъ было храбрый ***.

— А что?

— Да какъ же ушли.. Безъ выстрѣла.. Мнѣ за эту компанію неудалось ничего получить—поздно пріѣхаль. Теперь бы все таки хотя чтонибудь да перепало.. Какую бы реляцію я написалъ!..

ники были не совсѣмъ чисты на руку—это положительно. Главное дѣло—по таможи никакой контроль теперь невозможенъ. Счеты сданы въ такомъ видѣ, что даже и по важнымъ рубрикамъ ничего не поймешь. Вели дѣло—какъ Богъ на душу положить, все равно «не кому-де распутывать». Братушки, принявшіе таможду, смотрятъ какъ то оторопѣло.

— Гдѣ деньги? спрашиваютъ ихъ.

— Нѣтъ денегъ... незнаемъ куда дѣвались. Мы приняли пустую кассу.

— Кто же ихъ забралъ.

— Русскіе!.. Съ собой увезли вѣрно.

Вообще, съ перваго разу приходится встрѣчать—самую хаотическую безконтрольность. Служили все полубоги, которыхъ никто не смѣлъ учитывать.

Варненская губернія сначала состояла изъ городовъ Варны и Мангаліи съ ихъ округами; потомъ Мангалія отошла къ румынамъ, а къ Варнѣ присоединены Шумла и Силистрія. На первыхъ же порахъ можно было здѣсь ожидать броженія между мусульманами, потому что почувявшіе свою силу болгары стали-таки на первыхъ порахъ очень тѣснить ихъ *); сверхъ того, по дорогамъ и въ лѣсахъ начало развиваться разбойничество, какъ и вездѣ, въ смутное, переходное время. Поэтому пришлось вооружить населеніе, но для всѣхъ не хватало ружей и потому устроили сельскіе вооруженные караулы, которые въ одной Варненской губерніи составляли силу въ 2,400 ружей Кринка; разумѣется, это очень слабая гарантія, потому что сюда вернулось болѣе 7,200 отпускныхъ редифовъ съ полнымъ вооруженіемъ. Всѣ они поселились среди мусульманъ Шумлинскаго округа, въ Дели-Орманскомъ лѣсу, Гирловскомъ султанствѣ (нѣкогда государство въ государствѣ съ своимъ султаномъ и имамомъ). Сейчасъ-же, разумѣется, начались

*) Потомъ все это улеглось. Болгары поняли, что съ огнемъ шутить нечего и поджали хвосты. Чернь еще иногда сталкивается съ мусульманами—все же, что повыше, пограмотнѣе, тщательно избѣгаетъ ссоръ.

столкновенія съ болгарами, при чемъ изрѣдка виновными оказывались и болгары, оскорблявшіе мусульманъ, тѣснившіе ихъ. Это случаи исключительные, тѣмъ не менѣе о нихъ нужно рассказать здѣсь. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, выведенное изъ себя, турецкое населеніе прогоняло болгаръ, и болгары начинали вопить о бунтѣ. Такимъ образомъ явилась зловѣщая вѣсть о возстаніи въ Дели-Орманскомъ лѣсу. Двинули туда бригаду, и представьте себѣ удивленіе ея командира, генерала Соловьева, когда его повсюду мусульмане стали встрѣчать привѣтствіями, депутаціями. Солдаты принимали въ высшей степени радушно, угощали ихъ; оказалось, что пока по всѣмъ дорогамъ этого захолустья мирно ѣздить въ-одиночку безъ конвоя. По словамъ Тимоѣева, Соловьева, Баумгартена мусульманское населеніе (можетъ быть пока русскіе здѣсь), ведетъ себя превосходно. Никто такъ быстро не исполняетъ нашихъ требованій, никто не отличается такою исправностью во взносѣ податей, въ исполненіи повинностей, какъ мусульмане. Русскіе здѣсь убѣждены, что если будетъ возстаніе, то въ этомъ окажутся виноваты братушки. Самое исправное и исполнительное—полунезависимое султанство гирловское, чрезвычайно оригинальный уголокъ, о которомъ я расскажу впоследствии. Какъ это ни странно, но мусульмане до послѣдняго времени рассчитывали на то, что Болгарія останется за русскими. Они были очень рады этому. Даже и коранъ ничего не имѣетъ противу владычества побѣдителей.

— Во всякомъ случаѣ между болгарами, греками и русскими не можетъ быть и выбора — говорилъ мнѣ въ Варнѣ мулла мѣстной мечети. Мы предпочитаемъ русскихъ. Они хотя и любятъ деньги, но справедливы. Насъ не давали въ обиду болгарамъ. Лавки, въ которыхъ торговали наши купцы, и до сихъ поръ за ними, дома и земли остались въ ихъ собственности... Правда, русскіе каймакамы любятъ драться... Даже меня, не смотря на то что я мулла, священникъ — капитанъ разъ побилъ нагайкой... И молодой капитанъ былъ!.. Но я на немъ зла не имѣю...

Во время встрѣчи принца Баттенбергскаго мусульмане держали себя болѣе чѣмъ сдержанно. Они ни какъ не ожидали нѣмецкаго принца.

— Зачѣмъ дали намъ нѣмца? повторяють они... Вѣдь нѣмцы не воевали съ султаномъ, вѣдь нѣмцы не побѣдили насъ. Аллахъ отдалъ насъ въ руки русскимъ—и русскіе должны были править нами...

На сколько пока смирно мусульманское населеніе, видно изъ слѣдующаго факта, рассказаннаго мнѣ генераломъ Соловьевымъ. Во время пребыванія его въ «охваченной, по словамъ болгаръ, возмущеніемъ» мѣстности Дели-Орманскаго лѣса въ одну изъ «бунтующихъ» мусульманскихъ деревень явилось два болгарина изъ конной стражи, (по цѣли учрежденія нѣчто въ родѣ нашихъ полицейскихъ урядниковъ). Пользуясь близостью русскаго отряда, эти усмирители сдѣлали... чтобы вы думали? передрали розгами все мужское населеніе деревни,—такъ себѣ, ни за что, ни про что... Мусульмане мятежники съ покорностью вынесли это наказаніе. Объ этомъ случайно только узналъ генераль Соловьевъ. Онъ тотчасъ же приказалъ привести къ себѣ двухъ конныхъ стражниковъ и заставилъ ихъ самихъ вкусить отъ прелестей исполненной ими экзекуціи...

Такимъ образомъ порокъ былъ наказанъ и добродѣтель восторжествовала.

Въ другой деревнѣ случился тоже исключительный эпизодъ. Явились стражари, потребовали ихтіаровъ (стариковъ). Ихтіары собрались, поднесли болгарамъ угощеніе. Тѣ вызвали нѣсколькихъ непріятныхъ имъ прежде турокъ, выдрали ихъ передъ ихтіарами. Затѣмъ собрали по лирѣ съ каждаго богатаго и по пяти франковъ съ бѣднаго дома, потребовали сироту—турчанку, росшую въ деревнѣ и увезли съ собой и деньги, и девушку. Потомъ уже оказалось, что деньги они спрятали, а девушку обратили въ православіе. Новообращенная, во время проѣзда русскаго офицера черезъ болгарскую деревню бросилась къ нему съ заявленіемъ, что она окрещена насильно и вовсе

не желаетъ быть христіанкой. Храбрый офицеръ обѣщаль ей покровительство; взялъ ее съ собою въ Русуку, тамъ воспользовался беззащитнымъ молодымъ созданиемъ и, напакостивъ такимъ образомъ, бросилъ ее на произволь судьбы, а самъ уѣхалъ въ Россію черезъ Румынію.

— Кто же онъ, какъ зовутъ его? — спрашиваютъ дѣвушку.

Та только головой мотаетъ: ни имя, ни фамилія этого мерзавца ей не были извѣстны.

Несчастливая теперь беременна...

Турки ее гоняютъ и преслѣдуютъ, болгары надъ ней смѣются.

V.

САМОУБИЙЦЫ.

Во время оккупаціи, когда то сажали на пароходъ наши войска, то опять ихъ спускали на берегъ, когда дѣлать было нечего—не слоняться же изъ трактира въ трактиръ, изъ одного кафе шантана въ другой—тоска по родинѣ до того развилась здѣсь, что случаи самоубійства между офицерами и солдатами стали не рѣдкостью. Положеніе было, дѣйствительно, ужасное, по своей неопредѣленности. Тотъ, кто былъ энергиченъ, веселъ и бодръ въ военное время, за время оккупаціи обезсилѣлъ, повѣсилъ голову и опустилъ руки.

Почта изъ Россіи шла столь исправно, что письма—эта единственная связь оторванныхъ отъ родины людей съ дорогими и близкими имъ—въ большинствѣ случаевъ не доходила, а если доходила, то спустя мѣсяць, два. Генераль Т* письмо о смерти своего сына получилъ черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ оно было отправлено изъ Москвы, а телеграмму ему не доставили вовсе. Полковникъ Р*—только черезъ семь недѣль послѣ смерти его жены узналъ, что она «легко заболѣла».

Измайловъ, вернувшись въ Россію, нашель домъ свой проданнымъ съ публичнаго торга. Почта, видите ли не доставила ему письма, гдѣ приглашали его уплатить 2,500 рублей оставшихся за его умершимъ отцомъ. Многіе, отправляя письма, обыкновенно вели имъ счетъ, отмѣчая на нихъ номера. Въ Кіевѣ приходилось получать № 17 ранѣе № 5 и т. д. Порядки оказывались тѣ-же самыя, что и во время войны, хотя въ періодъ между заключеніемъ міра и эвакуаціей русскихъ войскъ изъ Болгаріи можно было сто разъ устроить почту на гораздо лучшихъ основаніяхъ. Полковникъ Кузьминскій, командиръ Бессарабскаго полка, съѣздивъ въ Россію на мѣсяць. Оттуда онъ послалъ въ свой полкъ, въ Варну, письма—и получилъ ихъ самъ черезъ нѣсколько недѣль по возвращеніи сюда. Одесскій почтамтъ, на примѣръ, такъ хорошъ, что никогда не заботился приготовить письма къ отплытію парохода, и это разстояніе—между Одессой и Варной 22 часа — письмо, случалось, шло двѣ недѣли!

Безъ вѣстей о родинѣ солдаты и офицеры тосковали страшно. Херсонскаго полка офицеръ, Холщевниковъ, съѣздивъ въ Кіевъ къ роднымъ въ отпускъ. Узнавъ, что полкъ его скоро отправляется въ Россію, онъ вернулся сюда для того, чтобы получить вѣсть, что весь этотъ отрядъ остается еще на неопредѣленное время въ Турціи. Холщевниковъ затосковалъ, и хотя на дняхъ получено было распоряженіе о скоромъ возвращеніи, онъ не повѣрилъ ему и третьяго дня застрѣлился...

Съ однимъ изъ полковъ продѣлывали дѣйствительно невыносимыя вещи. Его пять разъ пазначали къ отправкѣ въ Россію и пять разъ отмѣняли посадку на суда. Наконецъ терпѣніе старика-капитана Л.—истощилось. Онъ отправился къ своему командиру.

— Скоро ли мы уѣдемъ?

— Ничего не знаю. Чортъ ихъ пойметъ! думаю, что останемся здѣсь зимовать.

Полковникъ сказалъ съ горяча — офицеръ, въ которомъ постоянно обманываемая надежда вернуться развила мнительность,

повѣрилъ буквально. Попросился въ отпускъ—почему то отказали, попробоваль еще разъ подать рапортъ, поясняя что его дочь въ Россіи очень больна. Опять послѣдовалъ отказъ. Л. поболтался дня два, а потомъ одѣлся въ мундиръ, запечаталь въ конвертъ на имя жены свои деньги, написалъ письмо къ начальству, въ которомъ высказаль, что ему безъ семьи страстно-любимой невыносимо и застрѣлился.

Застрѣлился и молодой прапорщикъ С—ій. Этого по очень оригинальному поводу. Энтузіастъ, глубоко вѣрившій до войны въ славянское дѣло, въ готовности Россіи помочь нашимъ южнымъ братьямъ, въ нашу нравственную правоспособность, онъ бросилъ университетъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ полкъ. Солдатомъ С—ій получилъ Георгіевскій крестъ на Шибкѣ, затѣмъ былъ произведенъ въ офицеры. Уже во время войны, его неприятно поражала крайняя безурядица, заведенная нами. Нагайки, насилія, несправедливости возмущали его чрезвычайно. Но это все онъ объяснялъ исключительными условіями военного времени. Заключили миръ, явилась гражданская администрація—и С—ій чуть съ ума не сошелъ отъ этого вѣчнаго свиста нагаекъ, поборовъ, несправедливостей. „Какъ мы запакостили святое дѣло!“ съ глубокою тоскою восклицаль онъ. „Знаете, я извѣрилъ во всемія—ни начто мы не способны, ничего добраго не сдѣлаемъ!..“ Какъ то исчезъ, пропадалъ двѣ недѣли—вернулся еще мрачнѣе и за нѣсколько дней до моего пріѣзда—застрѣлился.

Недавно молодой офицеръ, все собиравшійся жениться на любимой дѣвушкѣ по возвращеніи въ Россію, потерявъ вѣру, что это состоится когда бы то ни было, написалъ отчаянное письмо къ своей невѣстѣ и пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Другой заскучаль вслѣдствіе монотонной и однообразной жизни, отъ постоянного шлянья по грязнымъ трактирамъ. Попросился въ отпускъ—почему то ему отказали; повторилъ просьбу—съ тѣмъ же результатомъ. Походилъ нѣсколько дней, опустя голову и не говоря ни съ кѣмъ, а потомъ его нашли на полу его

комнаты съ пробитымъ пулею черепомъ... Солдаты—тѣ съ тоски по родинѣ—случалось, вѣшались.

Вчера застрѣлился фельдфебель—саперъ, георгіевскій кавалеръ, отличный, честный, трезвый солдатъ. Причина—опять тоска по родинѣ и неопредѣленность положенія. Оно особенно дѣйствуетъ на солдатъ, знающихъ, что товарищи ихъ въ Россіи уже распущены по домамъ; трехъ-лѣтняя оккупация, сверхъ того, раззорила ихъ семьи, остававшіяся такъ долго безъ кормильцевъ.

Въ періодъ долгихъ стоянокъ развился формализмъ. Одного Георгіевского кавалера—солдата, раненаго и вернувшагося опять въ полкъ, молодой только что выпущенный офицерикъ, не нюхавшій пороху, ударилъ передъ фронтомъ. Солдатъ затосковалъ, а черезъ два дня застрѣлился, заявивъ товарищамъ, что онъ считаетъ стыдомъ жить послѣ этого. Другой унтеръ-офицеръ, отличившійся въ дѣлѣ подъ Аблавою, съ двумя знаками Военнаго ордена наткнулся на пьянаго интенданта, который приказалъ своимъ фурштадтскимъ и обознымъ выдрать его розгами. Унтеръ-офицеръ даже не дошелъ до дому, а утопился въ озерѣ Девна. Интендантъ остался безнаказаннымъ. Молодой солдатикъ Петровъ, только что прибывшій изъ Россіи, все ходилъ на почту, узнать, нѣтъ ли письма отъ жены. Послѣ двухъ мѣсяцевъ бесплодныхъ справокъ Петровъ—повѣсился. Въ послѣдствіи оказалось, что письма ему были, но ихъ посылали въ штабъ, а оттуда не трудились развозить по полкамъ.

У одного транспортнаго валета былъ подручный солдатъ, завѣдывавшій покупками фуража. Когда валета предали суду, онъ все свалилъ на солдата, безукоризненно честнаго, ни пользовавшагося ни одной копѣйкой казенныхъ денегъ. Солдата арестовали утромъ, а вечеромъ онъ застрѣлился изъ ружья караульнаго. Оставилъ записку, въ которой кратко выразился: «Ни передъ Царемъ, ни передъ Богомъ въ воровствѣ не грѣшнень». Застрѣливались ни съ того ни съ сего. Походить, походить—молча день, два—три, а тамъ, посмотришь, и готовъ.

Между офицерами подъ конецъ былъ установленъ денеж-

ный штрафъ за намекъ о возвращеніи въ Россію,—до того всё извѣрились и до того было горько разочаровываться каждый разъ.

Товарищи самоубійць поставили надъ ними убогіе памятники. Далекю на чужой сторонѣ лежатъ на прибрежьи Чернаго моря эти страдальцы... Съ печальнымъ ропотомъ набѣгаютъ голубыя волны на отмелье берега, точно хотятъ съ своею вѣчною жалобою дорваться до этихъ одинокихъ могилъ... Точно несутъ они вѣсти съ далекой, любимой родины, которую еще разъ увидѣтъ такъ неудержимо страстно хотѣли несчастные. Въ ясныя лунныя ночи—еще гремяче прибой моря, точно оно хочетъ смыть эти кресты, смыть эти сѣрыя насыпи, разбить и разбросать дубовыя гробы и унести съ собою мертвецовъ все туда же, въ ту же дорогую милую отчизну... Точно чьи то блѣдныя лица изъ волнъ поднимаются бѣлые парусы и, взглянувъ на эти одинокія могилы, тонуть опять въ этомъ колеблющемся просторѣ... Смотрите... Все равно ничего не увидите здѣсь. Скоро и самая память о десяткахъ самоубійць погаснетъ, какъ погасла она о сотняхъ тысячъ жертвъ тяжело пережитой войны...

Что значить жизнь одного въ этой страшной эпопеѣ, гдѣ торжествующая смерть, широкимъ разливомъ ломая плотины и смывая берега, захватываетъ и топить въ своихъ безжалостныхъ волнахъ цѣлыя племена, цѣлыя царства!

До коихъ же поръ будутъ жить эти инстинкты истребленія?...

VI.

НАДЕЖДЫ И ОПАСЕНІЯ.

29-го іюня.

Солнце сегодня—во всю.

Даже громадная айва противъ моей веранды словно въ свою чашу собрала всю тѣнь, словно самой ей нужна эта прохлада.

Жарко... Не шелохнется листъ, только фонтанъ все такъ же музыкально льетъ свои слезы въ мраморный водоемъ...

Не куда уйти отъ зноя. Даже весь обожженный на солнцѣ носильщикъ въ красной фескѣ преспокойно сбросилъ около фонтана свой мѣшокъ и распластался тутъ же на улицѣ; сладко спитъ и необыкновенно старый, точно весь проросшій мохомъ, турокъ въ зеленой чалмѣ, должно-быть мулла, — спитъ и тыкается носомъ въ рѣшетку своего окна, за которымъ его вижу... А солнце всѣхъ ихъ щедро обливаетъ своими лучами. Оно бы, кажется, и камень прожечь могло, только не кирпичное лицо этого носильщика. Ему такъ хорошо, что и мухи, выбравшія предметомъ своего изслѣдованія его носъ, мало беспокоють бѣднягу... Что ему снится? Роскошные дворцы Гарунъ-аль-Решиды, яркія фантазмагоріи восточныхъ сказокъ, сплошь утонувшихъ въ такомъ же солнечномъ сіяніи, какъ и это, или трудовой день съ заботами, нуждою, голодовкой?... Вонъ разнощикъ... На лоткѣ у него фрукты, слонялся цѣлый день по жарѣ и истомился. Выбралъ клочекъ тѣни около бѣлой стѣны мечети, поставилъ себѣ лотокъ на землю и привалился головой на камень. Покрытая пылью черешни, точно съежились подъ солнцемъ. Тѣмъ не менѣе щеглы слетѣлись сюда и, пользуясь сномъ хозяина, клюютъ себѣ вишни, нахально чиркая и перекликаясь... Спитъ и мечеть, на серебрянномъ мѣсяцѣ которой точно пламя дрожитъ солнечное сіяніе... Спитъ она благо внутри за этими темными окнами невозмутимая тѣнь, живительная прохлада... Спятъ голуби подъ карнизами болгарскаго дома и эту сладострастную птицу уняло палящее солнце... Съ веранды, гдѣ я сижу, видны вверхъ и внизъ разбѣгающіеся переулочки, кривые, узкіе. Дома насаждаютъ одинъ на другой, верхніе этажи выпятились и висятъ надъ улицей, грузно осѣвъ на свои толстыя, едва ихъ поддерживающія, балки. Вонъ на срединѣ одной изъ улицъ остановился арабджи со своею колесницей... Пара коней понурились и изрѣдка только отмахиваются хвостами отъ оводовъ. Возница сидитъ какъ то на вѣсу. Дерни кони и онъ поле-

титъ подь колеса. Но эти скелеты, обтянутые продыравленной, вылинявшей и потрескавшейся кожей—стоять себѣ неподвижно. Неужели тощія коровы Фараона были еще ужаснѣе этихъ благородныхъ животныхъ? Флагъ надъ испанскимъ вице-консульствомъ едва едва шелохнулся и снова повисъ — немощно, точно подстрѣленное крыло... Дремотно зашептала на мгновеніе листва айвы, точно спящій проговорилъ что-то со сна, смутно, едва уловимо...

— Что, вы еще двигаетесь? послышалось снизу.

— Ну?...

— Сейчасъ пришелъ турецкій пароходъ и опять высадилъ къ намъ восемьдесятъ редифовъ. Хотите взглянуть?

Я всталъ... Болгаринъ, вызвавшій меня изъ оцѣпененія былъ настроенъ особенно торжественно... Весь потомъ обливается — а волнуется и суетливо взбѣгаетъ ко мнѣ по лѣстницѣ...

— Неужели вамъ не жарко?

— Я вамъ говорилъ, что они готовятъ возстаніе...

— Ну, вотъ, и возстаніе... просто домой возвращаются.

— Домой идутъ бѣженцы турецкіе, а это—солдаты... И всѣ въ Дели-Орманскій лѣсъ... Здѣсь они получаютъ тескере (билеты) и потомъ спокойно, черезъ Шумлу,— въ Дели-Орманъ или въ Османъ-Базаръ.

А въ Османъ-Базарѣ вчера дѣйствительно была большая томаша, какъ выражаются на востокѣ. Рота болгарской дружины, находившаяся тамъ, со всѣхъ сторонъ окружена мусульманами; опять убитъ одинъ казакъ и нѣсколько болгаръ зарѣзано.. Сами вызвали! Оскорбляли мусульманское населеніе, пока оно не всполошилось. Положимъ что и ранѣе этого весь зажигательный матеріалъ мусульманскаго бунта уже былъ на готовѣ, но тѣмъ не менѣе сельскіе жители, нуждающіеся только въ спокойствіи, остались бы глухи къ проповѣди пропагандистовъ. У дели-орманскихъ и османъ-базарскихъ турокъ есть въ Константинополѣ центральный комитетъ, дѣятельно агитирующій въ настоящее время. Отдѣленія этого коми-

тета подозрѣваются во всѣхъ большихъ мусульманскихъ городахъ княжества Болгарскаго. Организациа существуетъ — и весьма хорошо устроенная, хотя бы и не туркамъ. Пока здѣсь были русскіе — все оставалось спокойнымъ. Для здѣшнихъ начальниковъ округовъ — законъ не писанъ. Они хватали каждого заподозреннаго и гноили его въ тюрьмѣ. Понятно, что между сотнями совершенно безвинныхъ людей попадались и организаторы возстанія. Къ чести же болгарской администраціи, смѣнившей нашу, нужно отнести то, что вступивъ въ управленіе дѣлами княжества, она тотчасъ же освободила мусульманъ, томившихся въ острогахъ, по подозрѣнію. Такимъ образомъ былъ выпущенъ и старикъ Османъ изъ Уйвена — главарь Гирловскихъ недовольныхъ. Заступниками за мусульманъ являются главнымъ образомъ англійскіе консула. Эти даже даютъ въ своихъ домахъ и подъ своимъ флагомъ пріютъ турецкимъ агитаторамъ...

Теперь стамбульскіе вожди предписали османлисамъ крайнюю осторожность... Они совершенно справедливо предполагаютъ, что инициатива враждебныхъ дѣйствій не замедлитъ со стороны болгаръ. Болгары, видите ли, заинтересованы въ томъ, чтобы мусульманъ осталось въ странѣ какъ можно меньше, для этого они будутъ предпринимать цѣлый рядъ мѣръ крайнѣ стѣснительныхъ для турокъ. Есть турецкія деревни сплошь заселенные турками. Нѣтъ въ нихъ ни одного христіанина. Въ такіе посылаютъ на цѣлую недѣлю сельскую вооруженную стражу, у нихъ хотятъ поселить болгаръ, эмигрирующихъ изъ Добруджи. Сверхъ того мусульманъ обезоружили; хотятъ разрѣшить у нихъ устройство кабаковъ, ограничить право постройки мечетей, право свободного перехода сюда софтъ и проповѣдниковъ изъ Константинополя. Раздраженное всѣмъ этимъ мусульманство подыметъ уже какъ бы для личной защиты, въ расчетѣ на заступничество Европы, которая такимъ образомъ убѣдится въ неспособности болгаръ къ самоуправленію и самостоятельному существованію... Вотъ надежды этой партіи, и онѣ не совсѣмъ неосновательны. По крайней

мѣрѣ будущее, и очень близкое, здѣсь озабочиваетъ многихъ. Центръ мусульманской партіи дѣйствія въ предѣлахъ княжества—Шумла; главные организаторы будущаго возстанія живутъ въ Силистріи, Османъ-Базарѣ, Праводахъ, Бальчикѣ и Базарджикѣ. Между Силистріей, Праводами и Османъ-Базаромъ тянется громадный лѣсъ—Дели-Орманскій, въ переводѣ съ турецкаго—съумасшедшій. Это дичь и глушь непроходимая. Въ немъ села — турецкія, населеніе исключительно мусульманское; это — издавна притонъ лѣсныхъ разбойниковъ: болгарская Калабрія, Муромскій лѣсъ. Дорогъ нѣтъ въ большей части этой мѣстности. Между красивыми и грандіозными плато здѣсь густятся дремучіе лѣса гдѣ проложены тропинки для верховыхъ и звѣриныя тропы, которыми пользуются пѣшеходы. По всей Болгаріи гонятся за грабителями и убійцами до тѣхъ поръ, пока тѣ не уйдутъ въ Дели-Орманъ. Разъ это случилось, всякое преслѣдованіе напрасно,—пути къ бѣглецамъ заказаны. Знаменитаго здѣшняго разбойника Мелека такъ и не поймали, благодаря Дели-Орману. Наткнулся на его слѣды, кинется Мелекъ въ лѣса и кончено. Какъ въ воду, Это случилось не разъ. Знаменитый разбойникъ Абдуллахъ бѣжалъ изъ Разградской тюрьмы сюда же—въ таинственную глушь и неисходную дичь съумасшедшаго лѣса. Всѣ эти бандиты—переживъ мѣсяць—два въ трущобахъ Дели-Ормана опять появляются и совершенно неожиданно въ самомъ центрѣ мусульманскаго населенія другихъ областей. Въ Дели-Орманѣ разбойничьи шайки, какъ древній пигмей отъ прикосновенія къ землѣ, приобрѣтаютъ новыя силы. Спасутся туда разбитые и разстроеныя, съ старымъ и испорченнымъ оружіемъ, а оттуда являются превосходно вооруженными на великолѣпныхъ коняхъ и уже въ удвоенномъ числѣ... Это очагъ — будущихъ революцій. Свободный Дели-Орманъ въ героическихъ пѣсняхъ и легендахъ болгарскихъ мусульманъ играетъ громадную роль. Это — декорация, рамка почти всѣхъ удалыхъ походовъ... Прежде отсюда выходили типы въ родѣ нашихъ Ванекъ Каиновъ; теперь отсюда выдутъ Стеньки Разины.. Дели-Орманъ особен-

но пугаетъ болгаръ потому, что турки могутъ здѣсь имѣть скопища войскъ, да и имѣютъ ихъ, если вѣрить упорнымъ слухамъ. По крайней мѣрѣ указываютъ на то, что здѣсь именно будущіе повстанцы найдутъ готовые кадры редифовъ. По Высочайшему повелѣнію, мусульманамъ Проводскаго, Шумлинскаго Варненскаго округовъ разрѣшено оставить ружья. Известно, что, сверхъ того, у нихъ въ трущобахъ Дели-Ормана есть большіе склады пороха, патроновъ, оружія всякаго рода. Турки сами не скрываютъ этого. Разрѣшая отдѣльнымъ лицамъ оружіе, хотѣли конфисковать склады, стали ихъ искать — и, разумѣется, не нашли ничего, кромѣ старыхъ зейбекскихъ копей, фитильныхъ, ни къ чему негодныхъ, арбалетовъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда, — въ послѣднее время предписано начальникамъ округовъ дать свѣдѣнія сколько гдѣ находится редифовъ, возвратившихся изъ Турціи. Пока свѣдѣнія эти еще не поступили. По частнымъ слухамъ, солдатъ нѣтъ нигдѣ въ городахъ и селахъ, — слѣдовательно они сплошь уходятъ въ лѣса Дели-Ормана...

Какъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ, мусульмане, за исключеніемъ османъ-базарскихъ, въ сущности вездѣ спокойны и въ высшей степени исполнительны. Тоже разумѣется и въ Дели-Орманѣ. Но здѣсь говорятъ, что спокойствіе только — система. Нужно всѣхъ, и въ томъ числѣ русскихъ, убѣдить въ справедливости своего дѣла. А когда мусульмане возстанутъ, всѣ будутъ говорить, что поводъ къ этому поданъ болгарами. Помощи болгарамъ не окажутъ, и лицомъ къ лицу передъ молодыми, неопытными, не видавшими огня болгарскими дружинами явятся внезапно выступившіе изъ дели-орманскихъ трущобъ редифы и мустагафизы — мусульманское ополченіе. Къ нимъ примкнетъ населеніе Гирлова и другихъ округовъ, хорошо обстрѣлявшееся въ эту войну... Не смотря на дѣйствительныя опасности Дели-Ормана, Гирлова, Шумлы, нужно съ крайнею осторожностію относиться къ свѣдѣніямъ изъ болгарскихъ источниковъ. Они врутъ даже официально. Въ день выѣзда Дондукова-

Корсакова изъ Софіи, онъ получилъ извѣщеніе, что подъ Османъ-Базаромъ идетъ бой, причемъ убито и ранено изъ одного болгарскаго ополченія около двухсотъ пятидесяти человекъ. Этому повѣрили, посыпались телеграммы, дѣло раздули. Паника началась въ христіанскомъ населеніи Шумлы, Разграда, Праводъ, Варны... Въ тридцати верстахъ разстоянія отъ Османъ-Базара безусловно вѣрили этому... И что же: двѣсти пятьдесятъ человекъ при тщательной повѣркѣ оказались живы и здоровы. Убито было всего четверо. Вотъ какъ трудно здѣсь добраться до истины, потому что все врутъ на перегонку. Востокъ сказывается въ преувеличеніяхъ: убыли одинъ—молва прибавляетъ два нуля и пошла писать губернія. Офіціальныя лица не провѣряютъ свѣдѣній, а по отношенію къ мусульманамъ даже рады преувеличеніямъ. Еще бы. Чѣмъ опаснѣе — представится этотъ и безъ того опасный элементъ населенія въ глазахъ наблюдателей—тѣмъ лучше можно будетъ провести рядъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя въ концѣ концовъ заставятъ турокъ уйти къ себѣ, оставивъ христіанамъ благословенныя небомъ плодоносныя долины Карадемира, Айдоса, Драгана и Дели-Ормана...

Въ виду будущихъ столкновеній съ турецкимъ населеніемъ, рушукскому губернатору Золотареву пришла благая мысль обучить всю болгарскую молодежь владѣть оружіемъ. За это схватились, стали ее сзывать. Первые партіи болгаръ восторженно двинулись въ Рушукъ учиться, да оказалось, что организаторы этого дѣла забыли мелочь, именно—кормить прибывающихъ.

Явившіеся поголодали, поголодали и, не кончивъ обученія военному дѣлу, вернулись вспять...

Турки и теперь уже говорятъ:

— Дайте только уйти русскимъ, мы себя покажемъ.

А братушки между тѣмъ, какъ нарочно, часъ отъ часу дѣлаются все безтактнѣе и безтактнѣе. Разумѣется, я далеко отъ мысли винить ихъ,—слишкомъ много вынесли прежде. Все это вспоминается теперь—зарѣзанные отцы и братья, изнаси-

лованныя сестры и невѣсты, замученныя дѣти, — сказывается жажда мести и отплаты. Турки, которымъ нельзя отказать въ умѣнни пользоваться обстоятельствами, въ свою очередь своего не упустятъ. Безтактность дошла до того, что во время выборовъ въ тырновское народное собраніе здѣшніе болгары, составляющіе въ Варненской губерніи ничтожное меньшинство, хотѣли, чтобы депутатовъ ихнихъ было больше, чѣмъ греческихъ и турецкихъ. Греки и турки соединились и, раздраженные происками болгаръ, выставили всѣхъ депутатовъ изъ своихъ. Только одному болгарину, и то случайно, удалось проскользнуть отъ Варненскаго округа въ народное собраніе, не смотря на то, что начальники округовъ подтасовывали выборы въ пользу христіанъ. И нужно признаться подтасовывали очень безцеремонно. Если что—такъ и въ ухо влетало съ полнымъ удовольствіемъ или по крайней мѣрѣ съ спокойствіемъ совѣсти. Въ этомъ отношеніи здѣсь рука дающаго не оскудѣвала. Въ Шумлѣ было то же самое. Болгары послѣ этой весьма естественной побѣды, одержанной греками и турками, взволновались. Конституціонный народъ не хотѣлъ понять, что прекрасныя учрежденія страны существуютъ для всѣхъ ея гражданъ, а не для одного только племени... Разумѣется, впослѣдствіи все это устроится къ лучшему. Учрежденія воспитываютъ народъ, и болгары съумѣютъ и сами жить, и другимъ давать жить, но пока имъ придется пройти тяжкую школу и сильно поплатиться за свою политическую опрометчивость...

Ни греки, ни турки, ни болгары не довольны легкомысленными и опрометчивыми дѣйствіями нашей администраціи какъ Варненскаго, такъ и другихъ округовъ. Они ждутъ ухода русскихъ чиновниковъ, чтобы все устроить по-своему: вмѣсто губернаторовъ, они проектируютъ префектовъ; округи будутъ меньше по пространству, но больше числомъ, и самая административная дѣятельность окажется не столь сложной, а главное не столь драгоцѣнной для государственной казны и для кармана частныхъ лицъ. Сверхъ того щеки и спины

свободныхъ гражданъ не будутъ подвергаться уже обработкѣ ихъ дланями и нагайками храбрыхъ администраторовъ, въ этомъ отношеніи потрудившихся здѣсь въ потѣ лица своего. Всѣ эти неудавшіеся на родинѣ чиновники тутъ оставили по себѣ скверную память. Разумѣется было не мало честныхъ, хорошихъ людей, людей преданныхъ великому дѣлу умиротворенія края, но ихъ усилія разбивались о претенціозную тупость и нахальную безцеремонность остальныхъ... Въмѣсто чиновниковъ по назначенію, братушки предполагаютъ создать выборный институтъ почти для всѣхъ должностей, за исключеніемъ префектовъ. Губернія признается для маленькаго княжества слишкомъ крупной административной единицей. Государство будетъ раздѣлено на департаменты или по старому — нахіи. За нами здѣсь остается заслуга: мы первые пріучили болгаръ работать на миломъ поприщѣ канцелярскаго благоустройства. Можно надѣяться, что въ послѣдствіи, къ истинному утѣшенію секретарей и совѣтниковъ всѣхъ ранговъ, болгары превзойдутъ насъ обиліемъ переписки и количествомъ исходящихъ нумеровъ. Въ этомъ только отношеніи мы завели здѣсь Европу.

Занявъ Варну, русскіе долго не могли добиться отъ градскихъ и окружныхъ совѣтовъ, чтобы тѣ принялись за дѣло... Въ должность приходитъ—приходили, но ничего не дѣлая, спали себѣ да и только. Въ передней, бывало, спятъ запѣи и болгарскіе новоявленные жандармы, еще вчера торговавшіе на улицахъ Варны и Шумлы хебабомъ и другими прелестями національной кухни; въ канцеляріи спятъ писцы; въ кабинетахъ и залахъ спятъ высокопочтенные члены градскаго совѣта ... Думали, думали... Наконецъ, кому-то пришла счастливая мысль.

— Нужно уничтожить диваны!

Всѣхъ точно озарило,—найдено было средство... Схватились за это, и черезъ нѣсколько дней покойныя и располагающія ко сну софы были замѣнены плетеными стульями, несмотря на протестъ одного Клеѣ Мокіевича, находившаго вѣнскую мебель опасной, — «австрійское де вліяніе восторжествуетъ!» Совѣтъ замѣнить софы оказался дѣльнымъ: великая

реформа заставила или нѣтъ болгаръ работать—неизвѣстно, но спать, по крайней мѣрѣ, перестали—не на чемъ.

Мнѣ рассказывали многое о дѣйствіяхъ здѣшнихъ чиновниковъ русскаго происхожденія. Чего мы только не выкидывали, какихъ опытовъ не производили. Среди честныхъ и способныхъ (первое встрѣчалось чаще втораго) попадались удивительные субъекты. Одинъ, напримѣръ, поправилъ годикъ—и, въ концѣ концовъ, вознаградилъ себя покупкою недешеваго имѣнница подь Москвою, на деньги, сбереженные изъ прогонныхъ (хороши, значить, были эти прогонныя). Въ концѣ концовъ оказалось, что этотъ милый администраторъ получалъ прогонныя, никуда не выѣзжая изъ Софіи. За то, что касается до патріотизма и преданности болгарскому дѣлу—этимъ онъ щеголялъ. И въ застольныхъ рѣчахъ, и въ бесѣдахъ съ братушками, на наивность которыхъ онъ рассчитывалъ. Но, увы, — патріархальныя братушки оказались вовсе не такъ глупы и насквозь видѣли подкладку этого патріотизма. А вотъ нѣкій олонекій акцизникъ, попавшій сюда, тотъ по просту—чего тутъ мудрствовать лукаво!—взялъ да и ввелъ здѣсь нашъ акцизный уставъ безъ измѣненій; установлено взимать акцизъ со спирта, причемъ забыто одно маленькое обстоятельство, именно то, что винокуренія здѣсь нѣтъ вовсе. Самыя большыя мѣста нашего устава вошли во временныя правила для болгаръ... Не хотѣли знать условій мѣста и основъ народнаго хозяйства—вводили разныя учрежденія язъ нашихъ, русскихъ, оставляя неприкосновенными ихъ формы, обряды и отправленія. Приспособленія къ болгарской жизни ограничивались только измѣненіемъ мундира и несравненно болѣе высокимъ жалованьемъ. Это мы раскусили сразу. Уже упомянутый мною акцизникъ, правившій финансами Болгаріи, какъ дома онъ правилъ цѣловальниками и кабаками, между прочимъ для усиленія доходовъ остановился на вящемъ разведеніи питейныхъ заведеній въ молодой странѣ. Это русскаго произрастаніе онъ поливалъ усердно покровительствующими административными распоряженіями, тщательно ограж-

дая его отъ мертвящаго дуновенія вѣтра, коимъ представлялся здравый смыслъ народа и отвращеніе его отъ пьянства. Въ краткое время усилія садовника дали роскошный плодъ. Кабаки процвѣли. Сначала робкіе ростки благодатно развернулись и по всей странѣ запахло ракіей, водкой и спиртомъ. Изъ пяти кабаковъ, существовавшихъ хотя бы въ Шумлѣ—создалось болѣе ста восьмидесяти. Въ селахъ, гдѣ ихъ прежде не было—появились десятками.

— Неужели у васъ такъ? изумлялись неразумные братушки, ошеломляемые сложностью нашего административнаго механизма.

А то еще лучше. Временные суды наши въ Болгаріи, руководствовавшіея русскимъ Уложеніемъ о наказаніяхъ, во все время переходнаго положенія приговаривали обвиненныхъ за убійства, грабежи и другія преступленія къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и въ арестантскія роты. Теперь заключенные сидятъ себѣ по мѣсяцамъ, причемъ приговоръ не исполняется, потому что администрація чисто-болгарская никакъ не можетъ рѣшить пустаго вопроса: гдѣ же это помѣщается болгарская Сибирь? Какъ ни искали, найти не могли. То же самое и относительно арестантскихъ ротъ...

При всемъ этомъ даровитость россійской природы проявилась очень оригинально. Извѣстно, что каждый благонравный россіянинъ можетъ занимать всевозможныя должности: сегодня, на примѣръ, выдѣлывать самые легковѣсныя пируеты въ балетѣ, а завтра быть соборнымъ протодіакономъ; вчера—потѣшать сытыхъ болвановъ скабресными анекдотами, а завтра стать преданнѣйшимъ волонтеромъ полиціи нравовъ; мѣсяць назадъ курить водку, а сегодня принять постъ уполномоченнаго отъ Краснаго Креста. Такъ и здѣсь. Нѣкій В..., на примѣръ, будучи уланомъ, вдругъ, по приказанію начальства, сталъ прокладывать трубы для снабженія водою Софіи и занялся перестройкою города въ качествѣ архитектора—не по диплому, а по вдохновенію. И, сломалъ цѣлую улицу и выстроилъ ее вновь въ жару архитекторскаго неистов-

ства, уничтоживъ кстати и красивую мечеть. Нѣкій К. вдругъ предписалъ болгарамъ своего околотка обрабатывать землю такъ, какъ ее обрабатываютъ въ Россіи, — тѣ переполошились. Кинулись къ нему.

— Какъ же въ Россіи у васъ?

К. — помотался, помотался и уялъ.

Оказалось, онъ самъ не знаетъ, какъ это дѣлается въ Россіи. Были и такіе которые предписывали стричь барановъ зимою, а сами стригли населеніе, кромѣ зимы, и весною, и лѣтомъ, и осенью...: Нѣкій храбрый воинъ просилъ, чтобъ ему дали золотиносныя мѣста по Витежу и 100 000 р. субсидіи, за что онъ научить болгаръ промывать и плавить золото... разумѣется въ его пользу. — Уже и хотѣли было дать и докладъ былъ готовъ, да полюбопытствовали:

— Гдѣ вы получили техническое образованіе?

— Въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ!

Комизмъ доходилъ до мелочей.

Въ Пловдивѣ (Филиппополѣ), когда тамъ вершителями судебъ являлись мы, одинъ фельдшеръ, узнавъ, что извѣстный ему прапорщикъ зачисленъ въ жандармерію (славянскую для Румелии) капитаномъ, подалъ просьбу, что онъ желаетъ перейти въ Болгарскую службу... докторомъ медицины и хирургомъ, при чемъ просить себѣ чина статскаго совѣтника, расторженія брака съ женою, оставленною въ Россіи, и награжденія его какимъ либо участкомъ земли по р. Марицѣ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, «хорошо родится виноградъ». Оставалось только пономарю проситься въ архіереи Сливненской или Плевненской епархіи.

Были господа, хотѣвшіе заставить болгаръ разводить рѣпу рѣдкую и прочія прелести отечественнаго вертограда, а одинъ даже собралъ на сѣмена деньги, но сѣмянъ не купилъ, а проигралъ въ ландскнехтъ проѣзжавшему интендантскому валету.

Лѣнь болгаръ-чиновниковъ объясняютъ не апатіей, а просто несочувствіемъ къ нашимъ организаціоннымъ замысламъ. Мы являлись съ формами государственной жизни, совершенно

чуждыми Востоку. Видятъ люди, что создаются какіе то совѣмъ имъ чуждые акцизные и таможенные уставы, временныя положенія—одинаковыя съ тѣми, какія дѣйствуютъ въ Архангельской и какой-нибудь Иркутской губерніяхъ,—видятъ это и, разумѣется, складываютъ руки. «Уйдите, тогда мы все перестроимъ по-своему».

Сегодня одинъ болгаринъ откровенно сообщилъ мнѣ:

— Знаете, намъ, для защиты, еще въ теченіе года нужны ваши войска, а чиновниковъ мы и своихъ найдемъ.

Однако я слишкомъ увлекся и позабылъ уже моего спутника, съ которымъ отправился въ гавань.

Пошли мы по стѣнамъ старой, оставленной теперь, крѣпости. Онѣ идутъ вокругъ всей Варны. Глубокій ровъ и наружные верки отлично еще сохранились. Постройка сложена изъ крѣпкаго камня. Казематы, почти вездѣ, съ толстыми блиндажами. Какъ бы теперь легко было при нынѣшнихъ артиллерійскихъ средствахъ разнести эти массивныя стѣны, разбить эти, кажущіяся могучими, твердыни. За то верстахъ въ трехъ отъ города, на окаймляющихъ его горахъ, въ солнечномъ блескѣ чуть-чуть намѣчиваются неприступныя редуты и форты. Ихъ неуязвимыя земляныя насыпи спокойно глядятъ съ своихъ высотъ на эти древнія укрѣпленія города...

Непріятное впечатлѣніе тѣмъ не менѣе производили эти стѣны вокругъ города. Вспоминалось, что тутъ нѣтъ пядени земли до сѣта не напоенной нашею кровью, нѣтъ стараго дерева, корни котораго бы не питались трупами русскихъ, зарытыхъ послѣ войны 1828 года... Мы пережили ту эпопею, заплатили за нее — а теперь въ другихъ уже мѣстахъ такъ же щедро удобрили болгарскую почву остатками своихъ бойцевъ и героевъ.

Здѣсь взойдутъ богатыя жатвы, страна процвѣтетъ на зависть цѣлому міру...

А мы?..

Разумѣется, остается въ утѣшеніе наше великодушіе и завѣтъ—«блаженни нищии!..».

Плохое утѣшеніе!

Когда мы добрались до бухты, на ея берегу дѣйствительно оказалась толпа турецкихъ солдатъ—отпускныхъ. Съ ними было нѣсколько софть, возвращавшихся на родину...

— Куда вы теперь? обратился къ одному изъ нихъ мой болгаринъ по-турецки.

— Домой...

— А гдѣ домъ твой?

— Въ Черкесли.

— Въ Дели-Орманъ?

— Да.

Больше турокъ не отвѣчалъ ни слова болгарину. Видимо—не хотѣлъ.

Редифы смотрѣли очень мирно... Одинъ былъ въ Россіи въ плѣну. Онъ сохранилъ, очевидно, очень пріятное воспоминаніе о насъ, потому что сейчасъ же вступилъ въ бесѣду съ солдатикомъ 33-й пѣхотной дивизіи, заболтавшимся на берегу.

— Москва бунъ, карошъ Москва... похлопывалъ онъ по плечу русскаго.

— А Турція—не бунъ?.. Турція—тьфу!... пояснялъ съ своей стороны непримиримый солдатъ.—Турція іокъ бунъ...

— Султанъ законъ нѣтъ... Уруссъ законъ есть! согласился съ нимъ редифъ.—Москва карошъ, султанъ іокъ карошъ. Москва хлѣбъ даетъ, сапогъ-чисме даетъ, кафтанъ даетъ.

И оба разстались пріятелями,

Эта разница отношеній къ намъ и къ болгарамъ давала себя знать съ перваго раза. Хмурые взгляды, обращенные на болгаря, прояснялись, когда турки заговаривали съ нами... Турецкіе редифы даже, уже въ отставкѣ, отдавали честь при встрѣчѣ съ нашими офицерами...

Когда мы пошли назадъ, улицы восточнаго города словно совсѣмъ вымерли, ни души.

А солнце точно задалось цѣлью сжечь эту и безъ того раскалившуюся землю.

VII.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

На Большой улицѣ—плохой деревянный домишко, по наружности нашъ деревенскій трактиръ. Внизу—не то лавочка, не то закусовая; вверху, какъ гласить надпись, «Българскій клубъ». Неопрятная лѣстница ведетъ во второй этажъ. Тысячи грязныхъ сапогъ наслѣдили по ней, оставляя на каждой ступени свои отпечатки. Видимо ни щетка, ни метла не прикасались къ дѣвственной въ этомъ отношеніи лѣстницѣ. На верху двѣ большія комнаты, полы которыхъ не мыты, должно быть, со временъ первыхъ болгарскихъ царей, Симеона и Крума; столики — для карточной игры и одинъ большой для газетъ. Обстановка убогая, — на нашихъ постоянныхъ дворахъ лучше.. Тѣмъ не менѣе ни у грековъ, ни у мусульманъ здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Греки еще собираются въ тавернахъ или на площадкахъ передъ кандитерскими, замѣняющими для нихъ клубы. Они тутъ зачастую, подъ жгучимъ солнцемъ южнаго полудня ведутъ долгія суетливыя бесѣды, обливаясь потомъ и жмуря глаза отъ яркаго свѣта, сіяющаго прямо имъ въ лица. Вечеромъ и въ ясныя лунныя ночи—уличныя сборища грековъ бываютъ еще оживленнѣе. Я присутствовалъ на такихъ раутахъ съ переводчикомъ и, судя потому, что онъ передавалъ мнѣ о бесѣдахъ благородныхъ эллиновъ, такія conferences я скорѣе бы назвалъ биржами. Политическія бѣсѣды на нихъ сводятся исключительно къ низложенію болгаръ и ихъ ненавистнаго для Аристидовъ, Фемистокловъ и Мильтіадовъ владычества, да и объ этомъ—только громкія фразы. Существенная цѣль сборищъ установленіе цѣнъ, заключеніе торговыхъ сдѣлокъ. У турокъ же нѣтъ ничего подобнаго. Въ Варнѣ—я посѣщаль ихъ кварталъ. Въ кофейняхъ или передъ ними въ прохладной тѣни могучихъ платановъ, у лепечущаго свою нѣжную

пѣсню источника студеной воды, сидятъ эти важные, молчаливые мусульмане, посасывая кальянъ и наслаждаясь ароматнымъ густымъ кофе. Ни шумной бѣсѣды, ни громкой рѣчи. Все чинно, спокойно... и скучно. Скучно до одури.. Не все же любоваться на капризные арабски зеленыхъ вѣтвей, на изумрудную игру солнечнаго сіянія въ ихъ чашѣ, на синія горы, что тонуть въ вышинѣ молчаливыя, спокойныя какъ и эти сидящіе здѣсь османлисы... Не все же слушать однообразную, нѣжную пѣсню фонтана... А между тѣмъ турки здѣсь были господами. Болгары же не успѣли стать на ноги, какъ уже устроили свой клубъ. Если у нихъ еще нѣтъ политическаго такта, то они въ высшей степени обладаютъ политическимъ чутьемъ. Болгарскій клубъ—именно имѣетъ это значеніе. Здѣсь готовятъ кѣ выборамъ, агитируютъ, читаютъ, произносятся рѣчи, группируются по партіямъ. Здѣсь задумываютъ мѣры, о которыхъ мы скоро услышимъ,—мѣры, коими выборная болгарская администрація покажетъ насколько она самостоятельна и правоспособна. Все это создается здѣсь, въ этомъ убогомъ убѣжищѣ свободныхъ людей, еще вчера бывшихъ рабами, а сегодня уже гордящихся тѣмъ, что ихъ учрежденія не уступятъ хотя бы бельгійскимъ. Здѣсь выписывается много періодическихъ изданій. И знаете ли, что меня поразило?—Не успѣла устроиться Болгарія, а уже въ залахъ варненскаго клуба лежатъ на столахъ десять независимыхъ политическихъ газетъ, издающихся не въ центрѣ административномъ—Софіи, не въ Тырновѣ, гдѣ сосредоточена законодательная дѣятельность, а во всѣхъ почти городахъ княжества. Это—не афишки, созданныя искусственно, не вѣдомости, никому ненужныя, кромѣ губернскихъ казенныхъ типографій, которыя безъ того не знали бы, что имъ дѣлать,—нѣтъ, каждая газета имѣетъ свой отгѣнокъ, свое знамя, каждая строго служитъ тому или другому направленію.

Какъ растетъ здѣсь общественное мнѣніе, какъ крѣпнетъ, на чистомъ воздухѣ, печать! На столахъ болгарскаго клуба въ Варнѣ я просматривалъ издающееся въ Сливенѣ (Сливно) еже-

недѣльное Болгарское Знамя, официальную филиппопольскую Марицу, константинопольскую ежедневную Зорницу, выходящій въ Руссѣ (Русшукѣ) Болгаринъ, смѣлый обличительный журналъ, съ Вильмессаномъ-редакторомъ, который разъ взялъ съ князя Бибеску взятку для того, чтобы приобрести средства для изданія своей газеты. О чемъ впрочемъ ниже. «Болгаринъ» теперь не шадить своихъ мерзавцевъ, которые уже заводятся по разнымъ уголкамъ княжества, Народъ—свищовскую (систовскую) газету, выходящую два раза въ недѣлю, Славянинъ—народный листъ за наука—серьезный органъ, посвященный народному образованію, Цѣлокупная Блгарія, выходящую тоже два раза въ недѣлю въ Тырновѣ, которая замѣнила собою органъ народнаго собранія Болгарскій Левъ. Цѣлокупная Блгарія редижируется Словейковымъ и считается знаменемъ либеральной партіи въ княжествѣ. Эта газета составляется съ большимъ тактомъ и очень популярна въ странѣ. Замѣчательно то, что три четверти ея подписчиковъ—крестьяне, и неболѣе четверти горожане. Это—симптомъ. Направленіе, которое рѣзко опредѣлила «Цѣлокупная Болгарія», раздѣляется массами (а это нельзя объяснить однако популярностью Словейкова); за тѣмъ остается политическій журналъ Остенъ и политическая газета Витоша. Есть еще Наковальня, посвященная изгнанію изъ болгарскаго языка иностранныхъ словъ, съ эпитафюмъ: «Доклѣ языкъ живѣе, единъ народъ незагинѣ». Просматривая всѣ эти газеты, я былъ пораженъ замѣчательною мѣткостью выраженій и ихъ энергическою краткостію. Тутъ не стоятъ «за текстъ противъ духа, за отвлечение противъ жизни». Видимо, авторамъ не приходится думать, въ какой бы мундиръ облечь свою мысль, какъ бы ее замазать такъ, чтобы и отецъ съ матерью не узналъ своего дѣтища. Пишутъ, какъ Богъ на душу положить, и не оглядываются по сторонамъ, зная, что по затылку ни откуда не влетитъ за это. Тутъ не выходятъ на улицу, закутываясь, какъ больные. Счастливая страна!... Правда, многія выраженія грубы: къ дипломатической мягкости и изворотливости здѣсь не при-

выкли,—пишуть то же, что говорятъ, а говорятъ то, что думаютъ.

Денежно литературныхъ подрядчиковъ—здѣсь еще тоже пока не явилось. Болгарская почва пока свободна отъ разныхъ Зломраковыхъ и тому подобныхъ господъ, которые, прикрываясь великими знаменами и выкрикивая девизы, отзываются въ каждомъ честномъ сердцѣ, сами подъ шумокъ только обдѣлываютъ собственныя дѣлишки. Тутъ на подписныя деньги и на каторжный трудъ сотрудниковъ не накупить домовъ и доходныхъ имѣній... Тутъ самому надо работать, самому надо вѣрить, чтобы тебѣ повѣрили другіе...

И все это создали здѣсь мы: и свободу печати, и чудесныя учрежденія. Не правда ли, какой мы зрѣлый, просвѣщенный народъ!...

Изъ Тырнова я сообщу болѣе точныя свѣдѣнія о болгарской прессѣ и политическихъ партіяхъ; теперь же закончу о клубѣ. Кромѣ болгарскихъ газетъ, здѣсь лежатъ румынская *Romanul*, *Новое Время*, *Всемирная Иллюстрація*, *Journal des Débats*, *букарестскій Journal d'Orient* и *Le Nord*. Итого десять своихъ, три французскихъ, два русскихъ и одно румынское изданіе.

— Отчего вы не выписываете больше русскихъ газетъ? Спрашиваю я.

— По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онѣ не служатъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Мы знаемъ, что у васъ въ полной силѣ камертонъ регента, а хоръ такъ спѣлся, что ни одного диссонанса не будетъ... А во-вторыхъ, большая часть вашихъ изданій по непонятному намъ соображенію глумится надъ славянскимъ дѣломъ, славянскими народами, за которыхъ вы положили 300,000 жизней и потратили полтора миллиарда. Есть еще причина—почты ли у васъ или редакціи не исправны; но мы посылали деньги разнымъ издателямъ и не получали даже отвѣта.

Читаются эти газеты чрезвычайно жадно. За политикой болгары слѣдятъ съ нетерпѣніемъ неофитовъ. Малѣйшія коле-

банія возбуждають въ нихъ надежду на скорое соединеніе съ Восточною Румеліей, а нѣсколько холодная встрѣча, оказанная здѣсь князю Александру, только и объясняется тѣмъ, что молодой правитель Болгаріи ни разу еще не высказался въ этомъ, столь желанномъ для его подданныхъ, смыслѣ. Здѣсь же въ клубѣ, критикуются распоряженія властей нашихъ, разбираются написанные въ кабинетахъ уставы, которые на другой день по нашемъ выходѣ отсюда будутъ, разумѣется, отмѣнены. Я говорю не объ органическихъ законахъ, а о цѣломъ рядѣ временныхъ мѣръ, пересаженныхъ съ російской прямо на болгарскую почву. Смердящіе Лазари прежняго порядка, пользовавшіеся при туркахъ почетомъ и вліяніемъ, если и появляются въ клубѣ, то держатся въ сторонѣ и больше молчатъ. Чорбаджіямъ видимо не везетъ въ молодомъ княжествѣ, какъ ни старался о нихъ князь Черкасскій. Чорбаджіи впрочемъ не теряютъ надежды на лучшее будущее. Они мечтаютъ—о чемъ бы вы думали? Да не болѣе не менѣе какъ о томъ, чтобы возстановить прежнее свое положеніе и турецкіе порядки, столь имъ милые. Каковы бы ни были ихъ усилія—я не вѣрю въ ихъ успѣхъ. Жизнь молодой страны богата. Выражаясь словами знаменитаго русскаго писателя: ей не нужно старыхъ лохмотьевъ. Всѣ возстановленія, всѣ реставраціи—всегда были маскарадами... Чорбаджіи—партія безнадежная для будущаго. Соскоблить съ нихъ дикое мясо, которымъ они обросли, невозможно. Эти и въ могилы лягутъ такими же, какими ихъ оставило по себѣ турецкое владычество.

— Отчего вы не устроите болѣе комфортабельнаго помѣщенія для клуба? обратился я къ одному изъ вліятельнѣйшихъ болгарь.

— Потому что тогда къ намъ перестанутъ ходить бѣдные. Теперь всякій идетъ прямо съ улицы, зная, что эта обстановка соотвѣтствуетъ его средствамъ, не мозолить его глазъ... Тутъ онъ встрѣчаетъ то же, что и у себя дома. Богатые тоже въ этой залѣ сливаются съ бѣднотою... А при другихъ условіяхъ было бы совершенно иначе. Тутъ у насъ

бываютъ сходки, тутъ мы читаемъ, учимся... Сюда прїѣзжаютъ, случается, и деревенскіе жители—хлѣбопашцы. Явилось бы и еще болѣе, да не на чѣмъ имъ ѣздить.

— Какъ не на чѣмъ?

— Такъ... Лошадей не было...

Не только лошадей, въ цѣлой губерніи Варненской рабочаго скота почти нѣтъ. Турки все угнали, черкесы съѣли, египтяне просто прирѣзали. Подъ Варной стоялъ принцъ Гассанъ со своими войсками, которыя словно моръ прошли по странѣ: виноградники вытоптали, деревья порубили, поля съѣдены конями; по этому здѣсь бѣольшая часть земель осталась необработанною вовсе, а въ слѣдующемъ году, вѣрно, будетъ голодь, разумѣется, только въ Варненскомъ округѣ. Мы, впрочемъ, отчасти выручили болгаръ: княжеству подарено 10,000 лошадей. Ихъ приводили въ Проводы и оттуда уже распредѣляли по мѣстностямъ наиболѣе нуждающимся. Коней болгарская администрація продавала бѣднѣйшему населенію съ торговъ, при чемъ вырученныя деньги шли прямо въ кассу княжества. Цѣны при этомъ разнообразились отъ 10 до 100 франковъ за лошадь; бѣднѣйшіе хозяева, не имѣвшіе на что купить, получали коней даромъ. Не проданные отдавались за что попало,—шли даже за пять франковъ. Къ сожалѣнію, кони эти не годятся для полевыхъ работъ, а только для вьюковъ и для... живодеренъ. Первая партія въ 3,000 коней, доставленная сюда изъ военнаго депо, оказалась въ столь ужасномъ состояніи, что треть лошадей пала, въ Проводахъ, въ первый же день по прибытіи. Начальство транспортное, видите ли, узнавъ, что кони должны быть отданы болгарамъ, *цѣлую недѣлю не кормило животныхъ*, представляя имъ питаться мечтами о счастьи принадлежать болгарамъ... Лошадей получили и бѣднѣйшіе мусульмане, и греческіе пролетаріи, но за то въ сравнительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ болгары. На торги, подъ видомъ бѣдныхъ мѣстныхъ жителей, явились было и наши жидки; но этому скоро положили конецъ, и ловкимъ гешефтмахерамъ изъ племени Іудина не удалось

попользоваться чужимъ добромъ. До чего, вслѣдствіе уменьшенія количества обрабатываемыхъ земель, здѣсь упали цѣны даже на сады, видно изъ того, что на дняхъ около Варны проданы виноградники за... пять полуимперіаловъ десятина. Но это, разумѣется, продлится недолго. Обычная цѣна хорошему винограднику здѣсь—100 наполеондоровъ десятина.

— Правда ли, что коней сдали болгарамъ въ такомъ ужасномъ видѣ? Спрашиваю я у одного хищника, транспортнаго Каина, который теперь, волочаясь подь судомъ, играетъ роль угнѣтенной невинности.

— Правда...

— Такими же кони и у насъ были.

— Нѣтъ зачѣмъ же... Мы перестали кормить, какъ узнали, что ихъ дарятъ подлецамъ братушкамъ. Лучше же деньги пускай у насъ остаются. Все мы ихъ въ Россію привеземъ и тамъ *благородно* истратимъ.

— А если по суду да отберуть.

Каинъ подмигнулъ мнѣ и засвисталъ только.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Лови, лови—часы любви!... А подлецамъ братушкамъ я всегда радъ напакостить, хоть чѣмъ нибудь, хоть самую малостью... Пускай-ко выкусятъ.

VIII.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Я на Варненской губерніи особенно много останавливаюсь еще и вслѣдствіе интереса, какой она представляетъ *своимъ* племеннымъ составомъ. Всѣ затрудненія, которыя, съ удаленіемъ нашихъ войскъ *возникнутъ* для молодаго княжества, будутъ имѣть мѣсто именно здѣсь, и нигдѣ болѣе. Вотъ, напримѣръ, перечень здѣшняго населенія.

	Христіанъ.	Мусульманъ.
Въ Варнѣ	3,734	1,824
+2,300 бѣженцевъ турокъ, возвратившихся сюда.		
» его округѣ	6,083	4,646
» Бальчикскомъ округѣ	2,693	2,490
» Базарджикскомъ «	3,977	7,420
» Проводійскомъ »	8,246	13,000
» Силистрійскомъ »	15,747	26,250
» Шумлійскомъ »	8,586	23,863
» городѣ Шумлѣ	2,150	6,500
Всего	51,216	85,993

Здѣсь считаются одни мужчины. Итакъ, христіанское населеніе относится къ мусульманскому какъ 5 къ 8,5 .

Эти элементы населенія—рѣшительно непримиримы. Мечтать о ихъ сляніи могутъ люди, никогда не выходившіе изъ своихъ кабинетовъ. Прекраснодушіе этихъ гуманистовъ здѣсь не найдетъ оправданія въ дѣйствительности. И тѣ и другіе, и христіане, и мусульмане—слишкомъ хорошіе патріоты, чтобы пойти на уступки. Еще съ греками мусульмане сойдутся, съ болгарами—никогда. Это патріотизмъ именно той хищной закваски, при которой люди не понимаютъ, — какъ это рядомъ со мной можетъ дышать другой, ходящій не въ мою церковь и называющій Бога иначе, чѣмъ я. Это патріотизмъ, который трудно отличить отъ животной ненависти. Онъ обыкновенно начинается отчужденіемъ, продолжается притѣсненіемъ и оканчивается потоками крови.

Кстати, разъ дѣло уже коснулось цифръ, приведу болѣе подробныя свѣдѣнія о смѣтахъ дохода и расхода по княжеству Болгарскому на 1879—80 годъ (годъ считается съ 1-го марта 1879 по 1-е марта 1880 г.). Всѣхъ ожидаемыхъ по смѣтѣ доходовъ 23.230,337 фр., а за исключеніемъ оборотныхъ и временныхъ поступленій—23.019,700 фр. Доходы

эти, главнымъ образомъ, распредѣляются по старому турецкому порядку. Источники остались почти тѣ же, только эксплуатируютъ ихъ иначе, чѣмъ при туркахъ. Вообще, если бы турецкіе финансовые законы исполнялись точно, Болгарія и до войны была бы счастливѣйшею страной въ Европѣ по отношенію къ экономическому благосостоянію. Турецкіе писанные законы далеко не такъ плохи, какъ вы полагаете, господа.

— Тогда мы платили гораздо меньше! вздыхаетъ до сихъ поръ скупой болгаринъ.

— Зато вы не были свободны.

— Черезъ годъ мы будемъ и свободны, и платить станемъ мало.

— Какимъ же это образомъ?

— Да временное управленіе было слишкомъ щедро на наши франки... Русскіе получали много, а болгарскимъ чиновникамъ довольно будетъ и трети. Наша страна—молодая страна; ей еще окрѣпнуть нужно сначала, а потомъ уже роскошничать.

Скупость, можетъ быть, вполнѣ и перейдетъ въ благоразумную расчетливость, но пока она очень даетъ себя чувствовать. Вотъ, на примѣръ, какъ расщедрились болгары: на ремонтъ громаднаго военнаго разградскаго склада, гдѣ однихъ патроновъ сложено 35 милл. штукъ и гдѣ требуется завести множество построекъ, княжеское правительство отпустило всего 3,000 франковъ!

Главная доходная статья (ошуръ при туркахъ)—десятина замѣнена теперь поземельнымъ налогомъ, который долженъ дать 7.000,000 фр. Прежде получалось отъ сбора 17.150,000 франковъ, при чемъ каждый въ отдѣльности платилъ меньше. Это объясняется уменьшеніемъ въ военное время числа обрабатываемыхъ земель и тѣмъ, что поля бѣжавшихъ турокъ совсѣмъ остались незасѣянными. Уменьшеніе это подало поводъ болгарамъ, не сообразившимъ дѣла, обвинять нашихъ чиновниковъ даже въ утайкѣ десятины. Несомнѣнно, что вто-

ростепенные агенты наши и злоупотребляли кое-чѣмъ, но подозревать нашихъ чиновниковъ въ столь крупныхъ злоупотребленіяхъ, по меньшей мѣрѣ, неблагоприятно. Въ этихъ слухахъ сказалось недовольство болгаръ новыми, чуждыми имъ, порядками, а также и главное—отсутствіемъ контроля. Тутъ всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Своя рука—владыка! Скупые расчетливые братушки вели счетъ каждой копѣйкѣ. У нихъ все оставалось въ памяти, и когда мы ушли—посыпался цѣлый рядъ вопросовъ: куда дѣлось то? куда израсходовано это? что сдѣлано съ тѣмъ-то?.. Къ сожалѣнію, отвѣты на эти вопросы еще до сихъ поръ ожидаются. Впрочемъ, мнѣ кажется, братушки такъ обрадовались уходу нашихъ чиновниковъ, что готовы простить и канцелярскую и финансовую тайну. Ужъ очень мы ихъ доѣзжали несвойственными имъ порядками и непонятными имъ требованіями. Налогъ съ движимыхъ имуществъ—при туркахъ—эмлякъ-вергисъ, налогъ со всѣхъ видовъ чистаго дохода—теметуатъ и налогъ съ наемной платы за недвижимыя имущества—иджаръ—всѣ вмѣстѣ даютъ 3.490,000 фр. При туркахъ опять-таки каждый въ отдѣльности платилъ меньше, а въ общемъ выходило больше—4.815,159 фр. Такое уменьшеніе вполне понятно: недвижимыя имущества бѣжавшихъ турокъ, большею частію раззоренныя, не могли быть обложены. Да и сверхъ того, сейчасъ же помирволили богатымъ собственникамъ и предпринимателямъ, а бѣдный платить болѣе того, что платилъ прежде.

Налогъ съ овецъ и козъ (бегликъ) самый несправедливый ненавистный и стѣснительный для народа — 3.100,000 фр.; при турецкомъ правительствѣ—5.169,531 фр. За время войны скотоводство здѣшнее было почти уничтожено; овцы и козы съѣдены турецкими и русскими войсками, черкесами и египетскими мародерами. Наши казаки, ловившіе, то и дѣло, яко бы «дикихъ» овецъ и «природныхъ» коровъ, тоже не мало способствовали ихъ истребленію. Скотоводство улучшилось только съ водвореніемъ полной имущественной безопасности. Болгары мечтаютъ, впрочемъ, о совершенномъ исклю-

ченіи этого источника доходовъ изъ своей государственной росписи, находя крайне несправедливымъ за каждую голову овцы или козы платить по франку въ казну. Сборъ этотъ дѣйствительно крайне тяжелъ для народа; меня удивило, что временное управленіе не уменьшило или даже совсѣмъ не уничтожило его. Впрочемъ, на вопросъ мой по этому предмету, одинъ изъ финансовыхъ геніевъ болгарскихъ — російскій чиновникъ и дѣлецъ—отвѣтилъ мнѣ: «мы призваны не уменьшать, а увеличивать доходность государства» (точно это ферма какая!). Итого всѣхъ прямыхъ налоговъ 13.590,000 франковъ.

Налогѣ косвенные.

Муруриѣ— акцизъ съ сыраго табаку . .	350,000 фр.
Съ фабрикаціи табаку, бандероли . . .	2.000,000 »
Рускатіѣ—патенты на право продажи .	100,000 »

Итого . . . 2.450,000 фр.

Этотъ налогъ почти весь созданъ теперь. Табачная регалія въ Дунайскомъ вилайэтѣ при туркахъ составляла всего 931,865 франковъ. Впослѣдствіи изъ описанія моей поѣздки въ Султанство Гирловское, видно будетъ, насколько эта мѣра была губительна для табачныхъ плантацій страны, прежде столь многочисленныхъ.

Налогъ съ вина и спиртныхъ напитковъ—шарабъ гурюкъ — 732,600 франковъ. Во время войны, значительныя пространства, заняты виноградниками, совсѣмъ уничтожены; возстановленіе ихъ требуетъ много времени, почему и этотъ источникъ доходовъ не скоро еще дастъ большую сумму. Впрочемъ, взяли не мытьемъ, такъ катаньемъ. Стали покровительствовать разведенію кабаковъ...

За право торговли вообще, за право продажи скота — интизапъ, за вѣсовой и мѣрочный сборъ—бечъ—26,500 фр., гербовый сборъ—70,000 фр., паспортный сборъ, за загранич-

ные виды и проходныя свидѣтельства для сношенія съ Румелией, Добруджей, Македоніей — 65,000 фр. Внутреннихъ паспортовъ здѣсь нѣтъ, да и вводитъ ихъ не думаютъ. Что касается до проходныхъ свидѣтельствъ, то они были сюда введены нами и здѣсь очень непопулярны, — доступъ въ Румелию, Македонію и Добруджу былъ до сихъ поръ свободенъ. Кажется, что съ нашимъ уходомъ — эта мѣра административнаго контроля будетъ и вовсе отмѣнена. Думаютъ ее сохранить на время только для редифовъ и низамовъ, а также для софть, приюжающихъ сюда изъ Турціи.

Есть еще цѣлый рядъ сборовъ: за право выпаса скота, пригоняемаго изъ Румыніи, за право убоя скота въ городахъ, за право разводить шелковичныхъ червей. Послѣдній существовалъ при турецкомъ правительствѣ и былъ крайне стѣснителенъ для мѣстнаго шелководства, которое иначе могло бы очень развиться. Сборъ этотъ, по своей ничтожности и вреду, приносимому имъ, въ смѣту не включенъ. Прежде существовалъ сборъ за право носить оружіе, но такъ какъ онъ не согласуется съ началами болгарской конституціи, по которой всякій гражданинъ можетъ надѣть на себя хоть цѣлый арсеналь, то также исключенъ изъ смѣты. Впрочемъ, и до утверженія народнымъ собраніемъ конституціи, сборъ этотъ всего только и давалъ въ Софійской губерніи 76 фр. 65 с. и Виддинской 407 фр. 21 с.

Доходы государственныхъ имуществъ съ лѣсовъ, земель, пастбищъ и сѣнокосовъ, каменноугольныхъ копей, каменоломень, добываемой извести, виноградниковъ, принадлежащихъ казнѣ, рыбныхъ ловель, камышевыхъ болотъ, пристаней и переправъ — 282,600 франковъ. Случайныя поступления отъ продажи конфискованныхъ товаровъ и продажи прогульнаго скота дало въ прошломъ году 80,000 франковъ.

Оборотныхъ и временныхъ поступленій ожидается 210,637 франковъ.

Всего по вѣдомству финансоваго отдѣленія 17.505,337 фр.
По вѣдомству центральнаго таможеннаго управленія:

Пошлинь съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ, кромѣ спирта и соли	4.000,000	фр.
Съ привозимой изъ-за границы соли	500,000	»
Съ привозимаго изъ-за границы спирта	30,000	»
<hr/>		
Всего	4.530,000	»

Въ 1878 г. въ военное время много предметовъ ввозилось беспошлинно. Жидки ухитрялись миллионные грузы провозить въ Варну, а во время самой кампаніи, черезъ Систово и Никополь, не платя ни копѣйки.

— Для войскъ! отвѣчали болгарскимъ чиновникамъ эти современные Шейлоки.

Къ числу этихъ господъ, впрочемъ, необходимо присокупить и благополучнаго Новосельскаго (смотри эпизодъ, рассказанный мною въ первомъ томѣ «Года войны» и приведенный тамъ покаянный вопль знаменитаго одесскаго градскаго головы). Теперь почти все здѣсь уже обложено налогомъ.

Вообще протекціонная система принята въ самыхъ беспощадныхъ формахъ. При турецкомъ правительствѣ, вмѣсто ожидаемыхъ теперь $4\frac{1}{2}$ миллионовъ таможенныхъ доходовъ, поступало всего 1.290,000 фр. Уменьшена нами только пошлина на иностранную соль. Несмотря на все это, характеръ болгарскихъ границъ таковъ, что контрабанда здѣсь должна развиваться чрезвычайно широко. Сюда уже понаѣхали изъ нашей австро-русской границы евреи, которые собираются организовать свой промыселъ на самыхъ безцеремонныхъ основаніяхъ. Бороться съ нимъ и теперь, и долго потомъ нѣтъ и не будетъ средствъ у княжескаго правительства. Пока таможни здѣсь очень строги, но, при общей на Востокъ любви къ пешкешу и взяткѣ,—можно надѣяться, что таможенные чиновники княжества не будутъ очень ужъ неумолимы.

По вѣдомству отдѣла внутреннихъ дѣлъ: сборъ за почтовую корреспонденцію, штрафовъ за неисправное содержаніе станцій и почтовой гоньбы исчислено 310,000 фр., а содержаніе всего почтоваго управленія обойдется въ 1.115,332 фр.

Телеграфный доходъ предполагается гадательно—въ 400,000 фр. Телеграфныя сообщенія внутри страны очень дешевы. Послать депешу въ 20 словъ на всемъ пространствѣ Болгарскаго княжества стоитъ 75 коп. кредитными.

Къ сожалѣнію, хотя почтовые чиновники болгарскіе дѣйствуютъ гораздо честнѣе русскихъ, бывшихъ здѣсь во время войны, но добрый примѣръ этихъ господъ не пропалъ даромъ. Молодому княжеству долго еще придется бороться съ печальными традиціями военнаго почтоваго ражима.

Остальные источники поступленій очень ничтожны, за исключеніемъ судебного отдѣла (актовыхъ пошлинъ 92,500 фр. судебныхъ пошлинъ и денежныхъ штрафовъ 369,000 фр.), который весь даетъ 452,000 франковъ.

Вотъ пока всѣ источники доходовъ. Ожидается въ странѣ большое развитіе промышленности, но молодая администрація конституціоннаго княжества думаетъ въ этомъ случаѣ обойтись безъ налоговъ, чтобы въ самомъ началѣ не подорвать предпринимателей. Самая смѣта, приведенная нами, по многимъ рубрикамъ является гадательною и даже поэтической по широтѣ фантазіи и глубинѣ замысла; хотя ея доходы и исчислены сообразно поступленіямъ прошлаго года.

Смѣта расходамъ изъ доходовъ княжества Болгарскаго опредѣляется въ 21.494,555 франковъ. Изъ этого числа на содержаніе болгарскаго князя и его двора 600,000 фр. («если понравится—дадимъ болѣе, не понравится—уменьшимъ», наивно говорятъ болгары), на содержаніе народнаго собранія 500,000 фр., на содержаніе императорскаго комиссара изъ 100,000 въ годъ за время съ 1-го марта по 1-е августа—41,666 фр., ему же на экстраординарные расходы изъ опредѣленныхъ на годъ 500,000—208,333 фр. Содержаніе центрального гражданскаго управленія 535,366 фр., содержаніе финансоваго отдѣла 1.904,216 фр., содержаніе таможеннаго управленія 490,000 фр., народнаго просвѣщенія 544,400 фр., вѣдомства духовныхъ дѣлъ 364,200 фр., судебного отдѣла 1.371,040 фр., отдѣла внутреннихъ дѣлъ 4.654,200 фр., те-

леграфа 482,970 фр., почты 1.115,332 фр. По вѣдомству военному: центральное управленіе 158,580 фр. Управленіе начальника артиллеріи (русскій — полковникъ Лѣсовой) 56,220 фр. Начальникамъ военныхъ отдѣловъ (двое) 71,580 фр. Софійское военное училище 211,140 фр. Жалованье русскимъ офицерамъ 1.266,870, болгарскимъ 115,500 фр. Солдатамъ русскимъ 132,780, болгарскимъ 443,640 фр. Обмундированіе и снаряженіе 908,190 фр. Провіантъ 2.391,188 фр. Фуражъ 1.074,670 фр., дрова и освѣщеніе 327,415 фр. Военно-медицинская часть 250,000. Всего по военному вѣдомству 8 682,839. Какъ видите, и здѣсь самая несчастная доля — народному просвѣщенію. Болгары этой смѣтой не совсѣмъ довольны. Я говорилъ со многими изъ нихъ. Они выражаютъ полное убѣжденіе, что палата не утвердитъ бюджета въ его настоящемъ видѣ.

— У насъ слишкомъ мало школъ, нѣтъ техническихъ училищъ...

Народное собраніе на этотъ разъ будетъ созвано только для утвержденія бюджета. Послѣ того его предполагается распустить до слѣдующаго года.

Выходя изъ болгарскаго клуба — я наткнулся на похороны, поразившіе меня своими оригинальными обрядами. Еще издали доносились какіе-то дикіе крики, а когда шествіе приблизилось къ намъ, то оказалось, что это дѣтскіе голоса во все горло выпѣваютъ однообразный высшей степени мотивъ, состоящій не болѣе какъ изъ трехъ нотъ. Взрослые, идущіе кучкой въ тактъ монотонному дѣтскому пѣнію, выдѣлываютъ гнусливыя рулады, которыя непріятны непривычному уху путешественника. Греки притерпѣлись къ болгарскимъ похоронамъ потому, что у нихъ это совершается еще хуже, еще гнусливѣе, еще крикливѣе. Впереди всѣхъ на встрѣчу намъ двигались во главѣ процессіи крестъ и рипиды, мальчуганы и церковные служители нестройною толпою спотыкаясь, а зачастую и угощая другъ друга тукманками, шли за крестомъ, мало обращая вниманія на бѣлыя ризы съ черными

крестами священниковъ, двигавшихся позади. Попы выкрикивали еще гнусливѣе: особенно одинъ, тотъ точно разозлился на небо и посылалъ ему сморщась и во все горло самыя не музыкальныя нотки. Остальнымъ это, очевидно, нравилось, потому что они съ большою завистью смотрѣли на пѣвца. За священникомъ густая толпа, посреди которой носилки, а на носилкахъ трупъ.

— Гдѣ-же гробъ.

— У болгаръ въ гробахъ не хоронять.

— Ну, вотъ.

— Развѣ очень богатыхъ. Тѣхъ въ ящики кладуть.

Носилки и трупъ лежащій на нихъ были покрыты парчой, видимо взятой изъ церкви, вылинявшей, вѣтхой. Изъ подъ нея виднѣлись включенные волосы, синеватое лицо и строгія брови, хмурившіяся надъ сомкнутыми вѣками. На груди у покойнаго іерусалимская булла. Ее берутъ на прокатъ за 5 или 10 франковъ у пилигримовъ, которые посѣщали гробъ Господень; тотчасъ-же, послѣ церемоніи, буллу возвращаютъ по принадлежности. Дойдя до могилы, всѣ останавливаются. Священнику въ чашѣ подаютъ вино, смѣшанное съ масломъ. Такъ было и въ этотъ разъ. Онъ облилъ этою жидкостью яму и усопшаго—крестообразно. Потомъ на полотенцахъ трупъ опустили въ могилу и сейчасъ-же засыпали его землей, такъ, что первыя комья ея упали прямо на суровое, хмурое лицо покойника. Носилки тотчасъ же унесли назадъ. Засыпавъ яму ровень съ землей, окурили могилу ладномъ, брызнули на нее краснаго вина. Затѣмъ родные въ головахъ могилы поставили какой-то деревянный ящикъ, затѣйливо сдѣланный, въ родѣ фонаря. Тамъ стояла икона, передъ которой зажгли свѣчку... Огонь будетъ поддерживаться три дня, а потомъ въ теченіи сорока дней его будутъ зажигать только по утрамъ. Погребальныя церемоніи закончились послѣ того, какъ мать умершаго раздала присутствовавшимъ куски бѣлой булки...

X.

МОНАСТЫРЬ СВ. ДИМИТРІЯ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варны, на берегу моря, среди чрезвычайно живописныхъ окрестностей, весь окутавшійся въ чашу вишневыхъ и персиковыхъ деревьевъ, стоитъ монастырь св. Димитрія. Я туда поѣхалъ утромъ. Аробаджи повезъ меня въ тѣ самыя ворота Ибрагимъ-капу, въ которыя прорвался Воронцовъ, послѣ отчаяннаго и дорого намъ стоившаго штурма 1828 г. Рѣзня цѣлый день продолжалась тогда на улицахъ мусульманскаго города, при чемъ не мало было перебито и нашихъ. Воронцовъ построилъ здѣсь первую христіанскую церковь, существующую и до сихъ поръ, а потомъ... потомъ, пожертвовавъ сотнями тысячъ лучшихъ солдатъ своей арміи, миллиардами денегъ, мы великодушно озаботились спасти Турцію, чтобы въ 1853 и въ 1877—1878 гг. снова поливать своею кровью ея тучныя поля, сплошь удобренныя русскими тѣлами... Гдѣ конецъ этой удивительной эпопеѣ. Мы точно хранимъ Турцію, чтобы подъ бокомъ у насъ оставался постоянный поводъ къ войнѣ, постоянный очагъ политическихъ смуть и потрясеній. Турція—это воплощенный катаклизмъ. Въ 1878 г. мы могли освободить безповоротно всѣ славянскіе народы и война бы сдѣлала это святое и великое дѣло—еслибы на сцену не выступила трусливая, жалкая и робкая дипломатія.... Теперь славяне подѣлены между Австріей и Турціей и разрѣшеніе восточнаго вопроса стало еще невозможно.... Да, не даромъ имена дипломатовъ здѣсь на славянскомъ югѣ повторяются съ ненавистью и отчаяніемъ... Послѣ блистательныхъ побѣдъ печальную страницу робости, и малодушія вписали мы въ исторію этого кроваваго вопроса... Лучше было бы совсѣмъ не поднимать дѣла, только бы не заканчивать его такъ. Уступка эта такая стремнина, на которой не удержишься. Сегодня поступился однимъ, завтра другимъ—

сегодня въ бездонную и жадную пасть нашихъ политическихъ враговъ бросили одно, завтра другое, послѣ-завтра третье. А тамъ въ концѣ вмѣстѣ съ благомъ народовъ и честь свою отдадимъ—потому что прямо въ низъ, безповоротно въ омутъ... мы такимъ образомъ платимся за бездарность и эгоизмъ дипломатіи. Ей что? У Биконсфильдовъ всякаго рода—ни стыда, ни совѣсти. Самимъ бы жилось легко и хорошо а до народа, до государства—какое имъ дѣло. Я краснѣлъ въ Болгаріи, когда представители этой страны задавали мнѣ проклятые вопросы, на которые ни одинъ русскій не дастъ отвѣта, не опустивъ глазъ внизъ... Не забудемъ же кому мы обязаны этимъ позоромъ, этимъ стыдомъ великимъ. На нашемъ гербѣ—пятно. Девизы наши теперь звучатъ фальшивыми нотами. Не только сами себѣ мы уже не вѣримъ—намъ не вѣрятъ и другіе. Вотъ чего мы добились!...

Дорога идетъ сначала полями. Жаркое солнце іюльскаго полудня загнало всѣхъ въ дома, за толстыя каменные стѣны, за крѣпкія рѣшетки оконъ, за ихъ зеленыя жалузи или подъ тѣнь громаднхъ деревьевъ. Трава суха до такой степени, что достаточно бросить спичку—загорится и красные языки пламени оближутъ и эти корявые стволы, и эти сложенные грубо изъ неотесаннаго камня стѣны. Направо и налѣво кладбища— французское, итальянское, греческое, армянское, болгарское, турецкое. Они вовсе не такъ красивы какъ принято полагать. Во всей Турціи и ея васальныхъ княжествахъ очаровательные уголки представляютъ только кладбища Скутари и Стамбула. Во всѣхъ остальныхъ—это бесплодные скаты, покрытые безобразными надгробными памятниками—отесками камней... Часто они разбрасываются посреди городовъ—заражая ихъ и вызывая въ жаркія лѣтнія мѣсяцы эпидемію, отъ которой здѣсь вымираютъ цѣлые кварталы.. Администрація напрасно бы задавалась цѣлю вынести эти очаги болѣзней за городъ. Мусульманинъ не позволитъ дотронуться до могилы. Онъ священный и горе тому кто нарушилъ бы вѣчный покой мертвыхъ...

Здѣсь, на Востокѣ, даже смерть не примиряетъ національно-

стей, даже подъ насыпью могилы онѣ не хотятъ прикоснуться одна къ другой. Мнѣ кажется, что грекъ воскресъ бы отъ негодова-нія, еслибы его положили рядомъ съ болгаринномъ, котораго онѣ презираетъ до такой степени, что даже и теперь, въ періодъ болгарскаго владычества, говоритъ во всеуслышаніе:

— Собака немного лучше болгарина!

Даже школьники въ училищахъ—и тѣ различаются между собою. Мнѣ по дорогѣ попалось ихъ много. Одѣты они въ матросскія полотняныя рубахи, только у однихъ съ синимъ, у другихъ съ лиловымъ, у третьихъ съ зеленымъ воротомъ.

— Что значить эта разница? спрашиваю у своего спутника.

— Да видите: лиловые—армяне, зеленые—болгары, синіе—греки.

Въ общихъ школахъ, гдѣ есть такіе, семилѣтніе мальчуганы уже разсаживаются по національностямъ и не хотятъ ничего общаго имѣть между собою. Впрочемъ, виновать, одно общее между ними: и греки, и армяне, и турки въ безпанталонномъ возрастѣ, также какъ ихъ отцы и дѣды, соединяются для того, чтобы съобща избивать болгаръ. Въ этомъ отношеніи они единодушны... Ненависть здѣсь рождается съ первымъ лепетомъ младенца и кончается послѣднимъ вздохомъ умирающаго... Не было примѣра въ Варнѣ, чтобы гречанка вышла замужъ за болгарина и обратно. Такой бракъ считался бы позоромъ для семьи. Правда, богачи болгары зачастую женятся на румункахъ, но и только. Недавно въ Варнѣ разыгралась драма, окончившаяся самоубійствомъ. Воспитанникъ чешскаго университета — молодой Стоянъ Начичъ—красивый, ловкій болгаринъ влюбился въ прелестную только что вернувшуюся изъ Дрезденскаго института гречанку Вануци. Они познакомились совершенно случайно на морскомъ берегу, гдѣ Стоянъ имѣлъ счастье оказать дѣвушкѣ какую то пустую услугу. Любовь у обоихъ разгорѣлась разомъ, точно пожаромъ охватило ихъ. На югѣ—не разсуждаютъ. Родители дѣвушки замѣтили опасность во время и заперли дочку въ монастырь. Стоянъ—сынъ богатаго купца,

сдѣлалъ предложеніе, которое было отвергнуто съ презрѣніемъ. Тогда подговоривъ нѣсколько товарищей онъ хотѣлъ выкрасть дѣвушку. Предпріятіе не удалось и чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ попыткамъ въ этомъ родѣ отецъ гречанки выдалъ ее замужъ за богатаго старика Христо Анастасіади. Стояну — жизнь послѣ того показалась вѣчною мукой. Онъ отправился въ Македонію, дрался съ турками. Пули пощадилъ его. Успокоенный нѣсколько, молодой болгаринъ вернулся въ Варну. Здѣсь бродя около дома, гдѣ жила его милая, онъ услышалъ ее крики. Оказалось, что «старый мужъ, грозный мужъ» бьетъ свою жену. Стоянь быстро принялъ рѣшеніе: подстеречь старика, когда тотъ поѣхалъ въ свои виноградники, положилъ его на повалъ выстрѣломъ изъ ружья и вернулся въ городъ. Дѣло раскрылось. На другой день явились полицейскіе арестовать Стояна—но онъ не хотѣлъ ждать суда и размозжилъ себѣ голову—благо подъ руками оказался заряженный револьверъ. Вдова.... увы! не долго помнила своего возлюбленнаго. Ее увлекъ какой то русскій офицеръ, бросившій несчастную въ чужомъ городѣ безъ средствъ и сверхъ того беременной...

Тамъ, гдѣ кончились поля направо и налево, вдоль пыльной дороги, потянулись сады. Они въ высшей степени оригинальны. Низкорослые виноградники и, между ними, громадные, сочные, свѣжіе волошскіе орѣшники, разбрасывающіе,—каждый — чуть не на десятину прохладную тѣнь. Въ этой тѣни ютятся, на коврахъ, цѣлыя семьи грековъ и армянъ. По дорогѣ тоже стали попадаться оригинальныя таратайки съ навѣсами. Вотъ въ гору поднимается просто-напросто ящикъ, поставленный на колеса. Въ ящикѣ бьются во все стороны и щебечутъ дѣтскія головки. Всю эту шумную колонію мальчугановъ везетъ одинъ лишь осликъ, крайне печальнаго и забитаго вида. Рядомъ съ нимъ бѣжитъ необычайно свирѣпый малый, тыкающій животное во все мѣста палкой. Осликъ только встряхиваетъ ушами да отмахивается хвостомъ.

— Какъ теперь чахлы эти сады!

— А что?

— Да какже! Вѣдь все время войны въ Варнѣ стоялъ принцъ Гассанъ египетскій, а его солдаты были расположены въ этихъ садахъ. Ну, понятно, пожгли и уничтожили все: плодовые деревья, требующія нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ ухода, были истреблены ими; въ садахъ стояли красивые кіоски—тоже сожгли... Вообще Варна пострадала ужасно.

— Да почему же послѣ того греки недовольны настоящимъ положеніемъ — безопасностію, правами?... Развѣ имъ не лучше, чѣмъ при туркахъ?

— Разумѣется, лучше. Но они ненавидятъ болгаръ,—ненавидятъ такъ, что согласны скорѣе мириться съ египетскими принцами Гассанами, чѣмъ съ болгарскою властью...

Тутъ даже побоища бываютъ. Рядомъ два монастыря—св. Дмитрія и далѣе свв. Константина и Елены. Въ первомъ болгары справляютъ свой праздникъ Кирилла и Меѳодія *), а во вто-

*) У болгаръ особенно популярны праздники Вознесенія Господня и Успѣнія и Рождества пресв. Богородицы и дни Архангела Михаила и святыхъ Николая Чудотворца, Кирилла и Меѳодія, Афанасія, Іоанна Крестителя и Іоанна Рыльского, св. Дмитрія и Георгія побѣдоносца. Праздники у болгаръ чествуются такъ: богатые устраиваютъ у себя столы, куда приглашаются всѣ, безъ различія состояній и общественныхъ положеній; въ ѣдѣ приступаютъ послѣ молебна, отслуживаемаго тутъ же въ домахъ. Передъ обѣдомъ жертвуютъ деньги на бѣдныхъ и на церковь—кто сколько можетъ. За бѣдныхъ жертвуютъ богатые. Еще утромъ того же дня хозяйка дома и ея дочери ходятъ по сосѣдямъ съ поздравленіями, при чемъ дарятъ имъ пшеничные короваи, медовые пирожки, отдѣланные, если это весна или лѣто—розами, если зима—пучками сушеныхъ благовонныхъ травъ. Каждое ремесло имѣетъ здѣсь своего покровителя—плотникамъ и бочарамъ споспѣшествуетъ св. Іосифъ обручникъ, аптекарямъ и врачамъ—св. Пантелеймонъ Цѣлитель, учителямъ—свв. Кирилль и Меѳодій. Въ день Феодора Тирона объѣзжаютъ лошадей. Но всего шумнѣе день „за боже имя“—по окончаніи полевыхъ работъ когда хлѣбъ и виноградъ уже убраны. Это сельское веселое торжество, куда сходитя и старъ и младъ... Куры, бараны, масло, сыръ, всякая живность и овощъ сносится на церковный дворъ—мужчины тамъ варятъ и жарятъ, а женщины дома готовятъ лакомства—въ родѣ б о л и в о—вареной свѣжей пшеницы, облитой медовою сытой...

ромъ — греки національный праздникъ Константина и Елены. Между этими двумя днями промежутокъ небольшой. Болгары повздорили съ греками въ день Кирилла и Меѳодія и побили благопріятелей, которые, въ свою очередь, собирались имъ отомстить въ день Константина и Елены, да наши помѣшали: двинули сотню казаковъ съ нагайками. Ну, ничего и не произошло, такъ на взаимныхъ деликатностяхъ и разѣхались.

Въ первое время здѣсь было ужасно: каждую ночь находили убитыми на улицахъ Варны — то грековъ, то болгаръ, то турокъ. Крайне не безопасно было даже днемъ въ этомъ лабиринтѣ узенькихъ улицъ и переулочковъ. Теперь поставили болгарскихъ жандармовъ, освѣтили городъ фонарями. При туркахъ, какъ смеркалось, только въ рѣдкомъ окнѣ мелькали огоньки, — спать ложились рано, запирались со всѣхъ сторонъ. Несмотря на рѣшетки, окна еще прикрывались ставнями. Жили закупоренными. Женщины и днемъ не смѣли выходить на улицу, а если и выходили, то перебѣгали по ней, стараясь не встрѣтиться съ молодымъ туркомъ или ханумъ — турчанкой изъ гарема. Случалось, что мулла, наткнувшись на христіанку, плевалъ ей въ лицо. Разъ вышла даже <томаша> изъ за этого. Фанатикъ оказался оскорбилъ такимъ образомъ родственницу консула. Началась переписка. Дѣло кончилось впрочемъ тѣмъ, что муллу перевели въ Константинополь. Ночью въ то время Варна казалась совершенною пустыней. Дома темны. На улицахъ мракъ; на всемъ этомъ мысѣ — ни одного свѣтлаго пятна. Только на судахъ, колышущихся посреди залива, мелькали, да и то робко-робко, огоньки. Въ лунную ночь картина города разумѣется была привлекательна. Серебряное сіяніе мѣсяца скользило по черепичнымъ кровлямъ и окутывало своею фатою высокіе тополи садовъ... Ярko дробились лучи на гребняхъ морскихъ валовъ, неугомонно стремящихся къ отмельнымъ берегамъ дремлющей Варны..

Въ пользу духовенства при этомъ идутъ шкуры и перья убитыхъ животныхъ.

Теперь, вмѣсто кіосковъ, въ садахъ что-то въ родѣ фонарей понастроено. Иначе не знаю, какъ и назвать эти высокіе, но узенькіе домики съ массой оконъ со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые совсѣмъ на припекѣ, на верхушкахъ холмовъ, торчатъ себѣ на солнцѣ и жарятся; жарятся и дачники, пріотившіеся въ нихъ, но ничего, терпятъ... Надъ садами, надъ этимъ царствомъ перебѣгающей тѣни и шороха свѣжихъ вѣтвей, высится угрюмый гребень, на которомъ стоятъ теперь безмолвные форты варненскихъ укрѣпленій. По рѣшенію берлинскаго конгресса, ихъ слѣдуетъ срыть, но средствъ для этого нѣтъ никакихъ. Населеніе и безъ того, послѣ войны, обѣднѣло, даромъ заставлятъ работать нельзя, а денегъ на этотъ предметъ нѣтъ.

Тутъ мнѣ показали громадный садъ одного француза.

— Онъ—французъ, но у него, впрочемъ, есть и турецкое и греческое имена.

— Это какъ?

— У насъ очень часто. Напримѣръ: Вогоридесь—для турокъ Алеко-паша, для грековъ—Богориди, для болгаръ—Богоровъ; губернатора Кристовича и Болгары называютъ—Кристовичемъ, греки же—Кристидесомъ, а турки—Гаврилъ-эффенди. Имена—то же, что и шапки: приходили турки—мы надѣвали фески, уходили—опять брались за наши колпаки, Вѣдь какъ все перемѣшалось,—даже удивительно! Вотъ, напримѣръ, возьмите Бургасскій округъ: въ двухъ его уѣздахъ. Сизопольскомъ и Археоло-мессамврійскомъ, власти говорятъ и пишутъ по-гречески, въ двухъ—Бургасскомъ и Карнабадскомъ—по болгарски, а въ Сайдосскомъ—по-турецки.

— А когда властямъ нужно сноситься между собою, какъ же тогда?

— Онѣ знаютъ и болгарскій, и греческій, и турецкій языки, но не хотятъ употреблять ихъ въ дѣлѣ, а пишутъ по-французски. Нашъ варненскій губернаторъ, Пауковъ, за то знать не хочетъ ни чьихъ языковъ и ведетъ переписку съ консу-

лами не иначе, какъ по-болгарски, что тѣ считаютъ за оскорбленіе и тоже дуются и протестуютъ.

Чистое столпотвореніе вавилонское!

— Консулы, впрочемъ, здѣсь большой руки дрянь: Богъ знаетъ, какъ и откуда ихъ набираютъ. Требуютъ себѣ вездѣ всевозможныхъ уступокъ и удобствъ, пользуются деньгами и всѣмъ, что могутъ сорвать; явно враждуютъ съ Болгаріей и даже турецкимъ софтамъ покровительствуютъ, — софтамъ, которые появляются изъ Стамбула для пропаганды, враждебной княжеству.

Когда софтовъ или редифовъ посылать черезъ Варну нельзя, турки пользуются Добруджей. Ненависть румынъ къ болгарамъ такова, что они оказываютъ этому всевозможное содѣйствіе: снабжаютъ софтовъ своими паспортами, принимаютъ ихъ въ Кюстендже, отводятъ имъ, пока они на румынской почвѣ, помѣщенія и устраиваютъ имъ безопасный путь въ Болгарію. Въ Добруджѣ кроются и разбойники-мусульмане, которыхъ преслѣдуютъ болгарскія власти, при чемъ назадъ въ княжество бандиты возвращаются уже съ румынскими паспортами. Вообще румыны и насъ, и болгаръ отъ души ненавидятъ. Русскій металлическій рубль упалъ въ Румыніи. Онъ стоитъ три франка семьдесятъ сантимовъ, потому что такъ опредѣлил его цѣнность принцъ Карлъ въ своемъ указѣ. Населеніе воспользовалось этимъ и стало уже за 3¹/₂ фр. принимать въ Румыніи, — ну, и въ Добруджѣ тоже. Не однимъ этимъ донимаютъ насъ — гостепріимные румыны. Недавно состоялось было распоряженіе не пускать во второй и первый классъ желѣзныхъ дорогъ — русскихъ. Разумѣется, это продолжалось не долго — но фактъ, какъ кажется, очень характерный.

Вообще здѣсь путаница ужасная. Это — страна разныхъ языковъ, разныхъ племенъ, разныхъ властей и броженія повсемѣстнаго. Такъ, напримѣръ, здѣсь три разныхъ почты, одинаково дѣйствующихъ: болгарская, совершенно уже организованная, замѣнившая нашу русскую, австрійская, тоже

принимающая наши письма и посылки, и русская—спеціальная,—наше общество пароходства и торговли. Выбери любую! Судовъ здѣсь столько—сколько консуловъ. Иностранные подданные не желаютъ судиться въ болгарскихъ учрежденіяхъ. Прежде иностранный подданный судился даже съ туркомъ у своего консула. Понятно, въ чью пользу постановляли при этомъ рѣшенія. Тоже самое съ болгаринемъ—дѣлалось и еще проще. Того вызывали къ консулу, хотя-бы португальскому, отщитывали отвѣтчику кавасы въ консульскомъ домѣ столько-то палокъ—и ступай жалуйся кому хочешь. Судопроизводство было кратко и исполненіе приговоровъ не заставляло ждать себя долго... Три почты, нѣсколько судовъ и два митрополита—болгарскій и греческій. Оба они товарищи по воспитанію и оба ненавидятъ другъ друга, какъ только можно ненавидѣть и какъ умѣютъ ненавидѣть монахи. Между собою они иначе не говорятъ, какъ по-турецки, хотя и греческій, и болгарскій языки знаютъ въ совершенствѣ. Болгарскій митрополитъ даже уѣхалъ въ Шумлу, чтобы не видѣть своего собрата о Христѣ... Греки, при отдѣленіи болгарской церкви, сумѣли захватить себѣ все духовныя имущества; теперь болгары готовятся подѣлиться съ ними по-братски, — разумѣется, принудительнымъ способомъ. Греки изъ болгарскихъ войскъ убѣгаютъ; предложили имъ составить свой легіонъ,—они согласились, но съ тѣмъ, чтобы присягнуть не князю болгарскому, а своему Оттону.

— Да вы же граждане Варны—бывшіе турецкіе, а теперь болгарскіе подданные.

— Подданными рабовъ мы быть не можемъ и не хотимъ...

Создавался здѣсь также вопросъ о мусульманскомъ ополченіи, но бросили, сообразивъ, что ничего не сдѣлаешь, и рѣшили напротивъ, обезоружить магометанъ. Обезоруживать придется при самыхъ неподходящихъ условіяхъ. Молодыхъ дружинъ — недостаточно, созывать же для этого старья—невозможно: не война же это въ самомъ дѣлѣ. Начать нужно съ Дели-Орманскаго лѣса, а тамъ въ трущобахъ, съ двумя-

тремя ротами ничего не подѣлаешь. При этомъ въ высшей степени непріятно, что на новообразовавшихся болгарскихъ жандармовъ опираться нельзя. Несмотря на свои красивыя уланки и эксельбанты, эти господа очень трусливы. Купецъ сказывается въ нихъ до сихъ поръ. Съ карауловъ ночью они уходятъ спать домой — и считаютъ это вполне законнымъ. При исполненіи порученій они крайне лѣнны и несмѣтливы. Съ сельскою стражей они долго ловили знаменитаго турецкаго разбойника, Мелека, и наконецъ окружили; но когда онъ самъ-третей бросился на нихъ, жандармы разбѣжались, выпустивъ добычѹ. При существующихъ властяхъ, какой-нибудь турецкій разбойникъ собираетъ орду челоуѣкъ въ тридцать и начинаетъ самъ править округомъ. Власти запираются въ городѣ и не смѣютъ выходить, потому что на турецкое населеніе надежда плоха: турки своего прикроютъ, а малочисленные болгары смѣлы только когда вблизи русскія войска.

Арабаджи скоро доведетъ насъ до тѣнистой балки, въ которой меланхолически шумѣлъ фонтанъ, падая въ мраморный водоемъ. Вокругъ, пользуясь прохладой, подъ густыми сводами волошкаго орѣшника, сидѣло пропасть грековъ и болгаръ въ своихъ черныхъ колпакахъ съ краснымъ верхомъ, — разумѣется, тѣ и другіе отдѣльно. Говоръ толпы, журчаніе струй, унылая пѣсня подъ аккомпанементъ гайды-болгарской волюнки заняли насъ на одну минуту... Кругомъ были счастливыя лица — видимо отдыхали отъ цѣлой недѣли неустанныхъ работъ. Южанинъ пользуется каждымъ свободнымъ часомъ. Онъ не станетъ его проводить на пыльныхъ улицахъ сожженнаго солнцемъ города, — его тянетъ въ поля въ лѣсъ, въ горы, къ струямъ гремучаго ключа, къ зелени перешептывающихся надъ нимъ деревьевъ... Отсюда, изъ своего прохладнаго уголка, онъ будетъ любоваться и ослѣпительнымъ яснымъ небомъ, и жемчужными тучками, точно сторающими въ солнечномъ блескѣ...

Еще нѣсколько минутъ — и мы приѣхали въ монастырь. Большія каменные ворота.. Нѣсколько каруцъ передъ ними. Смуглые арабаджи, жарящіеся на солнцѣ.. Толпа оборванцевъ —

выпрашивающихъ милостыню — промысль, развившійся съ приходомъ русскихъ.

— Гдѣ же тутъ церковь?

— Она заперта.

— А монахи?

— Есть одинъ только, да и тотъ сталъ трактирщикомъ.

— А кельи?

— Кельи отпускаются въ наемъ—случается, даже влюбленнымъ парочкамъ. Такъ и живутъ здѣсь. На цѣлое лѣто прѣзжаютъ иные.

— Такъ почему же это называется монастыремъ?

— Когда-то была здѣсь обитель и святые калугеры жили въ ней, Богу молились... Ну отцевъ святыхъ не стало—торговать начали.

Оказалось, что это просто загородный трактиръ, который принадлежитъ греческому духовенству. Онъ посадило сюда монаха, торгующаго виномъ, яствами, нумерами—всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, а эллинская церковь получаетъ отъ всего этого постоянный доходъ, и притомъ столь не малый, что болгары уже серьезно подумываютъ, какъ бы всю эту благодать забрать въ свои руки.

Обитель видимо была расположена на замѣчательно красивомъ мѣстѣ. И теперъ изъ оконъ темныхъ прохладныхъ келлій видно—море, сладострастно потягивающееся у крутыхъ песчаныхъ береговъ, осыпи которыхъ тупыми масами вдались въ эту голубую стихію... Очень похоже на картины нормандскаго берега Боголюбова и Бегрова...

Прислуга въ монастырѣ—гагаузы.

Я въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ уже упоминалъ объ этихъ оригинальныхъ людяхъ. Большинство гагаузовъ—бывшіе когда-то болгары. Сохранивъ православіе, они не сохранили языка и говорятъ между собою по турецки. Болгарами они себя не признаютъ вовсе, да и съ греками они тоже не якшаются. Когда вы у нихъ спросите, что они такое, то едва ли отвѣтятъ,—они и сами не знаютъ этого.

Ихъ одинаково не терпятъ и греки, и болгары.

Впрочемъ, въ отношеніяхъ своихъ къ молодому Болгарскому княжеству гагаузы вполнѣ солидарны съ греками. Даже во всѣхъ волненіяхъ сихъ послѣднихъ гагаузы принимали весьма дѣятельное участіе. Еслибъ имъ въ послѣдствіи пришлось выбирать между болгарами или греками, я не сомнѣваюсь, что гагаузы предпочли бы послѣднихъ. Это—христіане, держащіе руку турокъ, — бывшіе болгары, ненавидящіе болгаръ. Турки очень цѣнили гагаузовъ,—въ нихъ они видѣли свою опору. Свидѣтельство христіанина противъ турокъ вообще прежде не принималось; исключеніе дѣлалось только для христіанъ-гагаузовъ. Гагаузъ могъ свидѣтельствовать противъ турокъ, хотя по ненависти къ болгарамъ и не дѣлалъ этого. Гагаузы—ревностные христіане—грабили христіанъ и вмѣстѣ съ баши-бузуками истребляли болгарскія деревни. Эти ренегаты народности, хотя и не вѣры, оказались похуже перекрестовъ. И теперь даже, если случается въ окрестностяхъ Варны убійство и жертвою его является болгаринъ—то сообщаютъ—былъ ограбленъ убитый или нѣтъ. Былъ—значитъ убійца турокъ или грекъ, нѣтъ—слѣдовательно преступленіе совершено гагаузомъ. Сколько я не допытывался о причинахъ этой слѣпой ненависти мнѣ никто и ничего не могъ отвѣтить по этому поводу... Тутъ не одна злоба ренегата, ее бы слишкомъ мало было — для убійства и поголовнаго истребленія болгаръ.

Черезъ дворъ, поросшій цвѣтами, насъ провели въ веранду. Она виситъ высоко надъ самымъ моремъ. Прямо внизу бьются голубыя волны, въ каждомъ пережатѣ которыхъ ярко сверкаетъ знойное солнце... Чайки серебрянными искрами порою бросаются въ эту красивую синь и выхватываютъ изъ волнъ живую добычу... Чуть замѣтные, внизу мелькаютъ и кувыркаются черные, неуклюжіе дельфины. Въ чудно-прекрасной голубой дали смутно вырисовываются гористые берега. У ихъ подножій едва замѣтна серебрянная полоска морскаго прибоя. Бѣлое крыло челнока бьется и полощется недалеко отъ насъ, —

должно-быть грекъ-рыбакъ выѣхалъ туда и ловить себѣ бычковъ да кефалей.. Взглядъ разсѣяннo слѣдитъ за его парусомъ, а сердце невольно приростаетъ къ этимъ берегамъ, къ этимъ спаленнымъ солнцемъ откосамъ, къ этимъ скаламъ, до которыхъ больно дотронуться,—такъ накалились онѣ въ полдневномъ зноѣ... Тутъ понимаешь красоту и прелесть Востока...

Рядомъ съ ними утесъ, за которымъ нѣсколько грековъ толкуютъ что-то о великой будущности элиновъ.

Мой спутникъ хорошо понимаетъ ихъ.

— Это ничего... Пусть уйдутъ русскіе, мы сбросимъ опять словъ-болгаръ... Все здѣсь должно принадлежать Греціи, и никому больше. Греція—это цѣлый міръ, и она поглотитъ Востокъ. Это—будущая Британія!... Это Римъ востока....

— Князь Дондуковъ-Корсаковъ уѣзжаетъ послѣ завтра. Въ концѣ мѣсяца ни одного русскаго здѣсь не останется.

— Тогда мы будемъ хозяевами положенія... Солнце элиновъ только-что восходитъ...

Идутъ эти толки все *crescendo*. Ссылаются на то, что русскіе сами терпѣть не могутъ болгаръ и приводятъ ставшею историческою фразою, сказанную лорду Денмору:

— *Vous protegez les canailles turques, comme nous protegons les canailles bulgairs.* (Вы покровительствуете канальямъ туркамъ, какъ и мы—канальямъ болгарамъ).

Дѣйствительно, фраза историческая: она ярко рисуетъ наше чиновничье отношеніе къ дѣлу. Разумѣется, солдатъ, умиравшій на Шибкѣ и подъ Плевной, не считалъ канальями болгаръ,—пу, а дипломатъ—иное дѣло... Для него не было освободительныхъ цѣлей. Онъ просто давалъ реваншъ—и только.... Страшно, когда такіе господа являются хозяевами дѣла...

Вспоминаютъ и иные случаи. Во время войны турецкихъ парламентеровъ угощали бывало въ главной квартирѣ, причемъ въ порывахъ душевнаго изліянія пожимали руки пашамъ и биямъ, приговаривая:

— Стоило ли намъ изъ за этой сволочи, братушекъ, ссориться...

А тутъ еще недавно одинъ русскій генераль, впрочемъ, изъ тѣхъ, которые не нюхали пороху вовсе, на публичномъ обѣдѣ, гдѣ сидѣли представители мусульманскаго, греческаго, болгарскаго населенія, громогласно заявилъ.

— Братушки—подлецы! Я бы ихъ сотню за одного турка отдалъ...

— Жаль, что турки не истребили болгаръ сплошь... По крайней мѣрѣ войны не было бы... Полумѣры никуда не годятся! Произнесъ другой.

Все это подхватывалось на лету, тотчасъ же сообщалось константинопольскимъ редакціямъ турецкихъ и греческихъ газетамъ и съ приличными случаю разсужденіями являлось на ихъ страницахъ, искренно радуя эллинскія сердца...

— Мы за болгаръ стоимъ только потому, что, разъ начавъ, Россія не могла не кончить этой войны. Газеты раздули, газеты вызвали войну. А мы вовсе и не думали вступаться за этихъ каналовъ. Хотя поголовно ихъ рѣжьте...

И эта безстыдная фраза, приписанная одному россійскому туполобу, появилась во «*Оракии*», обязательно сообщенная ея корреспондентомъ изъ Бургаса. Удивительная эта право привычка у насъ брехать на всѣ четыре стороны, безъ всякаго соображенія о томъ что каждая брехня подхватывается и толкуется на тысячи ладовъ.

Англичане дѣйствуютъ иначе. Оно хоть и комично, но ужасно характерно, на примѣръ, то, что вліятельный англичанинъ и въ тоже время корреспондентъ *Stanart'a*, Фицъ-Джеральдъ, въ Тырновѣ, желая, чтобъ относительно его симпатій не было никакихъ сомнѣній, ходилъ въ турецкую мечеть, снималъ сапоги и пресерьезно молился тамъ невѣдомому Аллаху. А Пальгревъ, работавшій въ противоположномъ направленіи, ходилъ въ комичной болгарской шапкѣ, увеличенной втрое, возился съ болгарскою прислугой, пѣлъ болгарскія пѣсни, ѣлъ болгарскую чорбу и объяснялся по-болгар-

ски,—впрочемъ, такъ, что его никто не понималъ и прежде всего онъ самъ. Корреспондентъ, сочувствующей болгарамъ, французской газеты Леонъ Тазье ни съ того ни съ сего заказалъ себѣ костюмъ болгарскаго ополченца включительно съ красными погонами и сталъ являться въ немъ въ публичныхъ мѣстахъ. Англичанинъ Кингсли произносилъ въ Тырновѣ длиннѣйшія рѣчи на французскомъ языкѣ, приглашая болгаръ отдаться подъ покровительство Британіи и забывая, что этотъ родъ дѣятельности вовсе не относится къ обязанностямъ корреспондента.

Какъ ни комичны эти факты, но въ самыхъ преувеличеніяхъ видно, что люди служатъ дѣлу, идеѣ... Мы же, спасая болгаръ, въ то же время называли ихъ канальями и вмѣстѣ съ турками, обмѣниваясь любезностями, предупредительно соглашались, что братушки — дѣйствительно большія свиньи и драться-де за нихъ вовсе не слѣдовало, напротивъ слѣдовало ихъ истребить поголовно, чтобы и поводовъ къ войнѣ никакихъ не существовало.

Ненависть грековъ къ болгарамъ, между прочимъ, объясняется опасеніями за свое коммерческое будущее. Дѣло въ томъ, что болгары, по натурѣ своей,—купцы, торгаши. Они даже въ Варнѣ, гдѣ ихъ меньшинство, гдѣ грековъ-купцовъ гораздо болѣе, сдумѣли уже понастроить массу лавокъ и отбить у своихъ соперниковъ лучшія отрасли мѣстной торговли.. У нихъ страсть къ торговлѣ до того въѣлась въ кровь и плоть, что даже болгарскіе чиновники, чуть не до губернаторовъ включительно, когда имъ задаютъ слишкомъ много работы, выражаются, и очень серьезно:

— Нѣтъ, я буду лучше торговать.

Это имъ болѣе по душѣ. Что же!—о вкусахъ не спорятъ... Во всякомъ случаѣ, лучше быть хорошимъ купцомъ, чѣмъ дурнымъ чиновникомъ.

Между прочимъ, на вечерѣ у одного изъ главнѣйшихъ столповъ новой, чисто-болгарской, администраціи я слышалъ отъ него слѣдующую замѣчательную фразу:

— Знаете, народъ начинаетъ теперь носить европейское платье. Я, кажется, брошу все и открою лавку вѣнскихъ сапогъ.

Интересенъ этотъ сановникъ, желающій сдѣлаться... сапожникомъ.

Вообще вкусъ къ чиновничеству не развивается здѣсь вовсе. Служилаго класса, т. е. грамотнаго пролетаріата съ бюрократическими тенденціями и съ бюрократическимъ прошлымъ,—въ Болгаріи нѣтъ. Каждый начальникъ округа, каждый приставъ—собственникъ поля, виноградника, дома. Онъ не понимаетъ, какъ можно пожертвовать всѣми этими благами ради мундира и власти. Его не напугаютъ отставкой, потому что голодъ и нужда не грозятъ ему... Поэтому позорное министерство Бурмова, Грекова, Начевича ничего и не могло подѣлать. Хотѣли подтасовать выборы послѣ нашего ухода,—не тутъ-то было. Чиновники отказались исполнять инструкціи, полученныя изъ Софіи. Пригрозили отставкой,—сдѣлайте одолженіе,—этого не испугались. Замѣнить нѣкъмъ. Такимъ образомъ здѣсь непопулярное министерство не можетъ опираться на служилый людъ.

Какими будутъ болгарскіе чиновники впослѣдствіи, мы не знаемъ, но желали бы имъ побольше честности, хотя примѣровъ таковой они видѣли мало. Въ самомъ дѣлѣ, это не клевета: болгары, да и сами русскіе, настойчиво повторяютъ, что страна обобрана... Кѣмъ? — указываютъ людей, упоминаютъ имена. Примѣры пашей, каймакамовъ и валіевъ и между нашими «дѣятелями» не остались безъ подражанія.

Впрочемъ, и сами болгары не страдаютъ особенною щекотливостію въ дѣлѣ наживы. Одинъ изъ кандидатовъ на престолъ княжества, нѣкій румынскій князь Бибеску, получивъ отъ жидовъ—своихъ кредиторовъ—на поддержку кандидатуры 60,000 франковъ, роздалъ ихъ членамъ болгарскаго національнаго собранія. Тѣ взяли деньги и очень наивно распрашивали другъ друга въ корридорѣ тырновскаго конака, гдѣ собирались палаты:

— Ты получилъ?

— Получилъ.

— Что-жь, подашь за него голосъ?

— Стану я за такого дурака!.. Нужно осломъ быть...

— Что же ты сдѣлаешь на эти деньги?

— Я уже заказалъ на нихъ себѣ платье...

Невольно просится подъ перо объ этомъ Бибеску множество весьма смѣшныхъ эпизодовъ. Вотъ на выборъ: въ цѣляхъ той-же кандидатуры, румынскій князекъ издалъ брошюру. На первой страницѣ ея—фотографическій портретъ Бибеску. Подпись: «смотрите, читайте, судите и выбирайте меня!..» Затѣмъ въ самой брошюрѣ сообщалось, что онъ, Бибеску, очень храбръ и ловко танцуетъ, прекрасно ѣздитъ и хорошо фехтуетъ на рапирахъ. Остальные достоинства—тоже въ этомъ родѣ. Въ концѣ концовъ Бибеску обѣщаль любить «свой народъ» и быть справедливымъ...

«У меня есть долги,—признавался князь,—но у кого ихъ нѣтъ?! Я по крайней мѣрѣ обѣщаюсь не дѣлать ихъ, будучи избранъ вами».... Затѣмъ князь обѣщалься создать невиданное благосостояніе въ Болгаріи. «При мнѣ не будетъ голодныхъ, холодныхъ. Вся Болгарія будетъ пѣть и... танцовать». Совершенно румынскія обѣтованія!... Въ самой Румыніи «справедливый» князь Бибеску уже заказалъ рисунки для короны, престола и другихъ регалій... Увы, неблагодарные болгары взяли его деньги, сшили на нихъ сюртуки и панталоны, но голоса подали за другихъ...

— Не хватаетъ только оффенбаховской музыки, а оперетка готова...

Острили здѣсь по этому поводу.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не оффенбаховщина, на примѣръ, заявленіе очень смѣлой, обличительной газеты «Болгаринъ», которую здѣсь почему-то называютъ болгарскимъ Фигаро? Газета, въ лицѣ своего Вильмессана, получила съ того же Бибеску 500 полуимперіаловъ за поддержку его кандидатуры. Когда читатели-болгары отшатнулись отъ продажной газеты, редакторъ сталъ оправдываться.... чѣмъ бы вы думали?

— Я взялъ деньги, дѣйствительно взялъ! благородно заявилъ редакторъ.— Я былъ бѣденъ и взялъ, но только для того, чтобы стать независимымъ...

Ну, не оффенбаховщина ли?

Кстати о томъ же самомъ Вильмессанѣ. «Болгаринъ» особенно злобно обличалъ одного изъ нашихъ начальниковъ округа, какого-то капитана, игравшаго здѣсь роль *le roi Bobech'a*. Самоуправства его превосходили всякія вѣроятія и гражданская администрація потомъ убрала его. О немъ вы прочтете въ слѣдующихъ письмахъ. Во время своего владычества храбрый капитанъ, въ отвѣтъ на обличенія «Болгарина», посылалъ редакціи отвѣтныя телеграммы, сплошь полныя непечатными красотами россійскаго извощичьяго жаргона. Редакторъ «Болгарина» имѣлъ тактъ печатать эти телеграммы цѣликомъ на первой страницѣ своей газеты. «Капитанъ (имя рекъ) въ опроверженіе сообщеннаго нами въ № 000 факта, прислалъ намъ слѣдующее письмо....» (слѣдовало невозможное по глупости, грубости и цинизму посланіе капитана—цѣликомъ, крупнымъ шрифтомъ). Къ сожалѣнію, нравы были таковы, что въ этой необузданности короля Бобеша видѣли нѣчто остроумное и только хохотали надъ «краткими, но выразительными» телеграммами храбраго капитана. Нѣкоторые даже умилялись: русскій человекъ-де,—не можетъ безъ крѣпкаго словечка...

Когда мы возвращались изъ монастыря, была уже ночь—темная, звѣздная... Море, въ это время дѣйствительно черное, шумѣло у береговъ, разбиваясь въ пѣну. Около монастыря гремѣлъ бурунь; среди этого чернаго простора колыхались огоньки на судахъ, которыя сильно покачивало. Гдѣ-то слышалась печальная, словно рыдающая, турецкая пѣсня...

IX.

ПО ПУТИ ВЪ ШУМЛУ.

5 юля.

Все море сегодня подъ тучами... солнце прорвалось какъ-то съ боку и разбросало по всему этому движущемуся простору косые лучи. По голубоватой глади побѣжали изумрудныя полосы; рыжеватыя пятна замерещились тамъ, гдѣ волненіе въ отмелыхъ ладинахъ взрыло песокъ... Ключья серебряной пѣны змѣятся всюду; въ крутыхъ берегахъ гремитъ бурнъ и взмываетъ скалы до самыхъ верхушекъ. Горы, еще вчера такъ привѣтливо голубѣвшія вдали, ушли въ туманъ и едва чудятся, словно сѣрѣя тучи лежатъ тамъ надъ моремъ. Подъ напоромъ восточнаго вѣтра тихо колеблются вершины дубовъ. До самой земли пригибаются вѣтви волошскаго орѣшника, словно тутъ внизу онъ ищетъ помощи, защиты и отъ вѣтра, и отъ готовящейся бури. Олеандры, опушенные кистями красныхъ благоуханныхъ цвѣтовъ, бьются въ окна, точно хотятъ спрятаться въ темныя прохладныя комнаты.

Послѣдній взглядъ на море—и поѣздъ уноситъ меня внутрь страны, въ мусульманскую Шумлу, въ эту крѣпость, которую турки называли дѣвственницей, потому что о ея укрѣпленія разбивались до сихъ поръ все наши усилія. Въ 1828 г. мы были уже въ двадцати верстахъ отъ нея и ушли....

Я бы еще вчера уѣхалъ туда, но случился курьезъ, возможный только на востокѣ. Отправленіе поѣзда назначено въ половинѣ девятаго. Приѣзжаю въ восемь.

— Это вы въ Русукъ? встрѣчаютъ меня на станціи.

— Нѣтъ... въ Шумлу.

Желѣзнодорожный чинъ въ турецкомъ мундирѣ добродушно улыбается и похлопываетъ меня по плечу...

— Вы опоздали!

— Какъ опоздалъ?

Показываю ему часы.

— Да это ничего не значить... У насъ въ половинѣ восьмагаго собралось достаточно пассажировъ, мы и отправили...

Я не могъ не выразить моего изумленія.

— Здѣсь вѣдь не Европа! утѣшилъ меня директоръ.

— Когда же къ вамъ нужно пріѣзжать.

— Лучше всего часовъ въ пять утра.

На другой день я такъ и сдѣлалъ и просидѣлъ на станціи до десяти!...

Саженьяхъ во-ста отъ моря начинается и на пятнадцать версть внутрь страны раскидывается глубокое озеро Девна, гдѣ могутъ стоять на якорѣ большія суда. Поѣздъ идетъ мимо. Болгарія для устройства своего единственнаго порта Варны проектировала соединеніе Девны съ моремъ. Такимъ образомъ получится громадная внутренняя гавань, не доступная никакимъ бурямъ и опасностямъ, гавань настолько просторная, что въ нее легко можетъ помѣститься болѣе тысячи большихъ судовъ. Разумѣется, это будетъ стоить дорого и скоро не окупится, не окупится потому, что Варна пока отпускаетъ за границу только пшеницу, а для остальныхъ товаровъ и то на незначительную сумму, 25.000,000 франковъ, служить только передаточнымъ пунктомъ. Сверхъ того, на этотъ кональ и на это озеро—Девну имѣетъ какія-то права администрація желѣзной дороги. Турки или, лучше сказать, ихъ продажная администрація, уступали все, имъ ничто не было дорого. Когда Болгарія захотѣла вступить въ управленіе портомъ и его окрестностями, то оказалось, что варненско-рущукская желѣзная дорога пользуется такими особенными правами, о которыхъ въ другихъ мѣстахъ и не слыхивали,—совсѣмъ выдѣлилась изъ государства. Хотѣли купить дорогу, но компанія заломила цѣну сверхъестественную. Какъ княжество выпучается изъ этихъ затрудненій, я не знаю, только какое правильное развитіе естественныхъ средствъ страны, невозможно при настоящихъ условіяхъ. Теперь впрочемъ по отношенію къ порту явилась возможность иного исхода. Г. Макаровъ, коман-

дирь военнаго парохода «Владиміръ», предложилъ устроить Варненскій портъ иначе. Не нужно будетъ предпринимать дорого стоящихъ работъ по раскопкѣ канала отъ Девны къ морю. Просто въ самый Варненскій рейдъ погружать на якоряхъ цѣлую систему пловучихъ плотовъ, которые достаточны для защиты его отъ бурь и волненій, дѣлающихъ теперь этотъ портъ не совсѣмъ безопаснымъ. Желѣзная дорога — это государство въ государствѣ. Правительство не можетъ даже установить контроля, хотя бы за правильностью отправленія поѣздовъ. Сверхъ того какія бы злоупотребленія не случались — все равно. Цѣлыя поѣзда могутъ проваливаться, машины ломаться, даже вовсе прекратиться движеніе по линіи, администрація дороги ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не отвѣтственна. Въ недавнее доброе время австрійскіе плюгавые желѣзнодорожные валеты бывало силой вталкиваютъ пашей въ вагоны, запираютъ ихъ, выпускаютъ на тѣхъ станціяхъ, гдѣ заблагодарасудится кондуктору — и ничего, сходить съ рукъ. Судить ихъ — въ случаяхъ какихъ либо претензій — консуль, а этотъ всегда мирволить своимъ. Простой же народъ — кондукторы бивали. Затрещины оказывались въ большомъ ходу. Бывали случаи, что при протестѣ какого либо турка, оттрепаннаго властною рукой желѣзнодорожнаго чина, этотъ послѣдній останавливалъ поѣздъ, выкидывалъ недовольнаго съ его вещами, а то — безъ нихъ — въ степь, и затѣмъ двигался дальше!.. Даже и теперь случаются такіе курьезы: потребовали для нашего воинскаго поѣзда лишній вагонъ — подъ больныхъ. Комендантъ къ начальнику станціи.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому, что сдѣлалъ уже всѣ распоряженія.

— Я все таки попрошу васъ сдѣлать новыя, вѣдь мы платимъ за это, и платимъ дорого.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что не хочу.

Но комендантъ распорядился еще короче и яснѣе. Онъ на платформѣ противу локомотива поставилъ трехъ часовыхъ съ заряженными ружьями и приказалъ имъ стрѣлять по машинисту тотъ же часъ какъ поѣздъ двинется... Начались препирательства, машинистъ подѣ тремя дулами — не смѣлъ пуститься въ плаваніе по неизвѣстнымъ морямъ, плаваніе которое легко могло бы привести его къ берегамъ того свѣта.

Черезъ четыре часа — вагонъ прибавили...

Когда нашъ поѣздъ двинулся — болгаринъ указалъ мнѣ на деревни, разбросавшіяся по скатамъ и лощинамъ окрестныхъ горъ. Густое мусульманское населеніе здѣсь ежедневно увеличивается пріѣзжающими изъ Константинополя и Азіатскаго берега. Незначительная часть ихъ идетъ черезъ Варну, большая черезъ Румынію — скрытно... Болгары теряютъ голову и съ тоскою смотрятъ на уходящіе эшелоны русскихъ войскъ. Однимъ своимъ присутствіемъ мы сдерживали магометанъ отъ готовящагося, по слухамъ, возстанія. Правда, Болгарія сама теперь обладаетъ большими военными средствами. Черезъ армію прошло уже около 70,000 людей, но эти дружины расположены въ тѣхъ частяхъ княжества, которыя совсѣмъ безопасны — подѣ Никополемъ, въ Софіи, въ Кюстендилѣ... Здѣсь же приходится удовлетворяться ротами новобранцевъ, изъ которыхъ большинство даже не училось стрѣльбѣ. Одна такая рота въ Дели-Орманскомъ лѣсу (капля въ морѣ), другая въ Османъ Базарскомъ округѣ, третья въ Гирловскомъ султанствѣ. Конныя сотни еще не организованы вполне. Во главѣ военныхъ отдѣловъ стоятъ люди бездарные получившіе весьма слабое военное образованіе... А между тѣмъ, въ мусульманскихъ селахъ начинается замѣтное движеніе. Здѣсь достаточно двадцати рѣшительныхъ людей, чтобы терроризировать цѣлой округъ. Сейчасъ получено опять изъ Османъ Базара свѣдѣніе, что исправныя при насъ окрестныя турецкія села съ уходомъ русскихъ отказались платить подати, не признаютъ княжества Болгарскаго и готовятся выгнать власти, назначенныя сюда изъ Софіи. На первыхъ же порахъ мусуль-

мане убили нѣсколько конныхъ жандармовъ (въ Болгаріи есть и прочіе джентльмены этого рода оружія), обезоружили сельскую стражу. Недостатка въ смѣлыхъ и рѣшительныхъ людяхъ здѣсь не будетъ, почему трудно и рассчитывать на скорое прекращеніе смуты. Въ одномъ пунктѣ уже третій день окруженная турками защищается болгарская деревня. Не рота же новобранцевъ, стоящихъ за сто верстъ и не умѣющихъ стрѣлять, спасетъ ее. Теперь разумѣется серьезнаго возстанія еще не будетъ; но въ 1880 году—трудно поручится за будущность этихъ округовъ.

— Въ Румыніи и Сербіи—вы дѣйствовали иначе. Недовольнымъ тономъ упрекаетъ меня болгаринъ-собѣсѣдникъ. Пока страна не устроилась окончательно, вы не выводили своихъ войскъ... Вы могли бы и здѣсь взять своихъ чиновниковъ, но оставить войска!.. А что мы будемъ дѣлать теперь, если Турція займетъ Балканы. Въ Шумлинскомъ округѣ не останется ни одного христіанина — всѣхъ вырѣжутъ—здѣсь, вѣдь насъ приходится — одинъ на двадцать мусульманъ...

Вдоль озера Девны густыя заросли камыша. Несмотря на близость рельсоваго пути, здѣсь плодится всякая дичь. Цѣлымъ роемъ поднималась она при приближеніи нашего поѣзда и долго носилась въ воздухѣ надъ возмущенною глушью своего тихаго пріозернаго приволья. Горы—все выше и выше. По обѣимъ сторонамъ пути тянутся онѣ, но не суровыя и мрачныя, а обработанныя съ низу до макушекъ покрытыя нивами виноградниками, пожнями... Вообще это—житница. Не вижу клочка земли, который бы не былъ обработанъ. Оттого и цѣна на нее здѣсь невѣроятная. Клочокъ виноградника—сорокъ шаговъ въ длину и столько же въ ширину, стоитъ до восьми турецкихъ лиръ, т. е. около 185 франковъ. Изъ всякой лощинки выбѣгаютъ вамъ навстрѣчу черепичныя кровли деревушекъ, совершенно затонувшихъ въ густой зелени своихъ садовъ. Вѣтеръ съ полей обдаетъ васъ тонкимъ ароматомъ южныхъ цвѣтовъ Пестрота невообразимая. Иммортели, резеда, люцерна, и ска-

біозы мѣшаются въ одно яркое марево. Глазь не знаетъ, на чемъ остановиться... Неуклюжіе медлительные буйволы провожаютъ васъ своими недоумѣвающими взглядами. Въ лужахъ, въ грязь зарываются они такъ, что только громадные рога да черные хребты ихъ видны вамъ, когда поѣздъ гремя и пыхтя мчится мимо этихъ прелестныхъ мѣсть. Приозерные виды по очертанію горъ и по красотѣ тѣнистыхъ ущелій напоминаютъ виды Сайменскаго озера, только здѣсь все ярче, роскошнѣе, цвѣтущее.

Первая станція Гюмеджи—красивая мусульманская деревушка, вся спряталась въ зеленую котловину и точно задыхается тамъ въ чащѣ благоуханныхъ садовъ и цвѣтниковъ... Кругомъ скалистыя горы сторожатъ ее... На вершинѣ утесовъ застоялась тучка золотая... Словно горитъ она подъ лучами этого знойнаго солнца...

На станціи какой-то болгаринъ продаетъ портретъ молодого князя болгарскаго—Александра.

— Что стоитъ? подходить солдатикъ.

— Хранкъ...

— Во!.. Я, братъ, за хранку тебѣ Скобелева съ Гуркой куплю... Хранкъ!.. Ахъ ты...

— Служивый, пакипайте у меня... Я за три галагана отдамъ, вмѣшивается еврей.

Солдатъ покупаетъ, невѣдомо зачѣмъ.

— Зачѣмъ тебѣ

— А такъ... полюбоваться... Ишь крайчикъ какой. Какъ жаръ горитъ... Покожу своимъ. Не даромъ-де стояли. Князя имъ выстояли. Вонъ какой онъ!..

Мѣловыя опалины за Гюмеджи. Тутъ уже скудость пошла... Желтыя луговины, бѣлыя осыпи горъ. Изрѣдка на бѣлой мѣловой площадкѣ случайно разрастется зеленое дерево: Да и оно чахлое, жалкое... Еще минута и поѣздъ влетаетъ въ дикое, скалистое ущелье. Мусульманскія кладбища направо и налево. Торчмя стоятъ на нихъ высокіе камни, замѣняющіе надгробные памятники... На крутыхъ скатахъ—отвѣсныя

скалы... Въ высотѣ неба, съ котораго вѣтеръ уже разогналъ тучи,—чернѣютъ орлы...

— Какія мѣста красивыя!...

— Не красивыя, а опасныя... Тутъ въ каждой лощинѣ скоро начнутся такія дѣла, что сердце обольется кровью... Вы знаете ли, что такое Шуменскій округъ (болгары произносятъ не Шумла, а Шумень). Здѣсь на 150 деревень только тридцать болгарскихъ, остальные—турецкія. Да и въ этихъ тридцати населеніе на половину — мусульманское. А тутъ еще вашъ Грессеръ взялъ да и уменьшилъ число стражарей. Совсѣмъ беззащитными оставляютъ насъ.

— Чего же смотреть ваши власти?

— Они еще неопытны, что они могутъ. Да и притомъ на первыхъ же порахъ больше о своемъ карманѣ думаютъ, чѣмъ о населеніи...

Наши были уже очень не хороши. Плохіе примѣры для болгаръ! Въ Варнѣ, напримѣръ, полиціймейстерствовалъ нѣкій юный офицеръ, который дралъ взятки и съ живаго и съ мертваго. Ему любовницы обходились втрое противъ того, что онъ получалъ жалованья. А тутъ еще для представительности потребовались экипажи. Въ Шумлѣ тоже орудовалъ нѣкій П., который чуть не грабилъ народъ. И при этомъ обращеніе съ населеніемъ было самое нестерпимое. Болгары совершенно основательно жаловались:

— «Турецкій каймакамъ тоже любилъ пешкешъ (взятку), живописуютъ они, но бывало принесешь ему—онъ встрѣтитъ тебя на лѣстницѣ, честь честью доведетъ до дивана, посадить съ собой рядомъ, подадутъ тебѣ кофе, кальянъ... Поинтересуется онъ узнать о здоровьи твоей семьи... О дѣтяхъ спросить... А ваши капитаны и пешкешъ возьмутъ, и шею набьютъ, и буйволомъ обругаютъ, и съ лѣстницы спустятъ, такъ что домой весь въ синякахъ вернешься...

Въ Варнѣ я разъ захожу къ губернатору. Еще издали слышу ужасающій крикъ. Это были рыканія львиныя! Вхожу въ дверь по лѣстницѣ. Смотрю, сверху летитъ внизъ съ священ-

нымъ ужасомъ въ лицѣ членъ здѣшняго градскаго совѣта — представитель города Анастасіади, а сверху, аки звѣрь, искій кого поглотити, беретъ всевозможныя октавы губернаторь— и все crescendo...

Еще лучше сцену видѣлъ я въ Праводахъ. Тамъ, во время воскреснаго гулянья, «капитану» не понравилось, видите ли, что одинъ изъ горожанъ ему не поклонился. Сей благополучный обыватель шель подъ ручку съ своей супругой. Капитанъ сейчасъ же захватилъ его лѣвой рукой за бортъ, а правой давай воздѣлывать болгарина подъ акомпаниментъ плача и криковъ его жены... Были дѣла даже лучшаго свойства, гдѣ уже сказывалась не одна грубость, начальниковъ округовъ. Одинъ изъ таковыхъ потратилъ тысячу казенныхъ лиръ. Что дѣлать. Онъ свалилъ все на своего помощника, молодаго болгарина, жестоко пугнулъ того и посовѣтовалъ ему бѣжать. Болгаринъ съ дуру бѣжалъ, но на дорогѣ былъ пойманъ винникомъ этой мерзости и арестованъ какъ преступникъ, уличаемый самимъ побѣгомъ... Бѣдный юноша кажется сидеть и до сихъ поръ.

Нужно было въ Ломъ-Паланкѣ основать какое-то благотворительное дружество — и основали, но какъ. Дали спектакль. Велѣли всѣмъ явиться. Мѣста стоили отъ 5 до 10 франковъ. До 100 франковъ начальникъ округа имѣетъ право штрафовать обывателей. На другой день онъ и оштрафовалъ безъ церемоніи всѣхъ не явившихся. А вотъ и другой:

— Ты какъ смѣлъ не явиться вчера въ градской совѣтъ? встрѣчаетъ капитанъ Л. выборнаго.

-- Времени не было...

Баць-баць!..

— Взять его, подлеца! Я тебя въ сибиркѣ сгною...

Мы, видите ли, еще о госпиталяхъ не подумали, а сибирки уже завели вездѣ.

Одинъ изъ этихъ прекрасныхъ чиновниковъ, присланныхъ для воспитанія молодыхъ болгарскихъ администраторовъ, началъ съ того, что отвелъ горную рѣчку, которая питала до двад-

цати мельницъ, въ другое мѣсто и только получивъ мзду съ мельниковъ, позволилъ водѣ течь по старому руслу. Массы подобныхъ дѣяній записаны у меня. Не знаешь, чему изумляться: нахальству или изобрѣтательности этихъ Держимордъ, пересаженныхъ на дѣвственную почву Болгаріи. Вотъ, напримѣръ, юный поручикъ; только два года какъ оставилъ онъ школьную скамью, но сразу оказался травленнымъ волкомъ. Спокойствіе у него въ отдѣлѣ полное, рвать не съ кого, никто не попадается. Думаль, думаль и надумался. Взялъ да и поставидь караулъ у турецкой мечети. Зачѣмъ?..

— Я не могу позволить служить, въ ней куполь не проченъ. Для вашей же пользы. Обвалится—задавитъ. Не могу-съ. Собрали двадцать лиръ — преподнесли.

Поручикъ переосвидѣтельствовалъ куполь и на этотъ разъ убѣдился въ его прочности. Караулъ сняли и мусульмане опять стали у себя молиться.

Вообще здѣсь чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Болгары дѣйствительно имѣютъ основаніе радоваться тому, что нѣкоторыя администраторы ушла изъ страны. Самые достовѣрные люди рассказываютъ здѣсь, какъ нѣчто весьма обыкновенное, такія вещи, отъ которыхъ волоса становятся дыбомъ. Люди, вызванные княземъ Черкасскимъ, выдѣлили нѣсколько субъектовъ, имена которыхъ здѣсь сдѣлались нарицательными. Это пугало для народа, въ полномъ смыслѣ слова.

Что вы скажете, напримѣръ, о слѣдующемъ типѣ.

Капитанъ съ нагайкой, такъ его называли. Онъ съ нагайкой ѣлъ, пилъ, спалъ. Дѣлалъ онъ вещи невѣроятныя. Наконецъ нашолся интеллигентный болгаринъ Котцовъ, который сталъ изобличать его дѣянія въ газетѣ «Болгаринъ». Капитанъ съ нагайкой посылалъ въ редакцію телеграммы, переполненные непечатанными ругательствами (телеграммы шли, какъ официальные). Редакція печатала ихъ слово въ слово на видномъ мѣстѣ—безъ комментарій. Мерзость ихъ была и такъ понятна

каждому читателю. Наконецъ уѣзжаетъ губернаторъ Виддина, на его мѣсто временно назначается капитанъ съ нагайкой, какъ старшій. На пристани собрался народъ. Капитанъ съ нагайкой стоитъ съ часами въ рукахъ. Когда пароходъ, увозившій виддинскаго начальника, отплылъ, капитанъ обращается къ своему подручному.

— Съ этой минуты я здѣсь богъ и царь. Возьмите этого болгарина и арестуйте!

И несчастнаго Котцова, тоже явившагося сюда—посмотрѣть какъ отойдетъ пароходъ—забрали въ кутузку.

— Я тебѣ, с... с..., покажу, какъ писать про меня.

Затѣмъ начинается *vendetta catalana*. Котцова по этапу пѣшкомъ, съ конвоемъ отправляютъ въ уѣздный городъ. Тамъ его отдають подъ судъ. Въ Виддинѣ судъ бы оправдалъ его, капитанъ съ нагайкой сообразилъ, что его судъ, уѣздный не осмѣлится сдѣлать этого. Предсѣдатель Суда Мариновъ, разсмотрѣвъ обвиненіе Котцова (въ писаніи статей), оправдалъ корреспондента «Болгарина». Тотчасъ же о такой дерзости дано знать капитану съ нагайкой. Слѣдуетъ новое приказаніе.

— Арестовать предсѣдателя суда Маринова и прислать его въ Виддинъ.

Страны не устроили—а этапы уже процвѣли въ Болгаріи.

Когда стали арестовывать судью, возмущенный этимъ почтенный воевода Цеко, всю жизнь дравшійся съ турками, сѣдой какъ лунь, уважаемый цѣлою Болгаріей, имѣющій русскіе георгіевскіе кресты *)—запротестовалъ. Этотъ самый воевода,

*) Вотъ что официальный корреспондентъ „Правительственнаго Вѣстника“, штабсъ-капитанъ Крестовскій, говоритъ про этого Цеко: „Цеко-Петковъ, начиная съ дѣтскаго возраста и до сего времени—участникъ всѣхъ болгарскихъ возстаній. Уже 32 года ведетъ онъ самостоятельно непрестанную войну съ турками въ балканскихъ тущобахъ, являясь со своей четой мстителемъ за всякое насиліе его соотчичамъ. У него на тѣлѣ 28 ранъ. Однажды онъ попался въ руки туркамъ и былъ брошенъ въ подземную тюрьму, гдѣ провелъ два года въ цѣняхъ и въ желѣзномъ ошейникѣ, прикованный къ

когда освящали болгарское знамя, был избран страной, для того, чтобы приколотить знамя къ древу. Въ свое время о немъ писали очень много. Усердная власть, не долго думая, арестовала вмѣстѣ съ Мариновымъ и воеводу Цеко. Привели ихъ въ Виддинъ. Капитанъ съ нагайкой встрѣтилъ почтеннаго ветерана, которому и башмаковъ развязать онъ не стоилъ—пощечинами... Тотъ упалъ отъ потрясенія, хотѣлъ убить капитана, но воздержался, «чтобы не сказали, будто хоть одинъ русскій погибъ отъ болгарской руки». Маринова и Цеко арестовали. Первый сошелъ съ ума въ тюрьмѣ, второй—до сихъ поръ, когда вспоминаетъ этотъ случай—рыдаетъ какъ ребенокъ.

— Ни одинъ турокъ никогда не осмѣливался меня ударить! повторяетъ старикъ сквозь слезы.

Все это обошлось безнаказанно. Но представьте себѣ впечатлѣніе толпы, видѣвшей эту расправу.

Вы знаете восточный городъ. Тутъ всѣ улицы, узкія и кривыя перенутаны, такъ что въ нихъ непривычному чело-вѣку легко затеряться, какъ въ лѣсу. Администраторъ изъ юныхъ гвардейцевъ, полавшій сюда, составилъ свой планъ города и чтобы его выполнить велѣлъ сломать мѣшавшіе ему дома. Въ другой разъ онъ рѣшилъ, что въ городѣ довольно туркамъ и одной мечети, а другую велѣлъ сломать и матеріаль ея употребить—на устройство мостовой...

Какъ то онъ собралъ совѣтъ горожанъ и заявилъ вотъ что: «буйволы (иначе онъ не называлъ болгаръ) — все равно, рано или поздно, лѣтъ черезъ двадцать, а не то черезъ

стѣнѣ. Друзья внесли за него мѣстному вали значительный выкупъ и такимъ образомъ устроили, якобы тайный побѣгъ его изъ тюрьмы. Вообще жизнь этого чело-вѣка полна романтическихъ приключеній и борьбы за народное дѣло. Въ войну 1876 г. онъ, съ набранными имъ четами, сражался въ Сербіи. На видъ это старикъ весьма воинственной наружности, еще очень бодрый, крѣпкій съ чрезвычайно мужественнымъ и энергичнымъ лицомъ, изборожденнымъ шрамами отъ ранъ, которыхъ на одномъ затылкѣ у него нѣсколько отъ желѣзнаго ошейника... Цеко пользовался особеннымъ вниманіемъ Великаго князя Николая Николаевича.

сто, мусульмане должны будутъ уйти изъ Болгаріи, а потому дорожить ими нечего. Выгонимъ ихъ теперь же!..» Братушки, разумѣется, обрадовались—еще бы! Рѣшили турокъ изгнать, а на мѣстѣ ихъ квартала завести скверъ. Сказано—сдѣлано. Самыхъ исконныхъ жителей мусульманъ выгнали, какъ собакъ, изъ города, много ихъ вымерло, уцѣлѣвшіе добрались до Константинополя. Послѣ заварилась каша и переписка по этому предмету тянется до сихъ поръ. Турецкое правительство требуетъ громадную сумму въ вознагражденіе за потери выгнанныхъ жителей. Ну, какъ не вспомнить «исторію одного города» Щедрина!..

Про одного изъ администраторовъ, хорошо покормившихся въ Болгаріи, здѣсь и теперь говорятъ.

— Твёрдо хубовъ чифликъ купилъ близо до Москвы—гулямый каймакамъ.

Т. е. очень хорошее имѣніе купилъ около Москвы—большой администраторъ!..

— Ну, а для Болгаріи онъ что сдѣлалъ?

— Твёрдо малко хубовъ направилъ. (Очень мало хорошаго сдѣлалъ).

По той же стезѣ пошли и нѣкоторыя болгарскіе чиновники. Въ ихъ число попало много чорбаджіевъ, съ которыми читатель уже знакомъ изъ моихъ военныхъ очерковъ. Эти господа, прежде эксплуатировавшіе Болгарію въ союзѣ съ турками, теперь надѣли на себя наши мушкетеры. Надѣли даже тѣ, которые во времена турецкихъ пашей и каймакамовъ промышляли доносами. Одинъ, заполучившій отъ болгарскаго комитета 500 лиръ на нужды народныя и на организацію возстанія въ 1876 г. и присвоившій ихъ себѣ—теперь тоже чиновничаетъ. Когда русскія лошадки, подаренныя княжеству, продавались здѣсь, то оказалось, что лучшими завладѣли болгары-чиновники, а одинъ изъ нихъ купилъ себѣ даже шесть коней, по 20 фр. за cadaго...

Я уже вамъ писалъ о Прудовахъ — второй станціи отъ Варны. Это несчастный, плохо отстроенный, бѣдный городокъ, сжатый со всѣхъ сторонъ скалистыми вершинами, ничего не

производящій и почти ничѣмъ не торгующій. Нѣсколько минаретовъ поднимаются изъ лощинъ, куда онъ прячетъ свое убожество отъ людскаго взгляда... Жители города пахутъ землю, только тѣмъ и существуютъ. Тутъ очень много возвратившихся редифовъ; на первыхъ порахъ они было начали пошаливать, но теперь ихъ привели къ одному знаменателю совсѣми и пока они смирны. Въ Правидахъ, какъ въ Шумлѣ, и въ Варнѣ, труднѣе всего было отучить мусульманъ-торговцевъ отъ привычки устраивать бойни и кожевни въ самомъ городѣ. Вонь отъ этихъ заведеній была невообразимая. Въ Варнѣ, напримѣръ, дѣлалось такъ: мясныя лавки помѣщались на самой лучшей улицѣ, которая называется Большою. Ночью пригонялся къ нимъ скотъ, его тутъ же били и жители, просыпаясь, видѣли передъ собою цѣлыя лужи крови, разлагавшейся и заражавшей городъ миазмами. Въ Шумлѣ точно также, да сверхъ боенъ, были еще внутри города кожевни. Одинъ изъ лучшихъ начальниковъ округовъ, честный и чрезвычайно дѣятельный капитанъ Недзвѣцкій, распорядился закрыть кожевни и убѣдилъ городской совѣтъ изъ казеннаго лѣса и изъ камня турецкихъ укрѣпленій построить громадныя кожевни внѣ Шумлы. Самымъ незначительнымъ налогомъ на кожи городъ пополнить свои расходы... Много было возни также съ турками, когда наша администрація стала требовать, чтобы они не выбрасывали нечистотъ на улицу.

— Неужели же мы станемъ выбрасывать ихъ на свои дворы! протестовали тѣ, въ простотѣ души полагая, что улицы для того и устроены, чтобы быть стоками для всевозможной мерзости...

Впрочемъ, нашелся одинъ господинъ, который за право выбрасывать нечистоты изъ домовъ, назначилъ штрафъ или плату (называйте какъ хотите), но... въ свою пользу...

Отъ Проводъ до станціи Шумла-ротъ (Read) долина расширяется. Вездѣ купы зелени изъ могучихъ объятій которыхъ едва вырываются высокіе тополи. Вдали на сѣверъ видны

уже высоты Дели-Ормана, а на югъ колоссальныя, спокойныя, величавыя синѣютъ громады Балканъ.

Поѣздъ останавливается у поселка, образовавшагося близъ станціи. Отсюда на Шумлу идетъ шоссе. Мусульманская Шумла или болгарскій Шумень отстоитъ отъ желѣзной дороги на 18 верстъ, но насъ уже ждутъ у станціи прекрасныя фаэтоны; переѣздъ до города стоитъ только два рубля серебрянныхъ. По чуднымъ окрестностямъ, хранящимъ въ развалинахъ старинныхъ городовъ и въ руинахъ крѣпостей величавыя воспоминанія о славномъ прошломъ, бѣгутъ тѣни отъ послѣднихъ тучекъ еще разбросанныхъ по небу..

Черезъ часа полтора—передъ нами вырастаетъ угрюмый скалистый хребетъ въ одной изъ лощинъ и по скатамъ котораго уже мерещатся центръ мусульманскаго движенія—крѣпость-дѣвственница: красивая Шумла.... Минареты, какъ тополи изъ зелени, стремятся вверхъ изъ цѣлаго мѣсива охватившихъ ихъ отовсюду домовъ.... Нѣсколькихъ табій осталось позади... Впереди темнѣетъ на сѣромъ скатѣ могучій редутъ... Еще нѣсколько минутъ—и мы въ Шумлѣ.

Х.

К О Н С У Л Ы.

Праводы.

На дняхъ черезъ Шумлу я отправляюсь на Преславль—древнюю столицу Болгаріи, въ полунезависимое султанство Гирловское—любопытнѣйшій уголокъ молодого княжества. Разумѣется, можно было бы прямо по желѣзной дорогѣ кататься съ княземъ Александромъ I въ длинномъ хвостѣ его свиты и, настроивъ свою лиру на оффиціальнѣйшій ладъ, воспѣвать встрѣчи, восторги народа, иллюминаціи, депутаціи, привѣтственныя рѣчи. Но я понялъ свою задачу нѣсколько иначе. Я полагаю, вы хотѣли знать, что такое Болгарія въ настоящее время,—слѣдовательно, не изъ окна вагона описывать ее, не въ головкружительной быстротѣ княжескаго поѣзда изучать страну, не въ одуряющемъ чаду оффиціаль-

наго краснорѣчія набрасывать свои замѣтки. Разумѣется, трое или четверо нашихъ корреспондентовъ распорядились иначе: они избрали себѣ благую часть—описывать народные восторги въ вагонахъ; болгарскія правительственныя лица будутъ имъ сообщать и свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Болгаріи, но это будетъ уже казовый конецъ. Болгарія въ ихъ очеркахъ явится такою, какою ее хотятъ видѣть чиновники. Вы-же знаете мое предубѣжденіе относительно свѣдѣній, исходящихъ изъ подобныхъ источниковъ...

Послѣднія варненскія впечатлѣнія, съ которыми я уѣхалъ, были навѣяны важнѣйшимъ вопросомъ о консулахъ, унаслѣдованнымъ Болгаріей отъ берлинскаго конгресса. Теперь то и дѣло возникаютъ недоразумѣнія между администраціей и консулами, которые хотятъ играть ту же роль, какую они играли при турецкомъ владычествѣ. Консулъ въ то время для мѣстныхъ властей былъ несноснѣйшимъ существомъ. Я убѣжденъ что въ домахъ нашей и другихъ чиновниковъ Блистательной Порты няньки пугали дѣтей не букой, не домовымъ, а именно какимъ нибудь консуломъ. По большей части это дискредитованный у себя дома господинъ, отправлявшійся сюда какъ бы въ почетную ссылку, или мѣстный негоціантъ, ставшій консуломъ, чтобъ имѣть право получать безошлинно товары, носить пестрый мундиръ, болѣе приличный попугаю, и вмѣшиваться во все, что именно до него то и не касается. Между консулами указывали людей, въ своей странѣ объявленныхъ банкротами? На душѣ у другихъ есть и похуже нѣчто. Въ лучшихъ случаяхъ — консулы по назначенію здѣсь ничто иное какъ политическіе шуллера и дипломатическіе сыщики. Шуллера потому, что ихъ донесенія представляютъ въ большинствѣ случаевъ подтасовку данныхъ и фактовъ, а сыщики потому что имъ ничего не значитъ разслѣдовать несуществующія преступленія, обвинить въ нихъ цѣлый народъ, поставить «добросовѣстныхъ жесвидѣтелей» и навязать по требованію своихъ кабинетовъ чертъ знаетъ что—кому угодно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ консула являются

такъ сказать церемонимейстерами протестующихъ депутацій. Авторы всевозможныхъ протестовъ, заявлявшихся населеніемъ въ Стамбулъ, противъ болгаръ, русскихъ, противу отдѣленія придунайскихъ провинцій—суть мѣстные консулы. Все это дѣлается очень легко и красиво. Своихъ лакеевъ и кавасовъ—консуль одѣваетъ въ мѣстный костюмъ, затѣмъ посылаетъ ихъ въ Стамбулъ, гдѣ эти «выборные» ото всей земли являютя къ Лейарду, Махмудъ-Недиму, Савфету, Зичи и говорятъ хорошо заученныя рѣчи. Перья дипломатовъ начинаютъ по этому поводу скрипѣть борзо, придумываются невозможнѣйшія государственныя complicаціи, вызывающія въ послѣдствіи отвратительныя бойни, цѣлыя рѣки крови, казни и убійства, а участникъ депутаціи мирно возвращается назадъ, получаетъ въ подарокъ пару платья и по сорока франковъ на рыло. И дешево и сердито.... Тѣмъ не менѣ авторы этихъ траги-комедій—консулы съумѣли во время турецкаго владычества стать ненавистными чиновникамъ Блистательной Порты. Бывало турецкій вали творить судъ и расправу, за сѣдаетъ съ своими совѣтниками или улемами по важнымъ вопросамъ—и вдругъ консуль... Ну, разумѣется, дѣла бросаются, вали напяливаетъ на себя по здѣшной жарѣ неподходящій мундиръ, застегивается на всѣ пуговицы, высылаетъ своихъ чиновниковъ—и давай заниматься пріятнымъ разговоромъ съ консуломъ; а тотъ, въ свою очередь, считаетъ ниже своего достоинства провести у паши менѣ часа. Въ первый моментъ консуль прежде всего озабочивается одѣтъ ли вали какъ слѣдуетъ. Успокоившись въ этомъ консуль задается другимъ вопросомъ — все ли въ порядкѣ у вали и нѣтъ ли разстегнутыхъ пуговицъ, — которые бы свидѣтельствовали неуваженіе къ консулу а слѣдовательно и къ странѣ имъ представляемой *). Въ концѣ концовъ оказывается, что у консула

*) Это впрочемъ бываетъ и не съ одними турецкими консулами. Представитель Австріи въ Букарештѣ явился какъ то къ одному изъ высшихъ здѣшнихъ дипломатическихъ сановниковъ, старикъ принявъ его, забылъ застегнуть пуговицы, которыя всегда принято застегивать....

никакого и дѣла не было, а такъ себѣ—поболтать захотѣлось. Консулы вмѣшивались во все, хотя отѣзжали на мелочахъ. Болѣе всего ихъ заботило сохраненіе собственнаго престижа, а тамъ до остальнаго и горя мало. Подданныхъ представляемаго консуломъ государства могутъ сажать въ тюрьмы, высылать,—лишь бы съ консуломъ обходились уважительно,—все съ рукъ сойдетъ... Консулы даже взятки брали, особенно тѣ, которые попали въ это званіе изъ греческихъ купцовъ. Консулъ, поэтому, былъ просто чиновникомъ, чаще легальнымъ контрабандистомъ. Турки считали этихъ надоѣдливыхъ господъ карой Аллаха—и были правы. Здѣсь есть теперь консулъ Буаси. Этотъ какъ-то является къ русскому губернатору. Губернаторъ — статскій, принимаетъ въ черномъ сюртукѣ. Консулъ сидитъ какъ на иголкахъ, весь красный, озлобленный, кипитъ, кое-какъ отвѣчаетъ на вопросы и потомъ кидается къ правителю канцеляріи.

— Вашъ губернаторъ смертельно оскорбилъ мое правительство. Это узнаетъ цѣлый міръ. Въ моемъ лицѣ обижена страна, народъ!....

— Это какъ? столбенѣетъ тотъ.

— Онъ... принялъ меня въ сюртукѣ!!!

Посыпались донесенія—послу въ Константинополь, министерству иностранныхъ дѣлъ въ Парижъ, и по поводу губернаторскаго сюртука завелась такая переписка, что любой вопросъ, объ упраздненіи, изъятіи изъ обращенія и т. п. требуетъ на нашей бумаголюбивой родинѣ гораздо менѣе отношеній, оправданій, объясненій....

Австріецъ обидѣлся жестоко.

— Я не знаю, ваша свѣтлость, какъ принять это. Такое оскорбленіе моей странѣ...

— О чемъ вы?

— Да вотъ. И погрѣшность въ туалетѣ была указана.

— О пожалуйста не обижайтесь. Вы знаете (на губахъ у старика показалась свойственная ему тонкая улыбка) когда мертвый въ домѣ — всѣ окна открываются настежь.

Съ этимъ же Буаси была другаго рода исторія. Одинъ генераль, большой чудакъ и старикъ съ придурью, увидѣвъ съ кѣмъ онъ имѣеть дѣло, пересталь говорить о матеріяхъ важныхъ, хлопнулъ Буаси по колѣну и предложилъ:

— Дакайте-ка потолкуемъ о дѣвочкахъ.

— Какъ о дѣвочкахъ?

— Да такъ. Въ дѣлахъ вы ничего не смыслите,—авось хоть по этому вопросу окажетесь компетентнымъ....

Разумѣется, цѣлая буря!...

Другой изъ консуловъ, какой то косноязычный грекъ— встрѣтилъ со мною въ монастырѣ св. Димитрія. Меня отрекомендовали ему, какъ корреспондента.

— Я не понимаю, вы корреспондентъ—и не представились до сихъ поръ мнѣ.

Я засмѣялся.

— Вамъ вѣрно неизвѣстно, и консуль надулся какъ индѣйскій пѣтухъ, я представляю собою Швейцарію...

— Извините, отвѣтилъ я, до сихъ поръ я думаль, что существуютъ только швейцарскіе адмиралы, теперь же въ первый разъ узнаю о существованіи швейцарскихъ консуловъ.

Увы, острота была потеряна. Косноязычный грекъ не имѣлъ понятія о «la vie parisienne». Онъ снисходительно улыбнулся.

— Теперь я надѣюсь, что вы мнѣ представитесь.

— О непременно, когда меня будутъ интересовать цѣны на изюмъ и розовое масло....

Швейцарскій консуль именно торговаль этими предметами.

Съ тѣхъ поръ—мы были врагами и при встрѣчѣ благородный потомокъ Оемистокла уже не удостоиваль показывать мнѣ въ какомъ положеніи находится его голый черепъ, что онъ обязательно дѣлаль всѣмъ, приподнимая свою шляпу.

Бывали консулы, являшіеся къ нашимъ губернаторамъ и даже императорскому комиссару требовать отчета въ управленіи странною. Одинъ представитель чуть ли не Португаліи (ради мундира), тоже грекъ-купецъ, формально потребоваль,

чтобы мѣстные власти совѣщались съ нимъ по всѣмъ вопросамъ гражданской администраціи...

Испанскій консулъ вломился въ амбицію на томъ-де основаніи, что при туркахъ, когда приходилъ онъ къ губернатору ему всегда подавали кофе, а теперь нѣтъ. Въ этомъ онъ замѣтилъ проявленіе полного неуваженія къ странѣ, которую онъ представляетъ собою. Третій вдругъ предложилъ, чтобы военныя суда салютовали его флагу, когда таковой поднимается на штокахъ его дома, и т. д.

И вотъ эти-то господа стали вмѣшиваться въ управленіе мѣстныхъ вѣдомствъ, въ ихъ распоряженія. Иностранцы, живущіе въ городѣ и владѣющіе массою домовъ, отказывались платить городскіе сборы, ссылаясь на капитуляціи и на консуловъ. Сначала съ ними любезничали, а потомъ вышли изъ себя — и пошла кутерьма такая, что хоть святыхъ выноси. Разумѣется, наши сейчасъ же начали идти напроломъ. Мнѣ рассказывали про одного генерала не изъ далекихъ, который принялъ консула — въ постелѣ. Нарочно раздѣлся, легъ въ постель и послѣ этого пригласилъ войти ошалѣвшаго дипломата, никакъ не ожидавшаго такого пассажа.

— Пожалуйста, не церемоньтесь! успокоивалъ его генералъ. Будьте какъ дома.

— Mon general... Я не привыкъ...

— О, помилуйте, пожалуйста не стѣсняйтесь. Подайте мнѣ зубочистку, пожалуйста. Вотъ около васъ на столѣ.

Весь красный, какъ будто облитый кипяткомъ, выскочилъ консулъ отъ генерала, который преспокойно сталъ при немъ натягивать чулки, надѣвать сапоги, а потомъ намылилъ щеку и сталъ бриться.

— Что вы дѣлаете? укоряли генерала.

— А что?

— Да вы обидѣли консула.

— Вотъ еще. Въ другой разъ я заставлю его подать мнѣ мыться. Пусть считаетъ за честь, что оказалъ услугу генералу русской службы.

На берлинскомъ конгрессѣ уже возникла мысль объ отмѣнѣ капитуляцій, съ устройствомъ гражданскаго управленія въ Болгаріи, на чисто христіанскихъ началахъ. Капитуляціи въ свое время имѣли цѣлью защиту христіанъ, но теперь потеряли всякій *raison d'être*... Хотя полная отмѣна и не была проведена, но все таки сдѣланы нѣкоторыя указанія къ разрѣшенію этого вопроса въ будущемъ. Прежде капитуляціи хотя и стѣсняли свободу дѣйствій мѣстныхъ учреждений, но были необходимы для иностранцевъ, которые иначе не могли бы и жить въ предѣлахъ Порты. Такова была и спеціальная консульская юрисдикція. Теперь же она только помѣшала бы окрѣпить молодымъ болгарскимъ учреждениямъ и породила бы враждебное отношеніе населенія къ консуламъ.

Все это заставило здѣшнюю администрацію поставить вопросъ о консулахъ ребромъ. Послѣ долгихъ переговоровъ состоялся указъ центрального управленія, которымъ опредѣлено:

1) Консулы и ихъ секретари пользуются правомъ вѣзельности, т. е. не могутъ быть никѣмъ арестованы. Никакія власти не могутъ входить въ помѣщенія, занятыя ими, или опечатать ихъ. — 2) Консулы бываютъ двухъ родовъ: находящіеся на государственной службѣ и не имѣющіе права заниматься торговлей—и лица, облеченныя этимъ званіемъ почетно (*honoraire*), но занимающіяся торговлей или другими дѣлами. По всякимъ личнымъ дѣламъ и требованіямъ закона они должны быть наравнѣ съ прочими иностранцами въ краѣ. (Именно эти-то носящіеся съ своимъ почетнымъ званіемъ консулы-купцы и возбуждали до сихъ поръ своимъ неистовымъ самолюбіемъ всѣ затрудненія).—3) Вмѣшательство консуловъ во внутреннія дѣла администраціи никакимъ образомъ не допускается). Затѣмъ пояснено, что отмѣна мыслей частнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣшаны интересы иностранцевъ, конечно, можетъ предотвращать недоразумѣнія и столкновенія; но официальные сообщенія консуловъ, не касающіяся прямо интересовъ иностранцевъ, должны быть немедленно доводимы до свѣденія центрального правительства).—4) Консулы, для допущенія ихъ къ исполненію своихъ обязанностей, должны имѣть формальные дозволенія Порты, засвидѣтельствованныя центральной властью княжества; впрочемъ и одного разрѣшенія правительства княжества достаточно въ тѣхъ случаяхъ, когда иностранное правительство, которымъ консулъ назначенъ, непосредственно обратится къ княжескому, какъ это практиковалось, помимо Порты, въ Румыніи и Сербіи. — 5) Правилами, изданными турецкимъ

правительствомъ, число драгомановъ (переводчиковъ) и кавасовъ опредѣвъ слѣдующемъ размѣрѣ: а) въ генеральномъ консульствѣ можетъ быть четыре драгомана и четыре каваса, б) въ консульствѣ, — три драгомана и три каваса,—в) въ вице-консульствѣ,—два драгомана и два каваса.—6) Всѣ эти лица пользуются правами иностраннаго подданства, называлась *protégé* (покровительствуемый), но лишь до тѣхъ поръ, пока они находятся на дѣйствительной службѣ консульства; при чемъ права эти не распространяются на ихъ наслѣдниковъ и родственниковъ. До сихъ поръ это понимали оригинально: не только драгоманъ и кавасы, но и вся ихъ родня пользовалась привелегіями „покровительствуемыхъ“. (Въ городахъ Востока были цѣлыя публичныя дома, тоже считавшіеся „*protégé*“. Правами *protégé* пользовались не только родные, но и знакомые драгомановъ и кавасовъ,—не платили податей, не несли повинностей. Вся эта шушера и въ княжествѣ хотѣла практиковать тотъ же порядокъ...). Франція, оказывая покровительство католическому вѣроисповѣданію въ Турціи, съ давняго времени добилась права покровительствовать лицамъ католическаго духовенства безъ различія ихъ національности. Это сохранено и теперь.—7) Консулы при турецкомъ правительствѣ сносились только съ губернаторами, игнорируя всякія другія власти. Признавая это нераціональнымъ, приказано предварить консуловъ, что впредь они будутъ сносятся непосредственно съ высшими властями въ краѣ только по дѣламъ первостепенной важности. По всѣмъ же текущимъ дѣламъ они должны обращаться въ мѣстныя административныя и судебныя учрежденія. Въ свою очередь, высшія мѣстныя власти сносятся прямо съ консулами, а второстепенныя—съ ихъ канцеляріями. Драгоманъ—лица не отвѣтственныя, и потому съ ними официальной переписки имѣть не слѣдуетъ. — 10) При турецкомъ правительствѣ текущая переписка производилась на турецкомъ языкѣ, нынѣ же она должна производиться на языкѣ болгарскомъ, само собою разумѣется, въ вѣжливой и приличной формѣ. (Это обстоятельство больше всего разозлило консуловъ, которые требуютъ, чтобы болгарскія власти переписывались съ ними по-турецки,—консулы, видите ли, не желаютъ вовсе признавать болгарскаго языка).

Касательно правъ иностранныхъ подданныхъ чаще всего происходятъ столкновенія по поводу сношенія жителей съ полицейскою властью. Во избѣжаніе этого слѣдуетъ принять за правило всѣ требованія полиціи, касающіяся иностранца, передавать въ надлежащее консульство, подъ официальную росписку, съ обозначеніемъ времени полученія этого требованія и обязательства исполнить его въ законной формѣ. Иностранецъ, арестованный полиціей, сдается немедленно въ консульство, гдѣ и отбываетъ арестъ по соглашенію консульства съ полиціей; если же онъ будетъ выпущенъ до срока, то объ этомъ долженъ быть составленъ протоколъ мѣстною властью и сообщенъ центральному управленію.

Иностранцы подлежатъ также паспортнымъ правиламъ, существующимъ въ Болгаріи. Такъ какъ въ настоящее время въ Болгаріи неприкосновенность жилища всякаго гражданина охраняется закономъ, то для иностранца право это утрачиваетъ свое отдѣльное значеніе. Часто возникающія притязанія на причисленіе къ жилищамъ иностранцевъ общественныхъ заведеній, лавокъ и проч., ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы, на томъ только основаніи, что заведенія эти содержатся иностранцами. Тѣмъ не менѣе обыски сихъ заведеній должны совершаться не иначе, какъ въ присутствіи консула или его делегата. Содержатель общественнаго заведенія и лавки является лицомъ, занимающимся внутреннею торговлей, и, на основаніи трактатовъ, приравнивается къ мѣстнымъ торговцамъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ консуловъ нѣтъ, обыски, въ случаѣ настоятельной необходимости, въ домѣ иностранца производятся только при мѣстныхъ понятыхъ. Въ такомъ случаѣ протоколъ немедленно сообщается ближайшему консулу. При всякомъ штрафѣ, налагаемомъ административнымъ порядкомъ, иностранцы не изъемяются изъ общихъ правилъ и должны подчиняться установленнымъ на этотъ предметъ положеніямъ, о которыхъ консулы должны быть поставлены въ извѣстность. Штрафы, налагаемые администраціей, не есть нововведеніе, но они существуютъ и въ турецкихъ законахъ о благоустройствѣ и благочиніи. Нѣкоторые иностранцы стараются уклониться отъ исполненія требованій особыхъ сборовъ и налоговъ, установленныхъ городскимъ самоуправленіемъ. Толкованіе, что они этимъ требованіямъ не подлежатъ, совершенно ошибочно. Капитуляціи изъняли иностранцевъ, не имѣющихъ недвижимаго собственности, отъ прежде существовавшихъ подушныхъ налоговъ, шедшихъ въ турецкую казну, — именно потому, что эти подати несутся уже иностранцами по отношенію къ государству, подданными котораго они считаются; городскіе же налоги, во время заключенія капитуляцій, еще не существовавшіе, идутъ на общественную пользу, въ которой участвуютъ всѣ жители города безразлично. Всѣ иностранцы, владѣющіе недвижимою имущественною собственностью, гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ княжества Болгарскаго, по своимъ имущественнымъ дѣламъ, касающимся этой собственности, подлежатъ одинаковымъ законамъ съ туземными подданными. Лишь соблюденіе этого условія допускаетъ ихъ къ приобрѣтенію недвижимаго собственности въ краѣ, какъ это и было установлено турецкимъ закономъ. Преступники-иностранцы, укрывшіеся въ Болгаріи, выдаются консуламъ или инымъ иноземнымъ властямъ, лишь въ случаѣ существованія на сей предметъ конвенцій. Желательно, чтобы иностранцы не входили въ подложныя сдѣлки съ мѣстными подданными, относительно торговыхъ и другихъ предпріятій, выдавая ихъ за свои и нанося тѣмъ ущербъ казнѣ; а потому если бы до свѣдѣнія губернаторовъ дошли положительныя доказательства такихъ поступковъ, то слѣдуетъ заявить объ этомъ надлежащему консулу; въ случаѣ непринятія имъ зависящихъ мѣръ къ пре-

сѣченію зла, отнестись съ изложеніемъ дѣла къ центральной власти. Пошлины виѣшней торговли установлены для иностранцевъ особыми торговыми договорами. Иностранцы, не имѣющіе въ мѣстахъ своего жительства консула націи, къ которой они принадлежатъ, имѣютъ право причислиться къ другому консульству, заявивъ объ этомъ мѣстной власти. Въ противномъ случаѣ, или, если въ томъ городѣ вовсе нѣтъ консульскихъ постовъ, то иностранцы подлежатъ вѣдѣнію мѣстной власти, которая, конечно, соблюдаетъ строжайшую законность, чтобы не дать повода къ пререканіямъ. Нѣкоторые мѣстные жители (преимущественно греки), а равно и иностранцы, утратившіе право на чужеземное подданство и воспользовавшись исчезновеніемъ прежнихъ властей и архивовъ, приняли иностранное подданство, не имѣя на это законныхъ правъ. О такихъ случаяхъ, если и консуль будетъ поддерживать подобную претензію, съ обстоятельнымъ изясненіемъ дѣла и указаніемъ по возможности на фактическія улики, слѣдуетъ немедленно сообщить центральной власти.

Многіе изъ консуловъ не пожелали подчиняться этимъ правиламъ, особенно больно имъ было запрещеніе безошлинно торговать. Еще непріятнѣе переписка на болгарскомъ языкѣ, которую уже практикуетъ Цанковъ.

На всѣ запросы по послѣднему дѣлу Цанковъ рѣшительно заявляетъ, что никакого языка, кромѣ болгарскаго, онъ не признаетъ и не понимаетъ.

— Французскій языкъ — дипломатическій, заявляютъ ему.

— Я не дипломатъ.

— Всякій образованный человѣкъ долженъ знать европейскіе языки.

— Тѣмъ болѣе живущіе въ странѣ—ея языкъ.

— Мы напишемъ нашимъ кабинетамъ.

— А до тѣхъ поръ ваши заявленія останутся неисполненными.

— Вамъ прикажутъ изъ Константинополя.

— Вѣрно по-турецки, это для меня поводъ неисполнить приказанія, котораго я не понимаю.

— Да помилуйте, я вовсе не желаю изучать болгарскую грамматику.

— Точно такъ же, какъ я вашу...

Что было дѣлать съ такимъ упрямымъ. Подумали и стали съ нимъ переписываться по-болгарски.

ХІІ.

ГУБЕРНАТОРЪ ЦАНКОВЪ.

Преоригинальная личность этотъ будущій премьеръ министръ Болгаріи, а теперь губернаторъ Варны—Цанковъ. Несомнѣнно, ему предназначается играть громадную роль въ молодомъ княжествѣ, и ждать этого придется не долго. Всякій болгаринъ знаетъ Цанкова, какъ знаетъ Каравелова, Словейкова и другихъ своихъ выдающихся людей. Въ этомъ отношеніи болгары даже являются очень комичными. Вамъ иногда приходится слышать: велики Каравеловъ, велики Цанковъ, хотя ничего великаго эти господа не сдѣлали, да съ помощію Божіей и не сдѣлаютъ. Тѣмъ не менѣе имъ суждено провести замѣтный слѣдъ въ народномъ самосознаніи и дѣятельность ихъ скажется въ будущемъ Болгаріи, какъ она теперь уже сказала въ ея конституціи, въ ея учрежденіяхъ, въ ея симпатіяхъ... Характеристику Словейкова и другихъ болгарскихъ дѣятелей я дамъ впослѣдствіи при описаніи Тырнова, теперь же скажу нѣсколько словъ о Варненскомъ губернаторѣ. Энергическій и безспорно самый умный между своими, онъ всю жизнь посвятилъ дѣлу возрожденія родины. Съ дѣтства до 1877 г. онъ не зналъ опредѣленнаго мѣста жительства. Это было какое-то безпрестанное скитальчество, борьба за жизнь, за своихъ соотечественниковъ. То редакторъ газеты въ Стамбулѣ, замѣчательный своею смѣлостію, то талантливый писатель, то балканскій агитаторъ, то депутатъ, то турецкій губернаторъ, — Цанковъ нѣсколько лѣтъ ѣлъ горькій хлѣбъ изгнанника и политическаго преступника. Несчастія, неудачи, нисколько не сломили его энергію, не заставили измѣнить своему знамени, не вложили въ эту боевую натуру жажду отдыха и покоя. Онъ не любитъ никого

кого и ничего, кромѣ своей родины, и служить только ей, живетъ ею. Такія натуры выдвигаются именно смутными обстоятельствами, трагическими событіями, рѣшительными переломами въ народной жизни. Въ другое время имъ нѣтъ дѣла, нѣтъ приложенія ихъ богатымъ силамъ. Въ тишь, да гладь, да Божью благодать—среди мирно подвизающихся на поприщѣ общественнаго благоустройства мокрицъ — что дѣлать этимъ кипучимъ, сильнымъ людямъ. Не запереться же въ канцеляріи, не въ акціонерномъ ажіотажѣ искать простора и жизни. Счастіе такимъ людямъ, когда имъ приходится дѣйствовать въ исключительные историческіе моменты. Такое счастье досталось и на долю Цанкова. Преслѣдуя какую-нибудь цѣль, онъ уже не знаетъ колебаній, но зато и не останавливается передъ средствами, — для него все хорошо, что служить благу отечества. Это іезутизмъ—но іезутизмъ, съ которымъ можно помириться. Разумѣется, не удайся ему дѣло, принятое на себя, и все бы обрушилось на него. На приемы, усвоенные имъ, стали бы указывать съ насмѣшкой и ненавистью — закончилось дѣло торжествомъ, кто осмѣлится бросить ему укоръ въ лицо... Гуманисты и доктринеры противъ этого—но масса всегда за того, кто выбрался на верхъ... Задумавъ отдѣленіе болгарской церкви отъ греческой, которая хуже турецкаго ига разъѣдала Болгарію и поддерживала въ ней народную нищету и рабство Цанковъ сталъ работать нѣсколько лѣтъ тому назадъ на этомъ поприщѣ такъ быстро и неутомимо, что скоро былъ уже не единственнымъ воиномъ въ полѣ. Агитацію началъ онъ смѣло и повсемѣстно. Разумѣется, его скоро возненавидѣли эллинскіе попы и византійскіе монахи. Греческое духовенство преслѣдовало его такъ, что иногда народному трибуну и вождю приходилось по мѣсяцамъ скрываться, приготавливая какой нибудь рѣшительный ударъ. Онъ не боялся враговъ. Дѣятельному, самостоятельному и сильному уму не страшны они, ихъ пугаются только люди слабые. Сила чужда робости, когда эта сила искренняя. Больше—такіе умы не мятся ни съ чѣмъ, они вызываютъ на споръ. Ихъ не подку-

пишь суевѣріемъ, не убьешь доктриной. Для нихъ — нѣтъ мифа и нѣтъ истины въ мифѣ. Они въ этомъ случаѣ не рабы Ксанфа. По этому и мифы, сбивающіе другихъ съ ногъ, имъ не страшны. Когда я смотрѣлъ на Цанкова, на эту упрямую, круглую, фанатически одностороннюю голову, мнѣ невольно приходило въ голову, — не велъ ли съ нимъ знакомство Тургеневъ, не съ него ли писалъ своего Инсарова. Подготовивъ повсемѣстно почву, Цанковъ сталъ уже гласно и открыто провозглашать раздѣленіе церквей. На первыхъ порахъ ни одна иностранная держава не поддержала его. Онъ входилъ въ сношенія съ Россіей, но русское посольство въ Константинополь считало тогда почему-то невыгоднымъ ссориться съ греческимъ духовенствомъ. Истощивъ всѣ усилія, испробовавъ всѣ средства, бросаясь то вправо, то влѣво, Цанковъ рѣшился на мѣру, которая ошеломила многихъ на первыхъ порахъ.

— Я заставлю Россію вмѣшаться и помочь намъ! сообщилъ онъ своимъ сотрудикамъ.

На другой день послѣ этаго онъ принялъ католичество.

Анекдотъ или нѣтъ, но онъ извѣстенъ всей Болгаріи. Мнѣ рассказывали тоже самое и въ Шумлѣ, и въ Варнѣ, и въ Тырновѣ Цанковъ теперь упорно молчитъ объ этомъ, что еще не служить доказательствомъ противнаго...

Вѣсть эта облетѣла всю Болгарію...

Къ Цанкову обратились отовсюду за разъясненіями, что все это значить.

— Намъ одно спасеніе—въ униі, иначе греческое духовенство окончательно сотретъ съ лица земли болгарскую народность, отвѣчалъ онъ.

«Намъ одно спасеніе въ униі», стало слышаться повсюду—и вдругъ зашевелилось и забеспокоилось наше константинопольское посольство.

Это замѣтилъ Цанковъ и уѣхалъ въ сѣверную Болгарію. На первыхъ же порахъ—одни говорятъ, что вслѣдствіе его агитаціи, другіе—вслѣдствіе происковъ католическаго духовенства—

два округа присоединяются къ униі, признають главенство папы.

Наши въ Буюкъ-дере всполошились окончательно.

Дилемма! Дѣло поставлено такъ: или папа, или самостоятельная болгарская церковь.

— Намъ нѣтъ другого исхода!

Еще одинъ небольшой округъ присоединился къ нимъ.

Народъ, доведенный до отчаянія, готовъ былъ броситься въ какую угодно пропасть, лишь бы избавиться отъ эллинскихъ пьявокъ, сосавшихъ его кровь.

Заработали дипломаты, заскрипѣли перья—и болгарскій экзархатъ былъ отдѣленъ отъ шайки греческихъ торгашей и византійскихъ монаховъ, обиравшихъ до сихъ поръ болгарскій народъ. Округи, принявшіе унию, опять присоединились къ православію. Остались вѣрными новому исповѣданію немного. Теперь ихъ нѣтъ и 5,000 человекъ. Я по крайней мѣрѣ знаю только два маленькихъ села, гдѣ существуютъ католицизмъ—Липницу и Лужаны. Тамъ ими управляютъ ксендзы, какъ нѣкогда іезуиты управляли населеніемъ въ Парагваѣ.

Цанковъ создалъ себѣ положеніе... Съ этого момента его узнала вся Болгарія... Съ этой поры онъ вмѣстѣ съ другими близкими друзьями стоитъ во главѣ всѣхъ движеній болгарскаго народа, начинаетъ разрабатывать прошлое родины, напоминаетъ ей о былой славѣ, неутомимо трудится надъ ея исторіей, входитъ въ сношенія съ лучшими людьми Болгаріи, дружится съ Словейковымъ, Каравеловымъ, подбиваетъ населенія самыхъ глухихъ деревень открывать школы, находитъ учителей, собираетъ вокругъ себя болгарскую молодежь, группируетъ ставшее уже народнымъ духовенство, внушающее народу съ кафедры, въ исповѣдальнѣ, въ полѣ и дома сознаніе его правъ и силы, борется съ чорбаджіями и, наконецъ, сильно скомпрометтированный передъ турецкимъ правительствомъ, эмигрируетъ...

Въ изгнаніи онъ становится еще сильнѣй. Вокругъ него группируется все мыслящее, все интеллигентное въ Болгаріи.

все молодое. Онъ — центръ кружка, онъ фокусъ дѣятельности, онъ ея вдохновитель и рулевой... Онъ то скрытно объѣзжаетъ придунайскіе округа, то путается въ Балканахъ, то ѣздитъ депутатомъ въ Австрію и Россію, то работаетъ надъ воспламеняющими статьями политическихъ газетъ, которыя уже начали издаваться болгарами въ Журжевѣ, Бѣлградѣ... Иногда семья не знаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Его считаютъ погибшимъ, а онъ сваливается какъ снѣгъ на голову; турки за голову его предлагаютъ преміи, онъ является самъ очаровываетъ пашей — и тѣ опять вѣрятъ ему... Мало этого, они одеваютъ его въ свой мундиръ, дѣлаютъ вице-губернаторомъ. Задобренные турками и повинуваясь проискамъ австрійской и англійской дипломатіи — румынскія власти изгоняютъ его, а онъ въ эту самую минуту ухитряется перевезти сотню ружей и массы пороха и свинца въ береговые пункты Добруджи и Рущукскаго вилайета. Иной разъ всѣ преданные ему люди считаютъ его въ тюрьмѣ, а онъ, напротивъ, освобождаетъ другихъ. Эта кипучая дѣятельность продолжалась до объявленія войны Россіей Турціи. Какъ только въ Букарештѣ доставили манифестъ Государя Императора, Цанковъ собралъ членовъ болгарскаго революціоннаго комитета

— Господа, мы теперь не нужны! Дѣло освобожденія Болгаріи взяла въ свои мощныя руки Россія... Я закрываю комитетъ...

— Какъ, что?.. Не согласны!.. запротестовали было остальные, не понявшіе его.

Цанковъ доказалъ неумѣстность существованія комитета.

— Идите переводчиками въ русскія арміи, берите ружья, деритесь... Облегчайте русскимъ ихъ задачу... Мы понадобятся, когда Болгарія будетъ освобождена и ее придется устраивать...

И, дѣйствительно, они понадобились. Теперь бывшіе члены комитета стоятъ во главѣ губерній болгарскихъ, во главѣ ихъ управленій... Въ печальное время берлинскаго конгресса Цанковъ былъ избранъ, въ числѣ другихъ депутатовъ, для заявленія надеждъ, нуждъ и требованій своего народа передъ иностранными кабинетами... Въ періодъ національнаго собранія

въ Тырновѣ, онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ его работниковъ...

Цанковъ — не ораторъ. Онъ не умѣетъ говорить гладко. Округленные періоды вовсе не въ характерѣ этого молчаливо-посасывающего свою трубочку, круглоголоваго упрянца. «Зачѣмъ говорить, когда надо дѣлать». Въ палатѣ онъ настоялъ на уничтоженіи мундировъ и орденовъ въ странѣ (кромѣ русскаго Георгія и болгарскаго военнаго ордена). Онъ же ограничилъ размѣры и значеніе проектированнаго чиновничества. Онъ придалъ невиданную силу выборамъ и провелъ рядъ такихъ законоположеній, при которыхъ произволъ если и можетъ существовать, то уже безъ всякихъ ширмъ легальности и права.

Теперь его сдѣлали гунернаторомъ помимо его желанія, иначе онъ былъ бы министромъ. Къ сожалѣнію, демократическіе принципы не совсѣмъ правились въ то время. Крайній демократъ по убѣжденіямъ, онъ съумѣлъ и въ жизни остаться демократомъ. Пестрый мундиръ начальника губерніи ни разу еще не красовался на его плечахъ; въ своей сѣрой жакеткѣ онъ вездѣ одинаковъ—и когда принимаетъ поселянъ болгарскихъ, и когда толкуетъ съ россійскимъ генераломъ, и когда отбивается отъ назойливости иностранныхъ консуловъ. Все для Болгаріи и ничего для себя! Этимъ онъ отличается отъ другихъ болгарскихъ администраторовъ, у которыхъ рыльце уже въ пушку. Съ своей коротенькой трубочкой въ зубахъ, коренастый, круглоголовый, обстриженный подъ гребенку, онъ вездѣ одинаковъ... Отъ него дышетъ увѣренностію, а мягкія черты лица придаютъ еще больше выраженія пронизательнымъ чернымъ глазамъ, къ которыхъ иногда свѣтится самое непоколебимое упрямяство. Онъ любитъ молчать, и въ этомъ отношеніи онъ политикъ Востока, гдѣ говорятъ, что невысказанное слово—золото. Когда нужно говорить, онъ говоритъ коротко, точно обрываетъ, любитъ простые, чуждые реторики, обороты рѣчи и нарочно настаиваетъ на сохраненіи простонароднаго языка. Онъ дышетъ увѣренностію, какъ я выразился выше. Дѣйствительно, въ немъ это дорогая черта. Остальные трусятъ и боятся, что

съ выходомъ русскихъ Болгарія опять погибнетъ, — турки съ одной, австрійцы съ другой стороны будутъ гнести ее.

Не таковъ Цанковъ. Онъ вѣрится въ Болгарію, и Болгарія, въ свою очередь, вѣрится ему. Здѣсь всехъ исполости редифы, возвращающіеся изъ Турціи.

— Пропадетъ Болгарія! опускаютъ головы патріоты.

Я заговорилъ съ Цанковымъ.

— Пустяки!... Мы обезоружимъ мусульманъ.

— А если они возстанутъ?

— Мы ихъ уничтожимъ... У насъ для этого довольно силъ...

— Какъ вы объясняете возвращеніе редифовъ?

— Видите ли, они все изъ этой мѣстности. Понятно, что отпускные возвращаются по домамъ—одни, чтобы жить тамъ, другіе—продать землю и уйдти въ Турцію.

— А османъ-базарское дѣло?

— Ну-съ?

— Вѣдь тамъ взяты въ плѣнъ редифы...

— Что-жь такое?—Случайность... Голову терять не надо... Тѣмъ не менѣе, только уйдутъ русскіе, мы начнемъ обезоруживать мусульманъ. Если не хотять, пусть убираются, а останутся, мы церемониться не станемъ...

Цанковъ любитъ говорить о молодыхъ учрежденіяхъ своей родины. Онъ гордится ими, потому что въ созданіи ихъ принималъ не малое участіе. Ему въ Болгаріи ненавистны только одни чорбаджии, старо-турецкая партія, и для нея онъ явится грознымъ врагомъ. Настолько грознымъ, что эта подлая сволочь готова обращаться къ наемнымъ убійцамъ, чтобы только отдѣлаться отъ людей, подобныхъ Цанкову. Въ турецкое время чорбаджии доносили на Цанкова, ловили его, выдавали политическаго агитатора, зная, что они тѣмъ самымъ подводятъ его подъ ножъ. Они доносили на него и русскимъ, приписывали Цанкову поступки, которыхъ онъ никогда не совершалъ, слова, имъ произносившіяся.

— Цанкова мало убить! чуть не съ пѣной на губахъ свирѣпствовалъ въ Букарештѣ знаменитый чорбаджій Евлогій,—

его надо публично казнить и помучительнѣе. На коль посадить, жилы вытянуть...

Въ великую похвалу Цанкову можно поставить именно то, что въ странѣ его ненавидятъ именно эти люди, похвала которыхъ была бы хуже всякаго о каторжнаго клейма.

Были господа, мечтавшіе о созданіи болгарскаго дворянства, а Цанковъ неслышимо и незримо подорвалъ всѣ ихъ начинанія... Это человѣкъ, котораго энергія растеть съ препятствіями. Уже здѣсь заносчивыхъ, назойливыхъ и недоступныхъ иностранныхъ консуловъ онъ заставилъ переписываться съ нимъ по-болгарски.

Въ Болгаріи есть партія, которая очень боится Россіи. Эти господа думаютъ, что мы можемъ поглотить Болгарію. Видимо, о нашихъ аппетитахъ они имѣютъ преувеличенное понятіе. Между ними встрѣчаются даже такіе, которые открыто проповѣдуютъ, что слабая, разноплеменная Австрія для нихъ лучше. Безъ покровительства иностранной державы Болгарское княжество существовать не можетъ, и ужь если выбирать, то они готовы скорѣе обратиться къ Австро-Венгріи,—все не такъ страшно.

— Видите ли, мы не боимся Россіи... Но между нами мало общаго, пояснялъ одинъ.

— Какъ мало?.. Вѣра, языка.

— И все-таки мало. Помимо этого народъ живетъ учрежденіями, а австрійскія гораздо ближе къ намъ, чѣмъ русскія...

Цанкову смѣшна эта партія. Цанковъ—преданный и благодарный слуга Россіи, хотя на первомъ планѣ у него, разумеется, интересы своей родины.

Къ партіи австрійской, какъ это не странно, принадлежать именно тѣ люди, которымъ нынче покровительствуетъ здѣсь Россія. Это личный секретарь князя Александра, Стоиловичъ, министры Начевичъ, Грековъ, Балабановъ, избранные по нашимъ указаніямъ. Эти ненавидятъ и боятся Россію. Эти служатъ чорбаджіямъ до такой степени, что вся интеллигенція молодой страны отвернулась отъ нихъ, заклеивъ своихъ министровъ именемъ предателей.

Въ настоящее время Цанковъ отстаиваетъ свой языкъ со всѣми его лишними придатками, членомъ, который другіе хотѣли уничтожить.

— Помилуйте, вѣдь это затрудняетъ.

— Да; но если очистить языкъ, то онъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ русскаго... Намъ нужно сохранить всѣ свои особенности.

Наша администрація, не понимая различія между красными и демократами, причисляла Цанкова къ первымъ. А между тѣмъ ничего въ немъ краснаго нѣтъ: человекъ только любитъ свою страну, ей одной хочетъ служить и заботится только объ одномъ, чтобы чужеземцы не имѣли въ ней рѣшающаго вліянія.

— Болгарія—для болгаръ! говоритъ онъ.

Когда молодой болгарскій князь собиралъ министерство, — онъ хотѣлъ создать его изъ консерваторовъ и либераловъ вмѣстѣ, — то сдѣлалъ соотвѣтствующія предложенія Цанкову и Каравелову; но тотъ и другой отказались рѣшительно имѣть что-либо общее съ гг. Бурмовымъ, Начевичемъ, Грековымъ и Балабановымъ... Цанковъ остался поэтому не у дѣль, но онъ хорошо понимаетъ свое положеніе. Страна, недовольная Грековымъ и Бурмовымъ, съ еще большею стремительностію бросится къ Цанкову и его партіи.

Въ Цанковѣ, впрочемъ, очень много смѣшныхъ сторонъ. Ему отъ имени князя предложилъ министерство секретарь Александра Баттенбергскаго, Стоиловъ. Но такъ какъ подъ телеграммой фамилія Стоилова была переврана, то Цанковъ не отвѣчалъ ни слова и уже на другой день удостоилъ его отвѣтомъ. Его партія, испугавшаяся Бурмова—Грекова—Начевича, упрекала Цанкова за то упорство, съ которымъ онъ отказывался отъ портфеля; но будущее несомнѣнно докажетъ, что Цанковъ и Каравеловъ были правы.

Цанковъ—не монархистъ и не республиканецъ. Въ этомъ случаѣ, не исповѣдуя никакихъ доктринъ, онъ стоитъ на иной, чисто экономической, почвѣ.

— Почему вы противъ принца.

— Я не противъ него, можетъ быть онъ и хорошій человекъ. Но я нахожу, что онъ слишкомъ дорогъ намъ. Мы бы могли устроиться подешевле.

Онъ не дѣлаетъ никакихъ уступокъ.

Его какъ-то упрекнули въ этомъ.

— Несправедливо, замѣтили ему.

— Борьба — всегда несправедлива, отвѣчалъ Цанковъ. Начни уступать, такъ и конца не будетъ. На взаимныхъ уступкахъ и съ чорбаджіями помиримся. Разница только въ одномъ — съ нашей стороны эти уступки будутъ искренни, а съ ихъ притворны. Они воспользуются первымъ моментомъ чтобы задушить насъ. Лучше же ничего не уступая — ихъ душить.

ХІІІ.

Ш У М Л А.

6-го іюля, Шумла.

Широкая улица вверхъ по крутому откосу высокой горы. Солнце такъ и бьетъ по ней — глазамъ больно... Мой арабаджи постегиваетъ коней, которые всѣ въ поту, едва-едва всползаютъ по неудобной мостовой, цѣпляясь копытами за ея громадные булыжники. Вся она — какими-то колдобинами, ухабами. Налѣво, громадные дома прочной, массивной постройки. Оказывается, бывшія турецкія казармы, рассчитанныя на двадцать тысячъ солдатъ. Первый корпусъ для кавалеріи, второй — для пѣхоты — ими такъ и воспользовались. Конныя сотни болгаръ и народное ополченіе заняли эти казармы къ крайнему негодованію мѣстныхъ мусульманъ, которые до сихъ поръ не могутъ примириться съ христіанскимъ владычествомъ. Бѣлые рубахи болгаръ ополченцевъ — видны во всѣхъ окнахъ. На площадкѣ производится ученье и болгары маршируютъ не по нашему, но какимъ-то ужъ очень крупнымъ и быстрымъ шагомъ. Молодцеватые, рослые солдаты. Направо большая красивая мечеть; стройный минаретъ ея гордо выносится вверхъ,

точно хочеть перерости тѣ сѣрыя скалы, что молчаливо и спокойно нависли надъ городомъ и сторожатъ его отовсюду. По стѣнамъ мечети цѣпляется цлющъ, запалзывая въ каждую трещину, укрѣпляясь въ каждой щели между кирпичами... Вокругъ—лежатъ правовѣрные. Хорошо имъ спится въ тѣни своей джамии, посреди этого зноя и свѣта... Тутъ же надъ ними воркуютъ голуби. Бѣлые, какъ искры носятся вокругъ минарета, подъ карнизомъ котораго, на высотѣ воздушной они свили свои сѣрыя гнѣзда. Каменные дома, масса гостиницъ—Hôtel de St.-Stefano, Отель Москва, Петербургъ, Одесса, включая Hôtel de m-me Plevna. Отель мадамъ Плевна называется такъ потому, что ея содержательница, прекрасная румынка, приѣхавшая умереть на гробѣ своего супруга, а вмѣсто того открывшая трактиръ, выдержала столько же атакующихъ, сколько и турецкій Севастополь. Разница между ними была только одна. Плевна сдалась одинъ разъ, а m-me Plevna сдавалась постоянно. Всѣ эти отели — съ выбитыми стеклами, грязные снаружи, отвратительные внутри. Во время стоянки русскихъ войскъ, цѣлая улица была занята ими. Ихъ нависшіе балконы (по турецкому обычаю) выпятились на самую середину улицъ. Жутко идти внизу. Вотъ, вотъ рухнуть подгнившія балки и вась раздавятъ эти бревна, эти бѣлыя стѣны, покоющіяся на нихъ... Еще большая мечеть, такая же массивная, красивая, съ такими же громадными и граціозными минаретами, и, наконецъ, направо и налѣво потянулись тѣнистые базары, на которыхъ чего только нѣтъ! Больше всего, разумѣется, какъ и во всѣхъ турецкихъ городахъ, собакъ. Цѣлыми стаями они спятъ въ тѣни и на солнцѣ, посреди улицъ, на порогахъ домовъ и фонтановъ, у лавскъ, всюду, куда только попадетъ вашъ взглядъ. Ихъ обходятъ, не сгоняютъ съ мѣста, тѣмъ менѣе бьютъ. Милосердіе къ животнымъ завѣщано туркамъ. Оно обязательно на всемъ востокѣ. Нашъ мужикъ, на смерть бьющій своего коня; запускающій полѣномъ въ собаку, показался бы здѣсь варваромъ и его самого пожалуй-бы побили камнями. Цѣлый кварталъ занятъ кожевниками. Улицы

переполнены ихъ лавками. Тутъ не работаетъ ни одинъ болгаринъ — только турки. Сѣдла, уздечки, вальтрапы, стремена — чисто мусульманское производство, и во время турецкаго владычества болгаринъ даже не осмѣливался и подумать заняться этимъ излюбленнымъ османлисами промысломъ. Кожъ прежде Шумла производила на 4.800,000 рублей въ издѣліяхъ и такъ — дублеными; она ихъ высылала даже черезъ Варну въ черноморскіе порты Азіятской Турціи. Крупныхъ хозяйствъ въ этомъ отношеніи здѣсь не было. Массы кожевень, расположенныхъ въ самомъ городѣ, принадлежали — каждая отдѣльному семейству; работниками были его сочлены. Поэтому и массы лавочекъ. Каждая кожевня выходила на улицу лавочкой. При этомъ взрослый работникъ могъ зарабатывать въ день до 50 грошей, что составляетъ 2 р. 75 к. (грошъ или піастръ — $5\frac{1}{2}$ к.). Разумѣется — могъ, но не зарабатывалъ. Восточная лѣнь не допускала этого. Заработавъ два франка, кожевникъ бросаетъ дѣло и уходитъ отдыхать до завтра или ложится спать тутъ же въ мастерской и лавочкѣ, которая — на виду вся, съ улицы совершенно открыта. Добрый мусульманскій купецъ тоже получивъ барыша семь-восемь франковъ, запираетъ лавку — кейфуется и знать не хочетъ на сегодня никакихъ барышей... Съ него довольно!

Еще недавно, здѣсь была масса лавочекъ съ новымъ и старымъ рѣдкимъ оружіемъ. Торговля эта также находилась въ рукахъ у турокъ. Ни одинъ болгаринъ не смѣлъ не только открыть оружейной лавки, но и поступить работникомъ въ мастерскую. Когда мусульманское населеніе было здѣсь обзоружено, тотчасъ же хозяева этихъ лавокъ спрятали, что было получше, а хламъ и заваль сдали въ русскіе склады. Теперь оружейнаго производства нѣтъ совсѣмъ. Лучшіе оружейники удалились въ Адрианополь и Стамбуль, другіе только переѣхали Балканы и въ Румеліи ждуть другаго порядка вещей. Каждый мусульманинъ вѣритъ, что владычество болгаръ будетъ недолговѣчно. «Уйдутъ русскіе, и мы ихъ про-

гонимъ», совершенно открыто говорятъ они. Будетъ ли это такъ, покажетъ очень близкое будущее.

Шумлинскіе шелка славятся въ Болгаріи до сихъ поръ. Въ лавкахъ впрочемъ подъ видомъ мѣстныхъ зачастую вамъ показываютъ иностранныя, потому что какъ это не странно, здѣшнія издѣлія этого рода дороже ввозныхъ и разумѣется гораздо лучше. Настолько лучше, что ни одна богатая турчанка не наденетъ на себя шальвары изъ французскаго шелка—а возьметъ Шумлинскій. Много лавокъ загромождены мѣдною посудой, которая на весь край производится здѣсь же. Когда я пріѣхалъ въ Шумлу, здѣсь была—ярмарка. Всѣ площади и улицы прилегающія къ базару были загромождены пріѣзжими торговцами и мусульманами изъ окрестныхъ деревень, изъ Дели-ормана, Герлова, Разграда, Османъ-Базара. Пріѣзжали даже изъ-за Балканъ—изъ Сливно... Въ пестромъ мѣсивѣ всевозможныхъ яркихъ одеждъ и лицъ порою мелькали черныя фигуры закутанныхъ женщинъ, фанатически здѣсь закрывающихъ свое лицо. Въ Адрианополѣ и Константинополѣ они уже полуоткрываютъ его, вообще кутаются не такъ. Здѣсь — иное дѣло. Шумла, это мусульманскій Иргизъ. Здѣсь—старообрядство, обычаи древляго благочестія хранятся нерушимо. Кофейни, считающіеся сотнями, переполнены народомъ, молчаливо посасывающимъ наргиле и трубки. Всюду на улицѣ столики—а за ними юркіе и суетливыя мѣняла—евреи, не сводящіе глазъ съ столбиковъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, правильно разложенныхъ передъ ними. Между публикою базаровъ—вамъ зачастую встрѣчаются высокіе бараньи шапки персовъ, продающихъ здѣсь ковры—вы думаете персидскіе?.. Нѣтъ, турецкія, только приготовленныя по персидскимъ рисункамъ. Еще болѣе армянъ, товары которыхъ—шелка, кавказское серебро въ издѣліяхъ находятъ здѣсь теперь хорошія сбытъ... Въ тѣни снуютъ водоносы и продавцы сластей. Назойливо подъ самымъ ухомъ выкрикаетъ бойкій мальчишка съ черными глазами на выкатъ названіе своего товара и еще на

зойливѣе гнусить бродячій дервишъ протягивая къ вамъ деревянную чашку за подаяніемъ...

По сторонамъ разбѣгаются маленькія, узенькія, кривыя улочки. Наружу выходятъ только заборы изъ мазанокъ да землянаго кирпича и домашнія службы. Роскошные дома пашей, которые особенно любили мусульманскую Шумлу, капризно прячутся за такими же невзрачными на видъ постройками. Зачастую въ этихъ домахъ васъ поражаетъ удивительной красоты колонна чистаго стиля, капитель, или другія архитектурныя украшенія, отъ которыхъ вѣетъ тысячелетіями. Округъ Шумлы—это край развалинъ; на сѣверовостокѣ отъ города есть, на примѣръ, урочище Абоба—гдѣ до сихъ поръ между остатками римскихъ укрѣпленій встрѣчаются греческія постройки и развалины, поражающія удивительною красотою уцѣлѣвшихъ деталей. Шумла вообще одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Европѣ. Римляне придя сюда уже нашли большой городъ, начало котораго терялось въ глубинѣ вѣковъ. Они основали здѣсь укрѣпленный лагерь. Еще болѣе пріобрѣла значенія Шумла когда царь Болгарскій Крумъ перенесъ сюда въ VIII столѣтіи резиденцію. Въ слѣдующемъ вѣкѣ городъ былъ сожженъ императоромъ Никифоромъ, но черезъ тридцать лѣтъ возникъ изъ пепла еще болѣе и значительнѣе чѣмъ прежде...

Проѣзжая по этимъ улочкамъ, всюду наталкиваешься на брошенные сады и пустыя дома... Весною опять зацвѣли ихъ^е розы и лиліи, опять распустились вишневые и абрикосовыя деревья и миндаль, виноградныя лозы такъ же, какъ и два года назадъ, вьются вокругъ тонкихъ колоннъ на красивыхъ верандахъ, но внутри — запустеніе, тишина могилы. Гдѣ ихъ хозяева? Гдѣ эти стойкіе люди, которые не хотѣли даже условно, даже временно помириться съ чужеземнымъ владычествомъ? Или нищенствуютъ въ Малой Азіи, или ждуть въ Стамбулѣ, не повернется ли счастье лицомъ къ нимъ снова и не отдастъ ли судьба опять въ ихъ ежовыя рукавицы рабовъ-болгаръ, которые теперь владычествуютъ надъ ихъ старою?

На улицахъ, чуть гдѣ-нибудь есть клочокъ тѣни, или подъ широкимъ раскидистымъ деревомъ—сидятъ молчаливые и неподвижные турки. Иные у пороговъ своихъ домовъ присѣли на корточкахъ, да такъ и замерли. Вонъ старый, точно обожженный солнцемъ, мулла въ зеленой чалмѣ провожаетъ васъ полнымъ ненависти взглядомъ и снова погружается въ свое раздумье, кажущееся на первый взглядъ апатіей. А мысль неустанно работаетъ. По этой нервной борьбѣ, которая видна на лицѣ его, по этимъ смѣняющимся оттѣнкамъ такъ и кажется, что весь онъ и мыслью и сердцемъ въ далекомъ прошломъ. Создаешь себѣ даже, что онъ думаетъ: «наказаль Аллахъ насъ за то, что предки наши не истребили это подлое племя. Оставили ихъ—вотъ онъ и отдалъ насъ имъ на жертву. А все султаны виновны: сказано въ коранѣ—не шадить никого, не оставлять камня на камнѣ!» Нищіе—тѣ совсѣмъ на солнцѣ сидятъ, поджавъ ноги подъ себя и зажмуривъ глаза... Вытянетъ впередъ руку съ какой-то коробкой, гдѣ сиротѣтъ галаганъ, и цѣлые часы остается въ такой позѣ, неподвижно, подъ этими знойными лучами, отъ которыхъ кровь бьетъ въ голову и зеленые круги мерещутся передъ глазами. Болгарь на улицахъ мало,—еще не освоились съ своимъ положеніемъ, еще не смѣютъ показываться сюда, въ турецкій кварталъ. Они безцеремонны съ мусульманами тамъ, гдѣ послѣднихъ мало, гдѣ сила на ихъ сторонѣ; но здѣсь, въ этой магометанской Шумлѣ, иное дѣло—прячутся по домамъ, а если и ходятъ по турецкой части города то прижимаясь къ стѣнамъ, давая дорогу каждому байгушу, и низко кланяясь встрѣчному муллѣ, начто этотъ обыкновенно отвѣчаетъ.

— Будь ты проклятъ христіанскій песь...

Одна изъ этихъ духовныхъ особъ только недавно отучилась отвѣчать на поклонъ ударомъ палки въ лобъ кланяющагося.

Забросивъ вещи въ домъ, гдѣ я остановился, приказываю привести къ себѣ завтра лошадей. Нужно выбрать и купить ихъ для поѣздки въ quasi—разбойничье гнѣздо—Гирловское султанство. Туда кстати ѣдутъ: начальникъ округа, болгаринъ До-

невъ, капитанъ Недзвецкій и еще трое мѣстныхъ жителей, пользующихся случаемъ посмотрѣть на мѣстность, куда еще недавно не смѣлъ показываться ни одинъ христіанинъ, потому что за одну попытку проникнуть—его убивали безпощадно. Сорокъ деревень гирловскихъ, населенныхъ исключительно магометанами, занявшія одну большую горную долину, знать не хотѣли ни болгаръ, ни грековъ, ни армянъ. Короче, никакого христіанина нельзя было уговорить пріѣхать сюда. А тѣ, которые во времена оны осмѣливались сунуться туда, какъ я говорилъ выше, погибали. Теперь, разумѣется, иные времена. Гирловцы смирились и занимаются только изподтишка разбоемъ. Я обрадовался случаю посѣтить этотъ оригинальный народецъ. На послѣ завтра назначенъ отъѣздъ,—нужно было готовиться спѣшно.

Въ центрѣ Шумлы есть холмъ. На холмѣ этомъ выстроены, посреди чахлаго сада, не то кабакъ, не то плохой трактиръ. За то отсюда очаровательный видъ на городъ. Трактиръ называется «Шибкой» и усердно посѣщался офицерами, когда они жили въ Шумлѣ. Теперь всѣ эти «заведенія» молчаливы, а хозяева ихъ погружены въ великую печаль; войска ушли—и эти господа остались здѣсь какъ раки на мели. Румынскія дамы, пріѣхавшіе сюда изъ Букурешта, всѣ эти Мадамъ Плевна и ей подобныя, недоумѣваютъ куда это дѣлись щедрые «капитаны», при которыхъ такъ весело жилось и полуимперіалы были такъ дешевы. Увы, война кончилась!.. Онѣ осаждаютъ каждого русскаго назойливыми вопросами: скоро-ли начнется война и неужели же, въ самомъ дѣлѣ, миръ этотъ проченъ.

— Вѣдь это ужасно! повторяютъ они, соображая, сколько золота попало-бы въ ихъ бездонныя карманы если бы война продлилась еще съ годикъ.

— Мы обмануты: мы пріѣхали—а ваши ушли!..

Городъ занимаетъ лощину, имѣющую видъ подковы. Дома—и на днѣ лощины, и всползаютъ вверхъ по скатамъ. Это—громадное марево черепичныхъ кровель, садовъ, мечетей, тополей, скалъ и опять кровель, которыя, словно лѣстницы, ступеньками поднимаются вверхъ и спускаются внизъ въ

самое темное, прохладное дно котловины, сплошь заполненное зеленью... Въ этомъ пестромъ, очаровательномъ, оригинальномъ въ высшей степени маревѣ восточнаго, чисто восточнаго, города разбѣгаются узкія улочки, то пропадая за домами, то снова откровенно выказывая намъ всю свою неприглядность и безлюдье. Налѣво отъ меня болгарскій кварталъ съ церковью, ничѣмъ не отличающагося отъ простаго дома, — ни колокольни, ни клепалъ. Здѣсь до сихъ поръ не смѣютъ повѣсить клепала. Даже тамъ, гдѣ мусульманъ меньшинство, едва удалось ввести колокола, — меньшинство это запугивало болгаръ... Соглашаясь на все, даже на подчиненіе болгарскому князю, турки не могли вынести звона христіанскихъ церквей. Въ Плевнѣ, на примѣръ, съ перваго удара колокола цѣлая семья турокъ уложились и ушли со всѣмъ своимъ скарбомъ въ Румелию. Болгарскій кварталъ Шумлы занимаетъ подковообразное дно котловины. Черезъ оврагъ здѣсь переброшено нѣсколько красивыхъ каменныхъ мостовъ. Террасы горъ и все, что вообще повыше, занято турками. Только въ самомъ верху привѣтливо синѣетъ горное ущелье. Оно все заглушено садами и въ этихъ садахъ живетъ до двухсотъ еврейскихъ семействъ, тоже отдѣльно. Евреи въ Шумлѣ — испанскіе. Они не понимаютъ нашихъ и честнѣе гораздо, хотя, разумѣется, эта честность условная. Между ними есть семьи евреевъ венгерскихъ, нѣсколько столѣтій уже переселившихся сюда. Имъ турки покровительствовали ради историческихъ воспоминаній, какъ это видно изъ слѣдующаго эпизода:

Къ начальнику Шумлинскаго округа является еврейская семья.

— Съ насъ взимаютъ налоги... Мы освобождены отъ нихъ, — мы не должны платить.

— Какъ такъ?

— Мы евреи — знаменитые. Насъ султаны освободили отъ всякихъ налоговъ. Мы имѣемъ фирманъ.

— За что же это?

— Мы Пешть продали туркамъ!

Оказалось, что предки этой исторической семьи венгерскіе евреи открыли ворота туркамъ, когда тѣ осаждали Пешть.

Хороши историческія воспоминанія!

Другія тоже заявили претензіи неплатить подати.

— А вы по какому праву.

— Да по нашему доносу были сосланы въ Діарбекирь такой то и такой то (мятежники), казнены Попъ Василь и панайоть Генчо, мы имѣемъ свидѣтельства отъ каймакамовъ.

Съ трудомъ втолковали имъ что такого рода доблести имѣютъ въ настоящее время отрицательное значеніе.

Массы домовъ обращены къ намъ окнами. Съ улицы этихъ домовъ не видно, за заборами; а отсюда съ высоты всё они на чистоту. На безчисленныхъ окнахъ сверкаетъ солнце. Глазъ отвести нельзя отъ этого чудеснаго зрѣлища.

— А что это тамъ вверху?

По крутому склону горы, у самой вершины, тамъ, гдѣ уже нѣтъ домовъ, посреди зеленого поля—не то маленькая крѣпостца, не то памятникъ, обнесенный каменною стѣной.

— Это—могила святаго турка, которая взялъ Шумлу.

Около этой могилы пониже сады, и тоже текке, гдѣ въ честь завоевателя Шумлы мулла всёхъ посѣтителей (прежде исключая христіанъ) поить кофе.

Еще выше, вамъ покажутъ изящный памятникъ надъ могилой Гассанъ-паши. Онъ правилъ Шумлой такъ что и турки и христіане были одинаково довольны его дѣятельностію. «При немъ вѣшали не каждый день» вспоминаютъ болгары это счастливое время. Гассанъ-паша въ 1768 году—развилъ укрѣпленія Шумлы такъ, что она послѣ него уже считалась первокласною крѣпостью.

Сады, вырывающіеся изъ-за черепичныхъ кровель, то захватываютъ ихъ и покрываютъ цѣлые кварталы, то раздаются вновь, отступаютъ, чтобы дать мѣсто десяткамъ бѣлыхъ минаретовъ кокетливо вырѣзывающихся на солнцѣ среди цѣлой

массы другихъ строеній. На сѣверъ садовъ совсѣмъ невидать; только казармы, мимо которыхъ я проходилъ сегодня утромъ, базаръ, арсеналь, громаднѣйшій госпиталь. Все это построено турками такъ, что хоть пушками разбивай—не разшибешь. Особенно хороши ихъ провіантскіе склады, — это постройки циклоповъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ у турокъ были арсеналы, теперь хотятъ устроить центральную тюрьму—болгарскую Сибирь. Она рассчитана на 2000 человекъ. Счастливая страна! Пока, въ ожиданіи болгарской Сибири, приговоренные нашимъ военнымъ судомъ къ ссылкѣ въ Сибирь арестанты сидятъ да посиживаютъ въ обыкновенныхъ тюрьмахъ, смотря по желанію впрочемъ; надоѣсть—бѣгутъ; погуляютъ, погуляютъ—и добровольно возвращаются назадъ.

Въ одной изъ лощинъ, отдѣльно отъ города, татарская часть. Тамъ живутъ, переселившіеся изъ Россіи, кавказскіе, казанскіе и крымскіе татары. Всѣ они мечтаютъ какъ-бы вернуться назадъ. Турецкое правительство ихъ обмануло и не предоставило ни одной изъ тѣхъ льготъ, которыя обѣщало эмигрантамъ. Теперь татары подали коллективную просьбу о разрѣшеніи вернуться въ тѣ города, изъ которыхъ они выселились. Самое поселеніе татаръ здѣсь было очень оригинально. Большія семьи разбились такъ: одинъ сынъ остался въ Россіи, другой осѣлъ въ Анатолиі, третій здѣсь; потомъ они собирали свѣдѣнія, гдѣ лучше, и окончательно переходили на излюбленныя мѣстечки. И теперь также: выселяясь въ Россію, они берутъ паспорта и въ Анатолию — посмотрѣть, можетъ быть тамъ лучше. Здѣсь нашолся даже одинъ абхазецъ, который меня спрашивалъ—правитъ ли Абхазіей теперь такой то полковникъ Кравченко.

— А что.

— Если правитъ—никто изъ нашихъ не вернется... Онъ весь нашъ край раззорилъ и обездолил. Онъ обращался съ нами вольными горцами какъ съ рабами. Здѣсь голодно—но все же лучше чѣмъ при немъ.

И абхазецъ даже поблѣднѣлъ, вспоминая этого Кравченко.

За конакомъ (правительственнымъ домомъ) лучшая часть города—армянскій кварталъ. Тамъ прекрасные дома, сравнительно чистыя улицы, большія площади. При туркахъ армяне, какъ и греки, умѣли оградить себя взятками отъ всякихъ непріятностей и въ свою очередь эти же взятки съ лихвой выбирать съ болгарскаго населенія, десятину котораго они брали на откупа. Теперь по этому предмету заводится пропастъ процессовъ. Дѣло въ томъ, что богатые армяне за нѣсколько лѣтъ впередъ выплатили туркамъ десятину съ условіемъ собирать ее съ народа. А между тѣмъ населеніе теперь знать ее не хочетъ — съ турокъ тоже взятки гладки. Изъ армянской части города мѣстные паши пополняли свои гаремы и вообще этотъ околодокъ больше всего дружилъ съ турками.

На горизонтѣ, по направленію къ желѣзной дорогѣ—свѣтлолиловыя при освѣщеніи горы. Тамъ въ 1828 году Софійскій и Невскій полки получили свои георгіевскія знамена, взявъ съ боя сильно укрѣпленный турками фортъ близъ деревни Кулевча. Около—ущелье. Оно раздѣляетъ двѣ группы горъ. Въ немъ громадныя, отвѣсныя сѣрыя скалы, при чемъ на одной изъ нихъ прекрасно высѣчена колоссальная фигура всадника. Отдѣлка его коня особенно хороша. Подъ конемъ какой-то звѣрь, котораго впрочемъ трудно опредѣлить. Остальная часть скалы вся покрыта греческими надписями.

Разъ заговоривъ о военныхъ воспоминаніяхъ нашихъ, считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ и объ укрѣпленіяхъ Шумлы. Эта первоклассная крѣпость считается ключемъ балканскихъ позицій. Здѣсь турки блистательно обнаружили свой инженерный геній. Такіе форты я видѣлъ только въ Адрианополѣ. Эти массивные валы съ каменною кладкой, эти удивительно находчиво расположенные траверсы, чрезвычайно вѣрно опредѣленный обстрѣлъ громадныхъ мѣстностей поражаютъ съ перваго взгляда. Въ укрѣпленномъ лагерѣ Шумлы помѣщается 180,000 человекъ войска и при томъ такъ, что эта масса можетъ оперировать куда угодно. Налѣво, у самаго города, фортъ Башъ-гече. Отъ него въ пятистахъ шагахъ была въ 1829

году ставка императора Николая Павловича, который, не тронувъ Шумлы, направился отсюда въ Варну. Такимъ образомъ за Шумлой осталось названіе крѣпости дѣвственницы, ни разу не сдававшейся никому. Еще лѣвѣе—Московъ-табія, названная такъ потому, что въ томъ же 29 году, турки обратно отняли этотъ, сначала взятый нами, фортъ и вырѣзали здѣсь два баталіона, кажется, Азовскаго полка. Дѣло было ночью, и изъ русскихъ отсюда ни одному человѣку не удалось спастись. Надъ татарской частью города, на самой значительной высотѣ, громадная, командующая всѣми окрестностями, Илдызь-табія—звѣздный редутъ. Это самое грозное между всѣми тридцатью двумя шумлинскими укрѣпленіями... Постройка его является дѣйствительно монументальной. Болгарамъ будетъ стоить колоссальнаго труда срыть эти массивныя стѣны, разобрать толстую и хорошо спаявшуюся каменную кладу.

На юго-востокѣ отъ редутовъ нѣтъ укрѣпленій. Горы съ той стороны точно обрушиваются внизъ на деревню Дивдядево. Туда не только втащить орудіе, но и взобраться невозможно. Отсюда, кажется, городъ защищенъ этими высотами лучше, чѣмъ всякими укрѣпленіями. Городъ открытъ и со стороны шоссе, но туда направленъ весь огонь Бешъ-тепе, Зейбекъ-тепе и Касаплы-тепе, изъ коихъ одна послѣдняя разчитана на 90 орудій. Прямо передъ ней еще небольшой люнетъ на 15 орудій. Короче—гораздо грознѣе Плевны... Вся эта укрѣпленная мѣстность требуетъ гарнизона не менѣе 50,000 человѣкъ а можетъ вмѣстить 180,000 ч. Передъ этою войной мы разсчитывали покончить съ турками стотысячной арміей. А между тѣмъ сколько бы нужно было, не говоря уже о Плевнѣ, для Шумлы, Силистріи, Варны и Адрианополя!

Передъ Шумлой—громадная планина, какъ говорятъ болгары. На этой глади все время войны въ палаткахъ, землянкахъ и просто въ обозахъ помѣщалось до 90,000 семействъ бѣженцевъ, оставившихъ Систово, Тырново, Никополь, Русчукъ и Елену. До войны эта планина была однимъ безконеч-

нымъ, чуднымъ садомъ; вездѣ круглились зеленыя раины, подъ тѣнью ихъ роптали фонтаны, извилистые ручьи разносили воду по винограднымъ плантаціямъ, которыми славились—долина. Въ садахъ—окруженные ароматными цвѣтниками подымались кокетливыя бѣсѣдки, въ которыхъ Шумляне проводили жаркіе дни лѣта. Теперь все это голо и мертво:—бѣженцы вырубилъ деревья, а потомъ стали вымирать и сами. Съ высоты видъ на равнину тогда былъ удивительно оживленный: тысячи костровъ курились тамъ, говоръ десятковъ тысячъ народу, скрипъ безконечныхъ обозовъ, ржанье коней доносились оттуда. То и дѣло подходили новые таборы эмигрантовъ; на западъ, на дорогѣ стояли облака пыли, въ которыхъ играло солнце, придавая имъ золотистый отсвѣтъ. Бѣженцы расположились станами по городамъ, откуда вышли: тырновцы вмѣстѣ, систовцы отдѣльно отъ никопольцевъ. Вся эта масса людей потомъ двинулась или обратно, или въ Румелию, оставивъ на планинѣ безконечное кладбище. Теперь уныніе охватываетъ душу, когда проѣзжаешь по этой нѣкогда цвѣтущей, планинѣ. Вездѣ холмики могилъ, вездѣ торчмя стоятъ камни, замѣняющіе у турокъ памятники. Съ бѣженцами турецкія власти обращались варварски: ихъ разстрѣливали, вымораживали, морили голодомъ. Несчастные испытали всѣ страданія, какія только доступны людямъ. Разумѣется, это вызвало деморализацію между бѣженцами. Когда послѣ паденія Плевны понадобились солдаты, то вынесли красное знамя, и муллы на планинѣ стали выкрикивать.

— Кто вѣруеть въ Аллаха, выходи защищать его.

Вышло... только 23 человѣка.

«Это было страшное время» говорятъ до сихъ поръ мусульмане...

XIV.

БОЛГАРЫ ВЪ ШУМЛѢ. ШКОЛА. ВОЙСКА.

7 іюля.

Здѣсь все еще полно тяжелыми воспоминаніями о пережитой войнѣ.

«Знаете, всякій разъ, какъ я подхожу къ окну, мнѣ такъ и кажется, что на улицѣ я увижу турецкихъ аскеровъ въ ихъ красныхъ фескахъ и синихъ курткахъ...» говорилъ мнѣ Стоянъ, богатый болгаринъ, домъ котораго выходилъ прямо противу казармъ. Болгары не вѣрятъ своей свободѣ и со дня на день ждутъ: вотъ-вотъ придутъ турки и все опять будетъ по-старому. Почему-то они сами на себя не рассчитываютъ. Ожидаютъ въ смутныхъ событіяхъ будущаго то помощи Россіи, то рассчитываютъ на содѣйствіе Австріи. Въ Шумлѣ уже не осталось русскихъ, за исключеніемъ застрявшаго здѣсь невѣдомо зачѣмъ интендантскаго чиновника, да слѣпаго раненаго казацкаго офицера, который упорствуетъ, не желая уѣзжать на Донъ.

— Я раненъ за болгаръ—пускай они меня кормятъ.

Болгары его и убогачиваютъ. Онъ выписалъ себѣ изъ Валахій двухъ далеко не прекрасныхъ румунокъ, коимъ шумлинскія домохозяйева доставляютъ съѣстные припасы, деньги. Если храброму донцу кто-нибудь отказываетъ, онъ является къ нему, дѣлаетъ скандалъ и смиренный болгаринъ немедленно исполняетъ всѣ желанія этого господина. Донцу иногда влетаетъ въ голову отправиться къ Александру Баттенбергскому.

— Зачѣмъ это?

— Да онъ меня долженъ принять, я за болгаръ сражался, глаза потерялъ.

Понадобились ему часы—пошелъ въ лавку, забралъ ихъ и ушелъ; нужно платье—тащитъ кусокъ сукна изъ магазина, потомъ заставляетъ портнаго шить. Квартиру онъ самъ отвелъ себѣ въ одномъ изъ лучшихъ домовъ, сославъ хозяевъ внизъ—на кухню.

Но это еще изъ лучшихъ. Въ другихъ городахъ остались наши солдатики изъ проворовавшихся фурштадтскихъ, транспортныхъ, обозныхъ. Эти просто разбойничаютъ.

— Отчего же вы ихъ не ловите?

— Ну, что жъ если и поймаемъ.

— Посадите въ тюрьму, судите ихъ.

— Не ловко... Скажутъ, болгары благодарны къ русскимъ...

Отвѣтилъ мнѣ начальникъ округа Доневь.

Отсутствіе русскихъ войскъ вызвало здѣсь общее уныніе. Начальникъ восточнаго военнаго отдѣла, полковникъ Куртьяновъ, въ завѣдываніи котораго находится нѣсколько дружинъ, человѣкъ нерѣшительный, менѣе всего способный поддержать въ населеніи бодрость. Онъ вообще какой-то странный, совсѣмъ не то, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, занимающій его постъ. Видимо, ему по душѣ спокойная жизнь, исправное полученіе жалованья, а тамъ—хоть трава не расти, все единственно. Приказанія, отдаваемые имъ отличаются смутностію, неопредѣленностію; въ обученіи молодыхъ солдатъ онъ принимаетъ очень малое участіе. Вообще, за исключеніемъ нѣсколькихъ туркестанцевъ, мы оставили здѣсь далеко не лучшихъ офицеровъ, есть даже и такіе господа, которымъ давно бы слѣдовало ходить на веревочкѣ, а они пріютились на щедрыхъ болгарскихъ кормахъ и въ усъ себѣ не дуютъ. Здѣшнія дружины сплошь состоятъ изъ новобранцевъ. Специально боевыя качества болгарскаго солдата—превосходны. Онъ не боится смерти, прекрасно дерется и въ этомъ отношеніи какъ мои военныя воспоминанія, такъ и показанія нынѣшнихъ начальниковъ дружинъ—одинаковы. Впрочемъ, теперь существуютъ два мнѣнія объ остальныхъ качествахъ болгарскаго солдата. Приведу оба. Первое—я слышалъ изъ устъ офицеровъ крайне нелюбимыхъ страну и ихъ солдатами; по мнѣнію этихъ, тотъ же солдатъ не понимаетъ дисциплины. Органически не понимаетъ, такъ что теперь пока никакими толкованіями въ него не вложишь сознанія о томъ, что нельзя оставлять строй, когда угодно, нельзя изъ-за родственныхъ и другихъ отношеній уйти вдругъ изъ Шумлы въ Разградъ и снова явиться какъ ни въ чемъ не бывало. Болгарскій солдатъ никакъ не можетъ понять, что это побѣгъ. Именины кумы, рожденіе матери, свадьба сестры,—все это событія настолько уважительныя, что болгарскій солдатъ бросаетъ службу и уходитъ домой на недѣлю, на двѣ. Сверхъ того, тотъ же солдатъ въ своихъ опанкахъ, когда былъ крестьяниномъ, дѣлалъ громадныя переходы, ходилъ быстро и не утом-

лялся. Въ сапогахъ же и солдатской рубашкѣ съ погонами (лѣтомъ) ему не сдѣлать и двадцати верстъ, почему ихъ дружины русскими офицерами признаются слабосильными. Въ сущности же онъ вовсе не слабъ; просто—чуждая обстановка стѣсняетъ его движенія, утомляетъ его... Смѣтливости въ молодомъ солдатѣ никакой. Тамъ, гдѣ нашъ найдется и все добудетъ—болгарскій солдатъ растеряется окончательно и способенъ, напри- мѣръ, голодать въ богатомъ селѣ. Но все эти недостатки легко устранимы. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и болгарскіе солдаты не уступятъ нашимъ въ мирное время, какъ они умѣли съ честью драться рядомъ съ нами въ военное. Молодой военный министръ болгарскій, Паренсовъ, душу кладетъ въ это дѣло. Жаль только, что у него мало хорошихъ сотрудниковъ. За исключеніемъ Сполать-Бога, Маслова, Чилева, Рѣдкина и еще двухъ-трехъ,—офицеры здѣсь остались далеко не лучшіе, во всякомъ случаѣ—не орлы, да и люди безъ свѣдѣній...

Хорошіе начальники дружинъ далеко не рисуютъ здѣшняго солдата столь темными красками. Сполать-Богъ—начальникъ умлинскаго ополченія—туркестанецъ и притомъ Скобелевецъ увѣрялъ меня, что тамъ, гдѣ офицеры умѣютъ обращаться съ болгарскимъ солдатомъ—дисциплина превосходна. Она плоха тамъ, гдѣ, по нашему обычаю, офицеры бьютъ и ругаютъ братушекъ, которые столь чутки къ оскорбленію, что цѣлыя дружины, командуемыя бурбонами—не французскаго королевскаго дома, а російскаго происхожденія,—приходятъ въ болѣзненное нервное состояніе. При хорошемъ обращеніи, солдаты болгарскій изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы угодить начальству. У Сполата, Маслова, Реблингена, Рѣдкина, Чилева—все шло отлично. Болгаринъ-солдатъ—разсуждающій. Просите его, онъ голову сломитъ—а исполнитъ дѣло.

—Пожалуйста, дѣти, обращается къ нимъ начальникъ,—чтобы завтра хуже отличной стрѣльбы не было.

И будьте увѣрены, что солдаты часть ночи проведутъ устраивая примѣрную стрѣльбу сами—но на другой день промаховъ не будетъ.

— Смотрите, сволочь, завтра у меня на подборъ стрѣлять!..
Навѣрно результаты будутъ скверны.

Наши офицеры постоянно имъ тычутъ въ носъ: «на васъ нужна палка и палка». Это братушекъ оскорбляетъ страшно. Они готовы бѣжать, чтобы не слышать оскорбленій. Проступки чаще въ тѣхъ дружинахъ, куда мы свалили изъ офицеровъ самую заваль, по пословицѣ «на тебѣ Боже, что намъ не гоже». При душевномъ отношеніи любовь болгаръ солдатъ къ начальнику проявляется въ самыхъ наивныхъ и вмѣстѣ самыхъ привлекательныхъ формахъ. Сполату они каждое утро убирали комнату цвѣтами, пользуясь временемъ, когда онъ уходилъ. Вѣ церквахъ, по требованію солдатъ, священники провозглашали ему многолѣтіе. Въ такихъ дружинахъ солдаты хлопочутъ и объ экономіи. Такъ, на примѣръ, на пару быковъ казна отпускаетъ по 180 рублей, а солдаты ихъ покупали за 95. Сполать, воспользовавшись этой экономіей въ 27,000 рублей, выписалъ музыкальные инструменты изъ Одессы и пригласилъ учителей. Онъ же отнялъ у ротныхъ командировъ довольствіе солдатъ—и пригласилъ выполнять эти градскіе совѣты. Переменная была удивительная. Соблюдавшіе собственный интересъ ротные кормили скверно, у градскаго совѣта пища всегда была превосходна. При этомъ разница въ цѣнахъ была такова: когда градскому совѣту въ Сельви—солдаты платятъ за пудъ мяса 4 р. 20 к., рядомъ въ Ловчѣ, гдѣ продовольствовали ротные командиры, то же самое обходилось въ 7 р. 40 к.

Когда я хорошимъ начальникамъ дружинъ передалъ жалобы нашихъ офицеровъ на то, что болгарскій солдатъ быстроустаетъ, они горячо опровергали это, заявляя, что у нихъ дружина дѣлала легко переходы по 45 верстъ въ день.

Странные здѣсь господа были—ненавидѣли болгаръ, звали ихъ буйволами, фыркали на лучшихъ людей страны и въ то же самое время брали громадныя жалованья, грабили солдатъ, наживали цѣлыя состоянія.

— Что вы дѣлаете, что вы щадите этихъ жидовъ, стоять

ли о нихъ заботиться! У васъ ничего нѣтъ, тогда какъ завѣдующіе хозяйствомъ по 30,000 р. вывозили въ Россію.

Упрекали эти господа честныхъ офицеровъ, не желавшихъ воровать и въ то же время хорошо относившихся къ болгарамъ. Ненавидя болгаръ, называя ихъ жидами, не давая отдыха своей нагайкѣ, бурбоны, тѣмъ не менѣе, когда былъ сдѣланъ вызовъ, всё пожелали остаться на службѣ у болгарскаго правительства, разумѣется на большомъ жалованьѣ. Были господа, которые, покомандовавъ здѣсь ротою только годъ, покупали себѣ прекрасныя имѣнія подъ Тырновомъ, гдѣ земля и сады особенно цѣнятся дорого. Покормились и попользовались у дружинъ многіе. Нѣкій Б. командовалъ ротами тырновской дружины по очереди чуть не всѣми, и каждая давала ему по 500 рублей, лишь бы онъ сдалъ ее, когда же этого Б. сдѣлали начальникомъ цѣлой дружины, то грабежу его не было конца и предѣла.

При этомъ начальники округовъ встрѣчались такіе, какъ Л—ій, служившій прежде въ жандармахъ, а потомъ перешедшій въ гражданскую администрацію. Этотъ господинъ терроризировалъ цѣлый округъ Сельви своимъ обращеніемъ. Онъ иначе не говорилъ съ болгарамъ, какъ уснащая рѣчь извѣстными трехъ-этажными словами. Его здѣсь ненавидѣли органически и до сихъ поръ о нанесенныхъ имъ оскорбленіяхъ не могутъ вспомнить безъ слезъ. Наконецъ, командиръ дружины Сполать-Богъ не выдержалъ. Онъ заявилъ, что долженъ будетъ держать подъ ружьемъ цѣлую дружину въ виду волненія населенія, озлобленнаго Л—мъ. Этотъ Л—ій мирволилъ туркамъ ужасно. Стоило турку о чемъ бы то ни было попросить его, просьба исполнялась тотчасъ же, преимущественно насчетъ болгаръ. При встрѣчѣ съ туркомъ — онъ подавалъ руку, при встрѣчѣ съ болгаринномъ, по собственному выраженію, билъ его по мордѣ.

— Безъ различія пола, возраста и образованія!

Хвастался онъ!

На Л—аго жаловались еще въ декабрѣ 1879 года, но Чер-

каскій не обращалъ никакого вниманія на эти жалобы. «Я по принципу не принимаю жалобъ!» говорилъ онъ. И, пользуясь этимъ, подобные господа случалось сѣкли болгаръ, окончившихъ гимназіи...

Симпатія болгаръ къ Австріи — во многомъ объясняется порядками, какіе мы ввели сюда. Государя нашего—они считаютъ чуть не Богомъ. Александръ II — освободитель, создатель Болгаріи. Портреты его повсюду висятъ вмѣстѣ съ образами. Но на нашихъ нелюбимыхъ офицеровъ, почти на всѣхъ нашихъ чиновниковъ смотрятъ, какъ на турокъ. Лесть, униженность или молчаніе, вотъ что встрѣчаютъ эти господа въ той средѣ, въ которую они явились просвѣтителями, устроителями. Даже изъ кадровыхъ солдатъ—хорошихъ мы взяли домой—а оставили болгарамъ пьяницъ. Первыхъ болгары провожали плача. Съ послѣдними не знаютъ что дѣлать. Въ тѣхъ дружинахъ, гдѣ подборъ офицеровъ былъ хорошъ — болгары стали уже между собою говорить по-русски. О пѣсняхъ и толковать нечего. Заимствованная у нашихъ солдатъ русская пѣсня совсѣмъ вытѣснила болгарскую.

— Богъ вамъ свидѣтель, что черезъ годъ всѣ бы дружины говорили по-русски, если бы въ нихъ остались тѣ офицеры, которые были въ началѣ.

Это мнѣ повторяли всюду, гдѣ я только спрашивалъ объ отношеніяхъ болгарскихъ дружинниковъ къ русскимъ.

Къ сожалѣнію, боевые офицеры — уже отсутствовали. Одни—пали на поляхъ битвъ, другіе, соскучась о родныхъ, уѣхали въ Россію, третьи не могли помириться съ новыми порядками, слишкомъ уже хозяйственно примѣнявшимися къ желудку и одеждѣ солдатъ, и ушли... На мѣсто ихъ поступили—транспортные, заваль всякая, резервные. Эти на всемъ нагоняли экономію—разумѣется въ свой карманъ. Отпускали спиртъ на дружину—не пьютъ. По 150 ведеръ въ мѣсяцъ оставалось и позоръ! Были, хотя и въ видѣ исключеній, русскіе офицеры черезъ подручныхъ открывали кабаки, гдѣ продавали водку. Самое содержаніе дружинъ было на ши-

рокую ногу — поэтому и тратить было изъ чего. Откладывая до 10,000 р. въ карманъ ежегодно — жаловались на то, что этого мало. Теперь, когда чисто болгарская администрація стала сокращать расходы и отпускать только по 4 галагана на дневное продовольствіе солдата — и этой суммы оказывается достаточно. Въ тырновской дружинѣ четверо ротныхъ командировъ были выгнаны нами—за воровство. Они, видите-ли, распускали изъ 250 солдатъ своей роты по 150—домой въ деревню, кормили всего по сту человѣкъ—а расходы выводили на роту полностью...

Полагаю, въ виду этихъ фактовъ, можно обойтись и безъ общихъ выводовъ.

А во время войны дѣйствительно плохо жилось здѣсь христіанскому населенію. Озлобленные бѣженцы-турки стояли во кругъ города безчисленными таборами. Никто изъ болгаръ не осмѣливался выйти изъ Шумлы. Въ самомъ же городѣ они уцѣлѣли только благодаря тому, что правитель округа, Фазли-паша былъ горькій пьяница и любитель *parti de plaisir*. Болгары ещедневно устраивали ему пикники, поили, сколько влѣзетъ, доставляли ему разныя невинныя наслажденія эротическаго свойства. Фазли-паша поэтому называлъ «христіанскихъ псовъ» своими лучшими друзьями. Каймакамъ Данишь-эффенди былъ человѣкъ другаго закала. Водки и винъ онъ не пилъ, гурій предпочиталъ собственнаго приготовления, но зато деньги возлюбилъ превыше всѣхъ благъ міра сего. Болгары исправно выплачивали Данишу высокія дани, налажавшіяся имъ, а эффенди, въ свою очередь, защищалъ болгаръ отъ фанатизма мусульманскаго населенія, такъ что хотя ещедневно, для примѣра, здѣсь и вѣшали по нѣскольку человѣкъ христіанъ, но все-таки христіанское населеніе было довольно каймакамомъ...

— Не всѣхъ же перевѣшалъ! защищаютъ Даниша нынѣшніе болгары.

— Гулямый каймакамъ былъ!

Шумла—городъ историческихъ воспоминаній. Я уже гово-

рилъ о нихъ въ прошломъ письмѣ. Вокругъ—развалины многочисленныхъ городовъ, самое имя которыхъ неизвѣстно исторіи. Съ мѣстности, занимаемой деревней Абоба, до сихъ поръ привозятъ мраморныя колонны, капители. Тамъ, въ виду лиловатыхъ вершинъ Дели-Орманскаго захолустья, съ одной стороны, и дикихъ, скалистыхъ плато, съ другой, стоялъ нѣкогда богатый и населенный римскій городъ. Остатки канавъ и акведуковъ указываютъ, что здѣсь была тогда богатая растительность. Теперь это пустыня, красивая издали, когда она вся съ своими горами млѣетъ въ золотистомъ блескѣ южнаго полудня или серебрится подъ мечтательными взглядами яснаго мѣсяца. До сихъ поръ еще невѣжественныхъ болгаръ удивляютъ остатки удивительныхъ мостовъ и храмовъ на мѣстѣ, гдѣ теперь едва лѣплятся, среди сожженныхъ солнцемъ пейзажей, жалкія лачуги подъ черепичною кровлей да слѣпыя мазанки бѣднѣйшихъ мусульманъ. За нихъ, за эти желтыя глиняныя норы, цѣпляются чахлыя девевья; одинокіе фонтаны только въ двухъ, трехъ мѣстахъ словно рассказываютъ бѣдной почвѣ и чахлымъ деревушкамъ про то далекое-далекое время, когда изъ нѣдръ земли бѣжали эти струи по мраморнымъ желобамъ римскихъ водопроводовъ, орошая богатые сады, гдѣ роскошь южной природы спорила съ искусствомъ человѣка...

Шумла и въ ближайшее къ намъ время была уже пунктомъ, приковывавшимъ къ себѣ общее вниманіе. Въ 1848 году сюда спаслись эмигранты Кошуть, Андраши, Замойскій, Бэмъ, Черторыжскій, Домбровскій, Дембинскій, Высоцкій. Здѣсь они, вооруженные съ ногъ до головы, ожидали окончательнаго рѣшенія Турціи—выдать ихъ австрійскому правительству или же дать эмигрантамъ пристанище. Въ первомъ случаѣ они рѣшились запереться и умереть, защищаясь, съ оружіемъ въ рукахъ. Все лучше висѣличной петли, въ которой погибли ихъ товарищи или сырыхъ погребовъ Зальцбургскихъ и Клаузенацкихъ тюремъ, гдѣ гнили «помилованные» въ ожиданіи свѣтлаго часа своего освобожденія. Увы! имъ долго, очень долго приходилось ждать его. Не такъ поступили бѣг-

лецы, которымъ удалось добраться до этого гнѣзда мусульманскаго—Шумлы. Шестъ мѣсяцевъ прожили здѣсь эти господа въ домѣ Атанаса Стоянова. Я посѣщаль этотъ домъ; теперь здѣсь живетъ галиційскій полякъ, женившійся на болгаркѣ. Во дворѣ густая зелень. Солнце бьетъ сквозь ароматную чашу олеандровъ и лавро-вишенъ, бѣлые стѣны дома выходящія въ этотъ маленькій садикъ, ослѣпительно блестятъ на солнцѣ. Два этажа—съ окнами, въ которыхъ толстыя желѣзныя рѣшотки скорѣй напоминаютъ темничную келью, чѣмъ жилье свободнаго человѣка. Такъ жили въ то время—такъ жили еще наканунѣ нашего прихода. Только теперь—въ новыхъ домахъ окна безъ рѣшотокъ—за то они закрываются толстыми желѣзомъ окованными ставнями. Въ комнатахъ, маленькихъ и уютныхъ, чисто. Ничто не напоминаетъ присутствія политическихъ дѣятелей, одни имена которыхъ нѣкогда волновали народы...

— Вѣроятно на стѣнахъ были какія-нибудь надписи?

— Должно-быть были! отвѣтили мнѣ. Позднѣйшія хозяева ихъ покрасили.

— Тогда въ Шумлѣ было много бѣглецовъ. Очень много. Вы въ шумлинскихъ женщинахъ, преимущественно передъ мужчинами, увидите чуждый типъ. Онъ занесенъ сюда галиційскими поляками.

Посѣщеніе польскихъ и венгерскихъ эмигрантовъ было для Шумлы не бесполезно. Съ тѣхъ поръ здѣсь явились портные, сапожники, ремесленники. Бѣглецы, занимавшіеся этимъ приучили и жителей работать. Съ того же времени въ Шумлѣ устроены и дѣйствуютъ заводы пива, водки и т. д. Многіе жители Шумлы обязаны эмигрантамъ и образованіемъ своихъ дѣтей. Явились политическія инстинкты, такъ что и при туркахъ здѣсь существовало два «дружества», собиравшихся въ читалищахъ. Я посѣщаль эти читалища: куча газетъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и болгарскихъ. Горячіе толки о политикѣ, о будущности молодаго княжества... Но эти горячіе толки до прихода русскаго. Нѣтъ хорошихъ, тѣсныхъ,

искреннихъ отношеній у нихъ съ болгарами. Наши чиновники не къ тому ихъ приучили, совсѣмъ не къ тому. Напротивъ—вхожу я на примѣръ—скромнѣйшій корреспондентъ—въ читалище и только потому что я русскій—всѣ встають. Напрасно вы будете убѣждать сѣсть—не сядутъ, раболѣпно будутъ смотрѣть вамъ въ глаза и свободно вздохнуть только тогда когда вы уберетесь отъ сюда. Вы разумѣется будете ихъ винить въ этомъ. Я такъ и слышу презрительные отзывы о черезчуръ почтительныхъ братушкахъ, да ради Бога чья же вина въ этомъ? Вѣдь если они не видѣли иначе русскаго какъ съ нагайкой за голенищемъ сапога, съ вѣчнымъ зудомъ въ рукахъ—самою природой, устроенныхъ у насъ для заушенія—если они не слышали ниразу простаго и дружескаго голоса истиннаго сочувствія—то кто же причиною этому!.. Въ читалищахъ совершается группировка партій предъ народнымъ собраніемъ. Мужчинамъ подражаютъ и женщины. Болгарки тоже сгруппировались въ два дружества, имѣющія два читалища. Съ мужчинами мѣшаться не хотятъ и для себя отдѣльно нанимаютъ помѣщенія, выписываютъ газеты, книги..

— Отчего у васъ такъ мало русскихъ книгъ! спрашивалъ я въ первомъ мужскомъ читалищѣ.

— Малко, малко.

— Нужно выписывать.

— Не хубовы люди ваши книжарники.

Оказывается, что сколько разъ ни выписывали болгары русскія книги, наши милѣйшіе книгопродавцы получали деньги, но требуемыхъ изданій не высылали. Попробовали нѣсколько разъ болгары и рѣшили, что это «не хубово», бросили выписывать и теперь питаются исключительно французскою снѣдью этого рода. Я далъ имъ адреса нѣсколькихъ добросовѣстныхъ книжныхъ магазиновъ и посоветовалъ не выписывать черезъ княжество Румынское. Оно, видите ли, не признаетъ никакой Болгаріи и поэтому всѣ посылки, направленные сюда чрезъ ея границу, возвращаетъ обратно. Это случилось на примѣръ, съ транспортами, направленными сюда черезъ Унгены изъ

книжного магазина «Новаго Времени». Читалища прежде были обставлены гораздо лучше. Но во время войны въ нихъ помѣстили турки своихъ бѣженцевъ, а эти испортили карты, истребили книги, переломали мебель, невѣдомо куда забросили глобусы и, въ концѣ концовъ, оставили послѣ себя мерзость запустенія. Какъ мужское читалище, такъ и школа выстроены на деньги, пожертвованныя болгаринѣмъ Андреемъ Ранковымъ. Онъ въ Букарештскій національный банкъ внесъ капиталъ, съ процентовъ котораго содержится мужская и женская школы и читалища. Болгары и самъ Ранковъ хотѣли перенести этотъ капиталъ въ тырновскій національный банкъ, но румыны отказались выдать эти деньги. И знаете, при этомъ какую мудрую причину указали?

— Если когда-нибудь будетъ война между Болгаріей и Румыніей, капиталъ этотъ по законамъ (по какимъ, не извѣстно) перейдетъ въ собственность Румыніи.

Я осматривалъ и школы—просторныя, прохладныя; стѣны ихъ украшены болгарскими знаменами, флагами, вѣнками. Во время моего посѣщенія производился «испытъ» — экзамень. Нарочито строгіе учителя занимали одну половину залы съ родителями учениковъ, а сіи послѣдніе другую. Воспитанники старались держаться прямо, точно хотѣли перерости другъ друга. Выраженіе лицъ было у нихъ—глупое по преимуществу. Смотрятъ вамъ въ глаза—точно проглотить васъ желаютъ, свидѣтельствуя тѣмъ чувства глубочайшаго смиренномудрія. По стѣнамъ были развѣшены географическія карты, въ которыхъ здѣсь настоящая нужда. Это все самодѣльныя. Въ первый разъ, когда я былъ, переводили съ славянскаго на болгарскій, и переводили превосходно; во второй—дѣвочки экзаменовались изъ географіи. Испытъ производилъ архіерей и учительки необыкновенно дикаго вида—все какія-то мохомъ поросшія, неуклюжія, въ неуклюжихъ хламидахъ. Дѣвочки отвѣчали заученное наизусть. Спотыкнется на одномъ словѣ—и опять начинается сначала, да такъ—дробью, на перебой, точно за скороговорку именно имъ и ставили баллы. Поясне-

ніе и поправки учительки дѣлали такую же скороговоркою. Трескъ въ ухахъ стоялъ, впрочемъ винить преподавателей въ этомъ не совсѣмъ справедливо. Южане вообще быстрѣе думаютъ, быстрѣе говорятъ и быстрѣе дѣлаютъ, чѣмъ сѣверяне. Это очень естественно. Въ греческихъ школахъ—такъ тамъ неприличное ухо и слова не разберетъ—точно назойливое жужжанье какое-то. При этомъ самое преподаваніе здѣсь отличалось нѣкоторыми странностями. Германія оказывалась государствомъ монархическимъ, неограниченнымъ, а Исландія почему-то присоединялась къ Англіи. Данія выѣзжала въ Сѣверный океанъ, а Норвегія числилась страной аристократической... Мадагаскаръ смѣшивался съ Мозамбикомъ, Абиссинія включалась въ черту владѣній турецкаго султана. Только географія Россіи была изложена сносно, да и въ ней почему-то рѣка Донъ въѣхала въ Новгородскую губернію, а во Псковѣ оказывались корабельныя верфи. Дѣвочки, также какъ и мальчики считали своею обязанностью отвѣчать какъ можно скорѣе. Трудно было что-нибудь различить въ этой частой дроби зазубренной мудрости, разомъ высыпаемой предъ экзаменаторомъ.

Сегодня я имѣлъ случай видѣть всѣхъ учителей Шумлинскаго округа. Теперь, видите ли, въ Шумлѣ учительскій съѣздъ, и ихъ собрали для введенія въ систему преподаванія болѣе разумныхъ пріемовъ спасительнаго административнаго единообразія. Съ молебна о здравіи и долгоденствіи русскихъ войскъ, впервые занявшихъ Шумлу *) учителя въ правильномъ строѣ, въ двѣ шеренги, въ ногу, пошли къ архіерею. Учители—всѣ члены сельской стражи, всѣ вооруже-

*) Молебенъ былъ отслуженъ на площади передъ казармами. Болгарскіе начальники дружинъ хотѣли отличиться и во время многолѣтія—дать артиллерійскій залпъ, но таковой запоздалъ и воспослѣдовалъ тогда, когда Куртьяновъ, начальникъ Восточнаго военнаго отдѣла обратился къ своимъ офицерамъ:

— А не пора ли намъ господа и пообѣдать?..

Исключая это все было въ порядкѣ. Кричали ура, маршировали, кропили водой...

ны и обучаются военному дѣлу на случай нужды отстаивать безопасность христіанскаго населенія. Отсюда—и солдатская выправка. Одѣты учителя очень разнообразно—начиная отъ городского сюртука даже фрака и кончая крестьянскимъ костюмомъ—бараньей шапкой, курткой изъ самодѣльнаго сукна и турецкими штанами, съ мѣшкомъ вверху, плотно обтягивающими ноги ниже колѣнъ. Все это молодежь. Войдя въ архіерейскій домъ, учителя выстроились подъ тѣнью громадныхъ акацій, тоже въ двѣ шеренги, по ранжиру. И даже взяли глаза на право—въ ожиданіи прихода владыки. «Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ», припомнился мнѣ грибоѣдовскій стихъ. Интеллигентныхъ лицъ было очень мало. Все это смотрѣло съ какимъ-то напряженіемъ, особенно деревенскіе учителя побѣднѣ. Имъ видно не ловко было въ своихъ странныхъ костюмахъ, среди этого города, уже быстро усвоивающаго себѣ европейскіе обычаи. Я ожидаю что командовать учителями явится какой-нибудь свирѣпый бурбонъ съ лихо закрученными усами и бакенами по формѣ въ видѣ растопыреннаго на право и на лѣво адскаго пламени. Представьте же мое удивленіе, когда фельдфебелемъ-Вольтеромъ оказался инспекторъ школы Шумлинскаго округа—въ форменной фуражкѣ съ кокардой. Господинъ видимо изъ нашихъ семинарскихъ отпрысковъ; ему бы многолѣтіе возглашать да восхвалять непрестанно Господа Бога своего—а онъ за воинскій артикуль уцѣпился!.. Подстать всему этому я думалъ увидѣть Владыку опоясаннаго мечемъ или покрайней мѣрѣ столь же воинственнаго вида, какъ эти пастыри умовъ—и разочаровался... Говорятъ, впрочемъ, что эта молодежь у себя дома, въ школахъ, очень хороша, такъ хороша, что Мидхадъ-паша во время управленія Рущукскимъ виляэтомъ хотѣлъ заставить этихъ же учителей преподавать по турецки въ мусульманскихъ школахъ. Талантливый рущукскій вали больше всего завидовалъ болгарскимъ школамъ. —Черезъ нѣсколько минутъ явился архіерей — молодой, симпатичный, горячій патріотъ и серьезный мыслитель... Стоявшій передъ строемъ учителей, инспекторъ народ-

ныхъ школь, чуть ли не Енчевъ, сказалъ горячую рѣчь (глаза на выкатѣ и грудь колесомъ — это само собою разумѣется. Учители прокричали русскому народу, князю Баттенбергскому (нынѣ болгарскому) и архіерею «да живѣ!» потомъ о. Симеонъ сказалъ имъ привѣтственное слово, смыслъ котораго былъ тотъ, что отъ нихъ зависитъ будущность Болгаріи, что народная школа должна создать здѣсь гражданственность, свободу, уваженіе къ порядку, къ правамъ народа и т. д.; затѣмъ, также по военному, въ двѣ шеренги, въ ногу, учителя (круг-гом-арршъ!..) ушли изъ покрытаго тѣнью акацій архіерейскаго двора — на улицу, подъ солнце, горячо обжигавшее мазанья и кирпичныя стѣны слѣпыхъ домовъ (слѣпыхъ — потому, что на улицу оконъ нѣтъ).

Какъ ни смѣшна на нашъ взглядъ, наружность и наивные приемы болгарскихъ учителей, какъ ни странна метода преподаванія на первыхъ порахъ, но вообще, положеніе народнаго образованія здѣсь и мѣры, принятія правительствомъ, въ этомъ отношеніи заслуживаютъ большаго вниманія.

Сельскіе учителя въ Болгаріи получаютъ отъ 2,000 до 6,000 піастровъ (піастръ— $5\frac{1}{2}$ к., франкъ — $4\frac{1}{2}$ піастра), а городскіе отъ 6,000 до 12,000 піастровъ. Эта сумма при здѣшней дешевизнѣ и при условіи, что каждый учитель не пролетарій, а собственникъ поля, виноградника, дома, — является весьма значительной!.. Я не ошибусь если скажу, что примѣняя это къ нашимъ цѣнамъ и къ положенію учителя въ Россіи, жалованью болгарскаго учителя, или лучшіе его средствамъ соотвѣтствовали бы при 6,000 піастрахъ— $1\frac{1}{2}$ тысячи рублей. А гдѣ же, и кто изъ народныхъ учителей у насъ получаетъ такія деньги!... Очевидно это и немислимо при нашихъ расходахъ на остальные отрасли управленія. Несмотря на военную выправку, преподаваніе совершенно свободно. Никакія инструкціи не стѣсняютъ его, никакія оковы не держатъ учительской мысли въ душной тюрьмѣ, въ кото-

рой задыхаются лучшія педагогическія силы иныхъ, болѣе цивилизованныхъ, странъ.

Въ настоящее время обученіе въ Болгаріи стало обязательнымъ по закону. Обязательнымъ и бесплатнымъ для всѣхъ безъ исключенія. Я не могу забыть одной деревенской школы, кажется въ Драгоевѣ, гдѣ вмѣстѣ съ мальчиками сидѣли и учились въ школѣ взрослые, а одинъ даже сѣдой...

— Теперь всѣмъ нужна грамота! говорятъ они.

— Болгарія слишкомъ отстала отъ Европы — нужно догонять... Нужно побольше грамотныхъ. Въ Россіи вѣрно всѣ грамотны.

— Нѣтъ.

— Этого не можетъ быть!

И болгарскій мужикъ съ очевиднымъ недоувѣріемъ посмотрѣлъ на меня.

— Не можетъ быть. Что вамъ мѣшаетъ учиться?

— Намъ до сихъ поръ мѣшали турки, потому на примѣръ я и безграмотный... А вамъ легче нашего было... Гораздо легче...

Что было сказать этому наивному мужику, сидѣвшему рядомъ съ своими дѣтьми на школьной скамьѣ и сокрушавшемуся только о томъ, что его мальчишкамъ ученіе достается легче чѣмъ ему. Удивительна, право, эта демократическая страна! Еще вчера вышла изъ пеленокъ, а сегодня у нея уже превосходная конституція; мужики приводятъ дѣтей и просятъ ихъ отправить въ софійское военное училище, причемъ согласны продать свои завѣтные виноградники, лишь бы дѣти получили образованіе. Въ селахъ школы полнымъ-полны ребятишками. Нѣтъ мальчика, или дѣвочки, которые бы не учились. Заскорузлые, мохомъ поросшіе болгары изъ самыхъ трущобныхъ деревень, въ Балканахъ, получивъ по 75 руб. изъ экономическихъ суммъ отъ начальства на устройство школы, сами прибавляютъ отъ себя по пятисотъ, лишь бы школа скорѣе открылась и у нихъ. Это стремленіе къ образованію охватило всю страну. Разумѣется, тутъ, помимо даже

желанія, могущественнымъ дѣятелемъ является и замѣчательное богатство страны. Лучшіе дома въ селахъ и городахъ—школы. Часто, деревня совсѣмъ захолустная—а двухъ этажное каменное зданіе школы—хоть въ наши города переноси. Вообще въ народѣ два преобладающихъ теченія—въ школу и къ ружью. Точно болгары понимаютъ, что свою самостоятельность имъ придется отстаивать и книгой и боевымъ огнемъ.

Теперь пока всѣхъ средне-учебныхъ заведеній въ Болгаріи очень мало. Гимназіи еще проектированы. Деньги есть—нѣтъ учителей. Перечислю существующія заведенія этаго рода Лѣсковское духовное училище, находится подъ наблюденіемъ Епископа Климента Броницкаго; пока оно открыто на два класса, съ тремя преподавателями и пятьюдесятью учащимися. Самоковское духовное училище—завѣдуемое митрополитомъ Евстафіемъ съ двумя классами, четырьмя преподавателями и 45 учащимися; Софійская классическая гимназія, устроенная по образцу нашихъ, а потому плохо прививающаяся въ странѣ, ею завѣдуетъ Георгій Стаменовъ, открыто пока два класса, съ четырьмя преподавателями и... 10-ю учащимися! Габровская гимназія подъ главенствомъ Чернокожева съ двумя классами. пятью учителями и 102-мя учащимися; Ломъ-Паланкская реальная школа В. Атанасова съ двумя учителями, тремя классами и пятьюдесятью учащимися; Рушукская реальная школа уже съ тремя классами, шестью учителями и 75 учащимися; Филиппопольская реальная школа — три класса, 6 учителей, 150 учениковъ. Сливненская реальная школа — 3 класса, 5 чителей, 130 учениковъ.

— Мы теперь свободны, а свободный человекъ долженъ быть грамотнымъ, иначе онъ тотъ же турецкій рабъ! огоршилъ меня простой крестьянинъ въ Див-дядевѣ, деревнѣ около Шумлы.

Пока еще мало учителей, но народъ уже согласенъ за свой счетъ послать молодежь работать въ чешскую Прагу, чтобы потомъ она заняла мѣста преподавателей въ будущихъ болгарскихъ гимназіяхъ. За средствами здѣсь не постоятъ.

Въ Смедовѣ—самые богатые крестьяне рѣшили въ теченіе пяти лѣтъ отдавать пятую часть своихъ доходовъ—чтобъ: въ это время выстроить здѣсь пяти-классную школу и найти учителей въ нее. Въ первый годъ здѣсь поступило такого сбора 42,000 франковъ. Въ Самоводахъ, близъ Тырнова — богатый крестьянинъ Стояновъ, заявилъ желаніе немедленно построить богатый каменный домъ и доставить все, что необходимо для гимназіи, если правительство найдетъ для нея учителей. Въ Тростеникѣ—просятъ тоже гимназію. Въ Липницѣ—ходатайствуютъ о техническомъ училищѣ. Всѣ эти Смедово, Самоводы, Тростеники, Липница—просто на просто села.

— Въ Болгаріи всегда найдутся деньги для школы. Съ гордостью совершенно справедливой, говорилъ мнѣ Словейковъ....

— Пока еще не судите о насъ по настоящему. Дайте намъ пятнадцать лѣтъ спокойствія—и вы посмотрите чѣмъ будетъ Болгарія къ тому времени. Не будетъ уголка безъ школы, не будетъ города безъ гимназій, а въ Тырновѣ, Рущукѣ и Софіи, мы сверхъ того, устроимъ университеты. Насъ не испугаютъ ни расходы, ни трудности этаго дѣла. Спросите у самаго глупаго изъ крестьянъ, и онъ вамъ скажетъ что безъ ружья и безъ книжки, нѣтъ счастья, нѣтъ свободы...

— Мы не можемъ бороться съ турками оружіемъ, они сильнѣе насъ. Мы, напротивъ,—пойдемъ инымъ путемъ—мирнаго развитія. Мы задавимъ Турцію книгой и наукой...

И они сдѣлаютъ это, если довольно доброй воли!

А еще вчера все это были ничѣмъ не интересовавшіеся, ни къ чему не стремившіеся люди.

Посылали бы и къ намъ, въ русскія гимназіи, но наша система пугаетъ болгарскую интеллигенцію.

— Намъ нужно просто образованные и честные граждане. Всѣ же эти греческіе и латинскіе языки — слишкомъ дорогая роскошь. У насъ нѣтъ «просвѣщенныхъ» заводчиковъ, образованныхъ ремесленниковъ, которые могли бы помочь намъ создать техническія школы. Вотъ чего намъ надо...

При этомъ дознано уже опытомъ, что Прага дала болгар-

скому народу гораздо лучшихъ учителей и учительницъ, чѣмъ русскія заведенія того же рода.

— Изъ Чехіи они возвращаются къ намъ съ горячей любовью къ Болгаріи, съ желаніемъ трудиться и работать, а воспитанники русскихъ учебныхъ заведеній—съ презрѣніемъ къ нашей простой жизни, къ нашей бѣдной обстановкѣ.

Другой пояснилъ еще лучше. Это былъ докторъ, весьма образованный и знающій. Странно было даже встрѣтить такого въ Шумлѣ.

— Видите ли, Прага даетъ намъ работниковъ и гражданъ, а изъ Россіи возвращаются наши дѣти чиновниками, людьми чуждыми намъ совсѣмъ... Первые просто трудятся между нами на пользу общую, а вторые мечтаютъ о дворянствѣ, о выдѣленіи изъ народа себя и своихъ присныхъ, о мундирахъ, формахъ, отличіяхъ...

Нищими изъ учителей являются въ Болгаріи только тѣ, которые были изгнаны турками изъ долинъ Казанлыка, Марицы, изъ подъ Филиппополя и Станимаха. У нихъ — дома сожжены, имущество разграблено, нѣкоторые, сверхъ того, потеряли и свои земельные участки. Еще въ болѣе жалкое положеніе стали семьи убитыхъ и казненныхъ учителей. Въ началѣ болгарскаго возстанія — большинство учителей было захвачено турками. Многіе при этомъ зарѣзаны заплѣями и баши-бузуками, остальные повѣшены потомъ. Сироты оставшіеся послѣ нихъ — живутъ благотворительностію.

Болгары проникаютъ быстро всюду, куда еще недавно имъ были закрыты пути. Во время турецкаго владычества, напримѣръ, на громаднхъ базарахъ Шумлы могли торговать и торговали армяне, евреи, греки, но болгаринъ не смѣлъ и подумать явиться сюда съ своимъ товаромъ и открыть лавочку. Теперь они уже пробрались въ святое святыхъ турецкой торговли.

Во время ссоръ и дракъ, неизбѣжныхъ здѣсь, турки грозятся: «коли не уйдешь отсюда,—не будетъ русскихъ, мы тебя зарѣжемъ!» Болгаринъ смертельно труситъ этого, но все-таки

остається въ лавкѣ и торгуеть. Ему выгодна конкуренція съ лѣнливыми и апатичными турками. Тѣ, положивъ въ карманъ франковъ семь—восемь чистаго барыша, довольствовались этимъ и закрывали свои магазины до слѣдующаго дня, болгаринъ же, жадный на прибыль, готовъ хоть всю ночь просидѣть за своимъ прилавкомъ.

Они уже мечтаютъ о театрѣ.

Были даже попытки въ этомъ родѣ. Въ Тырновѣ, Софіи, въ Русчукѣ болгары собирались и ставили пьесы, написанные отечественными драматургами, разумѣется очень наивныя, но на первыхъ порахъ ничего лучшаго и требовать нельзя. Къ сожалѣнію наши русскіе отбили у болгаръ охоту продолжать это дѣло. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ слышался хохотъ надъ некрасивыми для нашего уха особенностями языка. Такъ напримѣръ, молодой человѣкъ обращаясь къ героинѣ пьесы, выражаетъ желаніе посвятить ей свою жизнь словами: «азъ положу на тебѣ животъ свой»—ну, разумѣется, роготаніе російскихъ петиметровъ и конфузъ болгарской публики. Осрамленные разъ (первый блинъ да комомъ) болгарскіе любители драматическаго искусства прячутся теперь по угламъ.

Тѣмъ не менѣ Ранчевъ пишетъ драму изъ болгарской исторіи «Царь Шишманъ», Стамболовъ—изъ времянь перваго возстанія: «Василь Левскій», Словейковъ патриотическую пьесу Райна или «Освобожденіе Болгаріи», Везовъ—Крестъ и Мечъ. Кромѣ того, переводятся на болгарскій языкъ съ русскаго историческіе драмы графа Толстаго, Островскаго и небольшія комедійки Погосскаго. Когда все это появится въ Болгаріи—несомнѣнно окажутся и артисты, способные играть въ готовыхъ уже пьесахъ.

И турки оставили здѣсь много хорошихъ воспоминаній.

Вотъ, напримѣръ, созданная ими Шумлинская земледѣльческая касса. Отсюда выдаются ссуды только хлѣбопашцамъ; торговцамъ же и горожанамъ никогда. Берутъ за ссуды 9⁰/₀ на 100, при чемъ дѣло организовано такъ: до 100 франковъ—требуется одинъ поручитель, до 500—два, до 900—три, а

на 1,000—четыре. Больше 1,000 франковъ въ ссуду не даютъ никому, сколько бы онъ поручителей ни привелъ. Такія кассы заведены турками во всѣхъ округахъ. Шумлинская касса владѣтъ уже 30,000 лирь, что составляетъ 690,000 франковъ или 172,500 серебряныхъ рублей. Такъ какъ средняя выдача здѣсь не превышаетъ 200 франковъ, то касса можетъ оказать пособіе 3,455 хлѣбопашцамъ единовременно. Выдача производится на годъ. Если должникъ заплатить не можетъ, то приноси проценты—и получай еще отсрочку на годъ. Это благотѣльное учрежденіе пользуется большимъ авторитетомъ. Оно сразу убило ростовщиковъ между крестьянами-хлѣбопашцами. Евреи и армяне прежде давали въ долгъ земледѣльцамъ маленькія суммы денегъ и за это брали его хлѣбъ послѣ жатвы по произвольнымъ цѣнамъ: но, какъ только турки устроили земледѣльческую кассу, эксплуатація разомъ была подорвана. Теперь никакихъ ростовщиковъ тутъ уже нѣтъ. Повторяю: это благотѣльное учрежденіе приноситъ такую пользу народу, что намъ бы слѣдовало поучиться у болгаръ ввести и организовать подобное дѣло. Въ земледѣльческой кассѣ каждое село имѣтъ свой собственный капиталъ, и такимъ образомъ, сообразно размѣру послѣдняго, распределяется прибыль и выдается ссуда. За этимъ крестьяне слѣдятъ и сами учитываютъ кассу, отлично входя во всѣ ея обороты.

— У насъ невозможны злоупотребленія.

— Почему это?

— А вотъ почему. Явится въ бараньей шапкѣ или бѣлой рубахѣ мужикъ и давай просматривать отчеты; да по каждой малости требуетъ объясненій... Ничего съ нимъ и не подѣлаешь. Безграмотные, посылаютъ грамотныхъ. Онъ въ глубинѣ души вѣруеть что земля стоитъ на трехъ буйволахъ, а въ дѣлѣ денежномъ—ни на что его не поймашь. Все сообразить.

Въ оборотѣ за прошлый годъ значилось 2.000,000 грошей (грошь = піастру), которые доставили 180,000 грошей $\%$. Изъ процентовъ этихъ половину отчисляютъ на содержа-

ніе церквей, школь и администраціи кассы, а остальную половину—на прирость сельскихъ капиталовъ. Здѣсь было еще одно полезное учрежденіе — сиротскія кассы. Онѣ создались слѣдующимъ образомъ: когда оставался круглый сирота, все имущество его продавалось съ публичнаго торга и всегда почти за дорогую цѣну, потому что злоупотребленій не бывало. Заправлялъ продажей совѣтъ изъ муллъ, священниковъ, раввиновъ и выборныхъ гражданъ. Деньги, вырученныя такимъ образомъ, поступали въ сиротскую кассу и ко времени нашего занятія Болгаріи, шумлинская, на примѣръ, сиротская касса имѣла уже 1.000,000 піастровъ. Капитальъ каждого сироты приращался потому, что кассы сиротскія выдавали ссуды исключительно торговымъ людямъ, подъ вѣрныя обезпеченія, за 12⁰/₀ въ годъ. Изъ этихъ процентовъ 3 шли на управленіе, 9—на приращеніе капитала. Такимъ образомъ сирота, выростая, получалъ удвоенный капиталъ, вмѣсто ограбленныхъ, разоренныхъ и запущенныхъ опекунами имѣній. Это уже учреждено турками. Въ совѣтѣ кассы, кромѣ горожанъ по выбору, засѣдали муфтіи, священники, раввины. — Управляющій финансовымъ отдѣленіемъ (русскій чиновникъ изъ акцизныхъ дѣятелей) закрылъ это благодѣтельное заведеніе!!!

— Да почему же? добивался я.

— Потому, что у насъ, въ Россіи, этого нѣтъ, — отвѣчали мнѣ люди близко стоящіе къ дѣлу.

— Вовсе не дѣло государства заниматься филантропіей! оправдывались другіе.

Я думаю, что вслѣдствіе этого же соображенія были закрыты и нѣкоторые пріюты, на примѣръ въ Габровѣ, Тырновѣ и другихъ мѣстахъ... Еще бы—что за дѣло чиновникамъ сидящимъ въ Софіи и исправно получающимъ свое жалованье золотомъ, до бездомныхъ дѣтей, оставшихся круглыми сиротами послѣ войны.

Капиталы сиротскихъ кассъ переведены въ тырновскій банкъ... Сироты получаютъ изъ него свои деньги, но уже не

столь взросшія процентами. При централизаціи, сверхъ того, явятся злоупотребленія, какихъ въ окружныхъ кассахъ при мѣстномъ контролѣ не было.

Наша акцизная система прививается здѣсь благодаря покровительству, оказываемому ей нашимъ финансовымъ отдѣломъ, во главѣ котораго стоялъ въ Софіи г. Бухъ. Прежде, при туркахъ, здѣсь было четыре кабака, а теперь — сто восемьдесятъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было кабаковъ вовсе, таковыя открываются во множествѣ. Кабаки учреждаются даже и въ мусульманскихъ деревняхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ.

Также прекрасное учрежденіе—деревенскіе суды старѣйшинъ—заведены здѣсь турками. Они существуютъ какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ, за исключеніемъ грабежей и убійствъ. Въ большинствѣ случаевъ, судъ старѣйшинъ рѣшаетъ дѣла полюбовно. Кое-гдѣ рѣшенія записываются, а чаще нѣтъ. Если деревни смѣшаннаго населенія, то существуетъ два суда. Если изъ тяжущихся одинъ—турокъ, а другой—христіанинъ, то судьи соединяются. Вообще у турокъ были прекрасныя учрежденія; только одно скверно: благодаря развратной и подлой турецкой администраціи, превосходные законы не исполнялись вовсе.

Мы вмѣсто нихъ стали создавать свои. Но всѣ эти временныя правила, составлявшіяся нами, кажется, недолговѣчны! Вотъ что я всюду слышалъ отъ болгаръ: если бы турецкіе законы были переведены на болгарскій языкъ и исполнялись, они были бы неизмѣримо лучше нынѣшнихъ временныхъ правилъ!

Возьмите, напримѣръ, налоги. Бѣдный пролетарій по податной системѣ турецкой не платилъ ничего, потому что десятину брали съ полей,—слѣдовательно, съ тѣхъ, кто имѣлъ ихъ. Ея размѣръ опредѣлялся запашкой. Эмлякъ—налогъ съ недвижимыхъ имуществъ—платили только тѣ, кто ихъ имѣлъ. Эмлякъ опредѣлялся обществомъ и взимался въ размѣръ 2⁰/₁₀ съ оцѣненнаго имущества. Каждая пятая лѣтъ производилась

переоцѣнка. Кто бѣднѣль, тотъ, слѣдовательно, и платилъ меньше. Сверхъ того, была подать иджаръ—подоходная, причемъ само общество опредѣляло доходъ каждого и опредѣляло, сколько брать.

— Зачѣмъ вы провели эти финансовыя реформы. Вѣдь народу будетъ при нихъ труднѣе.

— Да... Немного...

— Кому же лучше?

— Чиновникамъ. Не такъ сложно будетъ дѣло и главное—болѣе единообразія...

О, канцелярская жилка! Какимъ могучимъ и никогда неостанавливающимся пульсомъ ты бьешься въ каждомъ нашемъ распоряженіи. Иной ѣхалъ сюда—грозилъ Америку выдумать и порохъ открыть—а въ концѣ концовъ—только новую форму мундировъ завелъ, да Управу благочинія устроилъ!

Шумла удивительно пѣвучій городъ. По вечерамъ изъ садовъ слышутся монотонные и крикливые напѣвы болгарской пѣсни.

Болгарскій народный гимнъ—звучитъ на всѣхъ улицахъ, на всѣхъ перекресткахъ. Его поютъ здѣсь мальчишки, ополчающіяся на турокъ съ щипцами, палками и метлами въ рукахъ, его поютъ за здравицами и трапезами взрослые, его поютъ въ домахъ и на гуляньяхъ. Напѣвъ его нѣсколько однообразный, но не лишенный нѣкоторой величавости, постоянно преслѣдуетъ васъ въ Болгаріи. Я привожу этотъ гимнъ цѣликомъ такъ какъ до сихъ поръ онъ еще нигдѣ приведенъ небылъ:

I.

Шуми Марица

Окървавена.

Плаче вдовица

Люто ранена.

Маршь, маршь Генерале нашъ

Разъ, два, три маршь войници.

II.

Войници мили
Напредъ да вървимъ
Съсь сички сили
Балканъ да минемъ.
Маршь и проч.

III.

Юнака Донски
Намъ е водитель
С'прѣпорець Левски
Вождь побѣдитель.
Маршь и проч.

IV.

Виждте деспоти
Генерала нашъ
Чуйте запѣйте
Николаю маршь.
Маршь и проч.

V.

Войници храбри
Слѣдъ него летѣтъ
Порятъ въздуха
И громко викатъ:
Маршь и проч.

VI.

С'кървавъ остъръ мечъ
Генерала напрѣдъ
Възглася на сѣчь,
Гръмъ, огнь наврѣдъ.
Маршь и проч.

VII.

Тръба низъ гора
Зазвони напрѣдъ,

Ура, ура,
Ура, маршь напрѣдъ.
Маршь и проч.

VIII.

Славно да живѣй
Нашъ Императоръ
Нашъ Императоръ
Царь Александръ.

XV.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ ГИРЛОВСКОМЪ СУЛТАНСТВѢ,

Преславъ, 7 іюля.

Между Малыми и Большими Балканами Шумлинскаго округа затаилось ото всего свѣта нѣсколько знойныхъ и плодородныхъ долинъ, гдѣ холмы до самыхъ верхушекъ одѣты виноградниками, горы покрыты буковыми, дубовыми, грабовыми и брестовыми лѣсами, гдѣ внизу густая зелень абрикосовъ, персиковъ, миндаля, сливъ—«рвется вонъ изъ мѣры», гдѣ одуряющій аромать цвѣтовъ весною смѣняется нѣгой жаркаго лѣта, гдѣ въ прохладной тѣни, по каменистымъ ложамя, гремятъ тысячи рѣчьевъ и гдѣ до сихъ поръ только одинъ громкій голосъ муэдзина слышится съ высоты бѣлыхъ минаретовъ, которые соперничаютъ въ красотѣ и легкости постройки съ чудными и высокими тополями, меланхолически колышущимися надъ богатыми деревнями. Красота этихъ мѣстъ до того поразительна, что одинъ изъ Константинопольскихъ поэтовъ—турокъ, говоритъ о долинахъ Гирлова слѣдующее:

О долина Карадемира, ты улыбка неба—брошенная на землю...

О дивные склоны Акъ-Дере на вашихъ садахъ почіеть благословеніе
солнца,

Изойди весь міръ—ты не найдешь красавицы, которая заставила бы тебя
позабить этотъ уголокъ.
Унесись на небеса—и тамъ ты вздохнешь о немъ...

Туда до сихъ поръ не смѣли проникать христіане. Тамъ сплошное мусульманское населеніе жило по старинѣ, какъ ему хотѣлось, не признавая одинаково ни каймакама турецкаго, ни торгаша-галилеянина, являвшихся къ нему. Полунезависимое, оно только платило подать и затѣмъ подчинялось своему султану въ Врацовѣ—потомку крымскихъ Гиревъ, которымъ отдалъ на кормежку эти долины падишахъ, и старику Осману, простому турку, но еще болѣе сильному и вліятельному, чѣмъ самъ султанъ гирловскій. Еще полтора-ста лѣтъ тому назадъ гирловцы были христіанами и принадлежали къ той же, такъ ими ненавидимой, расѣ болгаръ. Въ Гирловѣ, Гюльмени, помнятъ это время, тѣмъ не менѣе они такъ обратились, стали такими «заядлыми» турками, что даже не хотятъ знать имени «помакъ», какимъ здѣсь окрестили болгаръ, принявшихъ исламъ. «Мы — турки, настоящіе турки, и никогда не будемъ ни болгарами, ни помаками...»

Въ обычаяхъ Гирловцевъ тѣмъ не менѣе много хранится стараго, указывающаго на ихъ происхожденіе. Они клянутся Богородицею, чтутъ Георгія-Побѣдоносца. Въ дикихъ лѣсахъ Дервишъ-горы—есть развалины древняго христіанскаго храма, его чтутъ и мусульмане Гирловскіе. Сверхъ того у нихъ осталось нѣсколько пословицъ болгарскаго происхожденія переведенныхъ ими на турецкій языкъ. Таковы же загадки Гирловскіе. Въ Карадемирѣ и Уйвенѣ, до сихъ поръ рассказываютъ вамъ легенды о царѣ Шишманѣ и храбрыхъ юнакахъ.

Гирловское султанство—центръ мусульманскаго движенія въ Болгаріи. Дели-Орманъ, Османъ-Базаръ—все эти мѣстности, сравнительно, безопасны. Отсюда начинается призывъ къ возстанію; здѣсь зрѣютъ событія, которыя, надѣюсь, станутъ не въ-расплохъ молодое славянское княжество. Въ глухихъ и заброшенныхъ въ тущобы Балканскихъ горъ, деревняхъ неустанно работаютъ теперь софты и муллы, дѣя-

тельно высылаемые сюда Стамбуломъ, а въ праздникъ «рамазана» ожидаютъ прибытія самыхъ фанатическихъ проповѣдниковъ, пребываніе которыхъ въ Гирловскомъ султанствѣ вызоветъ много волненій, если не доведетъ ихъ до открытаго мятежа.

Старикъ Османъ, въ селеніи Уйвенъ, пока сидитъ покойно; но, увѣряютъ болгары, это спокойствіе обманчиво. Не такъ простъ вождь фанатическихъ гирловцевъ, чтобы подать поводъ посадить себя въ тюрьму и за затворами острога Шумлы слышать, какъ въ этомъ, нѣкогда мусульманскомъ городѣ, стануть звонить христіанскіе колокола. Старый Османъ, какъ и все гирловское населеніе, нисколько не вѣритъ въ живучесть Болгаріи. Русскихъ они любятъ, потому что русскіе ихъ не обижали. Не обижаютъ ихъ здѣсь и болгары, — не смѣютъ; но сердце турка до сихъ поръ обливается кровью при мысли, что недавніе рабы—псы—стали ихъ господами. Гирловцы, когда ихъ округъ принадлежалъ Турціи, знать не хотѣвшіе султана въ Константинополь, теперь являются самыми вѣрными исполнителями его велѣній. Пока—они спокойны, спокойны на диво. Комитеты и вожаки распространяютъ мысль, что не нужно давать повода болгарамъ жаловаться, а напротивъ всячески вызывать ихъ на несправедливость и обиды; тогда возстаніе будетъ имѣть почву и требованія шумлинскихъ мусульманъ поддержать, яко бы, вся Европа. Разсчетъ тонкій и вѣрный. Пока, какъ готовымъ элементомъ, комитеты пользуются разбойничествомъ, терроризирующимъ цѣлые округи. Пятнадцать-двадцать разбойниковъ держатъ въ страхѣ всю мѣстность, верстъ на сто съ діаметрѣмъ, налагаютъ штрафы на лицъ, сочувствующихъ Болгаріи, жгутъ тѣхъ, кто идетъ имъ поперекъ дороги (случай въ Акъ-дере). Болгарскіе жандармы трусливы: иногда человѣкъ двѣнадцать ихъ бѣжитъ отъ шести разбойниковъ (случай въ Карадемирѣ),—и населеніе убѣждается такимъ образомъ въ безсиліи болгарской власти. Населеніе обезоружено, и хотя лучшія винтовки припрятаны, но защищаться, встрѣчать разбойниковъ пулями, боятся, — изъ

Шумлы наложить на нихъ штрафъ, отнять оставшіяся ружья. Такимъ образомъ, безсильные противъ разбойниковъ, турецкіе крестьяне озлобляются, волнуются. Въ разбойникахъ сверхъ того, видятъ удалцовъ, не признающихъ новаго порядка вещей; еще нѣсколько времени—и обстрѣлявшіеся бандиты станутъ кадрами для народнаго ополченія. Разбойники всѣми силами поддерживаютъ здѣсь свой авторитетъ. Они покушаются даже на убійства русскихъ: такъ погибло четверо казаковъ, зарѣзанъ топографъ съ женою, зарѣзанъ солдатъ *). Когда еще около стояли русскіе, бандиты дѣлали и болѣе дерзкія выходки: такъ, девять человѣкъ ихъ послали сказать начальнику русскаго отряда, что они, желая умереть во славу пророка, будутъ ожидать его на вершинѣ Дервишъ-горы. Русскіе пришли туда. Разбойники засѣли въ завалахъ и начали бой. Призвали болгаръ окружить гору. Думали сначала выбить мусульманъ огнемъ и штыками, но, потерявъ нѣсколько солдатъ, отошли, рѣшивъ взять ихъ голодомъ. Разбойники отсиживались два дня, а на третій бросились на болгарскую стражу, прорвали ея линію и ушли, потерявъ трехъ убитыми. Одни похождения Мелека, бандита изъ Баирамъ-дере, скрывшагося теперь, по однимъ—въ Дели-Орманъ, по другимъ—въ Добруджу, даютъ канву для цѣлаго романа въ старомъ вкусѣ. Этотъ Мелекъ и женщинъ похищаль, и въ пользу бѣднаго крестьянства грабилъ беговъ, и партіи ополченцевъ собиралъ во время войны. Короче—Стенька Разинъ, на мусульманской подкладкѣ. Разумѣется во всемъ этомъ много вранья, потому что Малекъ скорѣе похожъ на Фра-Діавола, чѣмъ на Стеньку.

*) Разумѣется по восточному обыкновенію все это крайне преувеличено. Черезъ десять верстъ уже—одинъ убитый обращается въ десятокъ, черезъ сто—въ тысячу. Вѣрить этимъ легендарнымъ слухамъ не слѣдуетъ. Я самъ былъ ихъ жертвой: въ Варнѣ, на примѣръ — официальные люди заявляли во время проѣзда князя Дондукова-Корсакова, что подъ Османъ Базаромъ было сраженіе: убито и ранено 280 человѣкъ. Я и телеграфировалъ такъ въ Москву. А потомъ оказалось, что эти 280 жертвъ, равняются—пятиболгарамъ и одному русскому!

Это замѣчательно храбрый, изобрѣтательный и умный разбойникъ, Его ловкость и хитрость въ всякихъ сравненій. Но за то и хищникъ онъ былъ тоже извѣстный, не давалъ пощады ни своимъ, ни чужимъ. Въ самое послѣднее время семеро болгаръ, осмѣлившихся войти въ долины Гирлова, были убиты. Кстати убиваютъ и болгарскихъ стражарей, но пока ихъ, сравнительно, щадятъ, чтобы не подать повода жаловаться на гирловцевъ.

Въ тѣнистомъ саду, близъ митрополіи (архіерейскаго дома), насъ ждали верховые кони. Солнце жарило во всю, и даже въ прохладныхъ купахъ деревьевъ томило тамъ, гдѣ попадались просвѣты. Мы (капитанъ Недзвецкій, начальникъ округа Даневъ, и болгары Тодоръ, Геновъ и хаджи Василь) вооружились револьверами, а трое стражарей съ нами, сверхъ того, красовались съ магазинками въ рукахъ. Такимъ образомъ мы отправились въ разбойничье гнѣздо, готовые на всякія случайности.

Узкія улицы христіанскаго квартала Шумлы, на громадныхъ булыжникахъ которыхъ то и дѣло спотыкались наши кони, смѣнились скоро выжженными уже солнцемъ полями. Позади, въ тѣнь своихъ горныхъ вершинъ уходила красивая панорама домовъ, садовъ, мечетей; направо густѣли виноградники, одѣвавшіе склоны Ильчевъ-баира, вмѣстѣ съ горой Иссеръ-баиръ, высящихся надъ городомъ. Бѣженцы, во время стоянки своей въ этихъ поляхъ и склонахъ, вытоптали и сожгли на топливо виноградники, но теперь они поднялись еще гуще и выше. Удивительно живучія поросли! Сады эти тянутся вплоть до болгарской деревни Дивдядева или Ченгель, въ четырехъ съ половиною верстахъ отъ Шумлы. Передъ нами, во весь путь, синѣли красивые силуэты отроговъ Балканскихъ. Въ бинокль можно было разсмотрѣть тамъ угрюмые пейзажи, гдѣ гранитныя массы сурово высятся надъ гранитными ущельями, и только молчаливыя, сѣрыя тучи одѣваютъ безплодные ихъ склоны. Совершенно романтическая, во вкусѣ шотландскихъ легендъ, мѣстность и рядомъ—идиллическіе пейзажи мягко

круглящихся холмовъ, зеленыхъ садовъ и кудрявыхъ виноградниковъ.

Дивдядево, или Ченгель, приютилось въ лощинѣ Ильчевъ-баира. Надъ деревней точно висятъ крутые скаты этой горы. Кажется—вотъ вотъ они раздавятъ эти бѣлые домишки, прилипшіе къ ихъ подножіямъ. Раскопки здѣсь дали богатые результаты: найдены остатки языческаго храма и могилы съ урнами въ ростъ человѣка. На недосыгаемой теперь высотѣ, въ скалахъ у вершины горы, видны до сихъ поръ уцѣлѣвшія громадныя желѣзныя кольца, вбитыя туда. Мѣстное населеніе создало легенду, что море доходило вплоть до этой вершины, гдѣ нѣкогда была пристань, и что къ ея кольцамъ привязывались пристававшіе сюда корабли. Это сказаніе очень поэтично и когда рисуешь себѣ легендарное прошлое—дѣлается жутко, до того жалокъ и ничтоженъ самъ кажется себѣ рядомъ съ катаклизмомъ этой геологической сказки. Назначеніе колець дѣйствительно странно. Скалы тамъ отвѣсны, и достигнуть ихъ нѣтъ возможности ни снизу, ни сверху.—Отсюда, изъ долины, несмотря на разстояніе, громадность и дикое величіе этихъ утесовъ поразительны...

Около Ченгеля проводили шоссе. Пришлось взрывать одинъ камень; онъ отдѣлился очень легко, но подъ нимъ оказался другой, большій, полированный сверху. Сняли и его; но ниже—опять полированная поверхность утеса съ выемкой посрединѣ. Въ выемкѣ жертвенный ножъ и вилы, небольшой идолъ, поясъ жреца и другія вещи. Ножъ и вилы были покрыты іероглифическими изображеніями, золотыми фигурами чрезвычайно изящной формы. Всѣ эти предметы были куплены у турокъ г. Логвиновымъ, страстнымъ археологомъ.

Навстрѣчу намъ попался шумлинскій мулла, сторонникъ русскихъ, хаджи Муэдзинъ. На немъ виднѣлись наша медаль и орденъ Османіе. Онъ съ тѣхъ поръ сталъ русскимъ по сердцу, какъ его послали съ депутаціей предлагать Болгарское княжество принцу Александру.

— До тѣхъ поръ я чуть не умиралъ съ голоду, а теперь отъ денегъ, выданныхъ на дорогу, скопилъ тысячи три франковъ. Два года существовать могу.

Вернувшись, онъ обошелъ всѣхъ мусульманъ Шумлы, всѣ ихъ дома и лавки и всюду, всякому говорилъ:

— Князь Александръ тебѣ кланяется.

Турки почтительно вставали, прикладывали руки ко лбу и сердцу, но остались такими-же врагами молодаго княжества, какими были до тѣхъ поръ. Теперь пока одинъ хаджи Муэдзинъ говорить: «болгары лучше турокъ». Но порядокъ въ городѣ уже нравится туркамъ. Останется въ концѣ концовъ непримиримымъ одно сельское населеніе.

Черезъ версту насъ перегналъ какой-то турокъ на быстромъ скакунѣ. На одну минуту мелькнула передъ нами пестрая куртка и разшитые шаровары. Длинное, худо бородатое лицо, съ острыми, пронизательными глазами, зорко оглядывающими васъ изъ подъ низко нависшихъ зловѣщихъ бровей.

— Да это Юнусъ! обернулся Тодоръ къ Даневу.

— Онъ самый.

— Ишь, подлець...

— За что вы его ругаете?

— Да вѣдь это онъ поѣхалъ о нашемъ прибытіи предупредить гирловцевъ.

— Ну ужъ...

— Вы его не знаете: онъ недавно изъ тюрьмы выпущенъ... Сидѣлъ по подозрѣнію въ томъ, что принадлежалъ къ шайкѣ Мелека. Даже селяма не сдѣлалъ...

Въ Ченгелѣ мы сдѣлали приваль. Домъ—гдѣ мы остановились, что-то въ родѣ нашей корчмы. Длинные колбасы—салама, крѣпкія какъ камень и позеленѣвшія отъ преклоннаго возраста, висѣли съ потолка. На полкахъ табакъ подъ турецкими бандеролями, ракія въ узкогорлыхъ бутылочкахъ, красное вино въ бочкѣ, въ углу, и жирный хозяинъ за прилавкомъ. Намъ подали вишнапу—разведенное въ холодной, клю-

чевой водѣ вишневое варенье. Хаджи Василь только фыркнулъ на это пойло.

— Има добра ракія?..

Ему подали бутылочку. Онъ опрокинулъ ее въ ротъ. Зажмурился на секунду и потомъ открылъ глаза съ выраженіемъ только что проснувашагося невиннаго младенца...

Мѣстность отсюда до Малыхъ Балканъ казалась одной сплошною равниной; но когда мы двинулись дальше, то увидѣли, что разстояніе обмануло насъ. Проѣхавъ версту, мы опустились уже съ высокаго плато, по которому ѣхали отъ Ченгеля, въ глубокую долину. За долиной—опять плато. Поверхности этихъ плато, сливаясь, обманываютъ взглядъ. Первый спускъ съ Бѣль-баира (бѣлая гора) совершенно мѣловаго свойства; внизу—нивы, поля, луга хорошо орошены и чрезвычайно богаты. Нѣсколько разъ пришлось намъ переѣзжать черезъ мелководную теперь, но все-таки гремучую р. Вранью, которая у деревни Ченгель сливается съ Бююкъ-Камчикомъ. Налѣво отъ насъ тонули въ голубоватой дали прелестныя деревни—Марашъ, Салманова и Троица съ своими знаменитыми во всемъ округѣ виноградниками. Въ ущельяхъ надъ послѣднею деревней—пещеры и древній, теперь необитаемый, монастырь съ подземными ходами, церквами, выбитыми внутри скалъ часовнями. Здѣсь стоитъ вѣчный мракъ и ни чей голосъ не нарушаетъ безмолвія былыхъ святынь, ничья молитва не возносится подъ дикими сводами гротовъ, гдѣ нѣкогда пустынноики и калугеры проводили всю жизнь въ страшныхъ лишеніяхъ и неустанномъ трудѣ. Забраться туда теперь нельзя и по лѣстницамъ. Впрочемъ, смѣлые юнаки, во время послѣдняго возстанія прятались, случалось, и по такимъ трущобамъ. Мнѣ по пути рассказывали, что въ одной изъ этихъ пещеръ скрылся Димитаръ Ковальджіевъ, съ своею женою и дочерью... Ихъ выслѣдили турки и устроили внизу постъ... Дорога была только внизъ. Три дня отсиживалась тамъ несчастная семья—на четвертый Димитаръ вышелъ изъ пещеры... Передъ нею точно паперть шла гладкая площадка ска-

лы, образовывавшая передъ зѣвомъ пещеры уступъ. Димитаръ сталъ на краю его подозвалъ туда жену и крикнулъ туркамъ.

— Эй, вы, подлое племя!.. Нате вамъ!.. И бросилъ къ нимъ ребенка... Жена вслѣдъ кинулась внизъ сама.

— Знайте, не достанется вамъ юнакъ живымъ!..

И Димитаръ послѣднимъ разбился объ острые выступы скаль...

Въ другой пещерѣ нашли только остовъ спасавшагося тамъ юнака-воеводы. Онъ умеръ отъ голода, не желая сдаваться «поганымъ туркамъ».

Нынче вся жизнь ютится внизу: по благословеннымъ долинамъ Враньи и Камчеи пасутся многочисленныя стада барановъ, и русскіе кони, изъ транспортовъ и батарей, давно уже не ѣвшіе вдосталь, жирѣютъ на изобильномъ кормѣ. Вотъ, налѣво, мелькаютъ бѣлый домикъ и мельница, а вокругъ нихъ густая чаща роскошнаго сада. Это—Бели-бей, имѣніе персидскаго консула въ Шумлѣ, большаго поклонника культа Адониса и крайне недовольнаго русскими порядками, потому что прежде онъ могъ гораздо безопаснѣе удовлетворять своимъ утонченно-восточнымъ вкусамъ.

Много большихъ дубовыхъ рощъ попадалось намъ на дорогѣ, но всѣ онѣ были странно обезвѣтвленны. Оказалось, что болгарскіе и турецкіе пастухи нарочно обрубаютъ ихъ для своихъ козъ. Скоро и послѣднія встрѣтились намъ въ столь громадномъ количествѣ, что, казалось, большую армию можно прокормить этими животными. По дорогѣ уже встрѣчаются кабаки—тамъ, гдѣ о нихъ никогда и не слышали. Впослѣдствіи уже я узналъ, что они разведены нами.

«Пускай пьютъ,—болѣе дохода будетъ», цинически выразился одинъ изъ здѣшнихъ финансистовъ.—Попробовали заводить кабаки и въ турецкихъ деревняхъ, но тамъ кое-гдѣ приняли, а кое-гдѣ живо выпроводили непрошенныхъ ревнителей казеннаго дохода.

— Такимъ образомъ именно и нужно цивилизовать му-

сульманъ. Выразился о нихъ одинъ изъ ревнителей государственнаго фиска. Сначала выучатся, пить а потомъ и кораны свои пропьютъ!... (И вѣдь этотъ господинъ совершенно наивно вѣрилъ, что его устами глаголетъ сама мудрость!).

Скотоводство въ этихъ частяхъ Шумлинскаго округа чрезвычайно развито: куда ни взглянешь, всюду — или буйволы, наслаждающіеся жизнью, залѣзая по уши въ грязь, или бараны и козы, поднимающіе по дорогамъ облака пыли, которыя издали, при волшебномъ освѣщеніи южнаго солнца, кажутся золотистымъ дымомъ... Здѣсь не считается богатымъ челоѣкъ у котораго—двѣ пары буйволовъ, десятковъ пять овецъ и столько же козъ. Въ бытность свою рущукскимъ губернаторомъ, Митхадъ-паша старался всѣми мѣрами побудить и турокъ развести такія же стада, какія были у болгаръ, но всѣ его усилія остались тщетными. Только уже много спустя мусульмане обзавелись стадами весьма оригинальнымъ способомъ, отбивъ ихъ у болгаръ. Такъ богатые черкесскія села, находившіяся здѣсь, раздобылись чисто грабежомъ, на счетъ болгарскихъ скотоводовъ. Когда болгары жаловались на нихъ, черкесы, смотря по тому, кто былъ валиемъ, или просто отмалчивались, или отгоняли стада въ Балканы и сами же требовали наказанія болгаръ, какъ клеветниковъ. Въ Маришевѣ, мнѣ рассказывалъ одинъ богатый болгаринъ:—Увели у меня черкесы пару буйволовъ. Отправился я въ Шумлу и пожаловался Данишу-пашѣ. Данишъ послалъ чиновника—оказалось, у черкесъ ничего нѣтъ ужъ, угнали въ Балканы... Старикъ Гассанъ, который именно и укралъ у меня, въ свою очередь пожаловался Данишу—тотъ жалобу нашель справедливою, и меня какъ клеветника заперли въ тюрьму. Просидѣлъ я недѣлю — вернулся — а у меня и остальные четыре пары Гассанъ увелъ. Встрѣчаюсь я съ нимъ. «Я говоритъ, съ тобою милосердно подѣлился, ты былъ недоволенъ, теперь совсѣмъ оставайся безъ буйволовъ»... Митхадъ, при всей своей ненависти къ болгарамъ, не прибѣгалъ къ незаконнымъ мѣрамъ. Въ этомъ

его нельзя упрекать, хотя, впрочемъ, и этотъ государственный мужъ не оставался нечувствительнымъ къ звону турецкихъ лиръ, когда онѣ преподносились ему просителями, какой бы они вѣры ни были — все равно. Въ Гирловскомъ султанствѣ Митхадъ провелъ одну очень разумную мѣру: чтобы подорвать власть мѣстнаго султана, онъ раздѣлилъ его владѣнія между тремя отдѣльными округами.

Теперь болгары будутъ богатѣть; я говорю о болгаряхъ этихъ округовъ. Но въ Систовскомъ, Габровскомъ и Ловчинскомъ — оправятся еще не скоро. Увѣренность въ своемъ положеніи создастъ здѣсь экономическое благосостояніе настолькоъ значительное, что русскій крестьянинъ даже въ самыхъ плодоносныхъ мѣстахъ не можетъ достигнуть такого, несмотря ни на какія усилія. Уже и теперь цѣнность земли въ Гирловѣ поднялась очень: болгарскій погонъ земли (сорокъ шаговъ въ длину и ширину) стоитъ три турецкихъ лиры, когда она занята нивой, и десять лиръ, когда подъ виноградниками. Огороды еще дороже, а къ садамъ, по нашимъ цѣнамъ, и приступу нѣтъ. Земли вообще здѣсь продаются неохотно, хотя покупателей много и цѣны, предлагаемыя ими, значительны. Болгаринъ-хлѣбопашецъ и виноградарь за свой участокъ держится цѣпко,—это для нихъ единственное вѣрное богатство. Капиталь прежде не считался богатствомъ. Когда турки узнавали, что у кого нибудь есть деньги, несчастнаго капиталиста сажали въ тюрьму, пока онъ не откупался. Административные бандиты въ этомъ отношеніи не церемонились. У моего хозяина, нѣкоего Стояна Славчева, была русская, бронзовая, академическая медаль, выбитая въ память Бецкаго, что ли. Изъ тщеславія, сей хитроумный болгаринъ придѣлалъ къ ней кольцо, продѣлъ сквозь него ярко-зеленую ленту и сталъ носить... Онъ славился въ Шумлѣ какъ крупный капиталистъ. Долго къ нему прицѣвливался мѣстный каймакамъ и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, болгарина съ его медалью посадили въ тюрьму.

— За что?

— Давай тысячу лиръ—и носи свою медаль.

— Да она ничего не значить.

— Врешь, ты получилъ ее отъ москововъ за какія нибудь тайныя услуги. Ты—русскій шпіонъ, вотъ мы и повѣсимъ тебя во славу аллаха!...

Побился, побился Стоянь, посидѣлъ въ тюрьмѣ мѣсяцевъ шесть—и заплатилъ тысячу лиръ.

— Теперь можешь носить свою медаль, когда угодно! разрѣшилъ ему каймакамъ.

Но, умудренный опытомъ, болгаринъ спряталъ Бецкаго въ сундукъ и съ тѣхъ поръ уже не является никуда декорированнымъ необыкновенными знаками отличія.

Какой то русскій профессоръ проѣзжалъ черезъ Шумлу. Богатый болгаринъ Караджіевъ пріютилъ его у себя. Русскаго профессора навѣстилъ и каймакамъ, и другія власти города... Уѣхалъ—путешественникъ, прошло мѣсяца два, задумалъ каймакамъ строится—Караджіева—за бока.

— У тебя стоялъ русскій агентъ...

— Былъ русскій. Только онъ ученый эфенди, а во все не агентъ.

— Ты его водилъ на Ильчевъ-баиръ (гора подъ Шумлой).

— Водилъ, городъ показывалъ.

— Врешь. Вы снимали планы съ укрѣпленій.

Караджіевъ взвылъ—понялъ въ чемъ дѣло... заперли его въ тюрьму. Просидѣлъ мѣсяць.

— Я не хочу тебя судить, какъ измѣника, заплати мнѣ пятьсотъ лиръ и иди на все четыре стороны.

Караджіевъ еще былъ радъ, что дешево отдѣлался...

Молодой болгарскій ученикъ составилъ примѣрно на глазъ планъ Шумлы, и когда Митхадъ посѣщалъ городъ—юноша преподнесъ ему эту работу. Митхадъ остался очень доволенъ, хвалилъ ученика, поблагодарилъ учителя... Уѣхалъ Митхадъ—зоветь мѣстный каймакамъ родителей талантливаго юноши.

— Сознаетесь ли вы, что сынъ вашъ снялъ планъ города.

— Сознаемся!.. Митхадъ-паша даже...

— Молчать!.. посадить ихъ въ тюрьму.

Заплатили сто лиръ и были отпущены съ миромъ.

Что такое богатый болгаринь? Богатство здѣсь удивительно равномерно распредѣлено между всѣми. Бѣдняковъ-пролетаріевъ нѣтъ совсѣмъ, за то нѣтъ и крупныхъ капиталистовъ. Такъ, на примѣръ, человекъ, обладающій здѣсь миліономъ піастровъ, считается Ротшильдомъ. Такихъ крезовъ, располагающихъ 55,000 рублями, во всей Болгаріи нѣсколько. За то тѣхъ, у кого есть четверть этой суммы — сотня тысячъ, а совсѣмъ безденежныхъ нѣтъ. Въ этихъ округахъ Болгаріи если къ вамъ подходитъ кто-нибудь и протягиваетъ руку за подаваніемъ, навѣрное, турокъ. Болгаринь-нищій — здѣсь явленіе небывалое. Онъ трудится какъ волъ, и въ то же время у него прекрасный участокъ земли; понятно, что при крайней ограниченности его потребностей, благосостояніе его растетъ изумительно. Задумываютъ устроить желѣзную дорогу отъ Шумлы на Османъ-Базаръ, Тырново, Плевно, Софію.

— Нужны будутъ иностранные капиталисты.

— Зачѣмъ?

Я поясняю, какихъ издержекъ будетъ стоить желѣзная дорога.

— Пусть сегодня болгары увѣрятся въ прочности своего положенія, — завтра же крестьяне раскупаютъ акціи и ни одному иностранцу не дадутъ попользоваться ничѣмъ, ни однимъ болгарскимъ піастромъ, — мы не сербы...

Я опять повторяю, что говорю все это объ округахъ городовъ Шумлы, Варны, Разграда и Рушука; а въ какомъ положеніи Болгарія западная — объ этомъ въ своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Черезъ три часа по выѣздѣ изъ Шумлы, вдали показались черепичныя кровли большого села, съ зеленою чащей садовъ и грознымъ силуэтомъ Балкановъ надъ ними.

— Тутъ была наша послѣдняя столица! вздохнулъ болгаринь, указывая на это село.

Преславъ дѣйствительно стоитъ на мѣстѣ большого города

этого имени, вмѣстѣ съ Врацей или Рыльскомъ, какъ его называютъ нѣкоторые, сохранившаго дольше другихъ городовъ болгарскихъ свою самостоятельность. Преславъ палъ послѣднимъ и совершенно уничтоженъ завоевателями, и временемъ. Теперь это—богатое, хорошо обстроенное село, состоящее изъ трехъ околовъ, которые, по-здѣшнему, называются «махала»,—турская махала, цыганская махала и болгарская махала. Двадцать дворовъ цыганъ, живущихъ здѣсь осѣдло, сгруппировались вмѣстѣ надъ оврагомъ; голыя дѣти и безобразныя женщины выбѣгаютъ вамъ на встрѣчу, совершенно какъ у насъ на Руси. Цыгане здѣсь держатъ магаровъ (ословъ), торгуютъ конями, лѣчатъ ихъ и работаютъ въ кузницахъ. Есть въ окрестностяхъ и чисто-цыганскія деревни, таковы: Сахаръ-тепе, Джевелъ, Ченакли; здѣсь цыгане даже сами хлѣбъ сѣютъ и занимаются садоводствомъ. Турская махала въ Преславѣ состоитъ изъ 80 дворовъ весьма зажиточныхъ семей и болгарская — изъ двухсотъ. Крестыяне этого села очень богаты, хотя болгары, памятуя прежнее время турецкихъ каймакомовъ, и опасаются выказывать свою состоятельность. Такъ, когда продавались русскія лошади въ Шумлѣ, болгары изъ Преслава только стояли въ сторонѣ, не рѣшаясь приступить къ торгамъ. А потомъ проданныя туркамъ лошади всѣ очутились у болгаръ, которые, часъ спустя, надбавили туркамъ франковъ по двадцати или тридцати на голову и взяли у нихъ коней. Такимъ образомъ и кони остались у болгаръ, и начальство яко бы не узнало, что у нихъ водится «малко паричекъ» (немного деньжонокъ).

Бѣднымъ болгаринномъ здѣсь считаютъ того, который имѣетъ пять или десять барановъ, корову, лошадь или крупнаго осла, небольшую кышту (избу), садъ и достаточно погоновъ земли, чтобы прокормиться съ семьей. Обрабатываемая земля здѣсь составляетъ частную собственность каждаго владѣльца, и только луга состоятъ въ общинномъ владѣннн. Система хозяйства у всѣхъ—полевая обязательная: что сѣютъ всѣ—сѣете и вы. Иначе, напримѣръ, захотѣли вы сѣять ма-

мулю (кукурузу), когда всё посѣяли хлѣбъ, — хлѣбъ посѣвается раньше, его снимутъ и на поля пускаютъ скотину, чтобъ она объѣла оставшуюся солому, вмѣстѣ съ которой она выѣстъ и ваши посѣвы кукурузы.

Не зная, что здѣсь земля находится въ частномъ владѣннн и почему-то воображая, что всею владѣетъ султанъ, первоначальные администраторы Болгарнн задумали было передѣлить земли. Воображаю, какой бы это подняло кала-балыкъ (суматоху), какъ выражаются здѣсь и какое «главоболе» надѣлали бы эти административные инспровизаторы мѣстнымъ хозяевамъ!.. Кое-гдѣ въ деревняхъ стали уже, по совѣтамъ капитана Недзвѣцкаго унавоживать истощенныя поля; урожай ихъ съ перваго же раза оказался настолько громадный, что скоро система удобреннн войдетъ здѣсь въ общее употребленнн.

XVI.

ПЕРЕВАЛЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

Преславъ, 9 юля.

Было семь часовъ утра, когда зеленныя чащи Бунаръ-баира покрыли насъ своею прохладною тѣнью. Привыкнувъ къ необыкновеннымъ, какимъ-то деревяннымъ, сѣдламъ (иныхъ нельзя было достать въ Шумлѣ), мы бодро перебрались черезъ горную рѣчонку, злобно шипѣвшую на завалившнн ея каменья и вспѣнивавшуюся словно отъ безсильнаго гнѣва. Черепичныя кровли, фруктовые сады, бѣлыя стѣны Преслава остались позади. Еще немного — и зеленая чаща Бунаръ-баира отступила туда же, безжалостно оставивъ насъ на жертву солнцу, уже начинавшему жечь, несмотря на раннюю пору. Красивая окрестность съ ея безчисленными пажитями, маисовыми всходами, скошенными уже полями, на которыхъ всюду разсыпаны круглыя шапки волошскихъ орѣшниковъ, грушъ и акацнн, лазуревыя извивы рѣкъ, массивныя, грузныя

силуэты Малыхъ Балкановъ и едва намѣченныя вершины и плато Дели-Ормана — все это тонуло въ яркомъ освѣщеніи южнаго утра. Ужасно напоминало плодоноснѣйшія мѣстности Гуріи и Имаретіи... Тамъ также какъ и здѣсь чудныя долины обрамлены грандіозными вершинами, суровое величіе которыхъ умѣряется идилическими прелестями, картинъ развертывающихся у ихъ подножій...

Недвижно словно поникнувъ, стояли виноградники, ожидая малѣйшаго порыва вѣтра, чтобы перешепнуться и вздрогнуть съ низу до верху каждымъ своимъ листочкомъ. Чаши бреста, бука и граба замерли словно зачарованныя и только птицы, какъ бы на зло этому зною, этому рѣжущему глаза свѣту, тысячами голосовъ будили волшебный край...

— Видѣли вы гдѣ нибудь такую прелесть!... Обернулся ко мнѣ Доневъ... И это все теперь наше — наше не отъемлемое!... Болгарія никогда не забудетъ, чѣмъ она обязана русскому народу... Никогда имя русскаго не будетъ оскорблено здѣсь — никогда русскій не встрѣтитъ у насъ холоднаго пріема!...

— Да живѣе!... крикнулъ въ отвѣтъ ему Тодоръ, подбадривая конька, который сегодня какъ будто нарочно упирался, вовсе нежелая двигаться впередъ...

— Докле народъ живе!... Окончилъ уже онъ на землѣ, потому что упрямая лошадь добилась-таки своего — сбросила всадника на землю.

Все ближе и ближе Малые Балканы; изъ синихъ, однообразныхъ, силуэтовъ ихъ уже выдѣлились темныя тѣни лощинъ. Сѣроватыя скалы среди лѣсовъ, покрывшихъ горы съ низу до макушекъ, лѣсовъ, сдѣлавшихъ горы какими-то махровыми, въ этомъ удивительномъ освѣщеніи кажутся свѣтлолиловыми глыбами драгоцѣнной яшмы. Еще нѣсколько минутъ — и мы останавливаемъ коней, слѣзаемъ съ сѣделъ и бродимъ по жарѣ среди убогихъ развалинъ когда-то большаго и богатаго, Преслава.

Увы! нѣсколько огрызковъ стѣнъ, сварившійся цементъ которыхъ поборолъ самое время, щебень, гряды мусора и

двѣ-три колонны тамъ, гдѣ былъ храмъ — вотъ и все, что осталось отъ древняго величія этого города, послѣдняго, гдѣ еще хранились преданія Самуила и Крума, гдѣ болгарская свобода отстаивалась посреди поработаннаго княжества и лишившихся самостоятельности удѣловъ. Теперь развалины поднимаются среди обрабатываемыхъ полей. Покрикая на пару медлительныхъ буйволовъ, загорѣвшій на солнцѣ болгаринъ у самыхъ стѣнъ древней столицы взрываетъ землю раломъ, другой черезъ площадку священнаго храма проводить свои глубокія борозды. Кое-гдѣ остатки стараго фундамента острыми зубьями поднимаются среди кукурузнаго посѣва. Жалко все это,—ни величія, ни красоты,—одна дряхлая, безсильная старость...

Я обошелъ кругомъ: пять отдѣльно стоящихъ кусковъ стѣны, два на юго-востокъ, два на югъ и одна на сѣверо-востокъ—вотъ и все. Толщина ихъ отъ одного метра доходитъ до двухъ, высота нигдѣ не достигаетъ полныхъ четырехъ метровъ и самая большая длина—тринадцать метровъ. Стѣны построены изъ обыкновеннаго мѣстнаго камня; кое-гдѣ, вдоль нихъ, еще сохранились глубокіе рвы. Слѣды стѣны въ горахъ мусора замѣтны на пространствѣ 610 шаговъ въ длину и 415 въ ширину. Тутъ, видно, былъ кремль; внѣ его я наткнулся на слѣды церкви довольно большой (165 шаговъ длины и 112 ширины). Я говорю—церкви, потому что такъ называютъ это мѣсто здѣшніе жители. Самые дряхлые старожилы не помнятъ, когда начали здѣсь сѣять хлѣбъ: «всегда сѣяли»,—отвѣчаютъ они. Уже явились и легенды, созданныя видимо въ послѣднее время. Оказывается, что передъ самымъ приходомъ русскихъ—путники, проѣзжавшіе мимо этихъ развалинъ по ночамъ слышали въ воздухѣ бряцаніе мечей и пѣніе «тебѣ Бога хвалимъ», наканунѣ взятія Плевно — съ полуночи, надъ остатками храма, засвѣтился въ небесахъ большой осмиконечный крестъ... Здѣсь же болгарскому крестьянину Петко Златареву явилась тѣнь царя Шишмана, яко-бы сказавшая «Радуйся и веселись: Болгарія, днесъ снова возстани...» Несколько безгра-

мотный славянскій языкъ тѣни царя Шишмана доказываетъ только весьма ограниченныя въ этомъ отношеніи познанія шумлинскихъ учителей, у которыхъ воспитывался Златаревъ. Случайно, въ разное время, здѣсь были найдены капитаномъ Недзвецкимъ, первымъ, который далъ описаніе Преслава: плита изъ бѣлаго мрамора съ углубленіемъ по срединѣ, саркофагъ изъ извѣстковаго камня, двѣ колонны мраморныхъ и обломокъ такой же около, весь покрытый латинскими надписями. Изъ болгаръ Стойчо Дымовъ здѣсь же отыскалъ мѣдный крестъ, а Христо Петровъ—восемь бронзовыхъ и три серебряныхъ монеты. Многіе другіе находили, тоже въ разное время старые монеты, изъ коихъ были даже очень древнія, съ изображеніемъ... свиньи, — удивительная геральдика!... На мѣстѣ Преслава, прежде чѣмъ основался болгарскій городъ, стоялъ еще болѣе древній; но его имя и названіе населявшаго его народа никому уже неизвѣстны.

— Погодите, на мѣстѣ этомъ, можетъ-быть, выростетъ еще болѣе великій градъ! обратился ко мнѣ болгаринъ.

— Да вѣдь по близости Шумла, — зачѣмъ же расти новому?

— Шумень—градъ оскверненный.

— Чѣмъ это?

— Владычествомъ магометанскимъ. А тутъ будетъ чисто христіанскій. Шумень тоже былъ болгарскій прежде. Самое имя его происходитъ отъ слова шума—кусты. Вся гора около города покрыта этими кустами и до сихъ поръ.

Пока на мѣстѣ Преслава возникнетъ великій городъ, мы любовались его дивными окрестностями. Дорога идетъ отсюда прямо въ богазь (ущелье), по которому мы должны проникнуть въ Гирловское султанство... Ущелье это пробилъ себѣ рѣка Бююкъ-Камчикъ, которая въ тысячахъ извилинъ протекаетъ между отдѣльными горами Малыхъ Балканъ. Въ синевѣ неба словно застоялись черные орлы, а на скатахъ, потонувшія въ свѣту, мерещатся богатые деревни.

— Тутъ—лучшее въ Болгаріи вино. Въ Троицѣ и этихъ

деревняхъ растеть удивительный виноградъ,—бываютъ кисти въ 10 и даже 15 фунтовъ вѣсу.

Я широко раскрылъ глаза,—не смѣются ли надо мною. Оказалось—вѣрно. Таково свойство и богатство почвы. По скатамъ, обращеннымъ къ солнечному восходу, богатые табачныя плантаціи разводились при туркахъ; теперъ, впрочемъ, дѣло это брошено. Росъ здѣсь табакъ очень обильно, но самаго низкаго сорта, который на фабрики принимался по 3 галагана за фунтъ, а между тѣмъ со введеніемъ акцизной системы самому производителю пришлось платить за фунтъ семь галагановъ пошлинъ. Разумѣется, сейчасъ же бросили разводить плантаціи и оставили только посѣвъ для себя, потому что каждый хозяинъ имѣетъ право сѣять для собственного употребленія около десяти окъ табаку безпошлинно. Облагая табачные посѣвы акцизомъ, болгарскіе финансисты хотѣли, видите ли, поощрить фабричное производство, такъ какъ оно изъято отъ акциза или платитъ его мало. Но не все ли это равно, что обложить податью хлѣбныя посѣвы и освободить отъ всякихъ пошлинъ винокурение? Удивительная логика, право!

— Это не бѣда, впрочемъ,—замѣчаютъ болгары. — Какъ только центральное управленіе сдастъ свои дѣла, мы все измѣнимъ сообразно мѣстнымъ условіямъ.

Въ Карадемиръ, туда же, куда отправились мы, утромъ выступила изъ Преслава рота болгарскаго ополченія. Приказанія, въ виду усиливавшагося разбойничества и возстанія мусульманъ, даны ей были самыя неопредѣленныя. Не указано ни цѣли похода, ни пунктовъ, куда направиться. Потерявъ голову, ротный командиръ явился къ начальнику округа жаловаться.

— Куда мнѣ идти?

— Куда васъ послали.

— Да меня куда не послали, а сказали только— идите.

— Вы и пошли?

— Я и пошелъ.

Посмотрѣли въ глаза другъ другу.

— Ну, вы и идите, куда шли.

— Такъ я пойду въ Карадемиръ и тамъ стану.

— Ваше дѣло.

Двинулись въ Карадемиръ; только за однимъ остановка— два часа собирали солдатъ. Совсѣмъ не то, что творится у хорошихъ офицеровъ. Придутъ одни, смотришь— ушли другіе, а явились эти, такъ третьи отправились куда-нибудь въ гости. Били, били сборъ, наконецъ, плюнули и стали ждать. Упоминаю объ этомъ, чтобы яснѣе указать недостатки нынѣшняго болгарскаго солдата тамъ, гдѣ составъ дружинныхъ офицеровъ плохъ. Это — не дружинникъ военнаго времени обстрѣлявшійся въ бояхъ, дисциплинированный,—этотъ такъ себѣ, спустя рукава, смотритъ на свое дѣло. Потому что и въ людяхъ, стоящихъ выше его, онъ вовсе не видитъ ничего, чтобы дѣйствовало на него какъ примѣръ. Пошелъ въ солдаты потому, что взяли: сидѣть и торговать въ лавкѣ гораздо лучше, а совсѣмъ ничего не дѣлать и того прекраснѣе. Дисциплины, порядка онъ не понимаетъ,—органически не понимаетъ. Онъ никакъ не можетъ сообразить, зачѣмъ это всѣмъ двигаться въ одно и то же время и дѣлать быстрые переходы. Отъ Шумлы до Преслава всего двадцать верстъ, и то оказались отсталые, тогда какъ наши, наприм., войска дѣлали по 50 верстъ почти безъ отсталыхъ. Видъ болгарскихъ солдатъ превосходный—рослые, красивые; у насъ хотя въ гвардію записывай,—лицомъ въ грязь не ударятъ; тѣмъ не менѣе это вовсе не солдаты, а ополченцы. Я ни за, ни противъ этого. Я только сообщаю фактъ, а тамъ дѣлайте выводы, какіе угодно. Скажутъ: это—муниципальное войско. Нѣтъ, муниципальное—особъ статья. Городская и сельская стража—вотъ здѣшніе національ-гарды. Эти національ-гарды въ городахъ желаютъ мундира, а безъ мундира служить не соглашаются,—да и то, чтобы покрасивѣе было, больше позумента, краснаго и желтаго колеровъ. А между тѣмъ, по конституціи, какъ мундиры, такъ и ордена здѣсь упразднены.

— Дайте имъ фуражки съ золотымъ околышемъ и краснымъ верхомъ, посоветоваль кто-то.

Рѣшили дать, если національное собраніе разрѣшитъ.

Уйти съ караула національ-гарду куда-нибудь пить кофе—тоже дѣло обычное, а ночью бросить карауль и идти домой спать—ужь и Богъ велѣлъ.

— Какъ же вы ушли съ караула? добиваются отъ него.

— А развѣ мнѣ спать не надо?

Одинъ съ гауптвахты домой забрался.

— Вы бы могли здѣсь спать.

— Кровати и постельнаго бѣлья нѣтъ!

Наши только пожимаютъ плечами глядя на все это.

— Ахъ, вы буйволы, буйволы!.. иной выругается въ сласть.

Никакъ не могутъ бѣдные лавочники понять нашихъ взглядовъ на военную службу.

Разумѣется, все это на первыхъ порахъ.

Я говорю о составѣ офицеровъ. Чего же вы хотите отъ роты, находящейся подъ командой какого-то бурбона, самой несомнѣнной королевской крови... Такъ и смотреть сдаточнымъ добраго стараго времени. Въ то время, какъ остальные то и дѣло заботятся о солдатѣ—этотъ и ухомъ не ведеть, лишь бы самому было хорошо. А то и того еще лучше:

— Каковы ваши солдаты?

— Подлецъ на подлецѣ, скотъ на скотѣ.

— Ну, что вы.

— Помилуйте, да я только при помощи нагайки съ ними и разговариваю. Набьешь зубы — пойметъ, а не набьешь — только глазами отмаргивается. Тутъ безъ этого — никуда!..

Какая разница съ солдатами Сполать-Бога, Маслова, Чиляева и другихъ!.. Зато дѣйствительно въ этой ротѣ и солдаты соотвѣтствовали вполнѣ своему командиру. Не успѣли мы встать въ селѣ—какъ явилось нѣсколько турецкихъ бабъ съ жалобами: солдаты насъ обокрали.

Еще два поворота—и мы въѣзжаемъ въ прохладный богазъ. Зеленъ—направо и налѣво. Тропинка все время идетъ

рядомъ съ Бююкъ-Камчикомъ, который то гремитъ въ оврагахъ, то прорывается сквозь узкія гранитныя щели, то разливается на весь просторъ тамъ, гдѣ богазь ширится; здѣсь струи рѣки ярко блещутъ по дну, усыпанному мелкимъ камешкомъ; тамъ онѣ сплошь уходятъ въ тьму и только шумъ ихъ слышится внимательному въ этой пустынѣ уху... Налѣво—горный скатъ весь подъ солнцемъ. Деревья на свѣту—синія тѣни между ними. Направо—прохлада, покой, легкое колыханіе вѣтвей, пѣнье цикады и гремучая жалоба одинокаго ручья, падающаго сверху въ Бююкъ-Камчикъ. Несмотря на обиліе воды, вездѣ, гдѣ ключъ пробивается изъ горныхъ нѣдръ, непременно выложенъ тесанымъ камнемъ фонтанъ и холодная струя, падая въ бассейнъ, тихо, словно въ дремѣ, лепечетъ свою однообразную сказку буковымъ деревьямъ, обступившимъ ее отовсюду. Иногда внизу, тамъ, гдѣ стоятъ лужи, гдѣ чуть не въ ростъ человѣка жидкая грязь, лежатъ неподвижные буйволы, недоумѣло глядя на нашъ эскортъ. Разъ кабанъ опрометью бросился изъ сыраго ложа въ густую чашу, едва мелькнувъ передъ нами.

Не успѣли еще мы разстаться съ Бююкъ-Камчикомъ какъ на встрѣчу намъ—уральскій казакъ...

— Ты какъ сюда попалъ?

— Да что!.. Сталъ плакаться бѣднякъ. Послѣднее дѣло выходитъ. Такъ обиженъ, такъ обиженъ!..

— Что случилось.

— Помилуйте... Какъ это можно... Поставили меня мѣсяца три назадъ въ Акъ-дере. Стой—жди приказа!... Я и жду—а оказывается что нашихъ всѣхъ въ Россію обратили, а меня такъ и не оповѣщали!.. Я и остался на юру одинъ... Чтожъ это будетъ теперича... Совсѣмъ дѣло плохо!... Совсѣмъ не хорошо...

— Что-же ты думаешь дѣлать.

— До Шумлы доѣду, а тамъ по начальству.

— Да вѣдь никакого начальства не осталось.

— Ужли-жь всѣ ушли?

— Всѣ.

— Чтожь я теперь... Я никакъ на это несогласенъ... мнѣ сказали жди... Поколе мнѣ ждать, отцы родные, научите Христа ради...

— Я тебѣ дамъ билетъ на желѣзную дорогу до Варны, а оттуда ты найдешь русскихъ попутчиковъ до Одессы. Въ Одессѣ явисься.

— Вотъ спасибо!...

И бородатый уралецъ поскакалъ понаправленію къ Шумлѣ. Тутъ-то и начинаются истыя разбойныя мѣста.

При самыхъ неожиданныхъ поворотахъ дороги вдругъ наталкиваешься на скать совершенно голый: вырубилъ деревья, чтобы не мѣшали обстрѣлу. Вверху — родъ завала — наложили стволы, вѣтвей и земли. За нимъ сидѣли можетъ быть еще часъ назадъ, всѣ эти Мелеки, Юсуфы, Нури-беи и пострѣливами себѣ во всѣхъ проходившихъ и проѣзжавшихъ. Два или три такихъ «разбойныхъ мѣста» представляютъ для бандитовъ особенныя удобства: отвѣсъ въ низъ, узкій карнизъ тропинки и крутизна въ верхъ, а вверху заваль — тѣ же вырубленныя деревья по откосу. За заваломъ таились сес messieurs. Выстрѣлъ... и конь со всадникомъ—прямо внизъ, въ гремучія струи и на острые камни Бююкъ-Камчика. Мы поѣхали туда въ боевомъ порядкѣ: стражарь впереди съ магазинкой наготовѣ, стражарь позади—тоже. Но, увы, господа-разбойники были настолько любезны, что не хотѣли доставить храбрымъ стражарямъ случая, при первомъ выстрѣлѣ, обратиться въ постыдное бѣгство. Я думаю, что это непременно бы случилось, судя по опасливымъ взглядамъ, какіе кидали стражари направо, на эти предательскіе завалы. Я смѣялся отъ души, видя воинственныя приготовленія въ пунктахъ, по которымъ прошла уже какая ни на есть, но все таки рота. Недзвецкій — тотъ себѣ уѣхалъ въ сторону и видимо столько же думалъ о разбойникахъ, сколько о прошлогоднемъ дождѣ.

Меня интересовала дивная природа этой окраины, за то видъ

болгарь былъ по истинѣ воинственъ и величественъ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, чтобы сдѣлали братушки если бы передъ нами явился на поворотѣ тропинки неожиданно не гаданно Мелекъ, Юсуфъ или какой нибудь другой изъ этихъ отчаянныхъ оборванцевъ.

— Мы имъ посѣчемъ главы! торжественно изрекалъ единственно храбрый изъ стражарей, хаджи Петро, по происхожденію черногорець, расправляя черные усы во всю щеку.— Твардо хубово посѣчемъ главы...

— Сичкимъ посѣчемъ главы! подхватили за нимъ и остальные, но уже проѣхавъ опасное мѣсто.

Точно эти господа именно и ждутъ тутъ, чтобы доставить намъ столь невинное удовольствіе.

Въ теченіе послѣднихъ дней, на этой дорогѣ сдѣлано такимъ образомъ до двадцати семи убійствъ. Опасны какъ описанный мною пунктъ, такъ и мѣста, гдѣ путь уклонялся отъ береговъ Бююкъ-Камчика, углубляясь въ чашу. Тутъ вѣтки хлещутъ въ лицо, лошадь спотыкается о корни деревьевъ—узловатые, сѣрые, которые, словно змѣи, лежатъ на самой тропинкѣ. Путь при постоянныхъ извилинахъ видно только на пять-на десять шаговъ передъ собою.

Это единственная дорога въ султанство Гирловское; другой нѣтъ вовсе. На одномъ изъ поворотовъ богаза (ущелья) началось это оригинальное государство въ государствѣ. Первый гирловскій пастухъ, встрѣтившійся намъ, уже разомъ отличался воинственнымъ видомъ своимъ, неукротимымъ блескомъ глазъ и необычайно красивыми чертами лица, нисколько не напоминавшими ни турокъ Шумлинскаго округа, ни болгаръ придунайскихъ. Гирловское султанство состоитъ изъ сорока деревень чисто мусульманскихъ. На его окраинахъ какъ-то застряли три болгарскія деревни, но онѣ занимаютъ отдѣльную долину Реша и окружены почти со всѣхъ сторонъ магометанами. Эти три деревни прежде принадлежали къ Сливненскому округу и только теперь отнесены къ Гирловскому. Съ вершины послѣдней горы Малыхъ Балканъ, очень высокой Дервишъ-баира,

гдѣ стоитъ сторожевой домикъ, мы увидѣли подѣ собой почти все это султанство. Очаровательная, ни съ чѣмъ несравнимая картина! Подѣ вами — громадныя долины въ общей рамкѣ соединяющихся на востокѣ и западѣ хребтовъ Большихъ и Малыхъ Балканъ. Внутри — второстепенныя горы, образующія множество отдѣльныхъ котловинъ, въ каждой село, сады—и такъ на громадное пространство. Все это въ зелени, все это обито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Озеро гдѣ-то, точно клочокъ голубаго неба, такъ и улыбается среди горнаго пейзажа. Рѣки, будто серебряныя, вьются между холмами. Значительнѣе другихъ Бююкъ-Камчикъ выбѣгаетъ какъ разъ подѣ ногами внизу и клубится бѣлою пѣной вокругъ красноватыхъ утесовъ. Мы переѣзжали эту рѣчку двадцать два раза. Вода была лошадямъ кое-гдѣ по брюхо.

— Тутъ вотъ убили года три назадъ четырехъ инглизовъ.

— Какимъ образомъ! Встрепенулся я.

— Да они хотѣли непременно поѣхать къ гирловцамъ. Ихъ предупреждали не ѣхать, потому что гирловцы не любятъ христіанъ... Не послушались. Мы, говорили они, друзья туркамъ... Только этому русскому профессору удалось здѣсь побывать. Его не тронули.

— Почему же?

— А къ русскимъ передѣ войной турки очень расположены были...

Мы опустились съ горъ прямо въ первое, очень большое и богатое, гирловское село Кара-Демиръ, что значить черное желѣзо. Послѣ знойнаго дня ароматный и прохладный вечеръ въ тѣни высокихъ тополей и платановъ на открытой верандѣ мусульманскаго дома былъ полонъ нѣги и наслажденія. Скоро луна прорѣзалась между черными силуэтами высокихъ деревьевъ и южный соловей—буль-буль, какъ называютъ его здѣсь—громко запѣлъ свою поэтическую пѣсню...

XVII.

КАРА-ДЕМИРЪ.

Акь-Дере, 10 іюля.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ вокругъ Карадемира именно и прячутся разбойники и агитаторы, высылаемые сюда изъ Стамбула и Дели-Ормана. Послѣдніе не остаются у себя въ Дели-Орманѣ, потому что населеніе «сумасшедшаго лѣса», крайне нуждающееся въ покоѣ, теперь не особенно воспримчиво къ проповѣдямъ софты и пламеннымъ воззваніямъ ненавистниковъ Болгарскаго княжества. Въ Гирловѣ—иное дѣло. Никогда не видѣвшіе въ своей средѣ христіанъ, здѣшніе османлисы раздражены послѣднимъ событіемъ до крайности. Исполняя указанія свыше, они пока не подаютъ повода ни къ малѣйшимъ жалобамъ, но старательно укрываютъ разбойниковъ и агитаторовъ и дѣйствуютъ согласно ихъ требованіямъ. На Востокѣ вообще каждый турокъ — великій дипломатъ: разъ создалась идея вызвать болгаръ на неистовства, чтобы потомъ сослаться на правоту своего дѣла—и она выполняется тщательнѣйшимъ образомъ. Къ сожалѣнію для мусульманъ, болгары здѣсь не подаютъ никакого повода къ волненіямъ. Они пока тише воды, ниже травы,—совсѣмъ не то, что въ мѣстностяхъ, гдѣ болгаръ болѣе, чѣмъ турокъ. Вообще, рассказы о выходкахъ болгарскихъ стражарей и насиліяхъ христіанъ надъ магометанами, переданные мнѣ въ Варнѣ, вѣрны относительно другихъ округовъ, но совсѣмъ не подтверждаются въ Гирловѣ. Здѣсь, напротивъ, другая крайность: чувствуя себя безсильными, болгары держатся робко, слишкомъ робко... Это, впрочемъ, и видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Какъ только мы пріѣхали, начальство распорядилось произвести слѣдствіе. Дѣло въ томъ, что бандиты, въ числѣ шести человекъ, на дняхъ пріѣхали въ это село и наложили

на него дань въ семьсотъ турецкихъ лиръ—на общее дѣло Село, не смотря на то, что состоитъ изъ трехсотъ дворовъ и могло бы выгнать разбойниковъ, еслибы считало ихъ такими, сослалось только на свою бѣдность и изъявило желаніе внести менѣе—сколько удастся собрать. На первый разъ бандитамъ было вручено двадцать лиръ.

— Есть ли здѣсь стража?

— Есть.

— Сколько?

— Двѣнадцать человѣкъ.

— Какъ они расположены—вмѣстѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ вмѣстѣ;—по три человѣка, Они вооружены...

— Все ровно, убѣгутъ трусливые псы!...

Предводитель шайки смѣло отправляется съ однимъ изъ своихъ къ начальнику стражи, Вардану. Тотъ оторопѣлъ совсѣмъ, забылъ даже, что онъ самъ—двѣнадцать противъ шести, забылъ даже, что онъ носить знакъ отличія военнаго ордена, полученный за оборону Шибки въ августѣ 1878 г.

— Убирайся вонъ изъ села... Мы тебѣ зла не сдѣлаемъ только скорѣй уноси ноги...

Варданъ изъявилъ желаніе тотчасъ же подчиниться этому требованію и даже остановилъ одного араба-жандарма, который прицѣлился было въ бандита. Такимъ образомъ мусульманинъ, поступившій въ болгарскую стражу, оказался гораздо храбрѣе христіанъ-болгаръ.

Стражари ушли въ лѣсъ. Въ догонку бандитами нарочно, для вящаго устрашенія, было сдѣлано два выстрѣла. Вотъ какія курьезныя дѣла совершаются здѣсь!.. Варданъ очень наивно оправдывался потомъ: «Я растерялся... Не хотѣлъ проливать кровь... Я думалъ, что если начнутъ стрѣлять въ насъ, то переранятъ жителей деревни»...

Въ селѣ былъ сторонникъ новыхъ порядковъ, ходжа Беккиръ-Гассанъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые желаютъ примиренія съ княжествомъ. Это — сельскій учитель,

болѣе образованный и менѣе фанатикъ, чѣмъ остальные. Разбойники отправились къ нему и наложили только на него одного штрафъ, кажется, въ пятьдесятъ турецкихъ лиръ.

— Я—человѣкъ бѣдный. Гдѣ школьному учителю собрать столько...

— Если завтра не принесешь въ лѣсъ, туда-то,—будешь убитъ.

— Что дѣлать, взять негдѣ.

— И дѣти твои, и семья будутъ убиты тоже.

Ходжа Беккиръ зналъ, что въ такихъ случаяхъ бандиты всегда исполняютъ свои угрозы. Онъ сталъ тотчасъ-же собирать деньги и добылъ къ нашему приѣзду около десяти лиръ. Ужасно жаль было смотрѣть на этого крупнаго, сѣдаго турка, когда онъ по-дѣтски плакалъ передъ нами, вполне убѣжденный, что и его самага, и дѣтей его убьютъ... Еще бы! — бандиты сдерживаютъ свои обѣщанія; да и не на болгарскихъ же стражарей рассчитывать,—не на нихъ, бѣгущихъ и тогда, когда разбойниковъ въ половину менѣе. Въ самомъ дѣлѣ, даже положеніе тѣхъ, которые желаютъ быть спокойны и не трогаться, совсѣмъ не гарантировано,—не стража же защититъ ихъ отъ разбойниковъ. Положимъ, пришла рота болгарскаго ополченія; но, вѣдь, она уйдетъ черезъ день-два назадъ, а бандиты—тутъ, какъ тутъ. Я пришелъ къ убѣжденію, что настоящая сила въ этомъ округѣ—не стража и не власти княжества, а именно бандиты. И не думайте, чтобы стражари набирались такъ себѣ, изъ кого попало. Вотъ, на примѣръ, приставъ Варданъ: онъ получаетъ 3,500 франковъ въ годъ, что при мѣстной дешевизнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ 3,000 рублямъ; менѣе 100 франковъ въ мѣсяцъ не получаетъ и простой стражарь. Нужно было назначить сюда русскихъ унтеръ-офицеровъ, которымъ выходилъ безсрочный отпускъ. Многіе изъ нихъ, и притомъ лучшіе, искали этихъ мѣстъ и даже подавали просьбы о замѣщеніи ихъ, но вы знаете наши порядки: завелась переписка, а когда вышло разрѣшеніе, то оказалось, что русскіе уже все ушли,—никого нѣтъ. Такъ болгары и оста-

лись съ своими оффенбаховскими стражарями, всегда опаздывающими и всегда бѣгущими. Я не обвиняю болгаръ за это: дѣло новое, и когда-то еще убѣдится каждый изъ нихъ, что за отечество свое и костями лечь надо, когда это необходимо. А нашимъ російскимъ боевымъ солдатикамъ было бы куда какъ хорошо это жалованье. Для нихъ, впрочемъ, еще и увеличить его хотѣли. Они бы тутъ переженились и, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, молодое княжество было бы обезпечено отъ потрясеній мусульманскаго возстанія.

Какой крупный, рослый и красивый народъ здѣшніе турки! Энергическія лица, крѣпкія, жилистыя шеи на широкихъ плечахъ, высокія груди, красивыя и сильныя ноги и руки. И какая разница съ болгарамъ: въ то время, какъ эти теряются въ присутствіи начальства, раболѣпничаютъ даже (хотя и рѣдко), турокъ становится въ красивую позу и цѣлую ораторскую рѣчь произносить, жестикулируя и слушая самого себя... Передо мной смѣнился цѣлый рядъ ихъ, и всѣ одинаковы. Ни одинъ за словомъ въ карманъ не лѣзъ. Видимо свободный народъ, привыкшій думать и говорить.

Село точно вымерло. Пока мы здѣсь были, никто не показывался на его улицахъ. Женщины — въ поляхъ, на работѣ, а пришли домой — и точно ихъ не стало. Всѣ онѣ въ однообразныхъ черныхъ покрывалахъ и бѣлыхъ платкахъ, — совершенно траурныя фигуры. Встрѣчаясь съ мужчиной, онѣ набрасываютъ черный капишонъ на голову. Это исполняется всеми. Видимо, что духъ истаго мусульманства, пошатнувшійся въ остальныхъ мѣстахъ, здѣсь вкоренился болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Совершенно одинаковыми я видѣлъ этихъ турчанокъ всюду въ Гирловѣ: на поляхъ за работой, на дорогахъ, въ арбахъ, на улицахъ — та же некрасивая черная фигура, которую эти безобразныя покрывала и бѣлые платки дѣлаютъ неуклюжей. А работаютъ здѣшнія женщины изумительно — съ утра до ночи не складываютъ рукъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ родѣ Уйвена, женщина за полевая работы получаетъ на 30 проц. болѣе мужчины, потому что она дѣлаетъ вдвое.

Село обезлюдѣло еще и по другой причинѣ. Рябой мулла, ставшій передъ нами на корточки, откровенно объяснилъ ее намъ.

— Много народу ушло въ Мекку, никогда столько не ушло... Оно и понятно—несчастье народное. Нашъ султанъ проигралъ войну. Господь, вѣроятно, этого хотѣлъ. Кысметъ... (судьба). А противъ кысмета пока ничего не подѣлаешь... Аллахъ наказалъ султана въ лицѣ его народа... Такъ и всегда бывало.

— Теперь уже нѣтъ у васъ султана,—князь есть... замѣчаетъ кто-то.

Мулла повелъ на насъ глазами и понурился.

— Султанъ всегда былъ, есть и будетъ, пока исламъ былъ, есть и будетъ. Не станетъ ислама—и султана не будетъ. А исламъ будетъ, пока земля будетъ... Это нынче временное... Аллахъ наказываетъ насъ... Дай Богъ долготѣтя в а ш е м у молодому князю... Но онъ вѣдь править нами именемъ султана,—онъ поставленъ султаномъ. Онъ отъ султана и фирманъ получилъ, султанъ же и отнять его можетъ... А султанъ — всегда будетъ.

Турки отличаются большимъ равнодушіемъ къ деньгамъ. Мы платили за все очень щедро, но нашъ хозяинъ смотрѣлъ на пари (деньги) съ такимъ же видомъ, съ какимъ смотрятъ на булыжникъ, валяющійся у дороги. Принимаютъ они очень радушно и разомъ доставляютъ вамъ все, что только надо. Къ этому ихъ приучили турецкіе каймакамы, которые, являясь въ село, сейчасъ же забирали на себя и на всю свиту всевозможныхъ продуктовъ въ неимовѣрномъ количествѣ. Мулла пояснилъ даже, что ему и населенію страннымъ кажется, какъ это начальство платитъ деньги... На первыхъ порахъ они отказывались брать ихъ, но имъ разъяснили, что если не хотятъ себѣ, то пусть на свѣчи, въ мечеть... Турки удовольствовались этимъ объясненіемъ вполне. А въ одной изъ другихъ деревень только и удалось всучить парички (деньги) въ

руки малолѣтнимъ дѣтямъ хозяина, въ видѣ пешкеша... Какая громадная разница съ болгарами!..

Пока мы сидѣли въ Карадемирѣ, явилась сельская стража изъ болгарской деревни Шумлинскаго округа. Сельская стража сформирована чдѣсь для того, чтобы въ случаѣ возстанія, мусульманъ, населеніе не было беззащитнымъ. Молодежь, достигающая двадцати-лѣтняго возраста, также какъ и прочіе желающіе—обучаются стрѣльбѣ и другимъ военнымъ упражненіямъ. Имъ для этого розданы ружья Пибоди и Мартини, взятые у плѣнныхъ турокъ во время войны. Для снабженія ихъ патронами, устроены склады: дружинные—при каждой изъ пѣшихъ дружинъ и общіе—въ городахъ княжества: въ Софіи на 18.000 ружей, Плевно, Тырновѣ и Шумлѣ, въ каждомъ, на 10.000 ружей и въ Разградѣ на 24.000 ружей, всего на 72.000. Сверхъ того, тамъ, гдѣ нѣтъ общихъ складовъ, во всѣхъ дружинахъ, сверхъ 500 ружей неприкосновеннаго запаса, назначаютъ на первое время еще по 300 для населенія. Кромѣ розданныхъ населенію турецкихъ ружей, въ болгарскіе склады переданы еще винтовки Крнка съ соотвѣтствующимъ числомъ патроновъ. Теперь, напримѣръ, въ Разградѣ лежитъ до 35.000.000 патроновъ. Вообще, въ этомъ отношеніи мы оставили болгарамъ громадные запасы. Какія превосходныя батареи мы имъ сформировали! даже жаль становится, что не осталось у насъ всѣхъ этихъ отличныхъ орудій со всѣми ихъ принадлежностями.

ХVIII.

А К Ъ - Д Е Р Е .

Съ горы передъ Карадемиромъ—чудесный видъ. На сѣверѣ, силуэты Малыхъ Балкановъ уходятъ въ сумракъ быстро подступающей ночи. Гдѣ-то далеко, далеко въ вышинѣ, точно звѣзда въ небесахъ, сверкаетъ костеръ; сторожевые до-

мики, эски-джумскій и шумлинскій, тоже кажутся робко мигающими звѣздочками. Вѣрно стража разложила огонь... Уже и горь не видно, на которыхъ стоятъ они. Внизу—превосходно обработанныя долины. Нѣтъ клочка пустующей земли вплоть до Уйвена, мерещущагося на западѣ дымками своихъ домовъ и стройными тополями обступившей его со всѣхъ сторонъ зеленой чащи... На югѣ—громады Большихъ Балканъ. Эти, уже совсѣмъ посинѣли, словно не горы, а тучи поднимаются на горизонтѣ, скрывая въ своихъ нѣдрахъ грозы и бури. Вплоть до этихъ тучъ, до этихъ горъ, второстепенныя вершины—будто море подъ вѣтромъ гонить волны за волнами... Вонъ—рѣзкіе очерки Драгановскаго Балкана, еще болѣе сумрачный Айдось и далеко, на юго-востокѣ, тоже на второмъ планѣ, намѣчивается Котлинскій Балканъ; тамъ, на днѣ глубокой котловины, глубокой какъ бездна, городъ Котель или казанъ. Жители его—исключительно болгары, и во время турецкаго ига ни одинъ мусульманинъ не осмѣливался селиться между ними. Котлинцы отличались по всему Балканскому полуострову замѣчательною храбростію, и во время войны ни одна шайка баши-бузуковъ не дерзала сунуться туда...

Въ самомъ низу, подъ нами, садики... Чья-то пѣсня унылая, грустная, полная чисто восточной, безпредметной, тоски такъ и льется на весь просторъ изъ-за ограды домика, черепичная кровля котораго только краешкомъ выглядываетъ на свѣтъ Божій изъ чащи сливъ и грушъ... По дорожкамъ внизъ сходятъ черныя фигуры женщинъ, возвращающихся съ полей; медленно ступаютъ громогласные магары (ослы), позвякивая колокольчиками, и еще громогласнѣе скрипятъ на всю окрестность арба, сползающая по изрытому пути въ Карадемиръ.

Возвращаясь назадъ, я наткнулся на бивуакъ сельскаго болгарскаго ополченія. Вооруженные ополченцы смотрятъ довольно бодро и весело, хотя, когда я разговорился съ ними, оказалось, что на душѣ у нихъ не то. Помилуйте, на поляхъ

работа ждеть, наступило время, когда каждый день дорогъ, каждый часъ на счету, а ихъ гоняють съ мѣста на мѣсто, изъ одного «турскаго» села въ другое, противъ разбойниковъ, которые настолько не любезны, что не желаютъ хоть гдѣ-нибудь подождать ихъ и дать себя забрать живьемъ или разстрѣлять.

Утромъ уже, послѣ ночи, проведенной на верандѣ у одного ихтиара (старикъ, почтенный человѣкъ), мы двинулись по очаровательной мѣстности въ глубь султанства Гирловскаго. Деревни Чулха-Кіой, Юйлерь и другія, посѣщенные нами, — разбросаны среди райскаго сада, — таковы роскошныя, окружающія ихъ, долины. Во дворахъ уже вездѣ гоняють воловъ по золотистымъ снопамъ ячменя, замѣняя этимъ молотьбу. Отъ деревни къ деревнѣ выются опушенные вербами рѣчки. Дикій виноградъ заполонилъ всю растительность и висить тяжелыми зелеными сводами надъ узкою дорогой.

По дорогѣ къ одной изъ деревень — опять слѣды разбойниковъ. Къ приставу мѣстныхъ стражарей, Чаушъ-Панайоту, явился бандитъ, потребовалъ сначала угощенія и, удовольствовавшись, велѣлъ ему привести къ себѣ одного изъ односельчанъ, Абдуллу-ходжа.

Приставъ повиновался.

— Долженъ ты мнѣ четыреста грошей? спросилъ у Абдуллы бандитъ.

— Долженъ, да заплатить не могу.

— Какъ же тебѣ не стыдно... долженъ, а платить отказываешься? вступился уже оригинальный приставъ, считавшій своею обязанностью оказать содѣйствіе даже разбойнику.

— Сколько можешь отдать?

— Триста.

— Ну, давай — и чортъ съ тобой...

Бандитъ получилъ свои триста грошей и уѣхалъ съ миромъ, поблагодаривъ пристава за добрый пріемъ и начальственное содѣйствіе по взысканію долговъ.

Таковы оффенбаховскіе стражари молодого княжества.

Еще нѣсколько часовъ дороги. Въ одномъ «разбойномъ» пунктѣ опять сцена. Сельская стража караулитъ бандитовъ, но какъ?—Раздѣлась почти до нага и мирно, словно буйволы, войдя по шею въ воду, ловить сѣтью рыбу. Ружья лежатъ въ лѣсу, около дороги. Солнце жаритъ во всю. Очевидно, стражерей нестолько привлекаетъ будущая уха, сколько возможность спрятаться отъ жгучихъ лучей въ воду, подъ эти густые своды деревьевъ, подъ которыми рѣка кажется совсѣмъ черной!.. Мы отъ души позавидовали бдительнымъ часовымъ и, пожелавъ, чтобъ ихъ ружьями не воспользовались разбойники, отправились далѣе...

На одномъ изъ поворотовъ лежитъ себѣ на солнцѣ и спитъ поперегъ дороги болгаринъ. Лицо подставлено солнцу, грудь открыта...

— Эй, вставай!—кричатъ ему,—проѣхать нельзя...

Не двигается...

— Ишь, буйволъ!.. ругается хаджи Петро и ѣдетъ поднимать братушку не совсѣмъ вѣжливо.

Подѣхалъ—и оторопѣлъ... Зоветъ насъ...

Въ вискѣ—черная рана; цѣлая масса мухъ копошится тамъ и у оскаленнаго рта, поднимается роємъ съ неподвижнаго лица. Въ боку—ударъ, очевидно, ножемъ. Около черная лужа,—должно-быть кровь запеклась. Мухи толкутся надъ лужей, онѣ же облѣпили остеклѣвшіе глаза, которые съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ уперли свой не мигающій взглядъ въ это ослѣпительно сверкающее надъ ними небо... Видно, трупъ еще свѣжій,—воронье не почуяло. Но къ вечеру вороны глаза выключотъ, и бѣдняга уже не станетъ интересоваться такъ неотступно этими жемчужными облачками, что пробѣгаютъ высоко, высоко надъ Балканами, не кидая на нихъ ни одного клочка прохладной тѣни...

Оттащили трупъ въ сторону и поѣхали далѣе. Въ первомъ же селѣ Анъ-дере слѣды недавняго пребыванія бандитовъ.

— Здѣсь жгли ходжу Гассана? спрашиваетъ начальникъ округа.

— Здѣсь... отвѣчаетъ, выходя изъ встрѣчающей насъ толпы мусульманъ, мухтаръ (староста, по-болгарски—кметъ).

— Покажите намъ его.

Темная комната турецкаго дома,—темная потому, что все окно заслонила зелень густаго сада, которая точно хочетъ спрятаться отъ солнца въ этотъ прохладный уголокъ. Кто-то стонетъ здѣсь, и только, когда глаза привыкаютъ къ сумраку, мы различаемъ громаднаго турка, лежащаго на одѣялахъ. Ноги обвязаны тряпками, пропитанными масломъ, голова тоже.

— Должно-быть умру, — силы нѣтъ... отвѣчаетъ онъ на наше привѣтствіе.—Сколько дней мучусь, и все не лучше.

Въ другой комнатѣ, что рядомъ, за дверью, всхлипываютъ (тамъ оказывается гаремъ), — мать и жена несчастнаго. Милютка Сулейманъ вползъ въ комнату и таращитъ на насъ глаза, не понимая, чего ради это столько высокихъ особъ удостоили посѣщеніемъ его больнаго отца.

Мухтаръ рассказалъ весь этотъ случай.

Былъ вечеръ, шель дождь. Въ домъ къ ходжѣ постучались. Тотъ отворилъ и встрѣтилъ лицомъ къ лицу разбойника.

— Ну, ты долженъ дать столько-то и столько-то денегъ!

— У меня нѣтъ ничего.

— Врешь сабака!...

Бандитъ хлопнулъ въ ладоши. Вошли еще трое.

— Такъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Возьмите его! Снимите-ка съ него чулки.

Разули. Въ это время топился каминъ,—хозяйка варить что-то хотѣла. Злодѣи сунули ноги несчастнаго въ огонь. Заоралъ ходжа такъ, что по всей деревнѣ сквозь шумъ дождя и вѣтра стало слышно.

— Нѣтъ денегъ?

— Нѣтъ.

Подержали еще съ полминуты—не выдержаль.

— Есть, только дѣтскія, — для него берегъ... указаль Гассанъ на ребенка.

— Ну, какія тамъ дѣтскія!... Теперь будутъ султанскія.
Даль пять лиръ.

— Этого мало.

— Больше нѣтъ.

Бросили въ огонь металлическій казанокъ, а когда онъ накалился, взяли да и надѣли на голову хаджѣ. Тотъ потерялъ сознание отъ ужасной боли. Пришлось отдать до послѣдней копѣйки все, что было. Остался нищимъ.

— Отчего деревня не помогала?... Сколько было разбойниковъ?

— Четверо.

— Да вы ихъ палками могли убить, — вѣдь васъ чetyреста муштинъ здѣсь.

— Такъ-то такъ...

— Что-жь не вступились?

— Темно было... Дождь шелъ...

А видимое дѣло—причина не въ этомъ. Коли бы не сочувствовали разбойникамъ, вступились бы, разумѣется. Мусульмане—не такіе трусы, какъ болгары, и не стали бы церемониться... Такъ и не добились толку.

— Что тутъ подѣлаешь?! разводилъ руками начальникъ округа.

— Очевидно, ничего не добьешься...

Ходжа Гассанъ опять застоналъ... Мы вышли изъ его кешта на воздухъ...

Двинулись по жарѣ дальше... За двѣ версты синѣли Большіе Балканы... Сегодня мы должны перевалить черезъ нихъ, чтобы посѣтить Решъ, Байрамъ-дере и воротиться назадъ въ Шумлу черезъ Смедерево, другимъ уже путемъ.

По дорогѣ—опять обозъ. Арбы медленно скрипятъ, переваливаясь съ колеса на колесо.

— Здрасти, здрасти!...

Какой-то рослый турокъ суетъ мнѣ руку...

— Москва былъ, плѣну былъ... Урусъ — хорошъ... Расея—больно хорошъ...

Заболталъ что то по своему, изъ арбы выползъ старикъ—отецъ его. Подошелъ, хотѣлъ руку поцѣловать у меня,—едва отнялъ.

— Уйвень приходи, добри гость будешь... Сколько живешь рады будемъ. Москва сапоги давалъ, парички (деньги) давалъ, хлѣбъ давалъ, марушку давалъ.

Очевидно и сію послѣднюю подробность бывшій плѣнный тоже относилъ къ благодѣніямъ русскихъ властей.

Скоро мы перегнали обозъ. Скрипъ аробъ замеръ вдалькѣ... Передъ нами была рѣка, удивительно красиво разлившаяся по гладкому, какъ паркетъ, асфальтовому ложу... На тѣмно-сѣромъ аспидѣ золотистыми искрами сверкали струи, подъ щедрыми лучами солнца... Вверху, окаймленная лѣсною чащей, висѣла надъ нами громадная скала. Жутко подъ ней,—вотъ-вотъ сорвется,—тѣмъ болѣе, что весь путь заваленъ ея обломками.

Гдѣ-то, въ сторонѣ, гулкій выстрѣлъ. Еще и еще... Чу! загремѣла трескотня оживленной перепалки и разомъ стихла, какъ будто ея и не было, какъ будто вѣчный миръ и спокойствіе царятъ среди этой чудно-прекрасной пустыни мусульманскаго захолустья.

XIX.

РЫШЬ И БАЙРАМЪ-ДЕРЕ.

Дикій виноградъ цѣпляется по скаламъ, забираясь на самыя макушки ихъ, гдѣ въ разщелинахъ дикаго камня треплется всякая горная поросль... Плющъ обвилъ волошскіе орѣшники такъ, что изъ-подъ его зеленой массы совсѣмъ не видать старыхъ корявыхъ стволовъ. Акъ-дере давно осталось позади. У самыхъ горъ, взвѣзды на которыя уже заранѣе кружатъ голову, пріютилось село Тушица, село мусульманское хоть и съ болгарскимъ названіемъ. Красивый минаретъ его

скоро остался позади, заслоненный лѣсною чащей, которая въ свою очередь разступилась, чтобы пропустить красивую Бѣлую рѣчку. Кристальные струи ея быстро бѣгутъ по крутымъ склонамъ внизъ, оглашая своимъ поэтическимъ рокотомъ эту благоуханную глушь. Вся рѣчонка скользитъ по гранитному ложу, и, переѣзжая ее, мы каждый разъ осторожно придерживали лошадей. Несмотря на то, что кони были перекованы въ Акъ-дере, на этомъ скользкомъ гранитѣ легко было полетѣть вверхъ ногами. Кругомъ насъ тѣснились вершины Балканъ. Съ каждымъ получасомъ казалось, что они все ближе и ближе надвигались на усталыхъ путниковъ, точно хотѣли раздавить насъ подъ своими величавыми массами...

— Бѣда здѣсь!..

— А что?—спрашиваю у хаджи Василя,—развѣ разбойники есть?

— Хуже!.. Горные духи живутъ тутъ. Это передъ нами, вѣдь, Рышскій Балканъ.

— Ну?..

— Здѣсь *онъ* самъ и водится. Не дай Богъ ночью ѣхать,—въ пропасть сбросить: дунеть — и полетишь внизъ... А то, бываетъ, камнями раздавить сверху,—скидываетъ цѣлыя скалы,—особенно если у кого на умѣ нечистыя мысли. Тутъ, на самомъ Рышскомъ Балканѣ, турки пробовали селиться, да ничего не выходило: за день понастроятъ, а ночью *онъ* подыметъ вѣтеръ съ горъ,—ну, ничего и не останется... разнесетъ. Ужь они пробовали и христіанскихъ младенцевъ замуравывать,—нѣтъ, не помогло... Вонъ, видишь?

Я посмотрѣлъ по его указанію. На голубомъ фонѣ безоблачнаго неба гордо вырисовывалась голая вершина громадной горы и на ней, точно нарочно поставленный, утесъ правильной формы.

— Это его домъ, въ немъ и живетъ. Намъ скалой кажется, а кому удавалось прислушиваться, говорятъ, точно кто-то плачетъ тамъ внутри, стонетъ и рыдаетъ, а то — точно пѣсни поетъ. Это *онъ* дѣвушекъ, которыя покрасивѣе, беретъ туда къ себѣ.

Съ отцомъ, матерью, ѣдетъ *она* черезъ горы, а *онъ* подстережетъ, опрокинетъ стариковъ въ пропасть, а ее на лету подхватить... и съ собой.

Мы стали взбираться на вершину Рыскаго Балкана.

Дичь и глушь, словно никогда здѣсь не звучаль голосъ челоуѣка. Сначала путь лежалъ по берегу рѣки. Въ одномъ мѣстѣ лежавшіе въ сырой и прохладной котловинѣ кабаны бросились отъ насъ въ сторону и скоро исчезли въ чащѣ грабовъ, густо покрывшихъ боковые скаты... Хаджи Петро не выдержаль — бросился за ними, хотя впередъ можно было знать, что ему, на своей заморенной лошаденкѣ, не удастся нагнать даже буйвола, еслибъ этому благородному животному вздумалось хоть на минуту измѣнить медлительность своихъ движеній.

— Хорошо жить здѣшнимъ туркамъ...

— Что-жь, земля богата?

— Не одна земля, — скота сколько!.. Податей съ нихъ идетъ мало, ни въ какихъ расходахъ пока не участвуютъ. Тутъ такая земля, что хочешь сѣй—вырастетъ. Одинъ англичанинъ, давно это было, пробоваль здѣсь хлопокъ разводить...

— Ну?

— Отлично принялся. Кофе можетъ расти, хоть и не очень вкусный...

— Куда-жь этотъ англичанинъ дѣлся?

— Черкесы его убили.

— Развѣ они были здѣсь?

— А какже... Митхадъ-паша вездѣ ихъ расселилъ. И тутъ, около Рыскаго Балкана, былъ Черкесь-кюй...

Чѣмъ дальше мы подвигались въ горы, тѣмъ прохладнѣе становилось намъ. Уже часа четыре, какъ мы начали подъемъ, а конца ему еще и не предвидѣлось. Чащи все дремучѣе и дремучѣе обступали насъ, становилось все глуше и величавѣе. Скоро и словоохотливый ходжа Петро замолкъ и сталъ тревожно оглядываться по сторонамъ, точно въ сѣромъ маревѣ этихъ корявыхъ стволовъ онъ хотѣлъ различить смутныя очертанія горнаго духа.

Лѣсъ... Молчаливый горный лѣсъ... Только вверху синѣетъ небо... Тропинка едва замѣтна; во многихъ мѣстахъ ее перегородилъ буреломъ. Цѣлые столѣтніе великаны немощно лежали на землѣ, вырванные съ корнями, которые, какъ узловатыя чудовищныя лапы, простирались вверхъ, словно взывая о помощи, къ тучкамъ, изрѣдка проносившимся по голубому небу... Вонь — звѣриныя тропы: видимое дѣло, медвѣдь ходилъ, да можетъ-быть и въ эту самую минуту схоронился гдѣ нибудь за утесомъ и высматриваетъ насъ, неодобрительно помахивая своей мохнатою башкой вправо и влево. Вотъ, и въ самомъ дѣлѣ, впереди что-то зашуршало, и чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе и яснѣе... Теперь отчетливо слышенъ переборъ копытъ, — кто-то быстро спускается внизъ, а можетъ быть и не одинъ... Мы все пріостановились.

Стражари вскинули ружья и осмотрѣли.

Ходжа Петро вынесся впередъ и зорко глядитъ въ изгибъ тропинки: кто-то покажется на ней? Наше ожиданіе скоро было нарушено жалкою фигурой всадника, оборваннаго старика, едва державшагося на дряхлой, облысѣвшей лошади.

— Откуда?

Онъ сдѣлалъ селямъ.

— Рысь...

— Что, все тамъ благополучно?

— Нѣтъ, съ Айдоса пріѣзжали разбойники и двоихъ убили.

— Мусульманъ?

— Болгаръ. Дѣвушку увели съ собой, потомъ ее нашли зарѣзанной.

— Куда же они скрылись?

— На Уйвенъ взяли...

— Значить, они недалеко?

— Тутъ гдѣ-нибудь прячутся... Спѣшите доѣхать засвѣтло. Ночью, изъ-за какого-нибудь камня, они всѣхъ васъ перестрѣляютъ...

— Знать бы гдѣ они, арестовать бы ихъ можно...

Турокъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Ходжу Петро изъ-подъ своихъ сѣдыхъ бровей.

— Ты ихъ не убѣешь, а они тебя живьемъ возьмутъ какъ курицу.

— Жаль, что ты старъ,—бороду твою уважаю,—а то бы...

— Гдѣ же это видано, чтобы болгаринъ турка взялъ?

— Какъ же ты смѣешь говорить такъ,—развѣ не видишь, здѣсь начальство?...

— Чего же мнѣ бояться: я—старикъ, меня не тронуть... Ты съ молодыми схватывайся...

Турокъ взялъ стороной и, что-то ворча про себя, объѣхалъ насъ. Скоро стукъ копытъ его коня слился съ роко-томъ рѣчонки, точно ворочавшей камни внизу.

— Этотъ откровеннѣе другихъ, замѣтилъ Доневъ.

— Остальные думаютъ то же самое, только невысказываются...

Еще часъ утомительнаго пути. Горная тропинка сползла внизъ, какъ змѣя проскользнула по узкому ущелью и уперлась прямо въ отвѣсъ краснаго гранита. Ни щели, ни борозды на немъ,—точно отполировано. Только на верху, на самомъ гребнѣ, треплются чахлыя деревья... Кто-то попробовалъ взять стороной—и сползъ. Конь потерялъ подковы.

— Куда же теперь?

Поѣздили кругомъ, посмотрѣли. Тропинка оканчивалась здѣсь. Никакихъ слѣдовъ....

Вернулись назадъ и на-угадъ, взявъ направленіе на югъ, двинулись черезъ лѣсистый хребетъ, мрачно стоявшій передъ нами. Ужасно тяжелъ былъ этотъ путь. Только къ вечеру, когда стволы деревьевъ и ихъ вершины облило алымъ румянцемъ зари,—точно кровь проступила сквозь сѣрую кору ихъ,—передъ нами раскинулась зеленая долина съ извиристою рѣчонкой, казавшеюся при яркомъ блескѣ заходящаго солнца совсѣмъ рубиновой. Въ сторонѣ, за холмами, сѣрѣло что то.

— Это и есть Рышь, указалъ Тодоръ, бывшій тутъ ранѣе.

Только къ ночи мы добрались до этого села. Здѣсь болгары живутъ вмѣстѣ съ турками.

Замѣчательное дѣло: тамъ, гдѣ болгары поселились одни, и физиономія, и нравы у нихъ совершенно иные. Они гостеприимны, добродушны, привѣтливы. Неохотно берутъ деньги, когда вы имъ предлагаете ихъ, любятъ оказать вамъ услугу, сами вызываются на нее. За то нѣтъ ничего хуже болгаръ въ смѣшанныхъ селлахъ: здѣсь они жадны, замкнуты, молчаливы. Даже въ типѣ сказывается что-то иное: лица уродливыя, рябья; поступь робкая, крадущаяся; самыя фигуры сгорблены, грудь впала; женщины не показываются изъ своихъ кыштовъ (домовъ). Какое-то уныніе лежитъ на всемъ, что окружаетъ ихъ, и сами они производятъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Возьмите и поставьте рядомъ болгарина изъ Смедова, или Драгоева, и болгарина тоже изъ Рыша: это будутъ два совершенно различныхъ типа, точно представители двухъ народовъ, рѣшительно ничего не имѣющихъ общаго между собою. Въ другомъ уголкѣ Болгаріи если вы сопоставите, напримѣръ, жителей Казанлыка и Иметли, выйдетъ та же разница... Причины этого вырожденія расы въ смѣшанныхъ деревняхъ ясны: болгары тутъ были рабами. Красивѣйшихъ женщинъ, плодороднѣйшія поля, лучшіе сады, наиболѣе здоровыя мѣста для посѣва брали себѣ турки, не спрашивая согласія отцовъ и хозяевъ. Уродливыя женщины, трудно обрабатываемыя нивы, чахлые клочки земли подъ фруктовыя деревья и болота подъ поселки доставались болгарамъ. Понятно отсюда, въ какой именно типѣ могли сложиться эти несчастные. Въ Смедовѣ, Драгоевѣ и многихъ другихъ деревняхъ исключительно христіанскихъ—совсѣмъ иное дѣло. Тамъ болгары были хозяевами. И выродились они совсѣмъ въ иную—сильную, красивую и въ нравственномъ отношеніи симпатичную расу... Въ смѣшанныхъ деревняхъ болгаринъ—скаредъ, въ чисто же христіанскихъ—только бережливъ. Въ первыхъ каждый франкъ, доставшійся ему, онъ зарываетъ въ землю, а во вторыхъ—предпримчивость развита до того, что евреи, которымъ покровительствовалъ Митхадъ-паша, въ бытность свою валиемъ рушукскимъ, терпѣли крушеніе и банкротились, не выдерживая соперничества мѣст-

ныхъ хозяевъ. Въ первыхъ болгаринъ живетъ грязно: у него не домъ, а землянка; ставни замѣняютъ стекла, кровля едва-едва крыта соловой. Во вторыхъ — дома въ два этажа; окна весело блистаютъ на солнцѣ чистыми стеклами, кровли на два ската крыты тесомъ. У первыхъ внутри кышта ничего нѣтъ: спать, ѣдятъ и сидятъ на убитой трамбовкой землѣ. У вторыхъ чистые полы, кровати изъ Вѣны, безукоризненное бѣлье, мягкія тахты, массы ковровъ и подушекъ, на стѣнахъ картины, преимущественно изображающія плачевную судьбу императора Максимилиана, портретъ нашего Государя и борьбу болгаръ съ турками. У первыхъ нѣтъ школъ, да и добиться ихъ открытія трудно: иногда и деньги дадутъ а школы все нѣтъ. Вторые не ждутъ пособія отъ правительства, а сами строятъ каменные дома подъ училища, посылаютъ ходаковъ въ города нанимать учителей, даютъ имъ большія жалованья. Въ школу идутъ старъ и младъ. Эти два типа болгарскаго крестьянства вездѣ кидаются вамъ въ глаза со всѣми ихъ несходствами, со всѣми ихъ особенностями. Здѣсь именно разгадка тѣхъ противоположныхъ идей о болгарскомъ крестьянствѣ, которое поражаетъ въ разказахъ о странѣ.

Рышь, какъ я уже сказалъ, образецъ смѣшанной болгарской деревни.

Тутъ ни въ одинъ дворъ нельзя войти, чтобы васъ не обдало отвратительною вонью отъ буйволовъ. Всюду грязь, нечистота. Сады жалки, улицы тонуть въ какомъ-то противномъ мѣсивѣ. Сунулись было мы въ мусульманскій домъ,—насъ приняли крайне непривѣтливо. Замѣчательная черта при этомъ обнаружилась у болгаръ: Доневь и большая часть нашихъ спутниковъ—болгары; слѣдовало бы и принять ихъ болгарамъ. Нѣтъ, намъ отвели мусульманскій домъ, хозяйка котораго съ ругательствами и причитаніями стала выбираться вонъ изъ своей половины. Что мы ни спрашивали здѣсь, предлагая деньги, намъ ничего не давали. Совсѣмъ было не похоже на чисто-мусульманскія села — Карадемиръ, Акъ-дере. А тутъ еще во дворъ, гдѣ мы расположились подъ вѣтвистымъ грабомъ, вошли буйволы и разлеглись.

— Нѣтъ ли тутъ чистой избы?

— Есть очень хорошая одна... сумрачно отвѣчаетъ намъ мусульманинъ.

— Гдѣ же?

— А у мухтара.

— У болгарина?

— Да.

Мухтаръ или кметъ — то же, что у насъ староста. Оказывается, что кметъ, вмѣсто того чтобы дать намъ свою избу, отвелъ мусульманскую. Гостепріимство — не высокаго разбора.

Наконецъ, стало нестерпимо. Мы перебрались въ другой дворъ. По сосѣдству былъ кабакъ, откуда долго слышались пѣсни. Мы расположились опять-таки на дворѣ; слава Богу, хоть вони не было слышно. Темная ночь уже зажгла надъ нами свои безчисленныя звѣзды. На вершинѣ одной изъ Балканскихъ горъ горѣлъ костеръ; казалось, что онъ сверкаетъ тоже въ небесахъ, затерявшись среди звѣздъ. Было очень холодно, — Балканы давали себя знать, а войти въ избу не хотѣлось. Хозяева-болгары были такъ нелюбезны, что не пригласили насъ, самимъ же врываться туда не совѣмъ удобно. Холодно было даже конямъ, которые похрапывали и вздрагивали поминутно. Въ окнѣ кышта мелькалъ привѣтливо огонь: тамъ топили каминъ. На красномъ его фонѣ рѣзко различались черныя фигуры хозяевъ.

— Хотите послушать здѣшнюю музыку? кто-то склонился надо мною. Я уже засыпалъ, хотя и трудно было отъ холода.

— Пожалуй.

Позвали мѣстныхъ виртуозовъ.

Явились. Стали мы слушать. Все равно — заснуть не удастся, а пока чай сваримъ, замѣтилъ кто-то.

Оркестръ состоялъ изъ трехъ музыкантовъ и одного пѣвца. Слѣпой старикъ съ гайдой (волынкой), которая сначала хрипѣла, когда ее надували, и потомъ уже начинала оглашать балканскую долину своими рѣзкими звуками; молодой пастухъ съ коваломъ (трубой) и, наконецъ, юноша съ свирко (свирѣлью).

Дикіе, пронзительные звуки были къ лицу этой темной и холодной балканской ночи... Мы вслушивались въ нихъ, и вся эта жалкая и бѣдная жизнь горца воскресала передъ нами въ переливахъ тоскующей гайды, въ тихомъ и нѣжномъ напѣвѣ свирѣли, которую заглушалъ громкій, ревушій коваль...

— Хаджи Петро!.. ты не спи первую половину ночи, а Василь—вторую... распоряжается кто-то около.

— Отчего это? спрашиваю.

— Да тутъ Мелекъ со своею шайкой путается. Видите, какъ ночь темна,—могутъ по-одиночкѣ перерѣзать. Подкрасться не трудно...

И опять дикій напѣвъ; только въ него уже ворвался человѣческій голосъ, и поетъ онъ уныло, рыдая про какого-то панайота Пеко, который побилъ и посѣкъ не мало турецкихъ главъ и теперь гнѣтъ въ темницѣ у мусульманъ поганныхъ, на желѣзной цѣпи, въ желѣзномъ ошейникѣ. И тоскуетъ этотъ панайотъ Пеко, и ждетъ онъ — не дождется, когда встрепенутся болгары, разобьютъ крѣпкія стѣны его темницы и откроютъ его очамъ, потухшимъ въ ея тьмѣ, зеленя поля и свѣтлое небо родимой сторонки...

Моментъ тишины; только хрипитъ волынка, набираясь воздуха, да пофыркиваютъ кони. Гдѣ-то далеко, далеко, должно быть въ горахъ, прогремѣлъ выстрѣлъ...

— Боже, спаси христіанскую душу! говоритъ около меня Тодоръ и крестится.

— Охотники можетъ-быть...

— Нѣтъ, это они, разбойники... Кому придетъ въ голову охотиться въ такую темень...

Опять запѣла гайда, только печально, тихо, точно она боялась разбудить кого-то, ныла, ныла.... Присоединилась къ ней свирѣль, будто лѣсной ручеекъ слился съ тихою рѣкою. Поютъ онѣ обѣ какую-то прелюдію; молчитъ громкій коваль. Пѣвецъ наклонился и точно размышлялъ о чемъ-то; но вотъ и онъ поднялъ голову...

Отъ какъ ся е, мила моя майка ле, зора зазорила...
 Отъ тогасъ е, мила моя майка ле, войско провырвало,
 Конь до коня, мила моя майка ле, юнакъ до юнака;
 Сабн-ти имъ, мила моя майка ле, какъ то ясны слышцы,
 Огань святка, мила моя майка ле, предъ гора зелена,
 *Войвода имъ, мила моя майка ле, самъ царь Иванъ Шишманъ,
 Отговаря, мила моя майка ле самъ царь Иванъ Шишманъ
 Боже силни, мила моя майка ле, Боже сыздателю,
 Помогни ии, мила моя майка ле, сила и юнаштво!
 Бой щемъ да ся биемъ, мила моя майка ле, на Шуменско поле,
 Кривъ ще леимъ, мила моя майка ле, за Христово имя,
 Ще прославимъ, мила моя майка ле, христіанска вѣра.

Тихъ, печалень и въ то же время торжественъ былъ на-
 пѣвъ этихъ былинъ о царѣ Шишманѣ, который въ памяти бол-
 гаръ остался послѣднимъ славнымъ защитникомъ ихъ свободы.
 Тутъ жемнѣ раскали преданіе о битвѣ между селами Самоковымъ
 и Костенцомъ на мѣстѣ, которое турки теперь называютъ Са-
 феръ-Чешмеси-баиръ. Въ этомъ послѣднемъ, рѣшительномъ бою
 царь Шишманъ былъ раненъ семь разъ. Всего оригинальнѣе то
 что турки свято вѣрятъ, будто побѣдить Шишмана помогъ имъ
 св. Димитрій, почему они и чествуютъ въ окрестности Самокова
 его память. На могилу царя Шишмана, находящуюся среди раз-
 валинъ старинной крѣпости, они приходятъ каждую пятницу.
 Мѣсто это они называютъ Кейсимъ-эффенди, т. е. св. Димитрія.

Когда пѣвецъ окончилъ свою былину, гайда, свирко и ко-
 валь сыграли еще что-то и ушли. Осталась съ нами только одна
 черная и холодная балканская ночь. Въ ея тьмѣ слышались
 шаги сторожившаго насъ ходжи Петро, фигура котораго
 то пропадала вдаль, то выростала около моихъ ногъ, когда онъ
 подходилъ ко мнѣ. Ночью еще нѣсколько разъ я просыпался
 отъ пронзительнаго холода, но усталость брала свое. Утро за-
 стало насъ уже за костромъ; мы были насквозь мокры отъ гор-
 наго тумана, окутавшаго Рышъ такъ, что кыштъ нашего хо-
 зяина мы не могли различить въ этой мглѣ, а конь, стоявшій
 около меня, казался какою-то темною массой.

Первые лучи солнца разогнали туманъ.

Онъ долго еще цѣплялся сѣрыми тучками по утесамъ и лѣснымъ склонамъ Рышскаго Балкана, но къ восьми часамъ отъ всей этой мглы остались только два жемчужныхъ облачка, точно млѣвшихъ посреди голубаго, ослѣпительно-сверкавшаго неба...

Мы, впрочемъ, къ этому времени были уже на коняхъ и въѣзжали въ чисто мусульманское село Байрамъ-дере. По дорогѣ тѣ же черныя турчанки съ бѣлыми головами, тѣ же медлительные буйволы, стада барановъ и фигуры возчиковъ, уѣзжавшихъ въ окрестныя горы.

Въ Байрамъ-дере насъ уже ждали: мухтаръ впереди и позади его односельчане.

Доневъ по обязанности переговорилъ съ ними. Оказалось, что они просятъ открыть школу на ихъ счетъ.

— Вѣдь въ Рышѣ есть уже одна мусульманская школа, — зачѣмъ же вамъ еще?

— Какъ зачѣмъ?.. Теперь новые порядки пойдутъ: безграмотные люди совѣмъ будутъ послѣдними. Нужно учиться, а то дѣло дойдетъ до того, что болгары совѣмъ намъ на шею сядутъ, станутъ помыкать нами.

— Ну, а теперь болгары не обижаютъ васъ?

— Какъ они посмѣютъ!... горделиво отвѣчалъ мухтаръ, забывая видимо, что начальникъ округа — самъ болгаринъ.

Стремленіе къ образованію пробудилось у мусульманъ шумлинскихъ, делиорманскихъ и гирловскихъ съ большою настойчивостью. Они даже посылаютъ дѣтей въ школы Андрианополя и Стамбула, точно также какъ болгары своихъ—въ Прагу и въ Москву. Поняли, что при новомъ порядкѣ вещей въ образованіи—сила, и кто хочетъ быть на верху, долженъ прежде всего поучиться. Какъ все это противорѣчитъ понятію о мертвящемъ вліяніи Корана, о неподвижности мусульманскаго населенія... Впослѣдствіи мы еще не разъ убѣдимся въ ошибочности общепринятыхъ мнѣній. Мы еще дождемся возрожденія мусульманъ, въ которое я вѣрю потому, что знаю ихъ нѣсколько.

Центромъ возрожденія болгарскихъ мусульманъ, по моему мнѣнію, будетъ Гирлово. Въ этомъ султанствѣ—исключительно

густое магометанское населеніе. Оно очень богато и обладает предприимчивостью, которою не могут похвастаться даже мусульмане Варны. Въ деревняхъ здѣсь, весьма за малыми исключеніями, богатыя и хорошо устроенныя школы; муллы-учителя доставляются сюда изъ медресе Константинополя. Между образованнѣйшими турками, такъ называемой молодой партіи, очень много гирловскихъ уроженцевъ...

XX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ШУМЛУ.

Типъ мусульманскаго крестьянина здѣсь въ высшей степени симпатиченъ.

Я говорю не о городскихъ байгушахъ, не о туркахъ смѣшанныхъ деревень, т. е. не о той части населенія, которая выдѣляла изъ себя башибузуковъ и грабителей, а о земледѣльческомъ классѣ людей—въ высшей степени честныхъ, привѣтливыхъ, гостепримныхъ, умныхъ и работающихъ. Къ такимъ-то именно и принадлежатъ мусульмане гирловскихъ деревень. Всѣ они—рослые, стройные, ловкіе, красивые; тутъ старость только бѣлить голову и проводить морщины по лицу, не отнимая силъ. Даже оспа, этотъ бичъ мусульманъ, здѣсь безсильна. Мусульмане Гирлова такъ замкнуты, что этотъ отвратительный недугъ не забирается въ ихъ долины, не переносится сюда. Какъ и болгаринъ, живущій не въ смѣшанныхъ деревняхъ, такъ и мусульманинъ, изолированный отъ христіанъ, ничего не имѣетъ общаго съ тѣми растлѣнными образчиками славянъ и турокъ, по которымъ наши путешественники выводили слишкомъ поспѣшныя заключенія о населеніи страны. Страсть обобщать—настолько присуща русской интеллигенціи, что достаточно нашему корреспонденту или туристу быть обсчитаннымъ какимъ-нибудь ловкимъ проходимцемъ изъ болгаръ на цѣлковый, чтобы на сто написать всевозможныхъ попрековъ цѣлому народу. Поэтому и произведенія этого рода людей скорѣй напоми-

наютъ обвинительные акты, чѣмъ добросовѣстные описанія страны....

За Байрамъ-дере вплоть до самыхъ Балканъ вся мѣстность переполнена зелеными холмами и небольшими, но плодоносными долинами. По дну ихъ журчатъ ручьи, разливаясь порою въ маленькіе плесы, гдѣ только крики утокъ да всплескъ щуки, бьющей проворнымъ хвостомъ о кажущуюся неподвижную воду, нарушаютъ мертвое безмолвіе... Изрѣдка на этихъ плесахъ мелькнетъ челнокъ пріозернаго рыболова, выдолбленный изъ одного куска дерева... Совсѣмъ патриархальная жизнь и первобытные приемы....

Помню, вступили мы въ Добрельское ущелье, которымъ Дибичъ переходилъ Балканы. Въ свое время здѣсь были поставлены памятники, но отъ нихъ, разумѣется, не осталось и слѣдовъ... Фанатики разнесли ихъ по камню, а наши представители въ Турціи очень мало интересовались историческими и военными воспоминаніями. Были паши, которыя даже официально приказывали уничтожать всѣ слѣды пребыванія русскихъ въ странѣ... Одинъ (кажется, Гассанъ-паша) даже приказалъ сломать мосты, устроенные тогда нашими инженерами въ Придунайской Болгаріи.

Добрельское ущелье удивительно красиво. Зеленые склоны по сторонамъ смѣняются, порою, мрачными сѣрыми массами дикаго камня и грудями утесовъ, заваливающихъ своими обломками дно ущелья, такъ что ручей Бѣла-Вода совсѣмъ пропадаетъ въ нихъ, и только по шипѣнью его обозленныхъ струй догадываешься, что тамъ, далеко внизу, подъ скалами, бьются и пѣнятся онѣ, прорывась сквозь эту неожиданную преграду... Выбѣгая, Бѣлая-Вода течетъ зачастую по черному ложу асфальта, играя на немъ серебристыми искрами...

Капризно и извилисто это ущелье. Мы соскучились, все поворачивая направо да налево, а то и назадъ—тамъ, гдѣ дефилеи образовывали французскую букву S. Я въ Болгаріи знаю только рѣку Янтру, которая еще капризнѣе и еще извилистѣе этого ущелья. Обогнешь одну гору, съ низу до верху покры-

тую кудрявою зеленью, очень весело млѣющею въ солнечномъ блескѣ, глядишь — выдвигается другая, такой же правильной конической формы и такая же улыбающаяся, зеленая... Наконецъ, мы потеряли терпѣніе и ждали, скоро ли окончатся эти пейзажи. Если что примирило со всѣмъ этимъ утомленіемъ безлюднаго пути, такъ это горный воздухъ — чистый, переполненный ароматами позднихъ цвѣтовъ, свѣжестью воды, а порою и какимъ-то острымъ запахомъ, который ощущается отъ свѣже-раскаленнаго желѣза и еще гуще около рудниковъ... Тутъ несомнѣнно и кроются желѣзные руды; даже самыя имена урочищъ въ родѣ Кара-демиръ (черное желѣзо), указываютъ на это. Болгары знаютъ въ своихъ горахъ золотыя и серебряныя мѣсторожденія, но не говорили никому о нихъ до сихъ поръ, боясь, чтобы турецкое правительство не стало ихъ разрабатывать само, или не продало англичанамъ. Англичане и теперь совались къ нимъ, предлагая очень выгодныя условія, но болгары отказали имъ на-отрѣзъ. Точно также въ настоящее время турки скрываютъ извѣстныя имъ мѣсторожденія желѣза и золота, даже мѣди, тоже встрѣчающейся здѣсь, чтобы руды не достались болгарамъ, которые думаютъ сами эксплуатировать эту отрасль мѣстной производительности.

Послѣ утомительнаго четырехъ-часоваго переѣзда по Добрьельскому ущелью мы, наконецъ, выбрались изъ этого мѣсива горныхъ вершинъ, кудрявыхъ лѣсовъ, сѣрыхъ скалъ и ручьевъ, то вспѣнивавшихся подъ камнями, то падавшихъ сверху гремучими каскадами. Только они одни говорили въ этой безлюдной пустынѣ, только ихъ слушали мы среди ея дикаго величія... За то, когда раздвинулось ущелье, казалось, конца не было зеленому простору полей. Даже высокія плато Дели-Ормана не мѣшали взгляду... Слишкомъ смутны и неопредѣленны были ихъ очертанія, чтобы помѣшать глазу, не знавшему на чемъ остановиться здѣсь.

Отъ Байрамъ-дере опять начинаются къ сѣверу табачныя плантаціи — и вновь мы наталкиваемся на финансовую безурядицу. Табакъ сѣялся прежде по всѣмъ горнымъ долинамъ и да-

валь хорошій зароботокъ населенію, преимущественно же мусульманскому. Теперь долины эти стали совсѣмъ необработанными. Владѣльцы плантацій не возобновили посѣвовъ.

— Ушли въ Турцію? спрашиваю у Годора.

— Зачѣмъ уходить... Всѣ здѣсь, на своихъ мѣстахъ.

— Куда же они обратили свою дѣятельность?

— Да никуда, — ничего не дѣлаютъ. Видите: финансовое управленіе хотѣло поощрить фабричное производство насчетъ посѣвовъ и, облегчивъ первое, всю тяжесть палоговъ обратило на послѣдніе. Такимъ образомъ на око табаку, стоящее въ продажѣ три галагана, оно назначило пошлину въ семь галагановъ... Ну, разумѣется, стали сѣять только для себя... На продажу уже никто не рассчитываетъ. Такимъ образомъ я не ошибусь, если скажу, что каждый табаководъ средней руки потерялъ на этомъ болѣе двухсотъ франковъ въ годъ, а такъ какъ разведеніемъ табаку здѣсь занималось болѣе 12.800 человекъ, то общую потерю можно принять въ два милліона пятьсотъ шестьдесятъ тысячъ франковъ.

— Вы, кажется, преувеличиваете цифру,—этого быть не можетъ.

— У насъ и не то здѣсь дѣлалось. На нашей странѣ разные финансисты производили опыты и учились... Былъ здѣсь хорошій и умный дѣятель изъ русскихъ, профессоръ Иванюковъ; за то съ его отъѣздомъ такой «калалыкъ» (кавардакъ) пошелъ, что мы долго не оправимся отъ хозяйственнаго кризиса.

Это дѣйствительно такъ. Отмѣнить осуществившуюся мѣру не легко. Составлены инструкціи, созданы обложенія, заведена цѣлая система,—извольте-ка вынуть всю эту машину и вставить новую...

Рѣчонка Байрамъ-дере, она же у болгаръ Бѣлая-Вода, впадаетъ въ Буюкъ-Камчикъ. Я насчиталъ, что во время перевала черезъ Балканы по Добрельскому ущелью мы пересѣкали ее не менѣе восемнадцати разъ, къ вѣщшему отчаянію коней, которые подъ конецъ стали отказываться

переходить ее дно, усьянное мелкимъ камнемъ, и просто поворачивали назадъ.

Некрасивый до крайности болгарскій типъ въ Рышѣ такъ и остался за Малыми Балканами. Въ равнинахъ—опять крупныя чисто-христіанскія села, открытыя лица рослыхъ и сильныхъ молодцовъ, съ желѣзными мускулами, мало утомляющимися на неустанной работѣ... Черезъ полчаса послѣ того, какъ мы оставили назадъ Добрель-богазъ, передъ нами раскинулось громадное село Смедово, состоящее изъ четырехсотъ пятидесяти дворовъ съ прекрасно выстроенными, совсѣмъ по-городски, домами, причѣмъ нѣкоторыя выведены въ два этажа и хорошо оштукатурены снаружи. Богатство жителей такъ и бьетъ въ глаза, что объясняется отсутствіемъ турокъ. Это—чисто-христіанское сельбище, почему и типъ болгарскій здѣсь представляется чрезвычайно привлекательнымъ. Насколько Смедово больше сель, посѣщенныхъ нами, видно изъ того, что Рышѣ насчитываетъ только 120, а Байрамъ-даре 102 двора. Смедово и Драгоево здѣсь также, какъ и Самоводы близъ Тырнова—являются селами, какими, при благословенномъ климатѣ и почвѣ, были бы здѣсь всѣ, еслибы сожителство съ турками не портило ихъ жителей и не разрушало ихъ благосостоянія, точно также какъ Карадемиръ, Акъ-дере, Уйвень представляютъ тѣ же симпатичныя типы чисто-мусульманскихъ сель. Улицы Смедова широки и нѣкоторыя даже вымощены. Многіе дома прячутся за цвѣточными клумбами. Во всѣхъ окнахъ—стекла, землянокъ-мазанокъ нѣтъ совсѣмъ, изгороди—въ чистотѣ и порядкѣ. Лавки снабжены вывѣсками. Есть читалище—родъ кабинета для чтенія, есть «дружество»—сельскій клубъ, куда еженедѣльно собираются крестьяне и проводятъ вечера за толками о политикѣ, за спорами, чтеніемъ газетъ... На одно это село приходится три школы, около которыхъ находятся прекрасныя дома учителей. Церковь—хорошо выстроенная и съ домомъ для священника, который здѣсь оказался человѣкомъ очень образованнымъ, прекрасно знающимъ Россію и русскихъ. Все это благосостояніе

создано исключительно болгарами. Учителя, кончившіе курсъ въ Пражскомъ университетѣ, пошли не въ чиновники, а вернулись въ свое село и работаютъ тамъ, нисколько не помышляя о прелестяхъ административнаго величія и не увлекаясь фуражкой съ кокардой.

Здѣсь нѣтъ неимущихъ. Впрочемъ, ихъ нѣтъ и во всей странѣ. Если къ вамъ подходитъ кто-нибудь и проситъ милостыни, то это навѣрное турокъ. Если нужны средства къ жизни, стоитъ только выйти на улицу: богатые люди здѣсь не могутъ найти прислуги. Никто не идетъ въ услуженіе, кромѣ турецкихъ байгушей... Найти христіанскую служанку такъ трудно, что лучше обходиться силами собственной семьи. Болгары къ лакейскимъ должностямъ чувствуютъ искреннее отвращеніе, какими бы ливреями эти должности ни прикрывались. Поэтому даже въ большихъ городахъ Болгаріи вамъ подають обѣдать, метуть комнаты, стелють постели, моють полы, готовятъ на кухнѣ—жены и дочери богатыхъ купцовъ, чиновниковъ.

— Не хотятъ наши... Не идутъ служить... У каждаго земля и домъ есть. Нѣтъ земли, такъ торговать начнетъ чѣмъ-нибудь, а въ услуженіе не заманишь никого... Даже въ то время, когда бѣженцы и бѣженки изъ-за Балканъ умирали отъ голода, трудно было найти мало-мальски способныхъ людей для услуги. Не въ натурѣ болгарокъ это, да и не умѣють, еслибъ и хотѣли...

Мнѣ это нравится, хотя между нашими и находились господа, сокрушавшіеся надъ этимъ явленіемъ патріархальнаго быта и провидѣвшіе въ благородной гордости болгарина-работника только лѣнь и неприязнь къ русскимъ.

Насколько села болгарскія уже развиваются, видно изъ того, что въ Смедовѣ болгаринъ Филипповъ хочетъ издавать газету и завести для нея типографію. До сихъ поръ впрочемъ въ Болгаріи на 1,700,000 ея жителей устроено всего двѣнадцать типографій: въ Софіи 3, въ Русукѣ 2, въ Сивовѣ 1, въ Виддинѣ 1, въ Сливнѣ 1, въ Тырновѣ 2, въ

Варнѣ 1, въ Шумлѣ 1. Кстатѣ здѣсь будетъ сообщить и инныя свѣдѣнія. Въ Смедовѣ населеніе хлопочетъ устроить гимназію съ техническими классами, причемъ всѣ расходы по содержанію принимаетъ на себя. За однимъ пока остановка—нѣтъ учителей. Всѣ наличные разобраны, почему маломальски интеллигентную молодежь отправляютъ теперь въ Прагу доучиваться. Всѣхъ среднеучебныхъ заведеній теперь въ Болгаріи восемь, какъ это и видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

1) Лѣсковское духовное училище, завѣдуемое епископомъ Климентомъ, съ двумя классами, тремя преподавателями и 50 учениками.

2) Самоковское духовное училище, завѣдуемое митрополитомъ Ювеналіемъ, съ двумя классами, четырьмя преподавателями и 45 учениками.

3) Софійская классическая *) гимназія, завѣдуемая Г. С. Стаменовымъ, съ двумя классами, четырьмя преподавателями и 10 учениками (?!).

4) Габровская гимназія Н. Чернокожева съ двумя классами, пятью преподавателями и 120 учениками.

5) Ломъ-Паланкское реальное училище В. Атанасова съ двумя классами, тремя преподавателями и 80 учениками.

6) Рушукское реальное училище съ тремя классами, шестью преподавателями и 120 учениками.

7) Филиппопольское реальное училище Григорія Караджева съ тремя классами, шестью преподавателями и 180 учениками.

8) Сливненское реальное училище А. Козарова съ тремя классами, пятью преподавателями и 145 учениками.

Въ Смедовѣ мы застали населеніе взволнованнымъ. Въ дружествѣ шли горячіе толки о министерствѣ; крестьяне, принадлежащіе къ партіи патріотовъ—къ той, на сторонѣ которой стоятъ Словейково, Цанковъ, Каравеловъ, Стояновъ и другіе,

*) Классическія гимназіи, устроенныя по образцу русскихъ, теперь проектировано обратить въ реальныя. Цифры взяты за мѣсяць сентябрь 1879 г.

собирались подавать адресъ о замѣнѣ Бурмова, Балабанова, Грекова и Начевича другими—болѣе надежными людьми.

— Это партія чорбаджіевъ поднимаетъ голову... Слышалось всюду.

— Турецкое время настаетъ... Мы не вѣримъ имъ...

Недовольство слышалось по всюду—и въ кыштѣ смедовскаго поселянина, и въ дружествѣ, и въ школѣ...

Мы здѣсь остановились у богатаго болгарина, Филиппа Смалкова. Нижній этажъ его дома былъ занятъ лавками, а верхній—семьей. Въ верху большія комнаты были убраны пре красно для крестьянина. Вдоль стѣнъ шли диваны съ подушками, а въ одной изъ комнатъ стояла громадная вѣнская кровать, покрытая шелковымъ одѣяломъ. Бѣлье было безукоризненно. Вообще чистота поражала насъ.

Не успѣли мы расположиться, какъ предъ нами предсталъ соотечественникъ, какой-то топографъ... Пьянь, веселье и чортъ ему не братъ.

— Я немного того, господа... Но это ничего... Вы не стѣсняйтесь...

Мы промолчали.

— Пріятно встрѣтить русскаго... Чужая сторона... А пьянь я оттого, что никакъ невозможно здѣсь служить.

— Почему же это?

— А вотъ-съ почему. Я одинъ, у меня помощникъ...

— Значить—уже васъ двое.

— Хорошо-съ... Насъ двое. Ружья у меня нѣтъ, револьвера тоже не полагается. А разбойники по горамъ шляются?

— Да...

— Ну потому я и пьянь... Быть бычку на веречкѣ. Не сегодня, такъ завтра—башку долой, и не будетъ Петра Александрова на свѣтѣ... Потому я и пьянь.

— Зачѣмъ же они васъ рѣзать будутъ?

— Были примѣры. Подъ Османъ-базаромъ зарѣзали топографа, его жену и казаковъ, бывшихъ съ ними... Какъ только

я узналъ объ этомъ, сейчасъ же пить началъ... Одно средство!... Хотите ракинъ?

— Нѣтъ, благодаримъ.

— Ну, такъ вина... Братцы, что ужь... выпьемъ за упокой души моей!... Ужли же на васъ креста нѣтъ... для такого случая да не выпьете?

Положеніе этихъ топографовъ, оставленныхъ здѣсь для съемокъ, дѣйствительно ужасное. Конвоя и людей для переноски инструментовъ имъ не полагается. Дѣлай что хочешь, а работу изволь исполнять... Отговорокъ—накакихъ... Горы переполнены разбойниками, не щадящими христіанъ. Представьте же себѣ, въ какой обстановкѣ и съ какими ощущеніями должны работать эти труженики. По-неволѣ начнешь пить за упокой своей души...

Когда мы выѣхали изъ Смедова, было уже два часа. Солнце жгло во всю. Приходилось подвигаться впередъ по открытой мѣстности, гдѣ некуда было укрыться отъ его лучей. Мы пользовались всякимъ раскидистымъ деревомъ, чтобы въ тѣни его хотя нѣсколько минутъ отдохнуть отъ утомительнаго зноя... По сторонамъ, на пригоркахъ, мерещились богатые и большія болгарскія деревни... Маришево и Троица казались городами, только обиліе садовъ, да безчисленные стада кругомъ отличали эти деревни отъ нашихъ городовъ...

Наконецъ, чрезъ нѣсколько часовъ пути, вдали обрисовались мрачныя вершины Ильчевъ-баира, а еще, спустя два часа, мы уже въѣзжали на крутыя улицы Шумлы.

Вечеромъ, когда мѣсяцъ обливалъ весь этотъ мусульманскій городъ своимъ трепетнымъ свѣтомъ, во дворѣ нашего дома собрались у хозяевъ дѣвочки — воспитанницы мѣстной школы. Всѣ онѣ сѣли въ кружокъ и стали пѣть патріотическія пѣсни, написанныя въ послѣднее время Словейковымъ, Вазовымъ и другими болгарскими поэтами. Содержаніе этихъ наивныхъ рапсодій похоже было на наше севастопольское — «Ура! на трехъ ударимъ разомъ»... Такія же насмѣшки надъ англичанами и турками, такое же заблаговременное отпѣваніе всѣхъ

этихъ Османовъ, Абдуль-Керимовъ и Сулеймановъ-пашей. Громко звенящіе дѣвичьи голоса долго еще будили тишину этой теплой ночи... Мы уже спать легли, а онѣ все еще пѣли въ экстазѣ патріотическаго одушевленія...

Долины Гирлова и до сихъ поръ мерещутся мнѣ во всей ихъ первобытной прелести. Эти горы, покрытыя кудрявыми лѣсами, эти синія ущелья, эти ручьи, несущіеся по граниту, эти села, словно дремлющія въ прохладной тѣни густыхъ садовъ, эти мечети высоко выносящіяся вверхъ красивыми минаретами...

Когда взаимная вражда погаснетъ, когда здѣсь не будетъ ни турокъ, ни болгаръ, а только граждане свободной страны,— долины эти явятъ намъ примѣръ невиданнаго народнаго благосостоянія... Крики муэдзина съ высоты минаретовъ не будутъ уже клекотомъ хищной птицы, призывающимъ къ ненависти и раззоренію.. На прелестныхъ горныхъ тропинкахъ перестанутъ гремѣть выстрѣлы и поэтическія захоlustья Малыхъ Балканъ будутъ такъ же привлекать туристовъ, какъ теперь они привлекаютъ къ себѣ бандитовъ, ищущихъ въ политической идеѣ мусульманскаго возстанія оправданія своимъ разбоямъ, грабешамъ и убійствамъ.

XXI.

БОЛГАРСКОЕ МИНИСТЕРСТВО.

Трудно высказать, какъ тяжело было общее впечатлѣніе, когда здѣсь получили извѣстіе о томъ, что долго ожидаемое назначеніе министровъ состоялось. Молодой болгарскій князь, руководимый совѣтами нашихъ чиновниковъ и своего секретаря, болгарскаго консерватора, Стоилова, призвалъ къ управленію страной не интеллигенцію, имѣвшую на послѣднемъ народномъ собраніи такое преобладавшее вліяніе, не молодыя силы молодой страны, а людей крайне непопулярныхъ, даже

болѣе—ненавистныхъ странѣ. Сочувствуютъ имъ только чорбаджіи—эти рабы и шпионы турокъ, сопровители пашей, півьки народа, поклонники стараго режима, когда, опираясь на развратныхъ каймакамовъ, такъ легко было душить и грабить населеніе. Я уже вамъ телеграфировалъ объ этомъ назначеніи. Портфели предлагались Цанкову, Каравелову и другимъ главарямъ болгарской интеллигенціи, но не были приняты ими, потому что въ министерство хотѣли одновременно ввести консерваторовъ—Грекова и другихъ, очень нелюбимыхъ страною. Къ счастью, Цанковъ не хотѣлъ слиться съ этими господами. Отказа его и Каравелова только и ждали, чтобы создать исключительно репрессивное министерство изъ ненавистниковъ конституціи, изъ людей, мечтающихъ въ этой демократической странѣ создать служилое дворянство, несмотря на то, что во время Тырновскаго собранія народная воля по этому вопросу выражена была ясно и рѣшительно. Молодой князь сдѣлалъ шагъ очень рискованный.— Президентъ министровъ, министръ внутреннихъ дѣлъ—Бурмовъ, учившійся въ Кіевской духовной академіи, типъ нашего секретаря духовной консисторіи, оставшійся такимъ даже въ дипломатической школѣ константинопольской миссіи,—здѣсь не только не любимъ, но даже непонятенъ болгарамъ, съ его замашками неудавшагося богослова, съ его бюрократическими потугами, канцелярскими привычками узкаго формализма и административной мертвою рутинной. Нужно создать болгарскую администрацію исключительно изъ выборныхъ людей, чего требуютъ учрежденія страны; и кто же будетъ создавать ее?— Тотъ же Бурмовъ, неспособности котораго и отсутствію патріотизма удивлялся даже покойный князь Черкасскій.— Министръ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій—Балабановъ—отступникъ. Когда-то онъ принадлежалъ къ партіи либераловъ, но теперь, почувявъ, откуда дуетъ вѣтеръ, присталъ къ ретроградямъ и чорбаджіямъ. У послѣднихъ есть средства платить,—отчего же и не послужить имъ. Этоть—и нашимъ, и вашимъ. Изъ рьянаго чиновника (онъ былъ вѣдь губернаторомъ Тырнова при Домонтовичѣ) онъ сталъ вдругъ республикан-

цемъ, потомъ былъ конституціоналистомъ, но всегда и вездѣ, какъ и Бурмовъ, питалъ велию любовь къ бумажному дѣлопроизводству, которое находило и находить въ Балабановѣ самага горячаго поборника. Человѣкъ безъ принциповъ, готовый стать подъ всякое знамя, признать какого угодно вождя, поклонявшійся всю свою жизнь не идеаламъ, а идоламъ, — вотъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ. Военный министръ — нашъ русскій офицеръ генеральнаго штаба, Паренсовъ, единственно-талантливый и дѣятельный между министрами. Его называютъ самымъ юнымъ генераломъ, но молодость здѣсь служить залогомъ успѣха. Паренсовъ дѣятельно принялся за работу. Военные имъ очень довольны, и можно надѣяться, что онъ поставитъ молодыя дружины — какъ слѣдуетъ. Мы оставили въ болгарской арміи очень много никуда негодныхъ офицеровъ. Такіе, какъ Масловъ, Чилевъ, Сполать-богъ — блестящія исключенія. Паренсову удалось привлечь въ болгарскую армію тридцать лучшихъ русскихъ офицеровъ. Это — сила. Министръ юстиціи — бывшій румынскій адвокатъ, Грековъ, сторонникъ боярщины до мозга костей, представитель правосудія, — онъ славится произволомъ, доходящимъ до кулачной расправы... Онъ крайне непопуляренъ въ странѣ, — непопуляренъ до того, что одно имя его вызываетъ здѣсь уже улыбку недовѣрія. Это — говорунъ и въ то же время ничтожество, какъ дѣятель. Онъ — юристъ по образованію, но юристъ формальный, одинъ изъ тѣхъ, которые не желаютъ служить потребностямъ своей страны и своего народа, а напротивъ того, все ломаютъ ради торжества мертвой доктрины. Прокурорство въ румынскомъ городѣ Браиловѣ не подготовило его для работы въ княжествѣ, а всѣмъ извѣстная здѣсь лѣность и личный эгоизмъ этого министра — не особенно говорятъ въ пользу будущаго преуспѣванія юстиціи въ Болгаріи. Въ Румыніи существуетъ аристократія, такую же ему хочется создать и здѣсь — въ видѣ нотаблей — бояръ. Бывшій редакторъ официальной газеты «Марица», министръ финансовъ Начевичъ, получившій образованіе въ Парижѣ, — педантъ, впрочемъ,

здѣсь неизвѣстный почти никому. Его только знаютъ—какъ сторонника чорбаджіевъ, а это—плохая рекомендація въ молодой Болгаріи. Я полагаю, что финансовое дѣло онъ изучилъ, растративъ, благодаря своему неумѣнью и ограниченности, значительное состояніе въ Вѣнѣ на неудачныя предпріятія, въ которыхъ вовсе не проявился финансовый его геній...

Итакъ, ни одного популярнаго имени, ни одного любимаго народомъ и оказавшаго ему услуги человѣка... Я говорю, что этотъ выборъ—неудачный, а болгары прибавляютъ, что этотъ выборъ — зловѣщій. Разъ во главѣ правленія стали эти господа, народъ уже боится за свои учрежденія—это прекрасное созданіе его лучшихъ силъ. Уже и теперь толкуютъ, что октябрское народное собраніе въ Тырновѣ будетъ призвано только утвердить бюджетъ и больше ничѣмъ заниматься не станетъ. «Остальное мы и сами обдѣлаемъ», говорятъ болгарскіе министры. Удастся ли имъ это?

Еще одинъ признакъ — выборамъ такимъ радуются мусульмане. Плохой знакъ! У этихъ есть чутье. Они понимаютъ, что можетъ разложить, обезсилить страну. Это—враги, и ихъ удовольствіе проявляется только тогда, когда какая-нибудь бѣда грозитъ молодому княжеству. Боятся за печать, которая въ самое короткое время проявила здѣсь большую силу. Она стала знаменемъ, и знаменемъ популярнымъ. Ее слушаютъ, за нее держатся. Свободное слово дорого свободному человѣку, и болгарская печать до того приросла къ сердцу гражданина этой страны, что оторвать ее можно только съ его кровью. Боятся за печать потому, что знаютъ, какъ консерваторы ненавидятъ ее, потому что всѣ эти Грековы, Балабановы имѣютъ съ нею личные счеты. И это совершается тогда, когда смутное и хаотическое состояніе страны, еще наслаивающейся, организующейся, усиливается ожидаемымъ мусульманскимъ возстаніемъ, происками Австріи, подкопами чорбаджіевъ, — когда нужны всѣ силы и когда всѣ, кому дорого отечество, должны соединиться подъ популярнымъ знаменемъ для борьбы съ темными силами...

И какое же знамя, вмѣсто популярнаго, выставляютъ народу!... «Что значить это пренебреженіе къ указаніямъ народнаго собранія?» задаются всѣ и рѣшаютъ вопросъ въ смыслѣ весьма неблагопріятномъ для новаго кабинета. Отъ первыхъ мѣрь его будетъ зависѣть исходъ неминуемой борьбы.

Популярное министерство обставлено и оригинальными со-трудниками. Я уже говорилъ о господинѣ, утащившемъ 500 турецкихъ лиръ народныхъ денегъ, и вотъ онъ-то и призванъ къ участию въ управленіи страной, оно создаетъ должность для плевненскаго жителя, болгарина Златана.—того самаго Златана, который дружилъ съ турками и во время перваго занятія города малочисленнымъ русскимъ отрядомъ предлагалъ турецкому начальству арестовать этотъ отрядъ и пристрѣлить сорокъ казаковъ, его составлявшихъ. Этому прекрасному патріоту хотѣли дать еще прежде мѣсто начальника округа, да посовѣстились. А вотъ еще Матвѣй Поповичъ, болгаринъ, родомъ изъ Шумлы. Онъ неграмотенъ, умѣетъ подписывать, по словамъ здѣшнихъ жителей, только свое имя, и вдругъ... назначается начальникомъ таможенныхъ сборовъ вмѣсто умнаго и честнаго русскаго, одного изъ достойнѣйшихъ людей центрального управленія, г. Тухолки. За Матвѣемъ Поповичемъ есть только одно достоинство! онъ консерваторъ, а для нынѣшняго кабинета этого должно быть совершенно достаточно.

XXII.

МЕЖДУ ШУМЛОЮ И РУЩУКОМЪ.

Единственная желѣзная дорога княжества Болгарскаго, Руцукско-Варненская, прошла въ восемнадцати верстахъ отъ Шумлы, и только теперь богачи этого мусульманскаго города и владѣльцы земель въ его окрестностяхъ хлопчутъ о разрѣшеніи построить имъ рельсовый путь между станціей Шумла-Роадъ и городомъ. Главное препятствіе—въ администраціи желѣзной дороги, обставленной всевозможными приви-

легіями и контрактами. Она не прочь и сама выстроить соединительную вѣтвь на счетъ шумлинскихъ жителей, но послѣдніе весьма основательно расчитываютъ, что это обойдется имъ втрое дороже. Администрація поэтому не желаетъ предоставить постройку пути шумлинцамъ, а шумлинцы въ свою очередь вовсе не согласны бросить нѣсколько десятковъ милліоновъ франковъ въ бездонные карманы компаніи иностранцевъ, и безъ того грабящихъ страну... Для тѣхъ, которые пожелали бы посѣтить Болгарію, приведу цѣны этой дороги. Разумѣется, онѣ гораздо ниже русскихъ. Каково бы то ни было финансовое управленіе въ молодой странѣ, какъ бы ни жадничала компанія этого рельсоваго пути, но тарифъ за провозъ пассажировъ является для насъ баснословно дешевымъ. Между Варною и Рушукомъ платится за двѣнадцать или четырнадцать часовой путь въ первомъ классѣ—30 франковъ 25 сантимовъ, во второмъ—22 франка 40 сант., въ третьемъ—14 франковъ 60 сант. Всѣхъ станцій по этой линіи, на которыхъ останавливаются пассажирскіе поѣзда, десять: Варна, Гюмеджикъ, Правадія, Шумла-Роадъ, Шайтанджикъ, Ишиктаръ, Разградъ, Ветова, Червена-вода и Рушукъ.

Въ оригинальной компаніи привелось мнѣ совершить свой переѣздъ отъ Шумлы до желѣзной дороги. Съ нами ѣхалъ не кто иной, какъ кандидатъ на княжескую корону Болгаріи, претендентъ, удовольствовавшійся, впрочемъ, мѣстомъ полицейскаго пристава. Это нѣкто Волковъ — грузный, совсѣмъ обыкновенный, болгаринъ, необыкновенно самодовольный и гордый услугами, оказанными своей странѣ. Онъ, впрочемъ, самъ тотчасъ же посвятилъ меня во всѣ тайнства своихъ правъ на болгарскій престоль.

— Вы знаете, кто заставилъ Россію вмѣшаться въ эту войну?..

— Кто?

— Я!.. Ткнулъ онъ себя пальцемъ въ грудь.

— Какимъ же это образомъ?..

— Я написал въ Ежедневныхъ Новинахъ статью, что если Россія не вмѣшается, то Болгарія бросится въ объятія австрійскаго цезаря. Статья произвела переполохъ въ Петербургѣ, и война была объявлена... А знаете, кто первый поднялъ возстаніе въ Болгаріи...

— Вѣрно тоже вы?..

— Я!

— Какимъ же это образомъ?

— О, весьма просто!.. Когда передъ моими воротами вѣшали одного изъ нашихъ поповъ, я на другой день взявъ наше знамя, ночью пошелъ на Ильчевъ-баиръ, воздвигнулъ его, такъ что никто этого не видѣлъ, на скалу, господствующую надъ городомъ, и вернулся никѣмъ не замѣченный... Это такъ одушевило болгаръ, что вся страна поднялась, какъ одинъ человѣкъ.

— Да повстанцевъ-то было мало...

— За то каждый стоилъ десятерыхъ. А кто облегчилъ доступъ для русскихъ.

— Все вы же?

— А то какже?.. Я былъ переводчикомъ при генералѣ Самойловѣ и имѣю медаль на станиславской лентѣ.

— Я такого генерала и не знаю.

— О, это храбрый генералъ!...

Облагодѣтельствовавъ Болгарію, Волковъ, когда избирали болгарскаго князя, обратился сначала къ своимъ согражданамъ, а потомъ и въ тырновское національное собраніе — съ требованіемъ, чтобы корона княжества была возложена на его главу. Надъ Волковымъ, какъ и надъ Бибеску, посмѣялись. Тогда Волковъ сталъ довольно туманно доказывать, что онъ — потомокъ царя Шишмана, память о которомъ популярна здѣсь. Глупый Волковъ, разумѣется, не стоилъ бы упоминаній, еслибъ у него не явились послѣдователи, основывавшіеся на томъ, что, во-первыхъ, каждый гражданинъ Болгаріи можетъ быть избранъ ея княземъ, во-вторыхъ, княземъ долженъ быть никакъ не иностранецъ, а соотечественникъ; въ-третьихъ, рас-

ходъ въ 600.000 франковъ на князя и дополнительная ассигновка на содержаніе двора—слишкомъ тяжелы для маленькой страны, а Волковъ возьметъ меньше; въ-четвертыхъ, Волкова легко прогнать, потому что за спиной у него никто не стоитъ... Эти комики надѣлали очень много шума и, разумѣется, насмѣшили тырновское собраніе, доставивъ ему на нѣсколько часовъ увеселительный матеріаль.

Въ золотистой пыли, поднятой экипажами, проѣзжавшими впереди, едва замѣтно рисовались красивыя плато Дели-Ормана, придающія такой оригинальный видъ странѣ. На станціи въ Шумлѣ-Роадъ сидѣло уже нѣсколько человекъ, ожидавшихъ поѣзда, и между ними трое топографовъ, крайне взволнованныхъ. Оказалось, что и этимъ несчастнымъ приказано отправляться въ захолустья Дели-Орманскихъ лѣсовъ, кишмя-кишащихъ разбойниками, и производить тамъ съемку, при чемъ на конвой имъ и рассчитывать не велѣно... Русскіе ушли и конвоя для нихъ не оставили, а болгары своихъ стражарей не даютъ.

— Помилуйте, вчера опять двухъ топографовъ нашли зарѣзанными...

— Такъ вы не поѣзжайте.

— Никакъ этого нельзя.

— Да почему же нельзя?

— Начальство велѣло представить планы въ два мѣсяца...

И денегъ не оставили, и солдатъ не дали... Вотъ тутъ и отдувайся. Не исполнишь, тогда подь судъ или въ отставку... А тутъ—разбойники, зарѣжутъ, мы же всѣ лю ди семейные... Просто не знаемъ, что и дѣлать.

Я рассказалъ имъ о топографѣ, встрѣченномъ мною въ Смедовѣ.

— Мы всѣ въ такомъ положеніи... Нашъ штабъ ни о чемъ не думалъ... Напишите хоть вы,—пусть знаютъ въ Россіи, въ какихъ условіяхъ мы должны здѣсь работать. Помилуйте, нѣкому инструменты таскать: мы можемъ платить по два франка въ день,—столько полагається,—а тутъ и за четыре не най-

дешь охотника... Что здѣшнему жителю за охота идти подь ножь, когда онъ обезпечень: у него домъ, земля, садъ... Какой же дуракъ пойдетъ?..

Подошелъ поѣздъ изъ Варны. Мы заняли вагонъ втораго класса. Вмѣстѣ съ нами помѣстился антрепренеръ грекъ, Аргиропуло, и какія-то невозможныя... полудѣвицы въ фантастическихъ костюмахъ, рыжихъ громадныхъ шиньонахъ, съ бронзовыми браслетами и ожерельями, болѣе похожими на собачьи ошейники...

— Вы—русскій? обратился ко мнѣ Аргиропуло.

— Да...

— А я грекъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Русскіе и греки—друзья... Вы въ Русчукъ?... Скажите, много тамъ офицеровъ еще?

— Да дивизія есть и пробудеть недѣли двѣ...

— Неужели?! Значить, мои корреспонденты не обманули меня...

— А вамъ зачѣмъ?

— Везу артистокъ. Я въ Бургасѣ, Адрианоуполѣ, Варнѣ и другихъ мѣстахъ держалъ кафе-шантаны... У меня артистки перваго сорта... не то что у другихъ. Здѣсь вотъ какъ евреи дѣлали: соберутъ румынокъ и гречанокъ, выкрасятъ ихъ въ рыжій цвѣтъ и выдаютъ за французенокъ, а какія онѣ французенки?! Теперь вы то возьмите: выйдутъ онѣ пѣть, — ничего французскаго; а я иначе... Я и вино настоящее держалъ, могу сказать—не жалѣлъ издержекъ, и французенки-пѣвицы у меня настоящія были... и есть, и будутъ!.. — ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—потому что,—прибавилъ онъ немного погодя,—русскіе и греки—друзья.

— Гдѣ же вы набрали труппу?

— О, въ почтенныхъ семействахъ... Вотъ эта, видите — полная такая... Хороша?..

— Да, поспѣшилъ я согласиться.

— Она служила экономкой у французскаго консула въ

Смирнѣ. А эта вотъ худошавая, въ Константинополѣ у m-ше Lebon торговала въ Hôtel de S.-Petersbourg... Вы помните, если бывали, на Grande rue de Pera, противъ русскаго посольства?

— Какже, знаю.

— А вотъ видите ли—и третья: она поетъ плохо, за то у нея есть другіе таланты, которые очень нравятся господамъ офицерамъ... Они — истинные и щедрые цѣнители... Именно щедрые... Вы знаете, это армія джентльменовъ...

— Какіе же это таланты?

— Она кричитъ то пѣтухомъ, то курицей, то лаетъ собакой, то кошкой мяучить, а то по-птичьи начнетъ... Большіе таланты!... А вотъ тѣ двѣ танцуютъ въ характерныхъ костюмахъ... У меня съ собой двадцать мѣстъ одного гардероба... Я все за арміей...

Мой спутникъ оказался одной изъ тѣхъ гіенъ, которыя слѣдовали со дня заключенія мира за нашими войсками всюду, куда только эти не шли: изъ Санъ-Стефано въ Чатаджу, изъ Чатаджи въ Адрианополь, изъ Адрианополя въ Филиппополь, оттуда въ Софію, въ Тырново, въ Бургасъ, Русчукъ, Варну... За нашею арміей шла другая армія, состоявшая изъ такихъ именно прохвостовъ и грабившая первую разными утонченными способами — то посредствомъ дѣвицъ «перваго» сорта и съ самыми разнообразными талантами, то посредствомъ гнилыхъ товаровъ, поддѣльныхъ винъ, отвратительныхъ сигаръ и т. п. Вся экономія, оставшаяся въ члахъ офицерскихъ карманахъ послѣ войны, пошла въ бездонные карманы евреевъ, грековъ, армянъ, содержавшихъ кафе-шантаны. Цѣлые хоры арфистокъ (француженокъ и нѣмокъ) и музыкантовъ присоединились къ этой оравѣ гіенъ и шакаловъ. Кромѣ своей профессіи, какъ арфистокъ, эти француженки и нѣмки занимались еще и другою профессіей... Нѣмки систематически разоряли офицеровъ, не поддаваясь, повидимому, ихъ оболъщеньямъ... Изъ-за одной нѣмки, которую мнѣ показывали въ Варнѣ, застрѣлились двое офицеровъ и повѣсился интендант-

скій чиновникъ; изъ-за другой суду преданы двое безукоризненныхъ до тѣхъ поръ людей военной администраціи; изъ-за третьей бросилъ свою семью въ Россіи пылкій саперъ, доказавшій тѣмъ самымъ, что rien n'est sacré pour un sapeur!... Оно, впрочемъ, очень понятно. Поставьте себя въ положеніе людей, два года не бывавшихъ въ женскомъ обществѣ: понятно, что всякая интернаціональная гіена покажется чуть ли не идеаломъ женственности и красоты! Нѣмки, державшія себя «цирлихъ-манирлихъ» еще и того казались привлекательнѣе... Кому было въ домекъ, что подъ шелками и бархатами крылись ненасытные на всякую поживу крокодилы. А сколько офицеровъ переженилось на этихъ «триковыхъ» дѣвицахъ! Я называю ихъ «триковыми» потому, что многія выходили на сцену театра обтянутыя шелковымъ трико, отягощая этотъ костюмъ только крошечными бантиками на подходящихъ мѣстахъ... Рущукъ, какъ мнѣ говорили въ Шумлѣ, весь переполненъ теперь этой плотоядною стаей публичныхъ женщинъ всѣхъ мастей, всѣхъ калибровъ и всѣхъ національностей...

Рядомъ съ этими явленіями шли и другія. За арміей, къ стыду нашему, оставались и слезы, и муки... Многія изъ доврчивыхъ дѣвицъ оказались въ положеніи, считающемся здѣсь, въ этой патріархальной странѣ, крайне постыднымъ....

Не доѣзжая до Шатайнджика, я невольно заглядѣлся на чрезвычайно красивую рѣчонку, которая далеко извивалась по дну узкой трещины.. Точно струи текли по корридору... Небо оттуда должно казаться лентою, взгляды вездѣ встрѣчаль сѣрыя скалы, деревья, цѣпляющіяся за клочки земли, занесенной въ выбоины и щели этихъ утесовъ... Вообще мѣстность становится, по мѣрѣ приближенія къ Шайтанджику, все болѣе и болѣе дикой. Кое-гдѣ — посѣвы кукурузы, но чаще — голыя, сожженыя солнцемъ, поляны, сѣрые камни. Сквозь камень пробита и дорога. Изъ окна вагона направо и налево видны отвѣсы утесовъ, по которымъ, пользуясь зноемъ безоблачнаго дня, мелькаютъ и скользятъ ящерицы... Рѣдко-рѣдко, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, видна нива. Пшеница уже

снята и здѣсь только желтая солома, оставшаяся на полѣ, золотится подъ яркимъ солнцемъ. Такія окрестности идутъ и за Шайтанджикомъ. Только проѣхавъ деревню Ичикларъ взгляды отдыхаетъ опять на зелени густыхъ садовъ, на кудрявыхъ раинахъ рощъ, на кукурузныхъ поляхъ, едва клонившихъ, подъ легкимъ, дремотнымъ вѣтеркомъ, свои яркія поросли... Еще нѣсколько верстъ — и мы вступаемъ въ садъ Болгаріи. Что это за благословенныя небомъ долины, что за тучныя пажити!... Все растетъ здѣсь и рвется вонъ изъ мѣры. Сады тянутся на громадныя разстоянія, журчаніе воды слышно повсюду, сквозь яркую зелень виноградныхъ плантацій видны бѣло-мраморныя доски фонтантовъ, съ золотою арабскою мусульманскою надписи. Подъ густымъ покровомъ громадныхъ деревьевъ не видать черепичныхъ кровель и о селахъ догадываешься только по тому, что изъ облака ароматнаго сада то и дѣло выныриваетъ бѣлый минаретъ, играя на солнце своею коническою верхушкой, крытой, по мѣстному обычаю, бѣлою жестью... На дорожкахъ, прихотливо извивающихся по этому саду, встрѣчаются верховые въ пестрыхъ, часто алыхъ, расшитыхъ шнурками, курткахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Кони, на которыхъ сидятъ они, превосходные; гордо бьютъ они копытами въ мусульманскую землю, — мусульманскую потому, что болгарина здѣсь встрѣтить на рѣдкость, а если и попадется на пути, то робко сторонится и старается, чтобъ его не замѣтили... Это уже турецкая сторона — Дели-Орманъ. Здѣсь христіанину не совѣмъ удобно одному показываться, если только онъ не русскій, — русскихъ не трогаютъ пока. Убіенство въ этомъ раю земномъ — явленіе столь обычное, что убійца не ищутъ и не преслѣдуютъ, — все равно, не найдешь...

Разградъ остается тоже въ сторонѣ отъ рельсоваго пути... Въ этомъ городѣ громадныя склады оружія: однихъ патроновъ для ружей Крика сложено здѣсь болѣе тридцати пяти милліоновъ и сотни тысячъ гранатъ для болгарской артиллеріи, организованной изъ русскихъ орудій. Бѣжавшій со мною офицеръ, завѣдующій складомъ или, лучше, арсеналомъ въ Разградѣ,

сильно жаловался на болгарскую скупость. Десятки тысяч рублей нужны для сохраненія всей этой массы ружей, пушекъ, патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ, а ему софійское управленіе отпустило только три тысячи франковъ, — ну, и обращавайся съ ними какъ знаешь...

Разумѣется, ничего не подѣлаешь... Вообще они какъ-то апатично относятся къ этому дѣлу, да и не къ этому только. Мы оставили болгарамъ милліоновъ стоящіе госпитали со всеми приспособленіями, массами бѣлья, медикаментовъ, кроватей, и что же?—лица, сдававшія ихъ, едва добились, чтобы братушки приняли этотъ подарокъ, который при будущихъ усложненіяхъ очень и очень долженъ понадобится молодому княжеству. Къ кому ни обращались, никто не беретъ,—«на что намъ?... Чѣмъ все это разрѣшилось—не знаю; только въ первое время русскіе готовы были бросить все это на произволь судьбы...

XXIII.

ПОДЪ РУЩУКОМЪ.

Въ поляхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, не разгибая спины работали турчанки,—видимо и здѣсь на долю женщинъ досталась та же страда, что и у насъ... На станціяхъ между рабочими попадались негры, оставшіеся послѣ Гассанапаши. Эти обломки египетскихъ легионовъ не внушаютъ высокаго мнѣнія объ ихъ сотоварищахъ. На нихъ жалуется все окрестное населеніе, обворованное ими. Египтяне не отличали галилеянина отъ турка, черкеса отъ болгарина, драли со всѣхъ, кто попадался подъ руки. Около Разграда есть нѣсколько турецкихъ селъ, выжженныхъ и уничтоженныхъ этими выходцами изъ солнечной страны царственного Нила. Ими довольны развѣ дуэньи гаремныхъ отшельницъ, сторожихи разныхъ ханумъ, тоже вывезенныя изъ Египта невольницы. Но и такихъ осталось здѣсь очень мало. Дѣло въ томъ, что мусуль-

мане побогаче, не только беги, но и зажиточные мужики бросили все и ушли въ Стамбуль. Когда ихъ удерживали отъ выселенія, они только и отвѣчали болгарскимъ властямъ:

— Погодите, мы еще вернемся вмѣстѣ съ таборами падишаха.

Эта вѣра въ возвращеніе турокъ особенно сильна и между болгарами тамъ, гдѣ они живутъ среди турокъ; тамъ, гдѣ ихъ поселки будто вкраплены въ сплошномъ мусульманствѣ. Братушки не поцеремонились бы, забрали бы и дома, и имущество ушедшихъ отсюда турокъ, но они не осмѣливаются даже купить земли, продаваемой эмигрирующими.

— Какъ же я у тебя куплю?—начнется война, ты у меня и отнимешь, какъ вернешься.

Очень любимый болгарами мулла деревни Синакіой, ходжа Мустафа, уходя, наставлялъ ихъ:

— Какъ только услышите, что возвращаются турки, то бѣгите,—бѣгите, потому что, какъ только поднимется знамя ислама, ничто не спасетъ васъ отъ праведной мести оскорбленныхъ турокъ. Самъ султанъ не въ силахъ будетъ положить конецъ кровопролитію...

— Придутъ русскіе...

— Русскіе не придутъ больше: имъ инглизъ запретилъ. Кромѣ того, русскіе теперь въ дружбѣ съ султаномъ. Султанъ въ неисчерпаемомъ милосердіи своемъ подарилъ имъ Карсъ, они и довольны.

Болгары и трепещутъ.

Что за громадный урожай бываетъ здѣсь! Пшеница подь Разградомъ въ этомъ году родилась самъ-двадцать. Къ сожалѣнію, излишекъ потребностей мѣстнаго населенія вывозить пока некуда; да еслибъ и было куда, то загромажденная военными транспортами желѣзная дорога за это время вовсе не приняла бы грузовъ частныхъ отправителей.

На желѣзной дорогѣ здѣсь служитъ всевозможный сбродъ. Мнѣ показывали начальника станціи,—отставленнаго теперь,—это нѣкто мосье Жозефъ. Началь онъ свою карьеру на улицахъ

Марсея. Какъ онъ самъ выражается, «за благородные порывы оскорбленнаго сердца» просидѣлъ два года въ тулонской тюрьмѣ, послѣ чего долженъ былъ уѣхать въ Африку. Въ Цеутѣ училъ танцамъ и французскому языку въ немногихъ семьяхъ испанцевъ, служащихъ тамъ, потомъ попалъ на островъ Тенерифъ, гдѣ два года занимался винодѣліемъ. Съѣздивъ въ Америку, онъ принималъ участіе въ одной изъ безчисленныхъ войнъ между Урагваемъ и Парагваемъ; раненъ при Ласъ-Сакраменто; сдѣлалъ свою фортуна, сойдясь съ богатой креолкой въ Монтевидео; женился на ней, зажилъ бариномъ, потомъ влюбился въ простую француженку...

— Все шло прекрасно, какъ вдругъ моя жена, желая мнѣ отомстить, отравилась... Меня обвинили... я долженъ былъ бѣжать.

— Васъ обвинили, разумѣется, въ убійствѣ?

— Вы не знаете испанокъ: ради мести онѣ на все готовы.

Мосье Жозефъ бѣжалъ. Спустя годъ онъ торговалъ шляпами въ Гонолулу, на островахъ Сандвичевыхъ, былъ школьнымъ учителемъ въ Новой Каледоніи (не каторжникомъ ли?), содержалъ парикмахерскую въ Сингапурѣ, стосковался наконецъ по Европѣ и вернулся въ Парижъ уже сорокалѣтнимъ бродягой со всѣми инстинктами непосѣды и цыгана. Въ Парижѣ онъ женился:

— Въ четвертый разъ женился! наивно признается мосье Жозефъ.

Одна законная жена, видите ли, у него осталась въ Сингапурѣ, другая—въ Цеутѣ, третья на кладбищѣ Монтевидео.

Вкусивъ отъ семейнаго счастья мосье Жозефъ былъ приглашенъ служить въ компаніи Суэцкаго канала.

— На великолѣпнсе жалованье техникомъ.

— Да, вѣдь, вы же ничего не знаете?

— Изъ-за этого и заварилась каша...

М-г le directeur, видите, сразу его возненавидѣлъ и сталъ преслѣдовать... Куда было дѣваться Жозефу?—Изъ техниковъ его разжаловали чуть ли не въ десятники, а потомъ совсѣмъ

выгнали, и неугомонный Жозефъ попалъ поваромъ къ хедиву.

— О, это было прекрасное время: мало дѣло и много денегъ...

Тутъ его терпѣли годъ; но вдругъ у хедива пропадаетъ одна изъ его одалисокъ (не серебрянныя ли ложки?). Жозефъ не даетъ вамъ ясно понять, что онъ именно повиненъ въ этомъ, но только подмигиваетъ, лихо закручиваетъ усы и лукаво улыбается, — знай-де нашихъ.

Съ едва ли понятнымъ вамъ цинизмомъ Жозефъ повѣствуетъ, какъ онъ потомъ торговалъ нѣмками для путешественниковъ въ Аденѣ.

— Какія же это нѣмки?

— О, это честныя дѣвушки!

Я, разумѣется, выражаю изумленіе.

— Честныя дѣвушки, и всѣ имѣютъ жениховъ.

— Позвольте, да вѣдь...

— Ничего тутъ нѣтъ непонятнаго. Нѣмки крайне практичны: онѣ черезъ комиссіонеровъ заключаютъ сдѣлки съ содержателями увеселительныхъ заведеній для путешественниковъ въ портахъ Чернаго и Средиземнаго морей, ѣдутъ туда, работаютъ три-четыре года и возвращаются къ нѣжно любимымъ женихамъ съ приданымъ.

— А женихи?

— Они тоже не теряютъ времени. Во время отсутствія невѣсть разъѣзжаютъ по разнымъ странамъ съ товарами, какъ комми или какъ странствующие торговцы. Потомъ когда оба кончатъ гешефтъ, вступаютъ въ бракъ, покупаютъ землю и до конца дней своихъ пьютъ пиво и ѣдятъ картофель, наслаждаясь счастьемъ въ собственномъ домѣ. Француженки—тѣ гораздо испорченнѣе нѣмокъ.

— Это какъ же?

— Очень просто. Француженка забываетъ контрактъ, сейчасъ же сойдется съ кѣмъ-нибудь по любви, а нѣмка—ни за что... только за деньги. И хозяину, и ей выгодно.

Я только рѣками развелъ.

Прогорѣвъ въ Аденѣ, Жозефъ потомъ прогорѣлъ въ Александри, прогорѣлъ въ Смирнѣ, прогорѣлъ въ Константинополѣ.

— Что вы хотите, сама судьба противъ меня!...

Наконецъ, онъ поступилъ на Рущукско-Варненскую желѣзную дорогу, да слишкомъ ужъ неистово сталъ грабить грузоотправителей, за что и былъ изъятъ изъ обращенія. Теперь мосье Жозефъ держитъ кабакъ и говоритъ, что онъ служить доблестнойрусской арміи.

— Я оказалъ много услугъ. Я имѣлъ бы право на орденъ, но Богъ съ нимъ... Я не желаю, я доволенъ и тѣмъ, что былъ полезенъ великой русской арміи, — арміи джентльменовъ первой въ мірѣ послѣ французской.

Въ Адеджикѣ, одной изъ ближайшихъ станцій къ Рущуку, насъ окружила толпа турецкихъ дѣтей, продававшихъ холодную воду. Пестрая толпа выкрикивала на всѣ лады по-русски: вода, вода... хладна вода, студена вода!.. Пили прямо изъ горлышка глиняныхъ кувшиновъ. И дѣйствительно, среди этого палящаго жара великое наслажденіе доставляла она. На самой станціи жидъ изъ Бердичева держитъ буфетъ, при которомъ состоятъ, въ качествѣ приманки для офицеровъ, нѣсколько отвратительнѣйшихъ румынокъ, выкрашенныхъ до нелѣпости. При всякомъ приходѣ поѣзда эти граціи являются на платформу...

— Это очень умный еврей!... восхищался Жозефъ. — Онъ сдѣлалъ себѣ хорошее состояніе...

Въ буфетѣ грабежъ самый омерзительный, хуже чѣмъ было въ военное время. Я не хотѣлъ напиться воды у турецкихъ мальчугановъ и попросилъ стаканъ за буфетомъ. Мнѣ предупредительно подали мутную и стоялую жидкость. Выпилъ, поблагодарилъ и тороплюсь назадъ, бросивъ на буфетъ какую-то мелочь.

— Позвольте, гашпидинъ, такъ нельзя...

— Что такое?

— Съ васъ слѣдуетъ франкъ.

— За что это?

— За стаканъ. У насъ все равно—что стаканъ воды, что стаканъ чаю...

— Какъ же вамъ это не стыдно?

— Скоро все кончится... Послѣдніе дни здѣсь доживаемъ, — нужно наверстать.

Точно онъ несъ какія-нибудь потери.

Болгары, живущіе въ окрестностяхъ, крайне возмущены, что начальство разрѣшило буфетчику держать у себя румынокъ. Дѣйствительно, среди этого патриархальнаго быта, подобное явленіе кажется чуть ли не преступленіемъ, и здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ, отношенія коменданта и населенія были какъ-то странны.

XXIV.

РУЩУКЪ.

Станція—въ полутора верстахъ отъ города. Сплошная толпа народа окружила насъ, когда мы вышли изъ вагона. Арабаджи вырывали изъ рукъ багажъ, турки-носильщики, въ пестрыхъ курткахъ, взбрасывали на спину тяжелые чемоданы, какъ перышки, стараясь увѣрить путешественниковъ, что до города не стоитъ нанимать экипажа,—близко, рукой подать. Полуразвалившіяся лачуги, дома, разбитые гранатами журжевскихъ батарей, густыя чащи садовъ, подъ которыми изрѣдка мелькала бѣлая рубашка русскаго солдата... Оказалось, что здѣсь еще стоятъ два полка, послѣдніе изъ оставшихся въ Болгаріи. На дняхъ и они отправляются Дунаемъ въ Россію, и тогда этотъ шумный городъ сразу смолкнетъ, перепутанныя восточныя улицы его станутъ безлюдны и вдоль сѣрыхъ стѣнъ слѣпыхъ домовъ мусульманскаго квартала изрѣдка только промелькнетъ, словно тѣнь, завернувшись въ свою чадру, женщина... Теперь же пока все здѣсь кишмя кишитъ жизнью. То и дѣло черезъ городъ проходятъ казачьи сотни къ берегу,

гдѣ ихъ уже ждутъ баржи для посадки. Кавалерійскіе полки съ музыкой тихо тащатся туда же и слушать ее выбѣгаетъ все, что до сихъ поръ хоронилось въ прохладныхъ комнатахъ,—все, что упорно отплевывалось отъ гяуровъ, возмущенное ихъ временнымъ владычествомъ. Въ постоянное руцукскіе мусульмане не вѣрятъ, какъ и шумлинскіе.

«Аллахъ только испытываетъ свой народъ,—пояснялъ мнѣ одинъ мулла.—Пройдетъ года два или три, и онъ смиляется надъ нами. Тогда мы жестоко отплатимъ за все—за поруганіе нашихъ жилищъ, за посмѣяніе, за позоръ, который мы терпимъ каждый день, каждую минуту, видя рабовъ-болгаръ вооруженными, тогда какъ мы не смѣемъ даже ножа носить съ собою. Они дорого, дорого поплатятся,—гнѣвъ Аллаха справедливъ... Придетъ время, когда уже некому будетъ заступиться за нихъ. Они будутъ преданы намъ, какъ трава луговая косцамъ....»

И старый мулла, сжавъ кулакъ, вытянулъ жилистую сухую руку по направленію къ болгарской части города.

Вотъ и мирите тутъ двѣ эти національности, думалось мнѣ, когда я вспомнилъ при семъ удобномъ случаѣ сантиментальныя разсужденія нашихъ гуманистовъ. Справьтесь съ этой дѣйствительностью. Угроза не въ одномъ кулакѣ муллы,—угроза въ хмуромъ взглядѣ арабаджи, въ презрительномъ молчаніи этого кружка мусульманъ, что неподвижно сидятъ, поджавъ ноги, у фонтана, подъ тѣнью старыхъ деревьевъ, посаженныхъ тогда, когда еще все здѣсь безпрекословно покорствовало туркамъ и когда самая мысль о болгарской свободѣ и владычествѣ креста показалась бы дикой даже крайнимъ мечтателямъ. Въ Руцукѣ мусульмане даже и ждать не имѣютъ терпѣнія. Подъ городомъ—то и дѣло убійства. Жертвы—никогда мусульмане, а всегда болгары. Русскіе вполне безопасны;—солдаты ходятъ въ-одиночку по фортамъ и редутамъ, шляются по дорогамъ. Турки размѣниваются съ ними привѣтствіями и мирно отвѣчаютъ шутками на шутки. За то болгарину, вышедшему за городъ ночью, скверно. Мусульмане

до послѣдняго времени разсчитывали на то, что Болгарія останется за русскими; они были очень рады этому. Даже и Коранъ ничего не имѣеть противъ владычества побѣдителя.

«Во всякомъ случаѣ, между болгарами, греками и русскими не можетъ быть и выбора,—говорилъ мнѣ другой мулла мѣстной мечети.—Мы предпочитаемъ русскихъ. Они хотя и любятъ деньги, но справедливы,—насъ не давали въ обиду болгарамъ. Лавки, въ которыхъ торговали наши купцы, и до сихъ поръ за нами, дома и земли остались тоже въ нашей собственности».

Во время встрѣчи принца Баттенбергскаго мусульмане держали себя болѣе чѣмъ сдержанно,—они никакъ не ожидали нѣмецкаго принца.

«Зачѣмъ дали намъ нѣмца?—повторяютъ они.—Вѣдь нѣмцы не воевали съ султаномъ, вѣдь они не побѣдили насъ. Аллахъ отдалъ насъ въ руки русскихъ, и русскіе должны были править нами», слышалось въ первое время повсюду.

Длиныя улицы. Здѣсь онѣ болѣе всѣхъ другихъ городовъ Болгаріи напоминаютъ европейскія. Многія изъ нихъ прямы, широки и обстроены каменными домами съ окнами наружу. Есть дома въ три этажа, одинъ или два—въ четыре. Изобиліе трактировъ, ресторановъ, отелей—поразительное, и все это переполнено сверху до низу, такъ переполнено, что отыскать себѣ здѣсь уголокъ—задача весьма и весьма затруднительная. Мы заѣзжали во многіе изъ отелей. Нумера—грязныя конурки съ деревянною некрашеною кроватью, отвратительнымъ тюфякомъ, съ пятнами отъ раздавленныхъ клоповъ, такъ и отшибающіе зловоніемъ. Казалось, что въ этихъ логовищахъ порокъ и преступленіе вьютъ себѣ прочныя гнѣзда. Скверныя, разрумяненныя женщины, показывавшія намъ эти комнаты, поясняли, что онѣ отдаютъ ихъ недорого: получимперіаль или два въ день, но со всѣми удобствами. Послѣднее подчеркивалось, причемъ по тону голоса нельзя было ошибиться въ истинномъ значеніи этихъ удобствъ. Разумѣется хозяйки—пріѣзжія румынки. Наконецъ, шляясь такимъ

образомъ, попали мы въ одну изъ лучшихъ здѣсь гостинницъ—Исла-хане: въ домѣ—нумера; во дворѣ—нѣсколько чахлыхъ деревьевъ, гдѣ, впрочемъ, больше пыли, чѣмъ листьевъ; эстрада, на которой поютъ и играютъ ежедневно; столики съ неизбѣжными интендантами. Тутъ намъ показали отвратительный номеръ и запросили двадцать франковъ за день, по тогдашнему курсу—восемь рублей.

— Это дорого.

— Найдите дешевле, если можете,—спокойно отвѣчалъ невообразимо грязный лакей-румынъ, плюя въ потолокъ и принаравливаясь такъ, чтобы попасть въ середину, гдѣ былъ изображенъ какой-то амуръ съ распухшими бедрами.—Найдите дешевле!... Я бы совѣтовалъ взять эту.

Пошли дальше. Вотъ передъ нами каменный домъ надъ самымъ Дунаемъ, съ надписью Grand Hotel de Bucarecht. Грязная деревянная лѣстница съ расшатавшимися ступеньками ведетъ вверхъ. Пьяный хозяинъ, покачиваясь, оретъ:

— Чего вамъ надо?

— Комнату.

— Есть княжеская... Десять франковъ за кровать.

Княжеская комната вмѣщаетъ только деревянную настилку на отрубкахъ.

— Это и есть кровать?

— А вамъ чего же еще надо?

Смотримъ на стѣны, казавшіяся пестрыми, и только теперь замѣчаемъ, что онѣ сплошь усыпаны тараканами всѣхъ сортовъ, мокрицами, стоножками и міриадами другихъ насѣкомыхъ, которыя, пошевеливая усиками, выползали изъ своихъ убѣжищъ, точно спрашивая: «а ну-ка, кого намъ Богъ послалъ на съѣденіе?»

Разумѣется, мы—бѣгомъ отсюда въ Исла-хане и взяли за восемь рублей скверный номеръ. Въ утѣшеніе, румынъ сообщилъ намъ, что еще вчера стояли здѣсь два генерала, а дешевле капитановъ здѣсь и не было. Исла-хане стоитъ на обрывѣ дунайскаго берега. Тутъ есть что-то въ родѣ набережной съ перилами. Мы вышли туда. Внизу, на отмеляхъ, кишмя

кишать солдаты и казаки, готовые къ посадкѣ. Видъ сверху— очаровательный. Солнце щедро обливаетъ сквозь просвѣтъ тучъ своими знойными лучами только этотъ уголокъ оживленной картины. Вездѣ — груды навязанныхъ казаками узловъ сѣна, толпы донцовъ гомонять не смолкая,—точно стоишь надъ громаднымъ муравейникомъ. У самага берега двѣ чистенькія баржи словно замерли на тихихъ водахъ Дуная. Рѣка уже вся въ тѣни; въ тѣни и ея зеленые острова. Только на той сторонѣ рѣки бѣлый комочекъ Журжева съ его церквами и башней засвѣтился на солнцѣ, когда оно, измѣнивъ направление своихъ лучей, точно залило его золотомъ своего полуденнаго свѣта.

Садъ Исла-хане уже наполнился публикой. Все это—офицерство, которому смертельно надоѣла Болгарія; за всѣми столами одна и таже тема—возвращеніе на родину. Сокрушаются только интендансткіе чиновники. Читаются только-что полученныя письма и дѣлаются предположенія объ ожидаемыхъ встрѣчахъ. Позади, я вижу высящіяся надъ городомъ вершины горъ, грозные нѣкогда форты Левантъ-таби... Къ подножію этихъ горъ словно подползають пустынные мусульманскіе кварталы; большая часть домовъ тамъ оставлена ихъ владѣльцами, ожидающими въ Стамбулѣ и селахъ малоазіатскаго берега дня отмщенія, въ который непоколебимо вѣрять каждый мусульманинъ, какъ онъ вѣрять въ Аллаха и Магомета, его пророка...

— Мы не знаемъ, зачѣмъ они ушли отсюда,—недоумѣваютъ болгары,—мы ихъ не трогали.

— А они васъ во время войны?

— Были частные случаи притѣсненій, случались и казни, но вообще не приходилось особенно тяжело, благодаря вліянію остававшагося здѣсь преосвященнаго Климента и, главное, заступничеству итальянскаго консула де-Губернатиса. Если бы не они, случилось бы много несчастій.

Кстати этотъ де Губернатисъ, кажется, братъ Итальянскаго профессора, былъ истиннымъ благодѣтелемъ христіанскаго на-

селенія. Онъ стойко хранилъ его интересъ, заступался за притѣняемыхъ. Болгары вспоминають о немъ со слезами благодарности. Но такой консулъ былъ и единственнымъ—въ тоже время. Остальнымъ—ни до чего не было дѣла.

И здѣсь, какъ въ Шумлѣ, болгаръ часто выручали попойки пашей и парти-де-плезиръ, которые для нихъ устраивали зажиточные христіане. Разумѣется, все это отошло теперь въ область преданій. Грозные паши пугаютъ только дѣтей, а площади, на которыхъ висѣлица была обыкновеннымъ явленіемъ, теперь запружены толпами торговаго люда, продающаго и покупающаго все, что только можно себѣ представить. Есть цѣлыя улицы, цѣлыя площади, занятыя лавками. Кажется, со всей Румыніи и Болгаріи сбѣжались сюда легконогіе Меркуріи съ кипами всевозможныхъ товаровъ. Евреи изъ Галиціи, нѣмцы изъ Вѣны, далматинцы, сербы, наши одеситы—все это деретъ съ одного вола по семи шкуръ, все это обогащается съ невѣроятною быстротой. Кому война въ убытокъ, а этимъ отъ нея—только прибыль.

Мѣстные евреи, знаменитые шпаньолы, ведущіе свое происхожденіе отъ испанскихъ, тоже не теряють времени даромъ. Они захватили въ свои руки торговлю съѣстными припасами и другими предметами первой необходимости, стакнулись, подняли цѣны до невозможности и, напоследокъ, будто муха въ сентябрѣ, точно обозясь, запрашиваютъ за все уже не втридорога, а вдесятеро.

«Все равно, осталось немного... Послѣдніе дни торгуемъ»—оправдываются они, когда ихъ начинаютъ укорять въ жадности.

На этихъ площадяхъ, на этихъ улицахъ стоитъ гвалтъ съ утра до ночи. Толпы, словно волны, приливають и отливають, смѣняемыя новыми: одна пестрѣе, одна шумнѣе другой. Въ этомъ водоворотѣ совершенно тонуть мрачныя фигуры мусульманъ, молчаливыхъ и непріязненно глядящихъ на все ихъ окружающее.

За то взять немного въ сторону—и опять попадаемъ въ

безлюдныя и мертвыя улицы турецкаго квартала. Вечеромъ въ ихъ таинственной тишинѣ, окутанныя сумракомъ, робкія женщины встрѣчаются съ столь же робкими юношами. Любовь вспыхиваетъ въ нихъ, но вся хоронится въ сердцѣ, не обнаруживая себя ни словомъ, ни прикосновеніемъ; только изрѣдка взглядъ закутанной въ черное дѣвушки на одно мгновеніе останавливается на избранникѣ.

— Чохъ севіоремъ... (много люблю), шопотомъ говорить онъ ей.

— Бэнъ гессемъ... (мои глаза), еще тише отвѣчаетъ она.

И оба проходятъ, не останавливаясь, въ противоположныя стороны. Вѣтеръ безшумно колышетъ листву акацій, рядомъ сонная струя Дуная громко вздрагиваетъ на отмеляхъ у береговъ... А мѣсяць точно оторваться не можетъ отъ этихъ пустынныхъ улицъ, отъ этихъ бѣлыхъ минаретовъ, будто подносящихъ ему, этому поэтическому солнцу темной ночи, его серебристыя изображенія...

Мусульмане, оставшіеся здѣсь въ своемъ кварталѣ, чувствуютъ себя хозяевами вполнѣ. Они теперь совершенно оправились, хотя на первыхъ порахъ болгары, случалось, ихъ и обижали. Кстати, въ одной деревнѣ случился вотъ какой характерный эпизодъ. Явились стражари и потребовали ихтіаровъ (стариковъ). Ихтіары собрались поднесли болгарамъ угощеніе. Тѣ вызвали нѣсколько неприятныхъ имъ прежде турокъ и выдрали ихъ передъ ихтіарами; затѣмъ собрали по лирѣ съ каждаго богатаго и по пяти франковъ съ бѣднаго дома, потребовали сироту турчанку, росшую въ деревнѣ, и увезли съ собою и дѣвушку, и деньги. Потомъ уже оказалось, что деньги они спустили, а дѣвушку обратили въ православіе. Новообращенная, во время проѣзда какого-то русскаго офицера черезъ болгарскую деревню, бросилась къ нему съ жалобой, что она окрещена насильно и вовсе не желаетъ быть христіанкой. Офицеръ общалъ ей покровительство, взялъ ее съ собою въ Рушукъ, тамъ воспользовался, по слухамъ, беззащитнымъ положеніемъ молодого

созданія и затѣмъ, бросивъ ее на произволь судьбы, уѣхалъ въ Россію черезъ Румынію. «Кто же онъ, какъ зовутъ его?» спрашиваютъ дѣвушку. Та только головой мотаетъ: ни имя, ни фамилія этого господина ей не были извѣстны. Несчастная теперь беременна. Турки ее гонять и преслѣдуютъ, болгары надъ ней смѣются... Впрочемъ, это примѣръ далеко не единственный.—Много слезъ и страданій осталось позади!..

За то на главной улицѣ Рушука чуть не до утра кипитъ и бьется жизнь, а какая—это другой вопросъ. Когда весь этотъ мусульманскій городъ погружается въ безпросвѣтный мракъ и его кривыя улицы кажутся проложенными по какому-то кладбищу, между двумя рядами пустынныхъ и безмолвныхъ гробницъ,—здѣсь, на главной, почти въ каждомъ домѣ слышны звуки музыки: то цыгане изъ Румыніи, то австрійскіе бродячіе оркестры, то еврей-скрипачи раздражаютъ вашъ слухъ странными звуками, въ которыхъ есть все, кромѣ гармоніи. Въ садикахъ «отелей», на деревянныхъ эстрадахъ, украшенныхъ невозможными кулисами, порхаютъ обтянутыя въ трико пѣвицы и танцовщицы, уже нѣсколько извѣстныя нашимъ читателямъ по одному изъ прошлыхъ очерковъ, гдѣ я сообщалъ о своемъ лестномъ знакомствѣ съ почтеннымъ, грекомъ, содержателемъ именно такой труппы. Всѣ эти прелестныя гуріи Магометова рая еще недавно были прикащицами, швеями, экономками. Ихъ артистическіе таланты были вызваны войною; она же заставила ихъ продѣть ноги въ узкое трико, выкрасить карминомъ блѣдныя щеки и сообщила всѣмъ ихъ членамъ такой гальванической токъ, который заставляетъ несчастныхъ жрицъ Талии, Мельпомены и Терпсихоры исполнять какую-то пляску св. Витта. Офицерство, уже третій годъ оторванное отъ семей, не выдавшее въ это время женщины, готово было увлекаться Богъ знаетъ чѣмъ, и были даже примѣры, что какой-нибудь добрый человѣкъ изъ недавнихъ героевъ пускалъ себѣ пулю въ лобъ, въ отчаяніи отъ холодности и непреклонности подобныхъ гурій... Изъ всѣхъ этихъ увеселительныхъ мѣстъ лучшее Исла-хане. Тутъ между про-

чимъ подвизается какая-то кишиневская еврейка, съ акцентомъ исполняющая русскіе романсы, но, Боже мой, какъ исполняющая... Тутъ же поетъ какая-то m-Ne Blanche—несомнѣнно, почтенная мать семейства, болѣе имѣющая призваніе къ кулинарному искусству, чѣмъ къ сценѣ... На меня это производило отвратительное впечатлѣніе, но я былъ недавно изъ Россіи... Офицерство же, напротивъ, сыпало полуимперіалами и восторгалось.

На другой день послѣ своего пріѣзда въ Русцукъ я побывалъ у нѣсколькихъ болгаръ, съ которыми познакомился еще во время военныхъ дѣйствій. Въ семьяхъ ихъ приходилось отдыхать отъ всего этого показнаго разврата, нагло слѣдовавшаго за арміей. Болгары нарочно замкнулись на это время, будучи не въ силахъ препятствовать всему, что творилось на ихъ глазахъ. Такъ, напримѣръ, въ Русцукъ изъ Румыніи и Австріи выписано было предпримчивыми евреями болѣе пятисотъ публичныхъ женщинъ. Въ прежнее время въ болгарскомъ городѣ не посмѣла бы явиться и одна. Въ Тырновѣ во время стоянки войскъ было то же самое, но какъ только послѣдняя русская рота ушла отсюда, несчастныя жертвы нашего темперамента немедленно были съ позоромъ изгнаны изъ города, и самые дома, гдѣ онѣ помѣщались, остались незанятыми и пустуютъ. Болгарскія женщины были вообще возмущены нашими нравами и, главное, легкостію отношеній, завязывавшихся между обоими полами во время войны. Разумѣется, и изъ ихъ числа попадались исключенія. Въ Софіи, напримѣръ, развратъ проникъ въ самыя семьи болгаръ, но это исключеніе.

Типъ болгарской женщины въ высшей степени симпатиченъ. Къ сожалѣнію, женщина здѣсь ведетъ скучную жизнь: прикованная къ своему домашнему очагу, она не знаетъ никакихъ общественныхъ интересовъ. Только впослѣдствіи учредились здѣсь читалища и дружества исключительно женскія. Прежде женщины разнообразили свою скучную жизнь въ баняхъ, которыя, какъ и вездѣ на Востокѣ, служили и тутъ клубами. По праздникамъ онѣ ходили въ гости одна къ дру

гой, въ будни цѣлые дни проводили въ занятіяхъ по дому, причѣмъ даже богатыя отказывали себѣ въ прислугѣ. Рукодѣлья и хозяйство помогаютъ коротать день; вечеромъ является мужъ или отецъ, садятся молча за ужинъ, а потомъ—и ранній сонъ. Ужинъ—это самое веселое время дня и въ Болгаріи онъ замѣняетъ нашъ обѣдъ. За обѣдомъ въ Болгаріи подается всего чаще одно блюдо, много-много два,—ѣдятъ умѣренно, перекусываютъ; а за ужиномъ появляются и супы, и разные сорта баранины, вареной въ виноградныхъ листьяхъ, въ стручковомъ перцѣ, мѣстные рагу, жаркія и пирожныя на салѣ изъ тѣста, тяжелаго и сытнаго... Тутъ уже ѣдятъ въ волю, до отвала.—Болгарки совершенно равноправны съ своими мужьями. Имущество у нихъ общее; но если жена пожелаетъ, то можетъ отдѣлить свое, и никому не придетъ въ голову оспаривать ея права на это. Жены болгаръ имѣютъ свои капиталы, производятъ торговлю отдѣльно отъ мужей. Мужъ является господиномъ внѣ дома, гдѣ жена—полная хозяйка и гдѣ даже мужъ вполнѣ подчиняется ей въ вопросахъ «очага». Сверхъ этого, обращеніе мужа съ женой—почти идеальное. За все время моего пребыванія въ Болгаріи (а прожилъ я здѣсь полтора года) я не былъ очевидцемъ ссоръ. Я не видѣлъ не только мужей, которые бы позволили себѣ ударить свою жену,—но не слышалъ даже ругани. Женщина здѣсь пользуется уваженіемъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Только теперь, въ самое послѣднее время, появились кое-какія распри. Измѣнившійся строй общественной жизни заставилъ многихъ болгарокъ одѣваться роскошнѣе прежняго. Сложилась даже пословица: «женѣ—куприна, мужу—крапива», то-есть женѣ—шелкъ а мужу—шелкъ, примѣняя русскую поговорку. Увеличившіеся расходы заставляютъ болгаръ сожалѣть о тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда ихъ женщины носили ситецъ и домо-тканые холсты и полотна, когда лавки не разжились бы, продавая болгаркамъ выписанныя ткани.—Въ общественномъ отношеніи болгарка—примѣръ скромности; она уступчива,

тиха, молчалива. Отвѣчая вамъ, она потупляетъ глаза—не изъ жеманства, а просто потому, что ей, засидѣвшейся дома, странно разговаривать съ постороннимъ. Дома она передъ вами является хозяйкой уже не стѣсняющейся вашимъ присутствіемъ, хотя тоже не станетъ назойливо соваться къ вамъ съ разспросами и пустою болтовней... Рушукскіе женщины болѣе усвоили себѣ европейскіе обычаи, — сказала близость Букарешта. Вы здѣсь найдете болгарокъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, но непременно въ гладкія платья безъ отдѣлокъ и темнаго цвѣта: яркія цвѣта и отдѣлка считаются принадлежностью женщины сомнительной, теряющей право на общественное уваженіе. Зачастую модный костюмъ надѣтъ на женщинѣ, которой мѣстное приличіе не позволяетъ носить ни воротничковъ, ни рукавчиковъ, что является очень смѣшнымъ и нелѣпымъ. Нынѣшніе лѣтніе ботинки—сквозные, съ узорами (бареты)—вызвали цѣлую революцію между болгарками, а очень серьезная и образованная дѣвушка, воспитывавшаяся въ Россіи и надѣвшая въ Тырновѣ шляпку, поплатилась за это сомнительной репутаціей. Болгарки вообще не носятъ шляпокъ. Шляпка считается верхомъ неприличія. «Она носитъ шляпку!» съ ужасомъ говорятъ болгарки, какъ мы стали бы толковать о бубновомъ тузѣ, еслибы кому-нибудь пришла блажь явиться среди бѣлаго дня на Невскій украшеннымъ этимъ знакомъ отличія.

Оригинальнѣе всего то, что, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ женщинѣ и признавая ее хозяйкой въ домѣ, самые либеральные болгары не желаютъ предоставить ей никакихъ политическихъ и гражданскихъ правъ, исключая имущественныхъ. Это выразилось въ первомъ же народномъ собраніи въ Тырновѣ. Выработывая законы, которымъ можетъ позавидовать Бельгія, почтенные депутаты запротестовали единогласно и горячо, когда какой-то молодой выборный постановилъ на очередь вопросъ о равноправности женщины. Предложеніе это было отвергнуто почти единогласно всею палатой.

Чрезвычайно оригинальную картину представляют болгарскіе балы. Съѣзжаются или, виноватъ, сходятся сюда дамы въ самыхъ причудливыхъ костюмахъ, начиная отъ моднаго темнаго платья, шитаго въ Букарештѣ, и кончая широкою юпкой, въ родѣ паруса, и мѣховою кофтой, отъ шелковаго *rag-dessus* и до распашной блузы. Костюмы мужчинъ столь же разнообразны: парижскій фракъ слушающаго курсъ въ Сорбоннѣ, щегольской сюртукъ только-что воротившагося изъ Вѣны юноши—и кафтанъ съ юпкой и невозможными по своей ширинѣ панталонами, въ которыхъ могло бы легко упрятаться любое изъ маленькихъ нѣмецкихъ герцогствъ. Сальныя свѣчи, вставленныя зачастую въ бронзовые канделябры, или изящные подсвѣчники, тускло освѣщаютъ убранную цвѣтами и зеленью залу, гдѣ два-три скрипача невыносимо терзаютъ ваше ухо звуками самыхъ старомодныхъ танцевъ. Вы припоминаете, что когда-то, въ дѣтствѣ, слышали что-то подобное въ захоlustьяхъ гоголевскаго пошиба. Въ Миргородѣ и Ромнахъ въ тѣ счастливыя времена, когда Иванъ Ивановичъ ссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ, навѣрное, добрые люди танцовали подъ такіе же звуки. Только въ послѣднее время научились здѣсь танцовать кадрили, но, Боже, съ какимъ серьезнымъ выраженіемъ лица! Кавалеръ точно постоянно извиняется передъ дамой, что онъ, повинуясь правилу, долженъ прикоснуться къ ея тали; дама въ свою очередь насупливается и сосредоточивается, такъ что вамъ приходится въ голову, не совершается ли въ данную минуту какое-нибудь необычайно-важное богослуженіе неизвѣстнаго вамъ культа или не зависятъ ли отъ фигуры выполняемаго танца жизнь и имущество ближайшихъ родныхъ. Танцуютъ здѣсь и польки, причемъ кавалеры держатся отъ дамъ чуть не на разстояніи протянутой руки. Эти серьезные пары вертятся, стараясь ни подъ какимъ видомъ не встрѣтиться другъ съ другомъ глазами, и смотря черезъ плечо. Разговоръ счелся бы величайшимъ неприличіемъ. Прибавьте къ этому, что танцовать можетъ только женихъ съ невѣстой, братъ

съ сестрой, да мужъ съ женой—не иначе... Балъ оживляется, когда оркестръ неожиданно переходитъ къ народной «хоро». Тутъ начинается настоящее веселье, да и то потому, что папеньки и маменьки къ этому времени совѣютъ и значительно утрачиваютъ свои наблюдательныя способности.

Нечего и говорить, что всякаго рода Донъ-Жуаны въ Болгаріи могутъ сложить свое оружіе,—тутъ они не найдутъ себѣ никакой практики. Вѣрность болгарской женщины—въ всякихъ упрековъ. Вышедшая замужъ не по любви (браки по страсти здѣсь рѣдки), болгарка не измѣнитъ своему мужу; да еслибъ какому-нибудь специалисту и удалось сверхъ чаянія совратить хоть одну легковѣрную овцу съ пути истиннаго, то здѣсь, въ Болгаріи, сихъ дѣлъ мастеръ не только не сталъ бы похваляться этимъ, но постарался бы ухъхать подальше. Еслибъ его не избилъ камнями, то навѣрное онъ не нашель бы здѣсь угла, гдѣ бы могъ схоронить свой позоръ. Позоръ женщины здѣсь одинаково ложится и на ея соблазнителя.

XXVI.

ОТЪ РУЩУКА ДО ТЫРНОВА.

На этотъ разъ я въ Русчукѣ пробылъ нѣсколько часовъ. Нужно было торопиться въ Тырново — и уже по возвращеніи назадъ короче познакомиться съ этимъ дунайскимъ городомъ, гдѣ бьются важнѣйшіе пульсы болгарской торговли и сосредоточиваются умственные силы молодатаго княжества...

Выѣзжать—пришлось пскорѣе, по очень простой причинѣ: возвращающіяся въ Россію войска переполнили отели и дома русчукскихъ гражданъ до такой степени, что найти гдѣ нибудь комнату или свободный уголокъ оказалось совершенно невозможнымъ.

Среди безлунной и беззвѣздной южной ночи темное марево

города, съ его пустынными улицами, безлюдными домами мусульманскаго квартала производило впечатлѣніе какихъ-то безконечныхъ развалинъ, полныхъ слѣдами шумной, еще вчера кипѣвшей жизни... Только около Дуная, надъ обрывомъ, подъ которымъ немолчно бьются струи великой славянской рѣки и слегка колышутся пароходы, выступалъ ярко освѣщенный шумный клочекъ города со всевозможными вертепами, въ родѣ Исла-Хане, и кафе-шантанами, созданными исключительными потребностями военнаго времени. Теперь всѣ эти, живущіе только ночью дома доигрывали и допѣвали свое послѣднее время. Ихъ владѣльцы, какъ мухи осенью, страшными цѣнами кусали послѣдніе эшелоны возвращающихся въ Россію войскъ. Прекрасныя румунки — тоже подводили итоги барышамъ отъ войны, всѣ выгоды которой достались на ихъ долю. Легкомысленныя, международныя дѣвицы были предупреждены рущукскою полиціей, что она не потерпитъ ни одного дня ихъ пребыванія среди патріархальнаго болгарскаго общества послѣ отъѣзда остатковъ окупационнаго отряда. Подобранныя на площадяхъ Смирны, родившіяся въ грязныхъ вертепахъ Галаты, но считавшія свое аристократическое происхожденіе отъ бѣглыхъ марсельскихъ матросовъ — размалеванныя Орины и Аспазіи, еще недавно выдававшія себя наивнымъ армейцамъ за чистокровныхъ парижанокъ — разѣзжались съ своими антрепренерами обратно во всевозможныя «Конкордіи» константинопольской Перы. Вообще, Рущукъ переживалъ тяжелое время похмѣлья; длинныя ряды лавокъ на улицахъ, ближайшихъ къ Дунаю, пустѣли. Въ тѣхъ, гдѣ еще торговали, меланхолическіе евреи грустно поглядывали на проходящихъ мимо и снаряженныхъ въ дорогу офицеровъ какъ на ускользающую отъ нихъ добычу... золото какъ-то удивительно быстро исчезало съ мѣстнаго рынка, замѣняясь черными румунскими галаганами и серебрянными леями...

На почтовой станціи мнѣ дали отличныхъ лошадей...

Уже сначала ящикъ сталъ ихъ дуть и въ хвостъ, и въ голову, рискуя на крутыхъ поворотахъ извилистыхъ улицъ

наткнуться на слѣпую стѣну мусульманскаго дома или упасть на спускъ подь угломъ 30°.

— Куда ты торопишься?..

Ямщикъ оглянулся съ большимъ удивленіемъ.

— Русскіе любятъ ѣздить скоро... даже бьютъ, если ихъ повезешь потише.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ наивнаго братушки оказалось, что приемы фельдъегерей блаженной памяти воскресли здѣсь во всей своей первобытной прелести... Шей мѣстныхъ ямщиковъ и спины воздѣлывались нашими цивилизаторами съ такимъ усердіемъ, что ежели-бы сѣмена гражданскаго благоустройства насаждались здѣсь столь же старательно—то Болгарія теперь явилась бы, на удивленіе всей Европѣ, по меньшей мѣрѣ Аркадіей...

— Это все пустые дома! щелкнулъ ямщикъ кнутомъ на какія-то темныя неопредѣленныя очертанія, мерещившіяся направо и налево... Только высокій минаретъ главной мечети Рущука, по какому то особенному случаю, былъ ярко иллюминированъ площадками. Огоньки спиралью точно взбѣгали по его верхушкѣ, которая во мракѣ этой ночи сіяла яркою короной надъ спящимъ городомъ.

Почтовые сообщенія были сданы русской администраціей Болгарскому княжеству почти на 2000 верстъ разстоянія между различными городами какъ придунайскихъ областей, такъ и восточной Румелии. Такимъ образомъ, изъ Рущука шель между прочимъ почтовый трактъ на Филиппополь черезъ города и села Трестеникъ, Бѣла, Кочени, Трново, Дреново, Габрово, Шибку Казанлыкъ, Малосело, Баня и Каратопракъ. Вплоть почти до Трестеника, памятнаго мнѣ по октябрьскимъ воспоминаніямъ 1877 года, гдѣ кругомъ этого пункта гремѣли битвы и брошенная хлѣбо-пашцами земля обильно насыщалась кровью остервенелыхъ бойцовъ, тянутся турецкія деревни, незначительная часть населенія которыхъ ушла за Балканы, а оставшіеся стойко держатся системы пассивнаго сопротивленія новымъ христіанскимъ властямъ. Въ туркахъ этой мѣстности живетъ поло-

жительное убѣжденіе въ томъ, что дни Болгарскаго княжества сочтены, что такъ какъ принцу Александру султаномъ дарованъ фирманъ, то султаномъ же можетъ быть и отнять, что скоро, очень скоро, свѣжіе таборы турецкихъ войскъ, перейдя Балканы, явятся и въ Русувѣ, предавая огню и мечу — все болгарское... Мулла Ходжа-Аметъ не церемонясь высказалъ мнѣ, что не пройдетъ и года какъ христіанскія храмы будутъ лежать въ развалинахъ, а болгарамъ, «какъ блуждающимъ псамъ», придется искать спасенія въ Румуніи или въ Россіи. Мнѣ случилось проѣхать черезъ нѣсколько брошенныхъ маленькихъ деревушекъ, но потомъ оказалось, что еще во времена управленія Митхадъ-паши, населеніе бѣжало отсюда въ города отъ непосильнаго ига воинской повинности и поборовъ каймакамовъ, которыхъ не могла сдержать въ извѣстныхъ предѣлахъ даже желѣзная воля валія... Вокругъ этихъ хуторовъ посѣвы давно зеленѣли, сорная трава заполонила мѣстности, еще недавно дававшія мансовыя жатвы, а на мѣстѣ виноградниковъ — переплелась чаща «шума» — кустарниковъ, среди которыхъ колючки играютъ не послѣднюю роль... Выселеніе въ города и въ крупныя села объясняется очень просто: города несли на половину менѣе рекрутской повинности, а богатые села откупались отъ нея. Передъ этой войной во время усиленныхъ наборовъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ была взята подъ ружье почти вся здоровая молодежь. Подати большимъ селомъ выплачивать тоже было гораздо легче, ибо здѣсь жадность заптіевъ и сборщиковъ удовлетворялась скорѣе и легче. Здѣшніе крестьяне-турки во время войны заставляли болгаръ работать на себя, свозить къ себѣ жатвы съ христіанскихъ полей и вообще въ еще большей степени продолжали ту систему грубаго насилія и грабежа, которая вызвала эту войну. Двѣ или три деревни только жили въ мирѣ съ болгарами; остальные, фанатизированныя муллами, крали и силою вводили дѣвушекъ, убивали христіанъ по дорогамъ, что они дѣлають, впрочемъ, и теперь, ибо мнѣ самому, не доѣзжая первой станціи Трестеника, встрѣтился на шоссе лежащій

поперегъ трупъ только что зарѣзаннаго болгарина. По равнодушію моего ямщика видно было, что и подобныя явленія здѣсь не рѣдкость. Онъ только проворчалъ сквозь зубы проклятiе на головы этихъ турокъ и не пріостановилъ даже коней.

Мѣстные турецкіе крестьяне замѣчательно красивы, высоки, крѣпки, прекрасно сложены. Отсюда—сильнѣйшіе турецкіе солдаты. Въ послѣднее время типъ этотъ еще болѣе улучшился, благодаря ассимиляціямъ. Уже не говоря о томъ, что мусульмане уводили къ себѣ красивѣйшихъ болгарокъ—въ Русукскомъ вилайетѣ было поселено много черкесовъ и на ихъ дочеряхъ переженились богатѣйшіе землевладѣльцы. Домашняя жизнь турокъ въ деревняхъ чрезвычайно блѣдна. Болгаринъ не прочь при случаѣ вытнть, разумѣется, не до пьяна, у него часто праздники; у него есть гайда — родъ волюшки, свирко—свирѣль, и струнные инструменты; онъ любитъ плясать свое хоро — у турокъ ничего подобнаго. Единственное развлеченіе вынести коверъ подъ дерево въ тѣнь и разлечься, а затѣмъ по цѣлымъ часамъ наслаждаться зрѣлищемъ облаковъ, бѣгущихъ по знойному небу, листвы слегка вздрагивающей когда вѣтеръ, проснувшись на мгновеніе, дремотно скользитъ по высокимъ стеблямъ кукурузы. Если при этомъ еще кто нибудь постукиваетъ въ бубень, да есть подъ бокомъ кальянъ и кофе—турокъ совершенно доволенъ и ничего лучшаго ему не надо. Сельскія кофейни, въ которыхъ намъ случалось бывать, полны тишиной, даже и тогда, когда въ нихъ много народу; солидные турки сидятъ себѣ, поджавъ ноги, и — ни слова, даже новую чашку кофе—заказываетъ знаками. Какая противоположность съ шумными и веселыми кафанами болгарь, гдѣ во все горло идетъ всѣхъ интересующая и всѣми поддерживаемая бесѣда, гдѣ слышится пѣсня про старое доброе время, когда царь Шишманъ бился съ невѣрными, гдѣ поетъ свирѣль и до темной ночи молодежь пляшетъ и водить хороводы. Въ обыкновенное время турецкій крестьянинъ очень добродушенъ. Онъ не обидитъ мухи, не тронетъ путешественника, сочтетъ за обиду, если вы предложите ему деньги

въ уплату за гостепріимство. Но тотъ же добродѣтельный ту-рокъ, который сегодня принималъ и угощалъ васъ — завтра спокойно перерѣжетъ вамъ горло, выйдя изъ мечети, гдѣ мулла, толкуя коранъ, пояснялъ ему, что истреблять христіанъ дѣло угодное и пріятное Аллаху... Нужно кстати пояснить, что неприязнь между мусульманами и христіанами, кромѣ религиозныхъ, поддерживалась и экономическими причинами. Не смотря на насиліе, грабежи, противозаконную, но все таки часто практиковавшуюся турками барщину, когда цѣлые десятки сосланныхъ въ мусульманскую деревню болгаръ работали на своихъ враговъ даромъ, не смотря на притѣсненія администраціи — христіане богатѣли, обстраивались большими и хорошими домами, ежегодно къ накопленнымъ уже паричкамъ (деньгамъ) прибрѣтали новыя сбереженія, а турки въ то же время бѣднѣли, истощались въ бесплодныхъ усиліяхъ сравняться съ болѣе способной, изворотливой и образованной расой. Турокъ, трудящійся цѣлый день въ поляхъ — не выдерживаетъ соперничества съ болгариномъ, на примѣръ, потому еще, что послѣдній при случаѣ сдѣлаетъ выгодный гешефтъ, купить дешевле, продать дороже, а у мусульманина ни на что избрѣтательности не хватитъ. Разъ въ Дреновѣ турки-купцы вырѣзали цѣлую улицу болгарскихъ купцовъ, потому что послѣдніе вытѣснили неспособныхъ къ коммерческой дѣятельности мусульманъ съ мѣстнаго рынка... Ремесленникъ-турокъ нуждался въ административной поддержкѣ, въ протекціонныхъ постановленіяхъ для того, чтобы работать тамъ, гдѣ были ремесленники — болгары. Первый не понимаетъ возможности цѣлый день протрудиться безъ кейфа, безъ апатическаго сидѣнья въ кофейнѣ часами, послѣдній — не сложить рукъ отъ зари до зари... Перваго удовлетворить заработанный франкъ — послѣдній если сможетъ, доколотить до десяти въ день. Первый равнодушно относится къ прогрессу своего ремесла, къ новымъ моделямъ, къ новымъ приемамъ и вообще всякіе техническіе усовершенствованія считаетъ дѣломъ труднымъ, — болгаринъ-ремесленникъ, напротивъ, перейметъ сейчасъ же, приспособится,

добьется до возможнаго удешевленія затратъ на производство... Въ городахъ турецкихъ существовали цѣхи, куда удавалось проникать христіанамъ полноправными членами, но рѣдко. Эсназды (ремесленные общины) очень неохотно записывали въ свою среду болгаръ. Гораздо легче было проникнуть туда евреямъ, армянамъ, румунамъ. Старшины, эсназдовъ, такъ называемые, уста-баши должны были непременно быть турками и мирволили туркамъ, шираги—ученики признавались мастерами предпочтительнѣе, ежели они были мусульманами.

Дорога, которую мы проѣзжали темною ночью изъ Рушукъ къ Трестенику, оказывалась прекрасной. Это еще мидхадовское шоссе, только слегка подновленное и отремонтированное нами. Камень его, по словамъ моего ямщика, смоченъ слезами и кровью болгарскаго народа. Дѣло въ томъ, что весь путь сработали христіанскія руки, которыя для этого отрывались въ самое горячее время отъ полевыхъ занятій. Близъ Самотова даже поля остались неубранными, а въ Дженгелахъ былъ настоящій голодъ. Гоняли сюда всѣхъ безъ различія пола и состоянія. За работы приставляли женщинъ, стариковъ, сельскихъ и городскихъ учителей, поповъ. Обѣщали плату—не дали ничего. Даже не кормили работниковъ...

На западъ отсюда—Пиргось и Мечка. Тутъ конца не было битвамъ въ 1877 году. Начиная отсюда и до Балканъ—армія Наслѣдника-Цесаревича хранила линіи р. Лома и далѣе, служа заслономъ для операцій главныхъ силъ нашихъ. Очень невидная и неблагодарная роль выпала тогда этому отряду. Дѣятельность его—не шла на рекламы, не создавала блестящихъ, похожихъ на романъ, реляцій, въ которыхъ военные беллетристы обнаружили столько изобрѣтательности, фантазій и таланта. Тутъ не давали повода къ сраженіямъ, гдѣ безплодно текла русская кровь... зато всякій разъ, какъ Сулейманъ задумывалъ прорваться, наша восточная армія отбрасывала его обратно за р. Ломъ съ громадными потерями. Тутъ не смотря на растянутость линіи, умѣли сосредоточиваться и сосредоточивались во время, хотя были и отчаянные моменты,

когда приходилось обезпечивать себѣ пути отступленія... По всему пути отъ Кадыкіоя до Трестеника едва ли есть хотя одна лощина, хоть одинъ холмъ, гдѣ бы не кипѣлъ бой, не умирали солдаты того и другаго знамени, не лилась кровь. Когда разсвѣло и передо мною стали выясняться эти мелкія линіи пологихъ холмовъ и туманъ со дна лощинъ и овраговъ, съ пустынной рѣки словно задымился и разсѣялся подъ лучами солнца—мнѣ такъ и вспомнились тяжелые октябрьскіе дни. Вотъ, это поле, гдѣ появились турецкія силы. Вотъ, откуда они двигались на насъ, осыпая противоположные берега цѣлымъ ливнемъ свинца; вотъ, холмы, на которыхъ встрѣтились наши и ихніе, тутъ закипѣлъ бой, дорого стойвшій и имъ, и намъ, вотъ крутые отвѣсы Лома, его скалы, гдѣ, словно змѣя, шипѣла, билась тогда, какъ и теперь шипитъ и бьется рѣка, въ которую сверху бросились тѣ, которые смерть предпочитали плѣну... Вотъ этотъ горбатый мостъ, три раза переходившій въ наши руки, и все-таки оставшійся за турками... Глаза искали даже кровавыхъ пятенъ на желтыхъ изломахъ ноздреватаго песчаника, искали безотчетно тѣхъ труповъ, которые тогда лежали въ этихъ взмыленныхъ струяхъ... Вотъ тамъ былъ убитъ одинъ изъ близкихъ друзей, успѣвшій въ послѣднія минуты только кинуть мнѣ свое прощаніе, а въ этой деревушкѣ, пріютившейся къ тѣснинѣ Ломѣ, застрялъ батальонъ солдатъ, разстрѣливаемыхъ турками съ противоположнаго берега, всякій разъ, какъ только они хотѣли подняться на этотъ... И сколько лицъ, которыхъ никогда уже не увидишь, сколько голосовъ, которыхъ не услышишь—рисуетъ и воскрешаетъ память!

Гдѣ схоронены тѣла этихъ бойцовъ?..

А, между тѣмъ, кругомъ уже кипитъ новая жизнь, новыя жатвы встали на поляхъ, гдѣ въ остервѣненіи штыковаго боя вытаптывались богатые всходы; черныя головни, обугленные остовы домовъ затагнуло зеленью; ихъ и не увидите на этомъ праздникѣ южной природы. И въ то время, какъ у насъ, «въ глубинѣ Россіи», все еще полнымъ-полно слѣдами войны —

здѣсь ихъ и не отыщешь. Вотъ эти Иванъ Чифтликъ, Трестеникъ—тогда они были похожи на какія-то разрушенныя кладбища. Ни на одномъ домѣ не было кровли, заборы и изгороди сожжены въ кострахъ, фруктовыя деревья порублены туда же. Ни одной скирды, бывало, не золотится подь солнцемъ во дворахъ, которыхъ ничто не отдѣляло отъ улицъ, ни одного стога не было въ лугахъ, выѣденныхъ лошадьми казачьихъ и кавалерійскихъ полковъ. Самыя стѣны домовъ, оголенные, обившіяся отъ костровъ, раскладывавшихся впути — трескались и падали, падали огрызками, лишенными всякой правильности. Въ ясныя лунныя ночи въ безлюдныхъ домахъ этихъ бѣгали одни только ящерицы... Виноградники—пошли на солдатскія кухни, иные погибли... Теперь я глазамъ не вѣрилъ. Что за экономическая мощь у этого народа! Деревни отстроены за-ново. Чистѣйшія стѣны окрестныхъ кыштовъ блестятъ на солнцѣ, новенькія черепичныя кровли улыбаются вамъ издали, дворы обнесены каменными заборами, за которыми громадныя и многочисленныя скирды золотыми шапками точно надвигаются на кровли домовъ. Въ амбарахъ — хлѣбъ до верху. Скотъ—въ мѣстности, гдѣ бляніе овцы могло почесться чудомъ—ходить цѣлыми стадами. Быки, буйволы, коровы и кони!.. На поляхъ—новыя жатвы еще богаче прежнихъ, на склонахъ холмовъ, обращенныхъ къ солнцу — зеленѣютъ виноградники. Нѣтъ только одного пока — фруктовыхъ деревьевъ, вырубленныхъ нами, потому что ихъ сразу не вырастишь. Все же, что могли сдѣлать деньги, упорный трудъ, сила воли — сдѣлано. И еще разъ повторю, слѣдовъ войны здѣсь, въ этой наиболѣе пострадавшей тогда мѣстности, нѣтъ и помину. Нигдѣ — никакихъ!.. Заходилъ я въ дома — утвари въ изобиліи, ковры, подушки. Надъ лощинами—новые постоянныя дворы, крытые тесомъ, въ селѣ новая большая школа...

Обрегеникъ, Дамогила, Яли-Абланово—всѣ эти большія села, почти снесенныя съ лица земли во время войны, обстроились еще лучше, чѣмъ было до 1877 г.; населеніе ихъ обогатилось за компанію, продавая намъ, хлѣбъ, сѣно и ячмень за страш-

но дорогую цѣну. Гдѣ эти голодные бѣженцы, которые тогда просили милостыню? Гдѣ эти жалкія семьи, которыя, бывало рыдали, приходя на свои разрушенные дворы?.. Гдѣ эти несчастные, что въ однихъ рубахахъ бѣжали изъ-за Лома, спасаясь отъ безпощаднаго ятагана распущенныхъ Сулейманомъ по селамъ башибузуковъ... Единственное воспоминаніе о войнѣ — кладбища, гдѣ подъ сѣрыми насыпями тихо спятъ наши солдатики; такихъ кладбищъ здѣсь много—очень много. Около cadaго села выросли онѣ, и къ чести болгаръ нужно отнести то, что они съ величайшею заботливостью относятся къ нимъ: ставятъ кресты тамъ, гдѣ ихъ не было, поддерживаютъ покосившіеся, окапываютъ могилы дерномъ. Еще воспоминаніе о войнѣ—костики сгнившихъ труповъ, встрѣчающіеся случайно въ шумѣ (кустарникѣ) вмѣстѣ съ лохмотьями истлѣвшей одежды и погонами, на которыхъ еще можно разобрать цифры нашихъ дивизій... Видимсе дѣло—во время боя или были убиты, или смертельно ранены наши солдаты. Послѣ—никто ихъ не отыскалъ, такъ и пропали безслѣдно.

Въ самыхъ домахъ этихъ селеній, возвращавшіеся сюда ихъ владѣльцы находили порой трупы; въ другихъ деревняхъ улицы были запружены павшими конями. Болгары этой мѣстности собираются ставить памятникъ во имя освобожденія ихъ страны русскими, но только въ томъ случаѣ, если мы дадимъ имъ на это денегъ.

— Да у насъ денегъ нѣтъ вовсе! пояснилъ я имъ.

— Ну—вотъ! недовѣрчиво улыбались братушки.

— Мы бѣднѣ васъ, гораздо бѣднѣ.

— Если-бы были бѣднѣ—не объявили-бы войны туркамъ.

— Россія всегда покровительствовала намъ, она и теперь поможетъ намъ выстроить здѣсь православные храмы... дабы они съ своихъ колоколенъ свидѣтельствовали о томъ, какъ добръ, щедръ и великодушенъ русскій народъ.

Пояснилъ мнѣ чуть ли не въ Обрѣтеникѣ болгарскій священникъ, никакъ не желавшій вѣрить въ оскудѣніе денегъ у

нась, платившихъ по три серебрянныхъ рубля за пудъ сѣна и по восьми за пудъ ячменя.

— Кто же васъ заставлялъ такъ дорого платить тогда?

— Братушки спрашивали такія цѣны.

— Вы могли приказать брать меньше, могли даже даромъ. Нѣтъ, у васъ денегъ много, очень много.

Впрочемъ, на этомъ основаніи хозяинъ кафаны передъ Тростеникомъ, онъ же и содержатель почтовыхъ станцій, потребовалъ съ меня два франка за микроскопическую чашку кофе, причемъ проѣзжавшій вмѣстѣ со мною изъ Рушука въ Тырново болгаринъ заплатилъ за тоже самое 10 галагановъ, т. е. двѣ съ половиной коп... Видимое дѣло—грабятъ по старому. Благо русскій. Цѣлукъ руки, умиляются, но грабятъ...

Тутъ, около, недавно поймали очень наивнаго разбойника-турка.

— Ты разбойникъ? спрашиваютъ его.

— Да...

— Зачѣмъ же ты это дѣлаешь?

— Потому—мой промыселъ.

— Какъ это?

— Такъ: и мой отецъ, и мой дядя торговали этимъ. И я тоже. Болгаринъ сидитъ въ лавкѣ, землю обрабатываетъ— а я разбойничаю.

— Почему ты напалъ на турокъ, а не на болгарь?

— У турокъ оружіе отобрали, а у болгарь оставили...

При русскихъ я и совсѣмъ не разбойничалъ.

— Почему же?

— Боялся.. Русскіе храбры, а турки цѣлымъ селомъ— отъ одного побѣгутъ.

Отъ Трестеника ящикъ мнѣ попался турокъ, и притомъ изъ вернувшихся сюда редифовъ.

Онъ въ свое время не избѣжалъ плѣна и не могъ нахвалиться тѣмъ радушіемъ, какое встрѣчалъ въ Россіи.

— Москва хорошъ, Стамбуль хорошъ. Урусъ, турекъ— два братъ!

Показываль онъ мнѣ два пальца соединенными.

— Болгаръ урุษъ нѣтъ братъ. — Развѣдываль онъ эти пальцы.

Въ Россіи онъ приучился ѣсть свинину и пить водку, по «малку», какъ онъ выражался. Оказалось, что будучи поселенъ въ какомъ-то городишкѣ, онъ работалъ въ кучерахъ у купца, предоставившаго ему на выборъ или ѣсть свинину, или убираться. Во всемъ остальномъ плѣнный не только ни въ чемъ не былъ стѣсненъ, напротивъ, не могъ нахвалиться щедростью своего хозяина и обращеніемъ купчихи, которое, какъ можно было понять изъ словъ редифа, доходило даже до интимности. Турокъ сильно тосковаль въ Болгаріи и спрашиваль, примуть ли его въ русское подданство. Своихъ единовѣрцевъ-мусульманъ онъ называль магарами-ослами и увѣряль, что знай только они какъ живутъ въ Россіи—сейчасъ ушли бы туда всѣ. Русскихъ онъ прежде боялся, потому что Гази-Османъ-паша, въ предупрежденіе побѣговъ, распространиль въ своей арміи убѣжденіе, что мы въ плѣнъ не беремъ, а убиваемъ всѣхъ, кто намъ попадается въ руки. Плѣнные шли въ Россію въ полномъ убѣжденіи, что ихъ стануть употреблять на каторжныя работы. Третью партію, къ которой принадлежалъ мой ящикъ, умерла въ Румыніи отъ голоду, потому что румынскіе солдаты сами съѣдали паекъ, отпускаяшійся плѣннымъ. Попавъ на сытые хлѣба къ купцу — онъ думаль, что попалъ въ рай. Вѣсть объ освобожденіи—поразила его какъ громомъ. Онъ хотѣль остаться, но мулла убѣдиль его вернуться. Въ Севастополѣ нагрузили ихъ на пароходъ столько, что нельзя было лечь, а тутъ вдругъ явилась новая партія, которую нужно было отправить съ этимъ же транспортомъ. Казалось, стѣснить больше уже нельзя было — только не для Османа-паши-младшаго, который нашелся. Сталь качать воду на палубу, на турокъ, тѣ всѣ прижались въ уголь, чуть не другъ на друга влѣзли. Новую партію помѣстили въ открывшееся такимъ образомъ мѣсто. Во время пути—качка. Тѣснота была такая, что во время качки во-

семьдесятъ шесть человѣкъ были раздавлены и выброшены турками въ море. Въ Болгаріи — мой возница своимъ положеніемъ очень недоволенъ, также какъ и всѣ мусульмане.

— Насъ обижаютъ.

— Чѣмъ?

— А вотъ, когда князь Александръ пріѣзжалъ въ БѢлу, направо стояли мы, а направо болгары. Онъ у болгаръ спросилъ, какъ они поживаютъ, а у насъ нѣтъ... Точно мы не такіе же его подданные.

Изъ этого мелочнаго случая видно, съ какою чуткою мусульмане здѣсь слѣдятъ за всѣми отгѣнками въ отношеніяхъ къ нимъ новой власти. Какое значеніе придаютъ они всему, что, при другихъ условіяхъ, прошло бы незамѣченнымъ.

БѢла, гдѣ въ 1877 году кипѣла съ утра до ночи суeta нѣсколькихъ сосредоточивавшихся здѣсь штабъ-квартиръ, теперь совсѣмъ опустѣла. Это селеніе — совершенно похожее на городокъ. Чистые, красивые дома, перепутанные, какъ и всѣ на востокѣ улицы, бѣлый минаретъ мечети наверху и такіе же неожиданно поднимающіеся изъ темной лощины — а на югѣ грозныя вершины Балканъ, между которыми довольно ясно мерещится крутой взлетъ св. Николая... При одномъ взглядѣ на него, такъ и вспоминались страшные августовскіе дни на Шибкѣ — бой 11-го числа на крутыхъ откосахъ этого самаго св. Николая. Все пережитое, все испытанное тогда...

Въ БѢлѣ изобиліе изумительное.

По словамъ хозяина, у котораго я здѣсь остановился, русскіе только въ одномъ этомъ пунктѣ оставили у болгаръ не менѣе милліона золотомъ. Нѣтъ въ БѢлѣ бѣдняка, у котораго не было бы припрятано нѣсколькихъ сотенъ рублей золотой монеты, у богачей — десятки тысячъ...

— Мы теперь обезпечены надолго, говорятъ эти господа въ БѢлѣ. Намъ и при туркахъ было хорошо, мы съ ними ладили. Бегъ, который жилъ здѣсь, исправно получалъ условлен-

ную сумму съ насъ, и защищалъ насъ передъ рушукскими властями...

Эти, по крайней мѣрѣ, хорошо распоряжаются своими деньгами. Такъ, они собираются строить съ 1880 г. гимназію на шесть классовъ и техническую школу, о которой, впрочемъ, имѣютъ очень смутное понятіе, такъ какъ къ числу техническихъ производствъ относятъ адвокатуру и богословіе... До чего богато населеніе этихъ мѣстностей, видно изъ того, что средній доходъ хозяина, напр., въ Бѣлѣ, простирается до 2500 франковъ, тогда какъ содержаніе себя, семьи, подати и вообще годовой бюджетъ не превышаетъ 1200 франковъ. Такимъ образомъ, болѣе половины у него остается въ экономіи. Отсюда вывозится въ Рушукъ для отсылки по Дунаю—много овчинъ, шерсти, кожи. Несмотря на то, что Бѣла—село, здѣсь болѣе 50 лавокъ, а въ домахъ случается встрѣтить вѣнскія кровати, вѣнскую мебель, на стѣнахъ картины, изображающія или сентиментальныя сцены, гдѣ дамы, съ цвѣточками въ рукахъ, потушляютъ глазки передъ исковерканными кавалерами въ зеленыхъ фракахъ и желтыхъ панталонахъ, или судьбу Максимилиана, неудавшагося императора мексиканскаго...

На почтовой станціи въ Бѣлѣ—оказался смотрителемъ воспитанникъ одной изъ русскихъ гимназій, болгаринъ по происхожденію. Грязный уголь, въ которомъ онъ живетъ,—такъ и дышетъ нищетой. Одѣтъ плохо.

— Почему вы не искали лучшаго мѣста: страна нуждается въ людяхъ образованныхъ?

— Я и служу ей здѣсь. Нужно въ народѣ оставаться образованнымъ людямъ, а не въ чиновники идти. А у насъ всѣ бросились на государственныя должности.

— Ну, а тутъ вы что сдѣлаете полезнаго?

— Да хотя то, что подготовлю въ народное собраніе выборъ не какого нибудь хитраго и ловкаго чорбаджія, а истиннаго друга народа. Мало ли? Мои товарищи теперь начальники округовъ, президенты гордскихъ совѣтовъ—ну, и пропадутъ безъ пользы для Болгаріи.

Это вообще оригинальный типъ.

Изъ Россіи онъ уѣхалъ въ Болгарію—поднимать народъ противъ турокъ. Собралъ двадцать семь человекъ—ушелъ въ горы. Въ горахъ при немъ осталось только трое. Остальныхъ испугали лишенія бродячей жизни — и они вернулись восвояси, ни разу даже не услышавъ выстрѣла турецкаго ружья. Четверо рѣшительныхъ людей подняли знамя съ изображеніемъ болгарскаго льва—но мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно. Къ нимъ не явилось никого. Кругомъ были деревни, относившіяся довольно равнодушно ко всякаго рода демонстраціямъ. Наконецъ, послѣ долгихъ странствій по трупобамъ и лѣсамъ—маленькій отрядъ повстанцевъ наткнулся на заптіевъ. Эти двоихъ убили, а двоихъ представили каймакамамъ. Моего знакома посадили въ ожиданіе повѣшенія въ клѣтку, гдѣ онъ не могъ лечь и не могъ стоять. Здѣсь онъ ухитрился провести около двухъ лѣтъ, что отразилось на его фигурѣ. Онъ и теперь не можетъ выпрямиться — точно спинной хребетъ у него свело. Не повѣсили его потому, что о немъ позабыли—а тутъ явились русскіе и нашли его въ той же тюрьмѣ. Узниковъ перерѣзали—его не дорѣзали. Зашили, залечили кое-какъ рану — онъ теперь и смотрительствуетъ въ Бѣлѣ. Питается онъ арбузами и кукурузнымъ хлѣбомъ, одѣвается хуже крестьянина, отказываетъ себѣ даже въ табакъ—и безъ усталости работаетъ среди народа и для народа.

Этотъ въ Болгаріи—не исключеніе. Здѣсь много самоотверженной молодежи. Я ее встрѣчалъ и среди сельскихъ учителей, и среди крестьянъ, и даже среди поповъ, разумѣется деревенскихъ, потому что городскіе пріобрѣли нѣкоторый византійскій складъ.

Вообще у насъ о болгарской молодежи, какъ и о болгарскихъ учрежденіяхъ, имѣютъ самое странное, самое ошибочное понятіе. Будетъ, впрочемъ, правильнѣе сказать, что о послѣднихъ мы не имѣемъ никакого понятія. Даже конституція княжества, объ отмѣнѣ которой столь краснорѣчиво раз-

суждали недавно полиціймейстеры отъ литературы, ни разу не была напечатана въ русскихъ изданіяхъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ я сообщу ее въ главныхъ чертахъ. Тѣ же полиціймейстеры на дняхъ обвиняли болгарскую молодежь въ нигилизмъ, атеизмъ и Богъ знаетъ еще какихъ измахъ, имѣя о ней представленіе по корреспонденціямъ изъ Софіи, посылавшимся въ Россію господами служившими и тѣломъ и душой министерству Бурмова—Грекова—Начевича,—Балабанова. Господа эти—знаютъ хорошо Россію и не менѣе хорошо знаютъ, чѣмъ они могутъ запугать наше общество и нашу власть. Такимъ образомъ, г.г. Словейковы, Цанковы, Каравеловы, Стояновы, Стамбуловы и другіе были произведены въ чинъ нигилистовъ. Въ производствѣ у мировыхъ судей часто обвиненія признаются не только недоказанными, но и недобросовѣстными. Позвольте здѣсь адресовать авторамъ этихъ корреспонденцій безусловный упрекъ въ ихъ полной недобросовѣстности, въ ихъ полной завѣдомой лживости. Канцелярскіе писатели свергнутаго министерства—долго обманывали наше общественное мнѣніе, они не только передергивали въ своихъ письмахъ, они подтасовывали стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ народнаго собранія, они являлись не только адвокатами Бурмова, Грекова, Начевича, но и agents-provocateur'ами въ средѣ болгаръ. Это они изволили безцеремонно обвинить болгарскую молодежь въ конспиративномъ союзѣ съ Англійей; они же взвели на нее упреки въ заигрываніе съ Австріей. Я былъ въ Болгаріи, когда это печальной памяти министерство избиралось княземъ Александромъ. Я внимательно слѣдилъ за дѣятельностію партій въ молодомъ государствѣ и по совѣсти долженъ сказать, что ничего подобнаго измышленіямъ и клеветамъ нашихъ софійскихъ корреспондентовъ въ дѣйствительности не было. Безсовѣстность ихъ пріемовъ дошла до того, что не только извращали событія—выдумывали ихъ. Всякая подлость была хороша, лишь бы она служила видамъ Бурмова—Грекова—Балабанова. Вы спросите, почему же такое заигрываніе именно съ русской прес-

сой? Очень просто—никакая другая не пользуется такою силою и вліяніемъ въ Болгаріи, какъ наша. Она иногда создаетъ тамъ репутаціи, черезъ нее оказаны во время войны дѣйствительныя услуги странѣ, теперь черезъ нее же въ общество болгарское проводятся развращающія начала обскурантизма и недовѣрія къ лучшимъ людямъ народа.

Во всей этой борьбѣ партій дѣло не въ нигилизмѣ или консерватизмѣ.

Въ Болгаріи—двѣ партіи: старая, благоденствовавшая во времена турецкаго владычества—чорбаджіевъ, и молодая, преданная всѣми своими помыслами народу. Чорбаджіи представляютъ собою капиталъ, общественное положеніе. Прежде это были откупщики десятины, турецкіе шпіоны, турецкіе чиновники, арендаторы разныхъ беговъ, исполнители всевозможныхъ полицейскихъ должностей. Для нихъ народъ—ноль, собственной карманъ—все. Они получали имущество сославшихся по ихъ доносамъ, являлись банкирами, закладчиками, ростовщиками. Эти господа—ненавистны странѣ, но за ними старая опытность, ловкость пріемовъ, заведенныя уже всевозможныя сношенія. Болгаринъ блѣднѣетъ при одномъ имени чорбаджія; память ихъ онъ проклиняетъ наравнѣ съ самыми злыми палачами своихъ мучениковъ. И дѣйствительно, я не знаю болѣе отвратительныхъ явленій, какъ эти шпавки, столѣтъ уже сосавшія кровь своихъ соотечественниковъ. Вотъ болгарская старая партія,—возможно ли ее называть консервативной, предоставляю судить читателямъ. Чорбаджіямъ желательно, главнымъ образомъ, удержать турецкіе порядки или наиболѣе приближающіеся къ таковымъ. Новый строй жизни имъ противенъ, какъ свѣтъ противенъ филину. Они заинтересованы въ эксплуатаціи населенія и вовсе не считаютъ себя разбитыми, вовсе не желаютъ отказываться отъ стараго своего значенія. Съ другой стороны стоитъ совершенно противоположная партія—сельскіе учителя, молодые священники, доктора, писатели, воспитанники русскихъ и австрійскихъ университетовъ—короче, честная, свѣтлая, одушевленная предан-

послѣ войны.

ностью къ родинѣ и пламенной вѣрой въ ея будущность молодежь, та самая молодежь, которая въ турецкое время по доносамъ чорбаджіевъ вѣшали, обезглавливали, морили въ тюрьмахъ, ссылали въ Діарбекиръ, та самая молодежь, которая за свою преданность родинѣ, спасаясь изъ-подъ ножа, десятки лѣтъ до 1877 года ѣла чорный хлѣбъ изгнаничества, тратила свои богатыя силы въ Румыніи, куда, впрочемъ, тоже зачастую протягивались цѣпкія руки чорбаджіевъ. Всѣ надежды княжества въ этой молодежи. Во время войны она умирала въ болгарскихъ дружинахъ, служила переводчиками и проводниками нашимъ отрядамъ, облегчала нашей гражданской власти управление страной, жертвовала деньги, устраивали помощь раненымъ. До войны она неудержимо поддерживала въ Болгаріи пламя народныхъ возстаній. Когда война кончилась, когда наша администрація смѣнилась мѣстными управлениями, опозоренная, подлая, жадная, враждебная народу партія чорбаджіевъ опять выступила впередъ и потребовала себѣ власти и силы. Понятно, какая борьба должна была возгорѣться между этими элементами. Къ несчастію, личнымъ секретаремъ къ принцу Александру попалъ нѣкто Стоиловъ. Онъ принадлежитъ, по своимъ связямъ и симпатіямъ, къ чорбаджіямъ—и вмѣсто того, чтобы призвать къ управленію дѣлами страны людей, ей преданныхъ, жертвовавшихъ для нее головами, энергіей, деньгами, вернувшихся изъ ссылки, изъ изгнанія—поручили управление министерству продажному, министерству, гдѣ лица, пользующагося довѣріемъ народа. не было ни одного; министерству, олицетворявшему въ себѣ стремленія и надежды чорбаджіевъ. И дѣйствительно, съ перваго же разу начались дивныя дѣла. Конституція оказалась въ самомъ началѣ нарушенной, честные чиновники смѣнены продажною тлею, представителями страны, крупными властями назначены люди въ родѣ Евлогія Георгіева въ Бухарештѣ, Евлогія, который такъ ненавистенъ народу, какъ едва ли былъ ему когда либо ненавистенъ какой-либо турецкій изувѣръ. Господа, присвоившіе себѣ день-

ги комитетовъ освобожденія во времена, предшествовавшія войнѣ, — оказались занимающими мѣста по финансовымъ должностямъ, чорбаджи, предлагавшіе подобно Златану, истребить русскіе отряды, разумѣется, за хорошее вознагражденіе отъ турокъ — призваны были къ рулю. Одни стали нагрѣвать руки, другіе глушить молодые всходы, третьи готовить въ демократической странѣ служилое дворянство... Къ услугамъ этихъ господъ является все — деньги, власть и даже редакціи русскихъ газетъ, гостепріимно открывшихъ свои столбцы корреспондентамъ, запродавшимся за хорошія канцелярскія мѣста этой партіи.

Вотъ господа болгарскіе консерваторы и болгарскіе нигилисты. Насколько къ нимъ подходятъ эти опредѣленія представляю судить читателю. Повторю только, что мы нашими наускиваніями и полицейскими совѣтами оказали плохую услугу странѣ, лучшіе умы которой, разумѣется, забудутъ это, ради великихъ дѣлъ, совершенныхъ для нея русскимъ народомъ.

Отъ Бѣлы до Тырнова уже недалеко.

Маленькая станція на пути; по сторонамъ громадныя, стоящія словно полныя чаши, села, гдѣ домовъ не видать за скирдами и стогами, гдѣ зелень словно облака надвинулась на окраины, безчисленныя стада, пасущіяся на превосходныхъ лугахъ—и наконецъ вдали раскидывается громадное, больше иного нашего города, селеніе Самоводы... Общее впечатлѣніе народнаго богатства—здѣсь еще усиливается. Война не разорила въ этомъ округѣ никого, доставила же выгоды—всѣмъ. Слѣды войны замѣтны только въ турецкихъ кварталахъ, гдѣ часто пустыя дома печально стоятъ среди загаженныхъ и разнесенныхъ дворовъ, словно тоскуя по своимъ хозяевамъ, которые влачатъ теперь нищенскую жизнь въ долинахъ Азіатской Турціи, тщетно ожидая, когда раздастся изъ Стамбула желанный кличъ, и они двинутся вмѣстѣ съ своими аскерами грабить, жечь и раззорять ненавистныхъ имъ христіанъ...

XXVI.

ТЫРНОВО.

Я уже говорилъ въ прошломъ письмѣ о большомъ селеніи Самоводы, которое около Тырнова сплошь утонуло въ зелени садовъ. Изъ непроницаемой чащи вырываются только высокіе тополи. Съ горы можно замѣтить и черепичныя кровли села. Меня поразила роскошь, съ которою здѣсь построены дворы даже не особенно зажиточныхъ болгаръ. Правильной формы, огороженные красивыми каменными стѣнами, охватывающими со всѣхъ сторонъ и сады, въ которые проведены горныя ручьи, они производятъ сильное впечатленіе на русскій взглядъ, привыкшій къ жалкимъ изгородямъ и подслѣповатымъ избамъ родныхъ деревень. За Самоводами—Дервенское ущелье, изумительно красивое и грандіозное. Но моему оно неуступаетъ въ красотѣ Бѣлогорскому по пути изъ Поти въ Тифлисъ. Одинъ изъ русскихъ, оставшихся совсѣмъ въ Болгаріи, сравнивалъ Дервень съ двумя крымскими южными берегами (если бы существовалъ второй), сблизившимися на столько, чтобы внизу, въ самой тѣснинѣ, оставить мѣсто только для капризной, извилистой, мутной здѣсь Янтры, которая, какъ нарочно, пробиваетъ себѣ путь тамъ, гдѣ больше скаль, гдѣ горы горбатыми выступами напираютъ одна на другую. Въ поднебесьи, прислонясь къ гордымъ утесамъ пустынныхъ вершинъ, словно одинокіе корабли, затерянные въ океанѣ, или лучше, гнѣзда, прилѣпившіяся къ отвѣснымъ стѣнамъ—два монастыря... Я не буду описывать подробно этаго замѣчательнаго и въ боевомъ отношеніи ущелья, для этого понадобилось бы слишкомъ много мѣста. По пути—массы народа въ городъ и изъ города, всадники на ослахъ, два стражаря на коняхъ, которыхъ было бы гораздо приличнѣе отправить на живодерню и, наконецъ, новорожденная болгарская артилерія въ лицѣ одной батареи изъ подаренныхъ нами пушекъ. Послѣднія, какъ невѣста къ

вѣнцу, были убраны цвѣтами и зеленью. Видимо здѣсь ихъ холили и берегли. Кругомъ толпились братушки въ своеобразной формѣ артилеристовъ. Отложные бархатные воротники, красные кушаки, короткіе кафтаны и на головѣ болгарская барашковая шапка съ краснымъ верхомъ, опускающимся внизъ, какъ у нашихъ казаковъ. Форма довольно красивая, особенно на этихъ обугленныхъ, черномазыхъ бронецахъ, вороной масти. Какая разница чувствуется здѣсь, еще подъѣзжая къ городу съ тѣмъ, что было прежде. Прежде (я былъ въ Тырновѣ передъ боемъ на Шипкѣ въ августѣ 1977 г.) на дорогу болгарки выѣзжали въ арбахъ, тщательно занавѣшанныхъ отовсюду; если и попадались рѣдкія пѣшкомъ, то жались къ сторонкѣ, стараясь, чтобы ихъ не замѣтели. Живы были еще привычки недавняго турецкаго времени. Теперь дороги сплошь переполнены этими матронами, шумно и весело болтающими, располагающимися пестрыми группами на горныхъ склонахъ. Впечатлѣніе это усиливается еще болѣе на первыхъ шагахъ въ Тырновѣ. Дѣти и женщины на улицахъ; рѣшетки, когда-то прочныя, желѣзныя, дѣлавшіе дома похожими на тюрьмы, сняты прочь. Во время перваго моего посѣщенія Тырнова улицы были заполнены сѣрыми, запыленными, обношенными армейцами, теперь изрѣдка мелькнетъ бѣлая рубаха съ красными погонами болгарскаго дружинника. Городъ совершенно перешелъ на мирное положеніе и кипитъ такою торговою дѣятельностью, что невольно задаешься вопросомъ: для кого и для чего это, кто покупаетъ? Въ каждомъ домѣ лавка, въ большихъ — по нѣсколько. Ремесленники, какъ и въ Шумлѣ, работаютъ въ своихъ лавченкахъ, что очень выгодно, процентъ, получаемый купцами, идетъ въ пользу рабочаго. Въ одной изъ такихъ лавокъ мнѣ указали сапожника, снимавшаго мѣрку съ одутловатаго братушки, которому понадобились чисме. Рабочій былъ въ холстяномъ пиджакѣ.

— Этотъ сапожникъ недавно былъ въ Казанлыкѣ президентомъ градскаго совѣта.

— Какъ же онъ сюда попалъ?

— А такъ. Не понравилось, не поладилъ съ начальствомъ, плевать, говорить, мнѣ на васъ,—я ремесло знаю и безъ этого прокормлюсь. А по службѣ превосходительствомъ писался.

Совсѣмъ американскіе нравы!

Въ прошломъ году, когда наши стояли здѣсь, нельзя было ни пройти, ни проѣхать по тырновскимъ улицамъ, узкимъ до того, что солнце рѣдко кидаетъ свои яркіе блики на ихъ мостовую. Интендантскіе и «товарищескіе» транспорты, застрявъ гдѣ-нибудь, запружали проѣздъ такъ, что на цѣлый день прекращалось сообщеніе и въ городъ нельзя было ни войти, ни въѣхать. Теперь только пестрая южная толпа снуетъ во всѣ стороны, путь же свободенъ совершенно. Не раздается въ воздухѣ свистъ нагайки, бывало воздѣлывавшей здорово-живешь болгарскія спины, не видать распорядительныхъ интендантскихъ валетовъ, сводившихъ тѣсное знакомство съ толстыми румяными щеками тырновскихъ гражданъ, которые въ то время могли придти къ утѣшительному заключенію, что съ удаленіемъ турокъ переходъ къ учрежденіямъ свободнымъ и управленію приличному будетъ постепененъ, а не рѣзокъ.

Мнѣ очень нравится типъ тырновцевъ. Эти вавилоня, не Болгаріи (не смотря на строгость здѣшнихъ нравовъ патріархальные братушки считаютъ тырновскихъ женщинъ въ достаточной степени легкомысленными), хотя малорослы и толсты, но у нихъ въ движеніяхъ больше жизни и энергіи, въ глазахъ—блеску, въ выраженіи лицъ—сознательности, чѣмъ у остальныхъ въ Систовѣ, Шумлѣ, Варнѣ, Плевнѣ и даже Софіи. Тырново и во времена пашей считался округомъ революцій, теперь онъ гнѣздо оппозиціи. Въ старое время здѣсь организовывались для балканскихъ повстанцевъ и помощь, и транспорты оружія, теперь Тырново даетъ народному собранію умную и честную молодежь, которая, не пугаясь глупыхъ кличекъ, стойко исполняетъ свое дѣло, не вступаетъ ни въ какія примиренія съ чорбаджіями, не дѣлаетъ имъ никакихъ уступокъ. Указываютъ на нѣкоторыя несправедливости, допущенныя

ею,—да позволѣте узнать, гдѣ же борьба была справедливой? Партии должны быть односторонни, «а на взаимныхъ уступкахъ сейчасъ же можно помириться». Смердящіе Лазари старотурецкой партіи въ этомъ городѣ, не смотря на ихъ богатство, а слѣдовательно, и поклоненіе золотому тельцу, никогда не имѣли вліянія. Все дѣлалось помимо ихъ. Имъ удавалось только тормозить благія начинанія, но проводить свои—никогда! Типъ этихъ тырновскихъ да и всякихъ другихъ чорбаджіевъ, которыхъ наши газеты почему-то хотятъ считать спасителями отечества, лучше всего воплощается въ нѣкоемъ чорбаджіи Велковичѣ. Съ нами онъ былъ за насъ. За нашей спиной—противъ насъ. Теперь онъ ярый врагъ Россіи и кричитъ всюду объ ужасахъ, якобы совершенныхъ русскими войсками. Теперь Велковичъ въ Румелии явился самымъ преданнымъ слугою турокъ. Онъ всюду, гдѣ можетъ, вытѣсняетъ русскихъ и по его же настоянію распущена уже не одна сотня болгарскихъ румелійскихъ дружинъ. Онъ совѣтовалъ энергичное обезоруженіе всего христіанскаго населенія. Таковы эти охранители, люди безъ отечества, безъ вѣры, безъ принциповъ,—и мы еще имѣли наивность вѣрить, когда ихъ противниковъ агенты подобныхъ же Велковичей называли социалистами, комунарами и тому подобными страшными лишь для младенцевъ словами.

— Гдѣ тутъ остановиться? спрашиваю я у перваго попавшаго болгарина.

— Има добры хотелъ!..

— Белабоны? вспомнилъ я мой первый пріѣздъ въ Тырново.

— Не... Хотелъ Давыдовъ...

Повезли меня по крутой и узкой улицѣ, до такой степени узкой, что когда мы подѣхали къ хотелю Давыдова, то оказалось невозможнымъ для лошадей вѣхать во дворъ. Темная лѣстница надъ конюшней вела на верхъ. Внизу стояли кони, вверху было пять каморокъ, гдѣ пахло навозомъ, но все-таки въ достаточной степени опрятныхъ. Въ одной изъ нихъ оказался русскій.

— Кто такой? спрашиваю.

— Корреспондентъ! Съ священнымъ ужасомъ сообщилъ мнѣ хозяйинъ хотела, щеголеватый болгаринъ. Все пишетъ, пишетъ... И нашихъ ругаетъ... и вашихъ ругаетъ. Никого не боится. Три франка за номеръ платитъ и всегда исправно.

Въ голосѣ хозяина слышалось нѣкоторое удивленіе.

— Не разу не задержалъ. Подашь счетъ — безъ спора платитъ.

Потомъ оказалось, что моимъ сосѣдомъ по номеру былъ корреспондентъ «Спб. Вѣдомостей» г. Мозалевскій, отличный, добросовѣстный работникъ, застрявшій на долго въ Болгаріи; я его нашелъ въ ресторанѣ «С.-Петербургъ», года полтора назадъ кипѣвшемъ жизнью и дѣлавшемъ тысячные обороты, а теперь замирающемъ. Два-три русскихъ офицера, оставшихся въ дружинахъ—и только. Больше никого не бываетъ здѣсь и болгаринъ, купившій это заведеніе у добродѣтельнаго Фемистокла, грека, набившаго себѣ на нашъ счетъ карманы, несомнѣнно прогоритъ, какъ только послѣдніе русскіе выѣдутъ отсюда. Болгаринъ этотъ очень недоволенъ, что война кончилась.

— Меня обманули русскіе! кричитъ онъ.

— Какъ обманули?

— Я купилъ ресторанъ, заплатилъ пять тысячъ храниги— и вдругъ окупація кончилась и русскихъ вернули назадъ.

— Заявите искъ, пошутить я.

— А развѣ русскіе заплатятъ? жадно накинулся на меня разочаровавшійся въ своихъ ожиданіяхъ братушка.

Въ этомъ ресторанѣ обѣдавшіе офицеры сообщили мнѣ, что на мое имя лежатъ письма въ почтовой конторѣ.

Иду туда—русскихъ чиновниковъ уже не нашолъ, былъ оставленъ какой-то писарь для порядка, но онъ оказался пьянъ. Спрашиваю болгарина почтмейстера. Тотъ только хлопаетъ глазами.

— Письма есть? выхожу я изъ себя.

— Много, има, много!..

И подносить мнѣ цѣлую корзину всевозможной, и заказной, и простой корреспонденціи, въ перемежку съ газетами и журналами. На, дескать, бери, что тебѣ понравится — и наслаждайся. Найдя адресованныя на мое имя, я уже выходилъ, какъ вдругъ за мной послышался крикъ писца, оставленнаго для порядка. Пьяный, безобразный крикъ.

— Позвольте, господинъ, такъ нельзя... Это что за новости. Взялъ писемъ нѣсколько и пошелъ... Должны, кажется, чувствовать... Платить слѣдуетъ! Рубль съ васъ...

Едва отдѣлался отъ этой тли!.. По той же улицѣ, гдѣ почта, вижу болгарское читалище. Газетъ я давно не видалъ — иду туда.

Изъ конюшни опять-таки лѣстница вверхъ, на третій этажъ. Дверь отворена въ читалище, иду и не вижу ни души. Я кашлялъ, кричалъ — никто на зовъ не являлся. И читателей не было. На столахъ: «Голосъ», «Новое Время», «Русскій Инвалидъ», «Саратовскій Справочный Листокъ», «Саратовскій Дневникъ», «Всемирная Иллюстрація», «Модный Магазинъ», «Недѣля», «Московскія Вѣдомости» — и только. Мѣстныхъ газетъ ни одной. Все это истрепано, сильно зачитано, до тла. Въ шкапахъ десятка два книгъ — дверцы открыты — кому угодно! Оказалось, что основалъ читалище русскій, г. Рождественскій, но болгары теперь этого учрежденія не поддерживаютъ вовсе; ни денегъ нѣтъ, ни сколько нибудь правильной оргнзизаціи не имѣется. Кое-какъ. Числится при библиотекѣ завѣдующій. Существовать ему было нечѣмъ — проѣлъ залоги.

— Какъ же вы наши деньги истратили?

— Жить-то вѣдь надо чѣмъ-нибудь!

Спрашиваю я у болгаръ, отчего они не возьмутъ на себя охраненіе и поддержку читалища.

— Намъ не даютъ. Мы сами не знаемъ, кому принадлежитъ оно! Да, наконецъ, туда не хотятъ выписывать нашихъ газетъ. Мы устроимъ свое.

Выйдя изъ читалища, наткнулся на дружину болгарскаго

ополченія. Идетъ очень стройно съ пѣснями. Прислушался, оказывается братушки переняли наши русскія.

Чего не ночуешь дома!

разносилось по узкимъ улицамъ восточнаго города, будя тишину его, похожихъ на щели, переулковъ. Меня очень заинтересовала проходившая мимо дружина. Рослые, бравые молодцы, только командиръ какой-то несоотвѣтственный.

— Кто это? спрашиваю.

— Статскій совѣтникъ.

— Какъ статскій совѣтникъ?

— Такъ, статскій совѣтникъ изъ Ташкента. Когда-то былъ прапорщикомъ, пошелъ по гражданской, 20 лѣтъ прослужилъ въ чиновникахъ—и сюда командиромъ дружины.

Я только развелъ руками.

Впрочемъ, что же, Витались въ Румелии назначилъ же француза парикмахера—артиллерійскимъ капитаномъ, а тотъ всю жизнь только съ бритвами да бруклями и возился.

Мы, разумѣется, доведемъ здѣсь и докторовъ до того, что они поступятъ на болгарскую службу офицерами. Былъ тутъ во время войны докторъ Коньковъ. Замѣчательно храбрый, водившій солдатъ въ атаку, работавшій подъ убійственнымъ огнемъ на Шибкѣ. Иду въ Тырновѣ по главной улицѣ. Смотрю, Коньковъ на встрѣчу.

— Ну, что ваши раны? спрашиваю его.

— Зажили давно.

— Что-же вы дѣлаете здѣсь?

— Былъ оставленъ на оккупацию и забытъ.

— Какъ забыть?

— Да вотъ, какъ видите. Куда ни пишу—никакого отвѣта. Обращаюсь лично—приказываютъ еще остаться. Шестъ мѣсяцевъ не платятъ жалованья.

Оказалось, что и другіе здѣсь мѣсяцевъ по пяти, по шести не получали денегъ. И не знаютъ, откуда получать, до того во время оккупациі финансовая часть была здѣсь перепутана.

— Просто хоть вѣшайся! Ни тпру, ни ну! И толку не доберешься никакого, жаловались мнѣ несчастные, забытые невѣдомо для чего.

XXVIII.

ГУБЕРНАТОРЪ СТОЯНОВЪ.

Тырновское населеніе, когда я былъ здѣсь, оказалось крайне взволнованнымъ.

Министерство Бурмова показало свои когти. Знали, что оно ненавидитъ конституцію, чутко ждали новыхъ пріемовъ этихъ строителей молодого государства. Послѣдовали кое-какія смѣщенія наиболѣе популярныхъ людей съ занимаемыхъ ими должностей, возникъ и упорно держался слухъ о закрытіи градскихъ совѣтовъ, стало извѣстно, что Начевичъ готовитъ проектъ объ увеличеніи налога на соль, проектъ, который долженъ быть утвержденъ помимо воли національнаго собранія. Интеллигенція ходила мрачная, озленная. Немногіе чорбаджи просіяли. Всего пуще злобствовалъ на Бурмова и его клику губернаторъ тырновскій, Стояновъ, получившій прекрасное образованіе въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Онъ дѣйствія новыхъ администраторовъ называлъ прямо измѣною народному дѣлу. Онъ ни минуты не вѣрилъ въ окончательное торжество этой партіи, но сознавалъ, что она надолго затормозитъ развитіе народныхъ силъ и создастъ своими происками столько затрудненій для сліянія съ южной Болгаріей, что это желанное событіе будетъ отодвинуто въ далекое будущее.

Стояновъ преоригинальный типъ. До войны онъ былъ членомъ революціонныхъ обществъ, работавшихъ въ Болгаріи, и принадлежалъ къ одному и тому же кружку съ Цанковымъ, Каравеловымъ, Словейковымъ у другими лучшими людьми страны. Это довольно полный, съ интеллигентнымъ лицомъ и рѣшительными манерами человекъ, менѣе всего похожій на

чиновника. Въмѣстѣ съ Балабановымъ онъ когда-то издавалъ въ Константинополѣ независимую газету, причемъ шаткость мнѣній его товарища была такова, что стоило только уѣхать Стоянову, чтобы Балабановъ началъ колебаться. По его мнѣнію, Балабановъ, которому предстоитъ важная, хотя и не особенно полезная странѣ роль, чловѣкъ безъ принциповъ и убѣжденій. Балабановъ—за то, за что стоитъ въ данное время сильная партія. Куда дуетъ вѣтеръ, туда и онъ идетъ. Ему ничто не дорого, кромѣ его карьеры. Теперь во главѣ правленія стоитъ партія, которой ненавистенъ нынѣшній порядокъ, и Балабановъ служитъ ей, завтра рухнетъ Бурмовъ и Стояновъ, Балабановъ станеть либераломъ.

Стояновъ характеризуетъ консервативные элементы болгаръ болѣе сдержанно, чѣмъ другіе его товарищи, но общій тонъ его мнѣній тоже крайне для нихъ неблагопріятенъ. Болгары-консерваторы выросли на проискахъ и интригахъ. Если намъ дорого сохраненіе порядка въ странѣ, нужно знать вперёдъ, что такого порядка не будетъ, пока эти господа стоятъ у руля. Личныя преслѣдованія враговъ, ломка самыхъ дорогихъ народу учрежденій—ихъ обычные приемы. Турецкое воспитаніе не могло приучить ихъ къ болѣе осторожнымъ приемамъ, не говоря уже объ уваженіи къ свободѣ и правамъ гражданъ.

Въ то время, когда я былъ у Стоянова, къ нему пришелъ съ жалобой какой-то крестьянинъ изъ Самоводъ. Влѣзъ въ комнату, ткнулъ губернатору заскорузлую мозолистую лапу, опять надѣлъ шапку, сѣлъ и давай выкрикивать просьбу. Какая разница съ забитымъ крестьяниномъ Румыніи и даже западной Болгаріи. Стояновъ сейчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе—и никакой бумаги при этомъ не было написано, потому что канцелярщины, бюрократіи здѣсь боятся пуще всего. «Отлично обходимся и безъ нея». Грекову особенно ненавистна эта черта. Въ качествѣ министра юстиціи онъ потребовалъ «дѣлъ», бумагъ и тому подобной чепухи. Въ окружныхъ судахъ оказалось производство устное. Для насъ

оно—дико, болгары сживаются съ этимъ прекрасно. Являются жалобщики въ Шумлѣ, отвѣтчикъ тутъ же.

— Такой-то укралъ у насъ корову.

— Укралъ?

— Виновать...

— Ты состоятельный?

— Да... У него земля есть и парички (денежки) припасены.

— Куда дѣлъ корову?

— Продалъ.

— Заплати то, что она стоитъ, да еще столько же штрафу и посиди въ тюрьмѣ мѣсяць, всѣ и будутъ знать, что ты воръ. Доволенъ?

— Доволенъ.

Записали въ реестръ, что такой-то приговоренъ къ тому-то и дѣлу конецъ.

Патріархально.

— Отчего не перестроютъ Тырнова? спрашиваю я какъ-то у Стоянова.—Вѣдь онъ весь сбѣжался въ кучу, никакой прогрессъ не возможенъ, пока городъ стоитъ на этихъ кручахъ и дома лѣплятся одинъ на другой... А передъ городомъ гладкое, удобное для построекъ Марино поле.

— Нельзя. Стоимость домовъ здѣсь очень велика и лавки чрезвычайно доходны. Понятно, что владѣльцы никогда не согласятся ихъ перенести на другое мѣсто. Тутъ домъ строится надъ домомъ, всякій клочекъ земли громадныхъ денегъ стоитъ. Кому же охота терять его!

Столица Болгаріи поэтому и ютится на кручахъ, виситъ надъ Янтрой—того и гляди вотъ вотъ рухнетъ въ нее. Я называлъ Тырново столицей, потому что она дѣйствительно такова. Софія—временная столица. Она есть ничто иное, какъ аванпостъ Болгаріи. Пока князь въ Софіи—Болгарія угрожаетъ Румелии. Таково положеніе этого города, составляющаго центръ сѣверной и южной Болгаріи, затеряннаго въ узлѣ Балканскихъ горъ. Это пока бивуакъ. Соединятся обѣ Болгаріи—и цент-

ромъ станетъ несомнѣнно Тырново, это древняя столица народа, полная воспоминаніями о его прошломъ.

Заговорили мы о русскихъ чиновникахъ, но Стояновъ воздерживался отъ всякихъ разсказовъ по этой части, уважая во мнѣ русскаго.

XXIX.

ТЫРНОВСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Въ первый же день пребыванія моего въ Тырновѣ пришлось присутствовать на очень оригинальномъ вечерѣ.

У одного болгарскаго патріота изъ числа туполобыхъ собрались таковыя же экземпляры. Во время войны хозяинъ отличался большою храбростію — свойство, еще не доказывающее великаго ума. Знакомство съ нимъ я свелъ подъ Плевно. Пришлось возобновить теперь. Почтенная компанія вела бесѣду не болѣе не менѣе какъ о раздѣлѣ Турціи. При этомъ, разумѣется, никакихъ затрудненій не предстояло. Сербіи великодушно на рѣзывалось три округа, два Черногоріи, узенькая полоса — лукавымъ элинамъ. Албанія — итальянцамъ.

— А Константинополь?

Съ Византіей вышла загвоздка. Одни рѣшали сдѣлать его вольнымъ городомъ подъ покровительствомъ Россіи, другіе — болгарскимъ портомъ. Кто-то предложилъ устроить въ немъ столицу будущей Болгаріи. — Не приняли. Резолюція послѣдовала:

— Такъ какъ Константинополь развращалъ всѣ народы, столицей которыхъ онъ былъ, то сдѣлать его просто областнымъ городомъ подъ именемъ Тырновъ — приморскій.

Такимъ образомъ Турція была взвѣщена, раздѣлена и уничтожена, при чемъ никакихъ затрудненій не предстояло, а Византія — получала еще четвертое, уже чисто болгарское имя.

На другой день пришлось быть между важными тырновскими чиновниками. Преоригинальный народъ. Одинъ часовщикъ, другой сапожникъ, третій портной. У всѣхъ свои ма-

стерскія и своимъ официальнымъ величіемъ эти господа ужасно тяготились. Сидѣли какъ-то у мѣстнаго архіерея, наканунѣ торжества болгарской независимости.

- А ты, друже, будешь завтра на парадѣ?
- Буду... отвѣчаетъ президентъ окружнаго суда.
- Смотри, опять не явись въ сѣрыхъ штанахъ...
- А что?
- Неприлично. Нужны черные.
- Ну, такъ прощайте.
- Куда ты?
- Не успѣю сшить до завтра.

Засѣлъ за работу, по утру сшилъ себѣ чудесные черные штаны.

Гдѣ вы у насъ найдете такихъ предсѣдателей окружныхъ судовъ?

Не смотря на демократическія наклонности Тырнова, здѣсь граждане хотятъ образовать не дворянство, о чемъ мечтаетъ софійское чиновничество, а городское сословіе, которое бы стало выше крестьянъ. Лучшая часть интеллигенціи, разумѣется, стоитъ за прежнюю равноправность, но разбогатѣвшимъ буржуа хочется хоть мѣщанами сдѣлаться, въ отличіе отъ мужиковъ въ бараньихъ шапкахъ и бараньихъ курткахъ. Даже въ дружинахъ разладъ. Солдаты изъ горожанъ считаютъ себя выше солдатъ изъ крестьянъ. «Мы изъ городскихъ сословій», придумываютъ дѣтели не существующее и не существовавшее никогда въ законодательствѣ страны сословіе.

Иду по улицѣ въ Тырновѣ. Мнѣ на встрѣчу старый солдатъ—шипкинскій знакомецъ.

- Алексѣевъ, ты что здѣсь дѣлаешь?
- Пропащее дѣло! Оставили.
- Зачѣмъ?
- Да, бургарь этихъ обучать... Всѣхъ въ Россію повра- тили, а я—во... Здѣсь съ братушками.
- Чему-жь ты ихъ учишь?

— Какъ настоящимъ солдатомъ быть... Только что! Не гораздо учатся-то... Онъ хорошъ-хорошъ... а только на бѣломъ хлѣбѣ выкормленъ. Крѣпости въ емъ нѣтъ.

— Да вѣдь на Шипкѣ помнишь?

— То въ бою. Въ бою всякій солдатъ хорошъ, а ты въ замиренье—пѣтухомъ будь, хвостъ трубой носи—вотъ это солдатъ... А не то что въ постель, на пуховую перину... Офицеры у нихъ изъ софійскаго училища выпущены. Народъ—охаить нельзя, а только не наши, нѣтъ! Сейчасъ это, какъ въ дружину прибудеть, первое дѣло къ солдатамъ, которые изъ его мѣста, Рядомъ садится, цѣлуется. Нешто это порядокъ... Какіе такіе офицеры—смотрѣть тошно...

— Чтожь, въ зубы развѣ лучше?

— Эхъ, Василій Ивановичъ, между зубами-то и этимъ бабствомъ, что сть Москвы до Питера... Какая это армія—аршинники. У него тятка въ лавкѣ сидитъ, онъ тоже придетъ къ ему—за прилавокъ и аршинъ въ руки, это во всей своей солдатской формѣ... Обидно... Нешто мѣсто солдату въ магазей... А то возьметъ свою булку (жену) да подъ ручки... Дивій народъ!..

— Ну, а жить-то тебѣ хорошо?

— Жить чудесно. Русскій въ почетѣ. Тутъ мнѣ одну булку сватаютъ тоже... У отца мастерство... Хорошая баба, рыхлая... Только одно... Дѣти не въ ту масть пойдутъ... Повратишься въ Рассею, навезешь черномазыхъ чертенятъ—смѣяться наши стануть... Скажутъ, цыганскаго отродья наплодилъ экую прорву...

Я расхохотался.

— А, можетъ, въ тебя выйдутъ, русоволосые.

— Ну... куда! Здѣшняя баба все въ вороную масть рождаетъ... А только и ласковый народъ. Каждый день зазовутъ—угошенья... Ракія, сливовица, мастика. Пей...

Въ «Хотель Давидовъ», гдѣ я остановился, за лошадьми ходить, какъ оказалось потомъ, польскій эмигрантъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, бѣдный, какъ Іовъ въ тѣ дни, когда его

посѣтилъ Господь своимъ гнѣвомъ... Коротенькая полотняная курточка, штанишки съ бахромкой отъ ветхости, старыя туфли на босу ногу, покорный, смиренный взглядъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей и привѣтливая улыбка на губахъ. Ко мнѣ онъ почувствовалъ особенное расположеніе послѣ того, какъ я подарилъ ему сюртукъ. При этомъ бѣдняга объяснилъ мнѣ, что въ радомской губерніи онъ жилъ очень хорошо, «мялъ свой майонтокъ», но какъ честный человѣкъ, долженъ былъ пойти въ повстаніе потому, что дѣло народное. «Бо ежели бы Руссь былъ подѣ Пруссомъ, то и панъ пошелъ-бы въ повстаніе противъ Прусса»...

— Давно-ли вы въ Турціи?

— Тринадцать лѣтъ... Много насъ тутъ было, только когда русскіе Дунай перешли,—остальные побоялись и уѣхали за Балканы. Я не тронулся съ мѣста. Не на что, а притомъ я и старъ... Зачѣмъ меня трогать—кому надо. Живу я себѣ какъ „хрщонжчъ въ третинѣ“, ѣмъ что попало, работаю изъ-за восьми франковъ въ мѣсяцъ. Еще когда турки были—заработывалъ больше. Турки щедрѣе болгарь... Ну, а теперь!.. Плохо теперь.

— Вы-бы похлопотали. Нынче разрѣшать вернуться.

— Не имѣю желанія!

— Почему это?..

— Первое—я все-таки эмигрантъ, стану за мной надзирать, а тутъ я живу свободно. Никто не мѣшаетъ. Вотъ соберу еще немного денегъ — въ Софію поѣду, ни у кого спрашивать не надо будетъ... А второе, въ Радомѣ когда-то жилъ хорошо, средства были, самъ другихъ кормилъ, теперь-же нищимъ вернусь... Тутъ меня не знаютъ—не стыдно... А тамъ—сапогъ-бы вамъ чистить не сталъ и за лошадыю вашей ходить было-бы зазорно...

Чудеса рассказываютъ здѣсь о нѣкоторыхъ русскихъ, которые явились въ Болгарію ловить въ мутной водѣ рыбу. Я уже сообщилъ массу эпизодовъ этого рода, теперь-же расскажу только что случившееся въ Тырновѣ. Одинъ изъ нашихъ, при-

ѣхавъ сюда, сколотилъ себѣ годика въ два полтораста тысячъ франковъ. Видитъ онъ, что страна не просвѣщенная, люди ходятъ, разинувши рты, слѣдовательно, и впредь можно будетъ ихъ оболванивать чудесно. Слѣдуетъ обзавестись здѣсь имѣньищемъ. Кстати продавался богатый участокъ какого-то „турчина“, пожелавшаго уйти отъ звона христіанскихъ церквей въ Константинополь. Покупать на свое имя неловко. На службѣ,—еще подумаютъ Богъ знаетъ что и совѣмъ напрасно сочтутъ ловкаго человѣка за безсовѣстнаго вора; подвернулся простодушный братушка съ разинутымъ ртомъ. „Хочешь у меня быть управляющимъ?“ Братушка кланяется и благодарить. „Ну, такъ я пока на твое имя куплю этотъ чифтликъ, а потомъ дамъ тебѣ хорошее жалованье“. Передалъ братушкѣ деньги, тотъ, совершилъ куплю, получилъ бумаги на владѣніе.

— Ну, давай сюда.

— Что такое?

— Бумаги на чифтликъ.

— Какія? Чифтликъ я купилъ и бумаги мои. Я парички за чифтликъ платилъ...

Такъ рыболовъ мутныхъ водъ и остался безъ чифтлика и безъ денегъ.

Другой спокойно занялъ турецкіе дома и выгнать его оттуда трудно. Третій... Впрочемъ, это длинная эпопея съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ. Великіе ловцы—хорошо покормились насчетъ братушекъ, которыхъ они теперь, поди, ругаютъ во всю!..

А какіе являлись здѣсь спасители отечества. Между прочимъ вотъ образчикъ такого спасенія. Въ одномъ изъ мусульманскихъ округовъ случилось нѣсколькимъ дружинникамъ принять турецкихъ коней издали за повстанцевъ. Кони, ничего же сумняшеся, паслись подъ какимъ-то селомъ. Дружинники открыли огонь. Сельская стража, стоявшая бивакомъ, вообразила, что это турки стрѣляютъ по нимъ изъ села, и дала залпъ. Только и всего... Но вотъ какъ изобразили это болгарскіе официалы: телеграма первая: „Край въ возстаніи. Турки на-

пали, городъ окруженъ мятежниками“. Телеграма вторая черезъ четыре часа послѣ первой: „Бой продолжается, взято нѣсколько турецкихъ военныхъ, убито четыре караула“ (!!) Телеграма третья на другой день: „Благодаря неустрашимости ротнаго командира и его солдатъ, а также моихъ стражарей, турки разбиты и обращены въ бѣгство!“ Вотъ образецъ настоящей реляціи Офенбаховскаго боя. Я-бы не говорилъ объ этомъ ни слова, мало-ли рекламъ такого сорта распущено по свѣту, но дѣло въ томъ, что, воротясь въ Россію, я читалъ самъ въ газетахъ подробное описаніе этого боя съ указаніемъ восьмидесяти человекъ убитыхъ и раненыхъ. Очевидецъ корреспондентъ дѣлалъ между прочимъ на этомъ основаніи свои печальные выводы о темномъ будущемъ болгарскаго княжества. Второй эпизодъ той-же категоріи: кметъ какой-то деревушки два раза собиралъ подати и оба раза у него отнимали ихъ на пути въ городъ разбойники. Наконецъ, кмету удалось добраться до города, но съ пустыми руками. Наши кмета выдрали, но тотчасъ-же по начальству донесли: „Округъ не спокоенъ. Возставшіе турки напали на село N. Послѣ непродолжительнаго боя отступили, отнявъ казенныя деньги... Пострадалъ, благодаря Бога и своевременно принятымъ мѣрамъ, только кметъ!“ Одинъ изъ авторовъ такихъ реляцій совсѣмъ остался въ Болгаріи. Изъ остатковъ (истинно—остатки сладки) онъ реализировалъ кругленькій капиталецъ и купилъ подъ Тырновомъ богатые виноградники.

— Это наши!.. показываютъ на нихъ братушки.

— Какъ наши?..

— Да, руссъ одинъ поправилъ дружиной нѣсколько мѣсяцевъ и купилъ чифтликъ...

Этотъ руссъ, впрочемъ, носить нѣмецкую фамилію.

Кстати,, ужъ заодно эта глава приняла отрывочный характеръ, у мѣста отмѣтить одинъ странный фактъ. На шапкахъ нашихъ офицеровъ, служащихъ въ болгарскомъ ополченіи, я видѣлъ у однихъ звѣзду, у другихъ крестъ. Что значитъ эта разница? Спрашиваю.

— А это, видите-ли: звѣзду присвоили себѣ переведенные сюда изъ гвардіи, а крестъ носить по положенію офицеры изъ армейскихъ полковъ...

И тутъ сказалась каста. Къ сожалѣнію, не на однихъ шапкахъ только.

XXX.

СТАТУТЪ КНЯЖЕСТВА БОЛГАРСКАГО.

Въ одной изъ прошлыхъ главъ я обѣщаль сообщить въ главныхъ чертахъ органической статутъ княжества болгарскаго, созданный въ тырновскомъ народномъ собраніи въ мартѣ и апрѣлѣ 1879 года. Проектъ статута, сообщеннаго собранію императорскимъ комиссаромъ, былъ значительно измѣненъ представителями населенія, разочаровавшими такимъ образомъ нашихъ отечественныхъ Полиньяковъ, предсказывавшихъ, что населеніе это не подготовлено, что мужики болгарскіе не поймутъ, въ чемъ дѣло, что во всякомъ случаѣ не въ коня кормъ окажутся всѣ наши благія намѣренія. Великую честь императорскому комиссару и его представителю г. Лукьянову дѣлаетъ то обстоятельство, что они не поддались совѣтамъ, обязательно сообщавшимся даже нашими газетами, сходящими къ старому скалозубовскому: „фельдфебеля въ Вольтеры дамъ!“ На всѣхъ засѣданіяхъ палаты находился г. Лукьяновъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ слѣдилъ за ними весьма пристально, но ни тотъ, ни другой не позволяли себѣ вмѣшаться въ это дѣло, направлять его, насилуя такимъ образомъ свободную волю избранныхъ по Высочайшему повелѣнію представителей страны. Въ засѣданіяхъ палаты часто слышались голоса людей враждебныхъ намъ. Воспитанники австрійскихъ школъ, сгруппировавшіеся теперь вокругъ министерства Бурмова, Начевича и Грекова, сплотившіеся въ партію излюбленныхъ нашей печатью болгарскихъ консерваторовъ, нерасположенные къ намъ, только и ждали того, чтобы князь Дондуковъ-Корсаковъ или Лукьяновъ вмѣ-

шались въ работы тырновской палаты. Къ счастью, имъ не было доставлено это удовольствіе и статутъ княжества такимъ образомъ явился дѣломъ чисто народнымъ, не навязаннымъ извнѣ. Въ палатѣ предсѣдательствовалъ епископъ виддинскій Анфимъ, вице-предсѣдателями были Икономовъ и Каравеловъ.

СТАТУТЪ КНЯЖЕСТВА БОЛГАРСКАГО.

I.

О ТЕРРИТОРИИ КНЯЖЕСТВА.

1. Отчужденіе какой бы то ни было части территоріи Болгарскаго княжества, а равно увеличеніе или расширеніе ея, можетъ быть произведено не иначе, какъ съ согласія Великаго Народнаго Собранія.

2. Исправленіе границъ, по скольку оно не связано съ вопросомъ о пограничномъ населеніи, можетъ послѣдовать съ разрѣшенія Обыкновеннаго Народнаго Собранія. (ст. 85 п. 1).

3. Территорія въ административномъ отношеніи дѣлится на округія, околіи и общины.

Устройство администраціи будетъ опредѣлено особымъ закономъ, на началахъ самоуправленія общинъ.

II.

О СУЩЕСТВѢ И ПРЕДѢЛАХЪ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ.

4. Княжество Болгарія есть монархія наслѣдственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ.

5. Князь есть верховный представитель и глава государства.

6. Князю Болгарскому принадлежитъ титулъ СВѢТЛОСТИ, наслѣднику престола — титулъ СІЯТЕЛЬНОСТИ.

7. Безъ согласія Великаго Народнаго Собранія Князь не можетъ быть одновременно правителемъ другаго государства.

8. Особа Князя священна и неприкосновенна.

9. Власть законодательная принадлежит Князю совмѣстно съ народнымъ представительствомъ.

10. Князь утверждаетъ и обнародываетъ принятые Народнымъ Собраніемъ законы.

11. Князь есть верховный начальникъ всѣхъ военныхъ силъ края, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Онъ даетъ военные чины сособразно закону. Всякій поступившій въ военную службу приносить присягу на вѣрность князю.

12. Князю принадлежитъ власть исполнительная; всѣ органы сей власти дѣйствуютъ его именемъ и подъ его верховнымъ надзоромъ.

13. Власть судебная во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ мѣстамъ и лицамъ судебнымъ, дѣйствующимъ именемъ Князя. Отношенія Князя къ симъ установленіямъ опредѣляются особыми постановленіями.

14. Князю принадлежитъ право смягченія или отмены наказаній въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами уголовного судопроизводства.

15. Князю принадлежитъ право помилованія въ дѣлахъ уголовныхъ. Право амнистіи принадлежитъ Князю совмѣстно съ Народнымъ Собраніемъ.

16. Изложенныя въ статьяхъ 14 и 15 права князя не распространяются на приговоры, по коимъ осуждены министры за нарушеніе Конституціи.

17. Князь есть представитель страны во всѣхъ сношеніяхъ съ иностранными государствами; именемъ его и съ уполномочія Народнаго Собранія заключаются съ Правительствами сосѣднихъ державъ особыя соглашенія по дѣламъ управленія страны, требующимъ участія и содѣйствія этихъ правительствъ.

18. Постановленія и распоряженія, исходящія отъ Князя, дѣйствительны въ томъ случаѣ, когда они скрѣплены подлежащими министрами, принимающими на себя всю за нихъ отвѣтственность.

III.

О МЪСТОПРЕБЫВАНІИ КНЯЗЯ.

19. Князь долженъ постоянно пребывать въ краѣ. Въ случаѣ временнаго своего отсутствія Князь назначаетъ Намѣстника, права и обязанности коего, на время отсутствія Князя, должны быть опредѣлены особымъ закономъ. О своемъ отъѣздѣ и о назначеніи Намѣстника Князь объявляетъ прокламаціей къ народу.

20. Наслѣдникъ престола равнымъ образомъ долженъ имѣть пребываніе въ краѣ и можетъ его оставлять лишь съ согласія Князя.

IV.

О ГЕРБѢ КНЯЖЕСТВА, О ПЕЧАТИ И О НАРОДНОМЪ ЗНАМЕНИ.

21. Болгарскій Государственный гербъ есть въ темнокрасномъ щитѣ золотой коронованный левъ. Надъ щитомъ княжеская корона.

22. На государственной печати изображается гербъ Княжества.

23. Болгарское народное знамя трехцвѣтное—изъ бѣлаго, зеленого и красного цвѣтовъ, расположенныхъ горизонтально.

V.

О ПОРЯДКѢ НАСЛѢДІЯ ПРЕСТОЛА.

24. Княжеское достоинство наследственно въ прямомъ нисходящемъ мужскомъ потомствѣ перваго избраннаго Князя. О порядкѣ престолонаслѣдія будетъ изданъ особый законъ.

VI.

О СОВЕРШЕННОЛѢТІИ КНЯЗЯ, О РЕГЕНТСТВѢ И ОПЕКѢ.

25. Совершеннолѣтіе царствующему Князю и Наслѣднику престола полагается въ 18 лѣтъ.

26. При вступленіи Князя на престоль прежде сего возраста, до совершеннолѣтія его, учреждается Регентство и опека.

27. Регентство учреждается въ лицѣ трехъ Регентовъ, избираемыхъ Великимъ Народнымъ Собраніемъ.

28. Царствующій Князь можетъ, на случай своей кончины и несовершеннолѣтія наслѣдника престола, избрать трехъ Регентовъ, но не иначе какъ съ согласія и утверженія Великаго Народнаго Собранія.

29. Членами Регентства могутъ быть назначаемы министры, предсѣдатель и члены суда высшей инстанціи, или же лица, занимавшія безупречно сіи должности.

30. Члены Регентства, при вступленіи въ должность, приносятъ въ Великомъ Народномъ Собраніи присягу на вѣрность Князю и Конституціи, за симъ, въ прокламаціи къ народу, объявляютъ о вступленіи въ управление страню въ предѣлахъ Княжеской власти и во имя Князя.

31. По достиженіи Княземъ совершеннолѣтія и по принесеніи присяги, онъ вступаетъ въ управление страню, о чемъ и объявляетъ народу прокламаціей.

32. Заботы о воспитаніи несовершеннолѣтняго Князя и управление его имуществомъ поручаются вдовствующей Княгинѣ и опекунамъ, назначаемымъ Совѣтомъ Министровъ по соглашеніи съ Княгиною матерью.

33. Члены Регентства не могутъ быть опекунами несовершеннолѣтняго Князя.

VII.

О ВСТУПЛЕНІИ НА ПРЕСТОЛЬ И О ПРИСЯГѢ.

34. По кончинѣ Князя, Наслѣдникъ его вступаетъ на престоль и дѣлаетъ немедленно распоряженіе о созваніи Великаго Народнаго Собранія, предъ которымъ и приноситъ слѣдующую присягу:

«Клянусь Всемогущимъ Богомъ свято и неуклонно соблюдать Конституцію и законы Княжества и во всѣхъ моихъ мѣропріятіяхъ имѣть въ виду единственно пользу и благо страны, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ».

VIII.

О СОДЕРЖАНІИ КНЯЗЯ И ЧЛЕНОВЪ КНЯЖЕСКАГО ДОМА.

35. Народное Собраніе опредѣляетъ на личное содержаніе Князя и содержаніе его двора шестьсотъ тысячъ франковъ въ годъ. Количество этой суммы не можетъ быть ни увеличено безъ согласія Народнаго Собранія, ни уменьшено безъ соизволенія Князя.

36. Содержаніе Наслѣдника Престола, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, опредѣляется Народнымъ Собраніемъ.

IX.

О ВѢРѢ.

37. Господствующая въ Болгарскомъ Княжествѣ вѣра есть Христіанская Православная Восточнаго Исповѣданія.

38. Князь Болгарскій и его потомство не могутъ исповѣдывать никакой другой вѣры, кромѣ Православной. Только первый избранный Болгарскій Князь, если бы принадлежалъ къ иной вѣрѣ, можетъ неизмѣнно пребывать въ ней.

39. Княжество Болгарское въ церковномъ отношеніи, составляя нераздѣльную часть Болгарской церковной области, подчиняется Св. Синоду, — Высшей духовной власти Болгарской Церкви, гдѣ бы власть сія ни пребывала, и посредствомъ нея сохраняетъ единеніе съ Восточною Церковью во всемъ, что касается догматовъ вѣры.

40. Христіане неправославнаго исповѣданія и иновѣрцы, какъ природные подданные Болгарскаго Княжества, такъ и въ подданство принятые, а также иностранцы, постоянно или

временно въ Болгаріи пребывающіе, пользуются свободою вѣроисповѣданія, но съ тѣмъ, чтобы исполненіе обрядовъ не нарушало существующихъ законовъ.

41. Никто не можетъ по причинѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій уклониться отъ исполненія дѣйствующихъ и обязательныхъ для всѣхъ законовъ.

42. Дѣла церковныя христіанъ неправославнаго исповѣданія и иновѣрцевъ вѣдаются ихъ духовными властями, въ предѣлахъ имѣющихъ быть изданными на сей предметъ законовъ, подъ высшимъ надзоромъ надлежащаго министра.

Х.

О ЗАКОНАХЪ.

43. Болгарское Княжество управляется на точномъ основаніи законовъ, издаваемыхъ порядкомъ, въ Конституціи изложеннымъ.

44. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ и отмѣненъ безъ предварительнаго обсужденія и принятія его Народнымъ Собраніемъ, которому предоставляется также и автентическое его истолкованіе.

45. Принятый Народнымъ собраніемъ законъ представляется на утвержденіе Князя.

46. По утвержденіи Княземъ, законъ въ полномъ его текстѣ долженъ быть обнародованъ. При обнародованіи закона должно быть сказано, что онъ принятъ Народнымъ Собраніемъ. Ни одинъ законъ не имѣетъ силы и дѣйствія до его обнародованія.

47. Если бы государству угрожала опасность внѣшняя или внутренняя и Народное Собраніе созвано быть не могло, то, въ такомъ единственно случаѣ, Князю, по представленію Совѣта Министровъ и подъ ихъ общею отвѣтственностью, предоставляется издавать постановленія и дѣлать распоряженія, которыя имѣютъ обязательную силу наравнѣ съ закономъ.

Такія чрезвычайныя постановленія вносятся на одобреніе перваго созваннаго за тѣмъ Народнаго Собранія.

48. Указанныя въ предшедшей (47) статьѣ распоряженія ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ установленію налоговъ и государственныхъ сборовъ, которые всегда устанавливаются съ согласія Народнаго Собранія.

49. Одно Народное Собраніе въ правѣ рѣшить, изданъ-ли законъ съ соблюденіемъ всѣхъ, указанныхъ въ сей Конституціи, условій.

50. Распоряженія о приведеніи закона въ дѣйствіе и принятіе необходимыхъ къ тому мѣръ зависятъ отъ власти исполнительной.

ГЛАВА XI.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВАХЪ.

51. Государственныя имущества составляютъ достояніе Болгарскаго Княжества и не могутъ быть предоставлены въ частное пользованіе ни Князя, ни членовъ его рода.

52. Порядокъ отчужденія и залога самыхъ имуществъ, а равно и распоряженіе доходами съ нихъ будутъ опредѣлены закономъ.

53. Государственныя имущества управляются подлежащимъ Министромъ.

XII.

О ГРАЖДАНАХЪ БОЛГАРСКАГО КНЯЖЕСТВА.

Отдѣлъ I.

Положенія общія.

54. Всѣ уроженцы Болгаріи, непринявшіе инаго подданства, равно какъ и дѣти болгарскихъ подданныхъ, родившіеся въ предѣлахъ Княжества, считаются подданными Болгарскаго Княжества.

55. Иностранцы могутъ быть приняты въ Болгарское подданство съ утвержденія Народнаго Собранія.

56. Всякій подданный Княжества можетъ отказаться отъ подданства, отбывши предварительно воинскую повинность и исполнивши другія, лежащія на немъ, обязанности относительно государства, на основаніи особаго имѣющаго быть изданнымъ закона.

57. Всѣ болгарскіе подданные равны передъ закономъ. Раздѣленіе на сословія въ Болгаріи не допускается.

58. Титулы благородства и другія отличія, а равно и ордена, въ Болгарскомъ Княжествѣ не допускаются.

59. Князю предоставляется право учредить одинъ знакъ отличія исключительно для военныхъ за дѣйствительно совершенные ими подвиги во время войны.

60. Пользованіе политическими правами принадлежитъ исключительно гражданамъ Болгарскаго Княжества. Пользованіе же гражданскими правами, на основаніи законовъ, предоставляется всѣмъ пребывающимъ въ Княжествѣ.

61. Торговля людьми не допускается въ Болгарскомъ Княжествѣ.

Всякій рабъ какого бы вѣроисповѣданія, пола и племени онъ ни былъ, вступая на территорію Болгарскаго Княжества, становится свободнымъ.

62. Законы благоустройства и законы полицейскіе одинаково обязательны для всѣхъ лицъ, въ краѣ пребывающихъ.

63. Всѣ недвижимыя имущества, находящіяся въ краѣ, хотя бы они принадлежали иностранцамъ, подлежатъ дѣйствию Болгарскихъ законовъ.

64. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ положеніе иностранныхъ подданныхъ опредѣляется особыми о томъ постановленіями.

Отдѣлъ II.

О государственной и общественной службѣ.

65. Только Болгарскіе подданные могутъ занимать должности по государственной, общественной и военной службѣ.

66. Иностранные подданные могутъ быть принимаемы на службу съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Народнаго Собранія.

Отдѣль III.

О правѣ собственности.

67. Права собственности неприкосновенны.

68. Принудительное отчужденіе имущества можетъ послѣдовать только ради государственной и общественной пользы, за справедливое и предварительное вознагражденіе. Порядокъ отчужденія будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

Отдѣль IV.

О налогахъ и государственныхъ сборахъ.

69. Каждый подданный Княжества Болгарскаго, безъ всякаго изъятія, обязанъ платить установленные закономъ налоги и государственные сборы и исполнять повинности.

70. Князь и Наслѣдникъ престола освобождаются отъ всякаго рода налоговъ, государственныхъ сборовъ и повинностей.

Отдѣль V.

О военной службѣ.

71. Каждый Болгарскій подданный подлежитъ воинской повинности на основаніи установленнаго на сей предметъ закона.

72. Въ дѣлахъ уголовныхъ военнотружущіе подсудны судамъ военнымъ лишь во время нахождения на дѣйствительной службѣ.

Отдѣль VI.

О неприкосновенности личной, о неприкосновенности жилищъ и корреспонденціи.

73. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе какъ по приговору подлежащаго суда, вошедшаго въ законную силу.

74. Аресты и обыски въ домахъ могутъ быть чинимы лишь по правиламъ, изложеннымъ въ законахъ.

75. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, не установленному въ законахъ.

Пытки и конфискація имущества воспрещаются.

76. Въ виду событій, грозящихъ нарушеніемъ общественной безопасности, предоставляется Князю пріостановить во всемъ краѣ или въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ дѣйствіе статей 73 и 74, съ обязанностью внести свое о томъ постановленіе на утвержденіе перваго за симъ Народнаго Собранія.

77. Частная переписка и частныя телеграфическія депеши составляютъ тайну и почитаются неприкосновенными. Отвѣтственность должностныхъ лицъ за нарушеніе тайны писемъ и депешъ, будетъ опредѣлена особымъ закономъ.

Отдѣлъ VII.

О народномъ обученіи.

78. Первоначальное обученіе бесплатно и обязательно для всѣхъ подданныхъ Болгарскаго Княжества.

Отдѣлъ VIII.

О свободѣ печати.

79. Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ.

Если авторъ извѣстенъ и находится въ Княжествѣ, то издатель, типографщикъ и распространитель не могутъ быть подвергаемы преслѣдованію.

80. Священное писаніе, богослужебныя книги и сочиненія догматическаго содержанія, назначенныя для употребленія въ православныхъ церквахъ, а также и учебники по Закону Божию для православныхъ, подлежатъ предварительному одобренію Св. Синода.

81. Преступленія по дѣламъ печати судятся, по закону, въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

Отдѣль IX.

О свободѣ собраній и о составленіи дружествъ.

82. Жителямъ Болгарскаго Княжества предоставляется право собираться мирно и безъ оружія, для обсужденія всякаго рода вопросовъ, безъ предварительнаго на то разрѣшенія.

Собранія внѣ зданій, на открытомъ воздухѣ, подчиняются исполнѣ полицейскимъ правиламъ.

83. Болгарскіе граждане имѣютъ право составлять дружества безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, если только цѣль и средства этихъ дружинъ не приносятъ вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ.

Отдѣль X.

О правѣ подавать прошенія.

84. Каждый болгарскій подданный имѣетъ право подавать надлежащимъ властямъ прошенія, подписанныя однимъ или нѣсколькими лицами (коллективно). Учрежденія, закономъ установленныя, имѣютъ право подавать прошенія чрезъ своихъ представителей.

XIII.

О народномъ представительствѣ.

85. Представительство страны заключается въ Народномъ Собраніи, которое бываетъ:

1. *Обыкновенное.*

2. *Великое.*

XIV.

ОБЪ ОБЫКНОВЕННОМЪ НАРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

Отдѣлъ I.

О составѣ Обыкновеннаго Народнаго Собранія.

86. Обыкновенное Народное Собрание состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ по одному на 10,000 жителей обоого пола.

Депутаты избираются на три года.

Право быть избирателями принадлежитъ всеѣмъ болгарскимъ гражданамъ, достигшимъ 20 лѣтъ съ годомъ и пользующимся гражданскими и политическими правами.

Въ депутаты могутъ быть избираемы всеѣ болгарскіе граждане, пользующіеся гражданскими и политическими правами; они должны быть грамотны и не моложе 30 лѣтъ отъ роду.

Порядокъ выборовъ долженъ быть опредѣленъ особымъ избирательнымъ закономъ.

87. Депутаты почитаются представителями не только своихъ избирателей, но и всего народа. Посему они не могутъ принимать отъ своихъ избирателей никакихъ обязательныхъ инструкцій. Депутатамъ предоставляется судить о нуждахъ края по собственному убѣжденію и совѣсти.

88. При открытіи засѣданія, Народное Собрание, подъ предсѣдательствомъ депутата, старшаго по возрасту, приступаетъ немедленно къ избранію постояннаго предсѣдателя и вице-предсѣдателей.

89. Секретари, въ необходимомъ для занятій числѣ, избираются самимъ Собраніемъ изъ собственной среды.

90. Министры могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ Собранія и принимать участіе въ преніяхъ. Собрание обязано выслушивать министровъ всякій разъ, когда они просятъ слова.

91. Для представленія Собранію объясненій по внесеннымъ проектамъ, Князь можетъ вмѣсто министровъ или сов-

иѣстно съ ними, назначать въ Собраніе особыхъ комиссаровъ, кои въ сихъ случаяхъ пользуются правами министровъ, указанными въ предшедшей 90 статьѣ.

92. Собраніе можетъ просить министровъ и комиссаровъ прибыть въ засѣданіе для сообщенія необходимыхъ свѣдѣній и разъясненій. Министры и комиссары обязаны явиться въ Собраніе и сообщить лично требуемыя объясненія. Министры и комиссары, подъ своею отвѣтственностью, могутъ не сообщать такихъ фактовъ, несвоевременная огласка коихъ можетъ повредить государственнымъ интересамъ.

Отдѣлъ II.

О свободѣ мнѣній и о неприкосновенности членовъ Собранія.

93. Каждый членъ Собранія имѣетъ право выражать свободно свое мнѣніе, подавая голосъ по внутреннему убѣжденію и совѣсти. Никто не можетъ требовать отъ него въ выраженномъ мнѣніи отчета, или возбуждать за сіе противъ него преслѣдованіе.

94. Права предсѣдателя и отвѣтственность членовъ Собранія, по соблюденію порядка и приличія въ засѣданіяхъ, опредѣляются въ особомъ Уставѣ о внутреннемъ распорядкѣ Собранія.

95. За совершенныя въ засѣданіи Собранія членами его проступки и преступленія, предусмотрѣнные уголовными законами, виновные въ томъ могутъ быть привлекаемы къ суду не иначе, какъ по опредѣленію Собранія.

96. Члены Народнаго Собранія за пять дней до открытія и во все время продолженія засѣданій не могутъ быть арестованны и судимы, за исключеніемъ случаевъ, когда они обвиняются въ преступленіяхъ, за кои налагаются по уголовному закону *тяжчайшя* наказанія. Въ сихъ случаяхъ объ арестѣ слѣдуетъ немедленно увѣдомить Народное Собраніе, а самое преслѣдованіе можетъ быть начато лишь съ его разрѣшенія.

97. Личное задержаніе депутатовъ за долги, за пять дней до открытія и во все время продолженія засѣданій Собранія, ни въ какомъ случаѣ не допускается.

98. Порядокъ замѣщенія умершихъ или выбывшихъ членовъ собранія опредѣляется избирательнымъ закономъ.

Отдѣлъ III.

О публичности засѣданій Народнаго Собранія.

99. Засѣданія Народнаго Собранія происходятъ при открытыхъ дверяхъ.

100. Предсѣдатель, министръ, комиссаръ, а равно члены Собранія, въ числѣ не менѣе трехъ, могутъ внести предложеніе о закрытіи Собранія для лицъ постороннихъ. Такое предложеніе обсуждается при закрытыхъ дверяхъ и рѣшается большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ.

101. Означенныя въ статьѣ 100 рѣшенія Собранія объявляются Предсѣдателемъ при открытыхъ дверяхъ.

102. Никто не допускается съ оружіемъ ни въ залу засѣданій, ни въ зданіе, въ коемъ Собраніе помѣщается. Военные караулы и вообще вооруженныя силы не должны быть помѣщаемы ни у дверей залы засѣданій, ни въ самомъ зданіи, ни по близости зданія, развѣ бы само Собраніе большинствомъ голосовъ того пожелало.

103. Собраніе имѣетъ свою собственную внутреннюю полицію, состоящую въ подчиненіи предсѣдателя.

104. Внутренній распорядокъ и дѣлопроизводство опредѣляются самимъ Собраніемъ.

XV.

ПРЕДМЕТЫ ВѢДѢНІЯ НАРОДНАГО СОБРАНІЯ.

105. Предметы вѣдѣнія Народнаго Собранія суть:

- 1) Обсужденіе проектовъ законовъ, согласно ст. 44.
- 2) Обсужденіе предложеній о государственныхъ займахъ, объ увеличеніи, уменьшеніи или установленіи налоговъ и

всякаго рода сборовъ, а равно о ихъ распредѣленіи и порядкѣ взиманія.

3) Дѣло о сложеніи недоимокъ и всякаго рода недоборовъ, взысканіе коихъ признано будетъ невозможнымъ.

4) Обсужденіе ежегоднаго бюджета доходовъ и расходовъ.

5) Разсмотрѣніе отчетовъ о расходованіи суммъ, назначенныхъ по бюджету.

6) Разсмотрѣніе отчетовъ Высшей счетной палаты, которая должна представлять Собранію подробные доклады объ исполненіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

7) Возбужденіе вопросовъ объ отвѣтственности министровъ.

106. Собраніе имѣетъ право принимать всякаго рода прошенія и жалобы и передавать ихъ подлежащимъ министрамъ. Ему предоставляется право назначать слѣдственные коммиссіи по управленію. Министры, по запросу Собранія, должны давать объясненія.

107. Члены Собранія имѣютъ право дѣлать Правительству запросы, а подлежащіе министры обязаны отвѣчать на нихъ.

XVI.

О ПОРЯДКѢ ВНЕСЕНІЯ И РАЗСМОТРѢНІЯ ПРОЕКТОВЪ И ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

108. Законодательная инициатива принадлежитъ Князю и Народному Собранію.

109. Законопроекты и предложенія Правительства вносятся въ Народное Собраніе подлежащими министрами по распоряженію Князя. Каждый депутатъ также можетъ внести въ Народное Собраніе законопроектъ или предложеніе, если они подписаны одною четвертью присутствующихъ депутатовъ.

110. Каждый законопроектъ или предложеніе, внесенныя въ Собраніе, могутъ быть взяты обратно, если не было еще окончательной подачи голосовъ.

111. Народное Собраніе можетъ дѣлать во внесенныхъ проектахъ измѣненія, дополненія и поправки.

112. Если Правительство не согласится на измѣненія, до-

полненія и поправки, сдѣланныя въ его законопроектѣ, то оно можетъ или взять законопроектъ обратно, или внести его вторично въ первоначальной редакціи съ объясненіями и замѣчаніями, или же внести его съ тѣми измѣненіями, и дополненіями, которыя найдетъ цѣлесообразными.

113. Ни одинъ законопроектъ, отвергнутый Народнымъ Собраніемъ во всей его цѣлости, не можетъ быть внесенъ безъ измѣненія въ Собраніе въ теченіе той же сессіи. Такой законопроектъ можетъ быть внесенъ въ слѣдующую сессію.

114. Подача голосовъ о поступившемъ на разсмотрѣніе Собранія проектѣ или предложеніи допускается лишь въ томъ случаѣ, если въ засѣданіи присутствуетъ болѣе половины всѣхъ членовъ.

115. Члены Собранія должны подавать голоса лично, открыто и устно. По требованію десяти членовъ голосованіе можетъ быть закрытое.

116. Рѣшенія Собранія постановляются большинствомъ голосовъ.

117. При равенствѣ голосовъ проектъ или предложеніе почитается отвергнутымъ.

118. По каждому постановленію, состоявшемуся въ Собраніи и представленному Князю, рѣшеніе его должно послѣдовать въ теченіе сессіи.

XVII.

О БЮДЖЕТѢ.

119. Бюджетъ представляется на разсмотрѣніе Народнаго Собранія ежегодно.

120. Бюджетъ, по принятіи его Народнымъ Собраніемъ, представляется на утвержденіе Князя.

121. Народное Собраніе разсматриваетъ проектъ бюджета по статьямъ и, въ случаѣ измѣненія или устраненія какой либо изъ нихъ, указываетъ побуждающія его къ тому причины.

122. Въ случаѣ невозможности созвать Собраніе и при необходимости безотлагательныхъ расходовъ, сила и дѣйствіе

прошлагодняго бюджета продолжаются, подъ отвѣтственностью министровъ, впредь до одобренія ихъ распоряженій Народнымъ Собраніемъ въ первую имѣющую состояться сессію.

ХVIII.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗАЙМАХЪ.

123. Ни одинъ заемъ не можетъ быть заключенъ безъ согласія Народнаго Собранія.

124. Если бы для государства не въ періодъ засѣданій Собранія встрѣтилась необходимость заключить заемъ на покрытіе чрезвычайныхъ и неотлагательныхъ расходовъ, то созывается немедленно Народное Собраніе не въ очередь.

125. Если бы, для созванія Народнаго Собранія, встрѣчены были важныя препятствія, то Князь, по представленію Совѣта Министровъ, можетъ разрѣшить заемъ до одного миліона франковъ, подъ условіемъ одобренія ближайшаго Народнаго Собранія.

126. По статьямъ, по коимъ кредита установлено не было, Князь можетъ, порядкомъ и въ случаяхъ, указанныхъ въ предъидущей (125) статьѣ, разрѣшить расходъ изъ средствъ казны, но расходъ сей не долженъ въ общемъ итогѣ превышать трехсотъ тысячъ франковъ.

ХIX.

О СОЗВАНІИ НАРОДНАГО СОБРАНІЯ.

127. Народное Собраніе созывается Княземъ ежегодно. Сессія продолжается съ 15 октября по 15 декабря. Но Собраніе можетъ быть созвано и не въ очередь, если важныя обстоятельства того потребуютъ.

128. Мѣсто и, въ предѣлахъ статьи 127, время Собранія указываются въ распоряженіи Князя о его созваніи.

129. Очередная сессія Собранія можетъ быть продолжена по взаимному соглашенію Князя и Народнаго Собранія.

130. Князь открываетъ и закрываетъ Собрание или лично, или поручаетъ сіе лицу, особо къ тому уполномоченному.

131. Предъ открытіемъ Собранія, всѣ члены его одновременно, по обрядамъ ихъ исповѣданій, приносятъ слѣдующую присягу:

«Клянусь единымъ Богомъ соблюдать и охранять Конституцію и, при исполненіи моихъ обязанностей въ семь Собраніи, имѣть единственно въ виду общее благо народа и Князя, по крайнему моему разумѣнію и совѣсти, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ. Аминь».

132. Лица духовнаго сана присяги не приносятъ, но даютъ торжественное обѣщаніе поступать во всемъ по совѣсти, имѣя исключительно въ виду общее благо страны и Князя.

133. При открытіи Собранія, въ Княжеской рѣчи излагается положеніе края и указываются проекты и предложенія, имѣющіе быть внесенными на разсмотрѣніе Собранія.

134. На Княжескую рѣчь Собрание представляетъ Князю отвѣтный адресъ.

135. По созваніи Собранія, Князь можетъ отсрочить его асѣданія, но не болѣе, какъ на два мѣсяца. Новая отсрочка въ періодъ той же сессіи можетъ послѣдовать лишь съ согласія самаго Собранія.

136. Князь можетъ распустить Собрание и назначить новые выборы народныхъ представителей.

137. Новые выборы должны послѣдовать не позже двухъ, а новое Собрание должно быть открыто не позже четырехъ мѣсяцевъ со дня распушенія прежняго Народнаго Собранія.

138. Члены Народнаго Собранія не могутъ собираться въ сессіи безъ созванія ихъ Княземъ; равнымъ образомъ не могутъ собираться въ засѣданія послѣ отсрочки, закрытія или распушенія Собранія.

139. Члены Народнаго Собранія, мѣстожителство коихъ находится не въ той мѣстности, гдѣ засѣдаетъ Собрание, получаютъ суточные деньги, а равно и прогонныя въ оба пути. Размѣръ ихъ будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

XX.

О ВЕЛИКОМЪ НАРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

Отдѣль I.

Предметы вѣдѣнія Великаго Народнаго Собранія.

140. Великое Народное Собраніе созывается Княземъ, или Регентствомъ, или Совѣтомъ Министровъ.

141. Князь созываетъ Великое Народное Собраніе:

1) Для обсужденія вопросовъ объ отчужденіи или обмѣнѣ части территоріи Княжества. Вопросы эти рѣшаются большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ Собранія.

2) Для измѣненія или пересмотра Конституціи. Рѣшеніе по симъ предметамъ требуетъ большинство двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ Собранія.

142. Великое Народное Собраніе можетъ быть созвано Регентствомъ только для обсужденія вопросовъ объ отчужденіи или обмѣнѣ части территоріи Княжества. Вопросы эти рѣшаются большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ Собранія.

143. Совѣтъ Министровъ созываетъ Великое Народное Собраніе:

1) Для избранія новаго Князя въ случаѣ, если бы царствовавшій Князь скончался, не оставивъ по себѣ Наслѣдника. Избраніе совершается большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ членовъ Собранія.

2) Для избранія Регентовъ въ случаѣ несовершеннолѣтія Наслѣдника престола. Избраніе совершается большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ Собранія.

Отдѣль II.

О составѣ Великаго Народнаго Собранія.

144. Великое Народное Собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ. Число депутатовъ равно двойному числу членовъ Обыкновеннаго Народнаго Собранія, считая по два на каждые 10,000 жителей обою пола.

О порядкѣ избранія депутатовъ будетъ изданъ особый избирательный законъ.

145. Предсѣдатель, Вице-предсѣдатели и необходимое число секретарей избираются самымъ Собраніемъ изъ своей собственной среды. До избранія же ихъ, предсѣдательствуетъ старшій по возрасту депутатъ.

146. Великое Народное Собраніе занимается исключительно тѣми предметами (ст. 141—143), для которыхъ оно по Конституціи было создано, и распускается немедленно послѣ ихъ рѣшенія.

147. Къ Великому Народному Собранію примѣняются статьи 87, 90, 92, 93,—104, 114, 115, 131 и 132 сей Конституціи.

XXI.

О ВЫСШИХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНИЯХЪ: О СОВѢТѢ МИНИСТРОВЪ И МИНИСТЕРСТВАХЪ.

148. Высшія Правительственныя Учрежденія суть:

1) Совѣтъ Министровъ.

2) Министерства.

149. Исполнительная власть, подъ высшимъ надзоромъ и руководствомъ Князя (статья 12), принадлежитъ Министрамъ и ихъ Совѣту.

150. Совѣтъ Министровъ состоитъ изъ всѣхъ Министровъ. Одинъ изъ нихъ, по выбору Князя, назначается Предсѣдателемъ Совѣта.

151. Сверхъ общихъ обязанностей въ обыкновенное время, Совѣту министровъ, въ нѣкоторыхъ нижепоименованныхъ случаяхъ, присвоиваются слѣдующія права и обязанности:

1) Въ случаѣ смерти Князя безъ Наслѣдника, Совѣтъ Министровъ вступаетъ въ управленіе страной, и въ мѣсячный, со времени вступленія въ управленіе, срокъ созываетъ Великое Народное Собраніе для избранія новаго Князя.

2) Совѣтъ Министровъ вступаетъ также въ управленіе страной и въ томъ случаѣ, если Князь при смерти не учредилъ Регентства. Великое Народное Собраніе для избранія Регентовъ должно быть создано въ тотъ же мѣсячный срокъ (п. 1).

3) Если по смерти Князя вдовствующая Княгиня осталась беременною, то впредь до разрѣшенія ея отъ бремени, управленіе странюю принадлежитъ Совѣту Министровъ.

4) Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ Регентства, Совѣтъ Министровъ созываетъ Великое Народное Собраніе, для избранія Регента на мѣсто умершаго, порядкомъ, опредѣленнымъ въ п. 2.

5) Совѣтъ Министровъ, вступая, въ случаяхъ, указанныхъ въ пунктахъ 1—2 сей статьи, въ управленіе странюю, объявляетъ о томъ прокламаціей къ народу.

6) Въ теченіе своего управленія странюю, Совѣтъ Министровъ не можетъ смѣнять Министровъ.

7) Члены Совѣта Министровъ, въ случаѣ временнаго управленія странюю, получаютъ только содержаніе, ихъ должностямъ присвоенное.

152. Министры назначаются и увольняются Княземъ.

153. Министры отвѣтственны передъ Княземъ и Народныхъ Собраніемъ въ *совокупности* за общія ими принятія мѣры, и *лично*, каждый за дѣйствія, совершенныя имъ по ввѣренной ему части управленія.

154. Каждый оффиціальнѣй актъ, подписанный Княземъ, по свойству своему, долженъ быть скрѣпленъ или всѣми министрами, или министромъ по принадлежности.

155. Министры могутъ быть преданы Народнымъ Собраніемъ суду за измѣну отечеству или Князю, за нарушеніе Конституціи, за предательство или вредъ, нанесенный странѣ съ цѣлю личнаго интереса.

156. Предложеніе о преданіи Министра суду должно быть письменное, содержать исчисленіе пунктовъ обвиненія и быть подписано по крайней мѣрѣ одною четвертью членовъ Народнаго Собранія.

157. Для преданія Министра суду необходимо двѣ трети голосовъ присутствующихъ членовъ.

158. Министры подсудны особому Государственному суду, составъ коего будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

159. Князь не можетъ помиловать обвиненнаго министра безъ согласія Народнаго Собранія.

160. Исполненіе законовъ поручается высшимъ административнымъ учрежденіямъ, именуемымъ Министерствами.

161. Министерствъ шесть:

1) Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и Исповѣданій.

2) Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

3) Министерство Народнаго Просвѣщенія.

4) Министерство Финансовъ.

5) Министерство Юстиціи.

6) Министерство Военное.

162. Во главѣ cadaго министерства находится министръ.

163. Назначеніе на всѣ государственныя должности принадлежитъ Князю.

164. Каждое должностное лицо приноситъ присягу на вѣрность Князю и Конституціи.

165. Каждое должностное лицо отвѣчаетъ за свои служебныя дѣйствія.

166. Должностныя лица, служащія по назначенію отъ Правительства, имѣютъ право на пенсію, основаніе и размѣръ коей будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

XXII.

О ПОРЯДКѢ ИЗМѢНЕНІЯ И ПЕРЕСМОТРѢ КОНСТИТУЦИИ.

167. Предложенія объ измѣненіи или пересмотрѣ Конституціи дѣлаются общимъ порядкомъ, установленнымъ для изданія законовъ (ср. статьи 108 и 109).

168. Означенныя въ предыдущей (167) статьѣ предложенія считаются принятыми, если за нихъ выскажется болѣе двухъ третей всѣхъ членовъ Народнаго Собранія.

169. Для разсмотрѣнія сущности означенныхъ въ статьѣ 167 предложеній, созывается Великое Народное Собраніе, которое большинствомъ двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ Собранія рѣшаетъ вопросы, касающіеся измѣненія и пересмотра Конституціи.

XXX.

ПЕТКО СЛОВЕЙКОВЪ.

Первый разъ я познакомился съ нимъ при очень оригинальныхъ условіяхъ.

Былъ яркій солнечный день въ августѣ 1877 года. Я только что вернулся въ Габрово отдохнуть отъ пятидневнаго безотлучнаго пребыванія на Шибкѣ. Какъ теперь помню, сидимъ мы на балконѣ, надъ Янтрой, которая шумитъ здѣсь и пѣнится отъ безсильной злости, встрѣтивъ на пути своемъ колоссальную глыбу скаль... Направо — горбатый каменный мостъ, налѣво въ безоблачной дали — смѣло очерченный конусъ св. Наколая и вершины Лысой Горы и Куруджи. Сквозь шумъ рѣки оттуда порою доносились глухіе удары. Надъ Шибкинскимъ пикомъ точно шапка стоялъ пороховой дымъ. Тамъ на нашихъ и турецкихъ позиціяхъ длился, не останавливавшійся иначе какъ ночью, артиллерійскій бой.

На горбатомъ мосту показалась очень оригинальная группа. Очень оригинальная, яркая, живописная.

Мелкорослыя турецкія лошаденки бодро бѣжали на нашъ берегъ, позвякивая колокольчиками и бубенцами; на какихъ-то красныхъ сѣдлахъ, сгорбясь, сидѣло нѣсколько болгаръ въ короткихъ, не смотря на зной, обшитыхъ мѣхомъ курткахъ, барашковыхъ шапкахъ и своеобразныхъ шальварахъ, узко обтягивающихъ икры, за то вокругъ пояса до колѣнъ висящихъ мѣшкомъ. Всадники сидѣли, по мѣстному обычаю, согнувъ колѣна и высоко подтянувъ стремяна. За плечами у нихъ цѣлые арсеналы, за поясомъ — ятаганы и пистолы, изъ которыхъ несомнѣнно стрѣлялъ бы нашъ прародитель Адамъ, еслибы Господь въ седьмой день не опочилъ отъ трудовъ и создалъ огнестрѣльное оружіе...

— Слава Богу!.. Наконецъ-то.. Цѣль значить! вскочилъ сидѣвшій рядомъ со мной полковникъ С.

— Кого это вы?

— Да Словейковъ!.. Видите—вонъ впереди ѣдетъ.

— Какой это Словейковъ, Петко, извѣстный писатель?

— Прибавьте къ этому еще—честный гражданинъ и безукоризненный патриотъ... Такихъ, какъ онъ, въ Болгаріи двое, трое, да и обчелся. Вся интеллигентная молодежь здѣсь выросла подъ его вліяніемъ.

Я сильно заинтересовался этимъ человѣкомъ, имѣвшимъ такое громадное и такое благотворное вліяніе на Болгарію. Онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, кому страна обязана своимъ возрожденіемъ. Самоучка — онъ сталъ въ полномъ европейскомъ смыслѣ этого слова — просвѣщеннымъ человѣкомъ. По отношенію къ исторіи своей родины, къ ея древностямъ свѣденія его такъ же глубоки, какъ и разносторонни. Здѣсь у него нѣтъ соперниковъ. Двадцать пять лѣтъ онъ трудился надъ громадною работою—описаніемъ Болгаріи въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Задача уже приходила къ концу. Онъ извѣздилъ для этого отдаленнѣйшіе закоулки Македоніи и Фракіи, проникалъ въ албанскую глушь, перерылъ архивы всѣхъ монастырей, собралъ памятники древности, посѣтилъ развалины римскихъ и иныхъ городовъ, записалъ тысячи народныхъ преданій, легендъ и былинъ. Еще годъ— и трудъ бы этотъ явился въ свѣтъ, но судьба берегла для Словейкова потрясающій ударъ. Когда мы сунулись первый разъ за Балканы, насъ встрѣтили тамъ такъ восторженно, что въ упоеніи дешево доставшихся побѣдъ никому и въ голову не приходила возможность отступленія русскихъ войскъ. Словейковъ жилъ тогда въ Эскизагрѣ. Говорили о приближеніи грозныхъ полчищъ Сулеймана, толковали о малочисленности нашихъ войскъ, но городу, засыпанному цвѣтами празднествъ, впервые испытывавшему всю прелесть свободы, и не грезилось о тучахъ, что скоплялись на его горизонтѣ. Отступление наше было неожиданностью. Словейковъ не успѣлъ собрать своихъ работъ; какъ истый патриотъ, онъ схватилъ ружье и бросился вмѣстѣ съ другими болѣе отважными болгарами защищать

городъ. Эпизоды боя подъ Эскизагрой извѣстны. Четыре дружины легли передъ нею, все остальное въ слѣпомъ ужасѣ бросилось за Балканы. На улицахъ баши-бузуки стали уже рѣзать женщинъ. Дочери и жена Словейкова выбѣжали въ чемъ были на габровскую дорогу, а онъ самъ, нѣсколько часовъ спустя, съ малыхъ Балканъ видѣлъ, какъ въ бѣшенномъ пожарищѣ Эскизагры гибли не только его домъ и дома его родныхъ, но и сгорало до тла то, что было результатомъ всей его жизни, его неустаннаго и безпросыпнаго труда—исторія и географія Болгаріи. Словейковъ, рыдая, простиралъ руки къ этимъ неистовымъ взрывамъ огня, окутаннаго чернымъ знаменемъ дыма, хотѣлъ броситься назадъ, но, къ счастью, его удержали сыновья. Потеря эта неоцѣненна для науки. Погибла масса незамѣнимыхъ историческихъ документовъ, сборниковъ, рисунковъ, грамотъ; погибъ матеріалъ, накоплявшійся изо дня въ день, втеченіи двадцати пяти лѣтъ.

До тѣхъ поръ Словейковъ уже былъ замѣтною личностью для славистовъ и знаменитостью для болгаръ.

Онъ вмѣстѣ съ Каравеловымъ создалъ болгарскую литературу, написалъ массу несуществовавшихъ до того времени въ Болгаріи учебниковъ для школъ, призвалъ къ дѣлу десятки народныхъ учителей, открывалъ училища, гимназій, издавалъ газету; пользуясь своимъ вліяніемъ на турокъ, настоялъ на разрѣшеніи священникамъ устроить школы по всѣмъ селамъ своей родины. Онъ работалъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Семья и онъ первое время питались бараньими башками, нищета была самая безысходная; какъ образованный человѣкъ онъ могъ идти служить, турки ему предлагали мѣсто вице-губернатора, могъ заняться торговлей. Его вызывали въ Константинополь, тянули въ Солоники, въ Адрианополь обезпечивали ему благосостояніе, но Петко Словейковъ отказался отъ всего ради интересовъ своей родины. Еслибы собрать все написанное имъ, въ Словейковѣ каждый призналъ бы болгарскаго Крашевскаго, безъ силы таланта польскаго писа-

теля, но съ такой же глубиной знаній, съ такой же громадной энергіей и главное съ тѣмъ, что Крашевскій не имѣлъ возможности обнаружить,—безграничнымъ политическимъ вліяніемъ на свой народъ. Въ самомъ дѣлѣ, Словейковъ въ Болгаріи—это знамя, къ которому и за которымъ идутъ. Всюду, гдѣ звучитъ болгарская рѣчь, нѣтъ такого мужлана, который бы не зналъ, кто такой Словейковъ и что онъ сдѣлалъ для народа. Турки то ухаживали за Словейковымъ, то грозили ему петлей, но какъ въ первомъ случаѣ онъ не поддавался имъ и не примыкалъ къ подлой воровской шайкѣ чорбаджіевъ, такъ и во второмъ—онъ ни на минуту не приостанавливалъ своей дѣятельности изъ за опасенія попасть на висѣлицу... Лучшіе люди Болгаріи за послѣдніе годы бѣжали изъ страны и агитировали извнѣ, появлялись на родинѣ инкогнито, подъ чужими фамиліями, скрываясь днемъ, перелѣваясь. Словейковъ считалъ ниже своего достоинства прибѣгать къ маскарадамъ. Даже когда нелюбившій его Митхадъ-паша сдѣлалъ уже распоряженіе о ссылкѣ Словейкова въ Діарбекиръ или куда-то въ другое мѣсто—Словейковъ не тронулся изъ своего дома и не подумалъ уходить. Впрочемъ, въ послѣдствіи съ храбростью политическаго агитатора Словейковъ соединилъ и мудрость змія. Онъ вкрался въ довѣріе къ турецкимъ властямъ и пользовался ихъ расположеніемъ въ интересахъ своего отечества. Не смотря на свое образованіе, Словейковъ тѣмъ не менѣе все это время оставался вѣренъ всѣмъ безъ исключенія обычаямъ своей родины. вмѣстѣ съ ея страданіями онъ пріучился уважать и ея особенности, такъ что, когда другіе болгары интеллигентнаго кружка фыркали на свое,—Словейковъ остался вѣренъ и мѣстному костюму, и болгарскимъ нравамъ, и даже отстаивалъ нѣкоторыя неправильности и грубости языка потому только, что они обособливаютъ его отъ остальныхъ славянскихъ идіомовъ.

Понятно, насколько мнѣ было интересно увидѣть эту въ высшей степени даровитую, энергическую и слабую въ своей странѣ личность.

— Да гдѣ-же онъ? обернулся я къ С., воображая себѣ Словейкова не иначе, какъ въ черномъ сюртукѣ и таковой-же шляпѣ.

— Да вонъ, впереди ѣдетъ.

— Этотъ—братушко?

— Онъ самый... А что, вы удивлены? Я и самъ былъ также удивленъ въ первое время...

Оригинальная кавалькада, сопровождаемая цѣлою толпою болгаръ, изъ которыхъ каждый старался пожать руку Словейкову, въѣхала, наконецъ, во дворъ нашего дома. Словейковъ самъ разсѣдлалъ своего коня, отдалъ его поводить какому-то голодному бѣженцу и, наконецъ, поднялся къ намъ. Передо мной стоялъ крѣпкій, коренастый болгаринъ съ короткими сѣдыми волосами, круглымъ лицомъ, на которомъ замѣчательно умно и энергично смотрѣли крупные сѣрые глаза. Спаленное солнцемъ лицо безъ морщинки, не смотря на то, что Словейкову было болѣе пятидесяти лѣтъ. Губы весело улыбались. Руку пожалъ такъ, что кости хрустнули...

— Откуда?

— Прямо изъ-за малыхъ Балканъ. Сутки въ дорогѣ.

Утомленія не замѣтно, по-русски говорить чисто и писать литературно.

— Ну, каковы дѣла?

Точно тѣнь пробѣжала по лицу у Словейкова. Оказалось, что этотъ предприимчивый человѣкъ организовалъ конную чету, съ нею отправился черезъ Калоферъ прямо въ тылъ туркамъ, нѣсколько разъ пробирался черезъ ихъ аванпосты, разъ выдержалъ бой съ ними и всѣ эти дни провелъ среди дымящихся обгорѣлыхъ развалинъ, еще нѣсколько времени назадъ счастливыхъ болгарскихъ городовъ и деревень. Всюду по дорогѣ ему попадались трупы зарѣзанныхъ женщинъ и дѣтей, на деревьяхъ — повѣшенные ихъ отцы и братья... Въ тущобахъ — по лѣсамъ спасались голодные полуодѣтые бѣженцы, нѣкоторые — раненные. Турки принимались ихъ рѣзать, да что-то помѣшало и оставили недорѣзанными... Слезы

стояли на глазахъ у Словейкова, когда онъ передавалъ объ этомъ. Меня въ его разсказѣ тогда-же поразила одна замѣчательная черта. Въ то время, какъ остальные болгаре кляли наше легкомысліе, съ какимъ мы, сунувшись за Балканы, отдали подъ ножъ жившихъ тамъ христіанъ, въ то время, какъ всѣ они жаловались и плакали—Словейковъ ни разу не упрекнулъ русскихъ ни единымъ словомъ.

— Великое дѣло не достигается безъ великихъ жертвъ. Только тотъ народъ и можетъ дорого цѣнить свою свободу и отстаивать ее, — кому она дорого досталась!.. говорилъ онъ по этому поводу, онъ, лично потерявшій все! И это не было маской, я съ нимъ сошелся потомъ очень коротко и всюду его слова чужды были горечи, на которую, разумѣется, имѣло право многострадальное населеніе Казанлыка и Эски-загры.

Вечеромъ въ тотъ-же день Словейковъ со своей четой исчезъ опять. Оказалось, что онъ отправился на Ямболъ, Гузово и Сельцы со стороны Травны. Радецкій высоко цѣнили тогда свѣденія, доставленныя Словейковымъ. Анучинъ говорилъ о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Правая рука князя Черкаскаго—полковникъ Соболевъ — не разъ выражался: «я не знаю, чтобы дѣлали безъ Словейкова..» Писатель, кабинетный дѣятель впервые вступилъ на это поприще и тотчасъ-же сталъ здѣсь необходимымъ шибкинскому отряду. Нѣсколько дней спустя, я увидѣлъ Словейкова въ огнѣ ожесточенной бойни на подступахъ къ Лысой Горѣ. Словейковъ поѣхалъ туда не драться, а спасать нашихъ раненыхъ; и здѣсь въ этой боевой обстановкѣ я научился уважать въ немъ смѣлость и спокойствіе, какъ ранѣе я уважалъ въ немъ дарованія и глубокую любовь къ своей родинѣ.

Съ Черкасскимъ Словейковъ не могъ сойтись и поэтому князь не воспользовался всею тою пользой, какую, несомнѣнно, принесъ бы этотъ патріотъ, если бы ему дали просторъ для дѣятельности. Дѣло въ томъ, что Черкасскій всюду и вездѣ повторялъ, что онъ пріѣхалъ въ Болгарію для русскаго дѣла, что ничего болгарскаго онъ не признаетъ, а Словейковъ на

своемъ знамени ставилъ прежде всего «Болгарія—для болгаръ». Глубоко любя Россію, онъ не умѣлъ отдѣлять русскаго дѣла отъ дѣла болгарскаго и считалъ ихъ одинаковыми; спеціальныхъ задачъ, которыми скрутилъ себя по рукамъ и ногамъ Черкасскій, Словейковъ не понималъ. Сверхъ того Словейковъ уже и потому не могъ сойтись съ княземъ, что тотъ прежде всего, еще въ бытность свою въ Бухарестѣ, постарался познакомиться съ представителемъ партіи чорбаджіевъ Евлогіемъ. Черкасскій вообще благоволилъ къ нимъ, видя въ нихъ силу капитала и, какъ ошибочно онъ думалъ, силу ума. Хитрость и подлость въ данномъ случаѣ была принята за политическую мудрость—отсюда цѣлый рядъ заблужденій и нашихъ административныхъ неудачъ.

Плевненскія неуспѣхи, сразившія столькихъ довѣрчивыхъ людей, въ Словейковѣ ни на одну минуту не поколебали его надеждъ на будущее Болгаріи. Онъ въ это время объѣзжалъ страну, вездѣ наставляя, какъ надо править дѣлами въ градскихъ совѣтахъ, какъ помогать русскимъ, какъ организовывать помощь бѣженцамъ, которыми тогда были переполнены болгарскіе города и села. Онъ не скрывалъ отъ себя великихъ недостатковъ своего народа — скупости и эгоизма и ни одинъ изъ нашихъ болгарофобовъ такъ не бичевалъ братушекъ своимъ осужденіемъ, какъ онъ. Ему, впрочемъ, удавалось расшевеливать самую апатичную среду. Во время этихъ поѣздокъ и столкновеній съ русскими строителями царства Болгарскаго, Петко Словейкову случалось нарываться на крупныя непріятности. Наши верхолаты и офицерики, мнившіе себя чуть не Зевсами-громовержцами, интенданты и всевозможные чиновники хозяйственныхъ управленій третировали Словейкова, какъ простаго «вшиваго» (обыкновенное тогда выраженіе) братушку. Словейковъ съ большимъ юморомъ рассказывалъ о такихъ случайностяхъ, не заразившись враждою къ намъ, которая оторвала отъ насъ много иныхъ честныхъ и хорошихъ силъ. Словейковъ въ каждомъ русскомъ видѣлъ одну изъ единицъ русскаго народа, народа, къ которому из-

носль войны.

давна онъ чувствовалъ благоговѣйную восторженную любовь, — любовь выдержавшую всякія испытанія до конца. Часто, когда онъ говорилъ о насъ, мнѣ казалось, что онъ понимаетъ Россію больше многихъ нашихъ мудрецовъ халдейскихъ. Не было въ это время дѣла, гдѣ бы онъ отказался отъ содѣйствія обезпечить-ли продовольствіемъ отрядъ, или купить офицерику какую-нибудь мелочь. Достаточно было быть русскимъ, чтобы имѣть право рассчитывать на его услуги, трудъ, свѣденія и даже маленькія средства.

Но во всемъ блескѣ дѣятельность Словейкова выразилась во время нашего перехода черезъ Балканы въ декабрѣ 1877 г. Тутъ Словейковъ работалъ за сто человекъ—одинъ.

— Это великій патріотъ и драгоцѣнный помощникъ! говорилъ о немъ М. Д. Скобелевъ, къ отряду котораго онъ присоединился.

— Я не знаю, что бы дѣлали безъ него! сознавался А. Н. Куропаткинъ—одинъ изъ лучшихъ дѣятелей этого похода.

И дѣйствительно, трудно сказать, какъ бы мы обошлись безъ Словейкова.

Онъ доставлялъ массы свѣденій о положеніи турецкихъ отрядовъ за Балканами. Организовалъ цѣлыя четы, переходившія туда и высматривавшія турецкія позиціи. По всему пути Скобелевскаго отряда къ перевалу устранялъ множество затрудненій по снабженію почти двухъ съ половиною дивизій всѣмъ необходимымъ. Заготовилъ вьючныхъ коней въ Габровѣ, добылъ проводниковъ и счелъ свое дѣло оконченнымъ только тогда, когда мы перевалили Балканы и турки были разбиты подъ Шейновымъ. Я помню этотъ моментъ побѣды... Когда отрядъ Скобелева выстроился передъ редутами, заваленными трупами, когда съ конца въ конецъ по боевому полю грянуло такое «ура!», о которомъ не дадутъ понятія никакіе парады, ко мнѣ сіяющій, со слезами, счастливыми слезами на глазахъ, подѣхалъ Словейковъ.

— Шибка свободна!.. Шибка свободна! повторялъ онъ, потомъ съ неудержимымъ порывомъ протянулъ руки къ небу,

и, чуть не рыдая, произнесъ: «Нынѣ, Господи, отпущаеши раба твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое!..»

За все это время мнѣ приходилось изумляться чисто юношеской неустанной энергіи Словейкова. Когда онъ спалъ—я не знаю. Съ сѣдла—въ штабъ со свѣденіями, оттуда опять въ сѣдло. Цѣлые дни по селамъ и деревнямъ, сегодня толкуеть съ болгарамн, собираетъ цѣлыя сходки, завтра, смотришь, ужь кинулся неизвѣстными горными проходами за Балканы высматривать позиціи турокъ. Онъ работалъ больше, чѣмъ могла работать молодежь, отказывая себѣ въ какихъ-бы то ни было удобствахъ. Въ Сельви я засталъ его въ полуразвалившейся хижинѣ какого-то болгарскаго бѣженца. Некогда было разбираться гдѣ и какъ пріютиться... Заговаривали съ нимъ о будущемъ устройствѣ Болгаріи—Словейковъ отмахивался только.

— Теперь некогда, теперь не объ этомъ... Теперь освободить надо, а устроиться—мы устроимся сами.

Онъ былъ человекъ на-столько беспристрастный, что во время частыхъ случаевъ грабежей, совершаемыхъ болгарамн надъ турками и носившихъ характеръ личной мести, въ Словейковѣ свои находили не защитника, а самаго суроваго обвинителя.

— Дѣло свободы не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ мести. Народу, желающему независимости, нужно быть прежде всего великодушнымъ... Только рабы мстятъ такъ, граждане даютъ права и свободу своимъ врагамъ, проповѣдывалъ Словейковъ.

Почва, разумѣется, была несовсѣмъ удобна для воспріятія этихъ истинъ. Раздраженные звѣрствами турокъ, потерявшіе все свое имущество, вернувшіеся въ разоренные дома, въ сожженные деревни, гдѣ кругомъ были вырублены подъ корень сады, сожжены лѣса, вытоптаны поля, болгаре были мало расположены дѣлать различіе между местью раба и местью гражданина. Передъ ними еще живы были воспоминанія о зарѣзанныхъ матеряхъ, отцахъ и братьяхъ, объ уведенныхъ неизвѣстно куда сестрахъ и невѣстахъ.

Послѣдній разъ въ эту войну я видѣлъ Словейкова въ С.-Стефано.

Мы встрѣтились съ нимъ на берегу Босфора. Налѣво, словно спящая красавица, у синихъ водъ дремала Константинополь. На его дворцахъ и мечетяхъ играло солнце... Серебрянныя вершины малоазійскаго берега горѣли передъ нами ослѣпляющимъ глаза блескомъ.

— Змѣя у васъ подъ ногами — раздавите ее! повторялъ Словейковъ, указывая на Византію. — Она опять подниметь голову... Берегитесь!...

Черезъ годъ я уже встрѣтилъ его въ Болгаріи политическимъ дѣятелемъ въ совершенно новой роли, гдѣ онъ опять явился вполне хозяиномъ дѣла.

Въ эпоху берлинскаго конгресса Словейковъ, какъ и всѣ его единомышленники, расплачивались тяжелыми разочарованіями за слишкомъ поспѣшную увѣренность въ благихъ результатахъ Санъ-Стефанскаго мира. Болгарія—единая и нераздѣльная, Болгарія—отъ Дуная до Эгейскаго моря, съ шестью-миліоннымъ населеніемъ, со столицей Филиппополемъ, стоящая грозною мстительницей у самыхъ воротъ Константинополя — тяжелыми молотами дипломатическихъ кузнецовъ была разбита на три части. Патріотамъ пришлось примириться съ далеко непривлекательною дѣйствительностью. вмѣсто Болгарскаго царства Сименовъ и Крумовъ — княжество, вмѣсто 6.000,000 населенія — 1.700,000.... Князь изъ нѣмцевъ, вассальныя отношенія къ Портѣ, австрійскій клинъ вбитый между славянами... По мѣрѣ того, какъ опускали головы лучшіе люди страны, подымали ихъ чорбаджи... Эта партія турецкихъ шпионовъ, ростовщиковъ и кулаковъ, раздавленная недавними событіями, какъ баснословная змѣя, разрубленная на куски—сросталась и оживала... Разочарованія—расхолаживая народъ, дѣлали его равнодушнымъ къ судьбамъ отечества. Апатіей—эти господа начинали пользоваться какъ мутной водой... Въ это время Словейковъ выступаетъ уже какъ политическій дѣятель. Въ молодыхъ болгарскихъ газетахъ—листочкахъ

является рядъ статей его; письма отъ его имени сотнями разлетаются по всей странѣ. Является—твердо опредѣленная программа партіи—Болгарія цѣлокупная (нераздѣльная), свободная, демократическая... Болгарія—безъ раздѣленія на сословія, съ избирательными властями, съ свободой печати... Болгарія не для иноземныхъ авантюристовъ, не для своихъ чорбаджіевъ. Въ выборахъ къ Тырновскому національному собранію какъ нельзя лучше сказались дѣятельность Словейкова, Каравелова, Цанкова и другихъ. За ними уже въ самомъ началѣ было обезпечено большинство палаты. На первыхъ же засѣданіяхъ ея—чорбаджіи могли убѣдиться, что на этотъ разъ побѣда на сторонѣ правыхъ и честныхъ. Чорбаджіи могли только тормозить дѣло, задерживать пренія, тянуть ихъ, что они и дѣлали. Представители народа, впервые явившіеся для величайшаго акта политической жизни созданія конституціи, хотя по словамъ чорбаджіевъ и были неподготовлены, тѣмъ не менѣе сразу обнаружили такой политической тактъ, что вызвали удивленіе даже въ своихъ врагахъ. На сторонѣ истинныхъ патріотовъ, заботившихся о благѣ страны, каждый разъ оказывалось громадное большинство. Непривычка сказывалась только въ страстности отношенія къ дѣлу, но и въ этомъ скомпроментировали себя именно чорбаджіи. Впрочемъ они и до конца остались вѣрными себѣ. Даже на дняхъ мнѣ привелось прочесть, какъ крупнѣйшіе представители болгарскихъ бюрократовъ—министры юстиціи и внутр. дѣлъ формально передрались между собою въ засѣданіи совѣта министровъ.... Они же лѣзли въ драку и, въ Тырновскомъ національномъ собраніи, забѣгали къ нашимъ властямъ и сплетничали имъ на вожаковъ народной партіи, придавая имъ опасный демагогическій характеръ. Что касается до меня, то я въ величайшую честь и заслугу князю Дондукову-Корсакову и его уполномоченному Лукьянову ставлю именно то, что они не вмѣшивались, не направляли дѣло народныхъ представителей вовсе. Они не поддались влиянію чорбаджіевъ, и дѣло послѣднихъ, разумѣется, было проиграно... 16-го Апрѣля

1879 года — «Конституція на българското княжество» была подписана представителями и въ то время какъ патріоты ликovali и праздновали вступленіе своего народа въ возрастъ совершеннолѣтія—чорбаджиі основали нѣсколько газетъ для борьбы съ свободными учрежденіями страны... Словейковъ, избранный въ Тырновѣ президентомъ градскаго совѣта,—подымаетъ перчатку, брошенную его противниками и объявляетъ объ изданіи «Цѣлокупной Блгаріи», взамѣнъ издававшагося до тѣхъ поръ органа народнаго собранія «Българскаго Льва». «Българскій Левъ» назывался «политически вѣстникъ за най новитѣ и най важнитѣ дневни вопросы»; выходилъ онъ по четвергамъ подъ главной редакціи С. Н. Мыларова. Словейковъ и въ немъ принималъ участіе и былъ однимъ изъ вдохновителей этой газеты. По прекращеніи этой газеты—партія долго оставалась безъ своего органа и только 20 іюля 1879 года, вышелъ первый номеръ или по болгарски «брой» «Цѣлокупной Блгаріи» подъ исключительною редакціей Словейкова и при участіи лучшихъ силъ болгарской интеллигенціи. Въ самое короткое время „Цѣлокупная Блгарія“ приобрѣла здѣсь громадное значеніе. Газетой не только интересовались, ею стали руководиться. Она наноситъ ударъ за ударомъ консервативной партіи, вызывая ненависть чорбаджіевъ. Противъ нея готовятся даже непредвидѣнныя конституціей репрессалии. Говорили о запрещеніи «Цѣлокупной Блгаріи», причемъ либеральная партія тотчасъ же сдѣлала изъ этого вопросъ о самомъ существованіи парламентской свободы. Какъ прежде, верхомъ на мелкоросломъ конькѣ, въ болгарской мѣховой курткѣ, такъ и теперь въ черномъ сюртукѣ народнаго писателя и журналиста Словейковъ остался тѣмъ же смѣлымъ, честнымъ и безкорыстнымъ защитникомъ интересовъ страны и ея вольностей. Какъ во время войны, онъ шелъ въ битвы—такъ теперь, онъ смѣло бросалъ перчатки врагамъ Болгаріи, и билъ ихъ безъ пощады и безъ уступокъ. Онъ не боялся упрековъ въ несправедливости. Онъ зналъ, что «борьба партій должна быть одностороння и несправедлива. На взаимныхъ уступкахъ сейчасъ

же можно помириться», разумеется, пожертвовавъ частію своихъ убѣжденій. Самый языкъ его газеты былъ ясенъ, мѣтокъ и силенъ. Мы привыкли къ иному: у насъ—каждая мысль въ печать—какъ больной на воздухъ, выходитъ закутавшись, мы ее выпускаемъ какъ изъ тюрьмы арестанта въ оковахъ, съ конвойными. У Словейкова—свободный человекъ, хоть грубо, но смѣло владѣетъ свободнымъ словомъ. Сотрудниками у него были—всѣ интеллигентные люди княжества. Я уже не говорю о Каравеловыхъ и другихъ—работали юноши, дѣятели партии, недавніе бойцы за независимость. Газета сдѣлалась не только программой либераловъ—вся страна видѣла въ ней отраженными свои интересы, свое будущее, свои идеалы. Въ слѣдующей книжкѣ, которую я думаю издать послѣ посѣщенія Болгаріи Западной, будутъ приведены болѣе точныя свѣденія о положеніи мѣстной прессы, теперь же я ограничусь только указаніемъ, что едва-ли гдѣ нибудь печатное слово пользовалось такимъ глубокимъ уваженіемъ, едва-ли гдѣ нибудь оно звучало такъ властно и сильно какъ здѣсь.

До іюля 1879 года—я не встрѣчалъ Петко Словейкова. Въ моихъ глазахъ онъ рисовался тѣмъ же простодушнымъ и простоватымъ по наружности народникомъ, какимъ я его видѣлъ въ приснопамятные дни августовской Шибки и декабрьскихъ боенъ въ долинѣ Казанлыка. Кажется 15 іюля—иду я по Тырнову,—къ конаку. Былъ вечеръ. Мѣсяцъ ярко обливалъ своимъ серебряннымъ свѣтомъ дивную панораму этого оригинальнаго города.

— Позвольте васъ познакомить съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ людей! обратился ко мнѣ мой спутникъ Стояновъ.

— Кто это?

— А вотъ—указалъ онъ шедшаго на встрѣчу намъ—Словейковъ!

— Быть не можетъ, это не онъ.

Передъ нами былъ совершенный джентльменъ. Тажеголова—но другіе приемы, другой способъ выраженія, другой голосъ. Это уже не былъ начальникъ четы, не былъ болгарскій воинъ—

я видѣлъ политическаго дѣятеля, народнаго трибуна, портретъ котораго еслибы одна изъ западныхъ «иллюстрацій» помѣстила въ числѣ своихъ депутатовъ, то онъ бы не произвелъ замѣтнаго диссанонса. Въ восточномъ человѣкѣ не было ничего восточнаго. Только тотъ же сильный лобъ, та же упорная голова, тѣ же горячіе энтузіазмомъ и увѣренностію глаза.

Мы обнялись, какъ друзья. Ничто не сближаетъ людей лучше боеваго поля. Но тогда какъ наши дѣятели — до сихъ поръ еще пережевываютъ военныя задачи прошлой кампаніи; Словейковъ — весь былъ полонъ замыслами, направленными къ гражданскому развитію его страны. Въ тотъ же вечеръ, онъ показалъ мнѣ свои работы — онѣ всѣ шли къ этой благородной цѣли. Между прочимъ имъ было переведено на болгарскій языкъ одно стихотвореніе сербо-илирскаго поэта Драгутина Раковца, которое вполне опредѣлило программу либеральной партіи въ княжествѣ. Это стихотвореніе такъ мнѣ понравилось, что я тотчасъ же перевелъ его на русскій. Привожу его здѣсь:

ПѢСНЯ ПИСАТЕЛЕЙ.

Ружье на гвоздь — и мечъ долой!
 Друзья, пришла пора иная —
 Проложатъ намъ широкій путь
 Теперь перо и мысль живая!
 На стражѣ были мы давно,
 Сожгли мы пороху не мало,
 Въ борьбѣ окрѣпъ народный умъ
 И наше чувство возмужало.
 Стяжали въ битвахъ роковыхъ
 Знаменъ изодранныхъ мы груду,
 Но нива знанія пуста
 И мракъ глухой царитъ повсюду.
 Мы Божій крестъ спасли мечемъ
 Теперь пора иного вѣка,
 Свободной мыслью и перомъ
 Въ рабѣ — разбудимъ человѣка.

Ружье на гвоздь — и мечь долой!
 Друзья — пришла пора иная:
 Проложить путь странѣ родной
 Теперь перо и мысль живая!

Словейковъ исполненъ восторженной вѣры въ будущность Болгаріи. Соединеніе двухъ ея разсѣченныхъ Берлинскимъ конгрессомъ половинъ — вопросъ времени. Присоединеніе Македоніи, Тракіи и Добруджи — тоже. Временно, нѣмцы, румыны, греки — могутъ взять верхъ, но только временно — впереди неизбѣжное какъ при химическомъ сродствѣ возвращеніе всѣхъ областей Симеона и Крума... «Мы не сербы — чтобы поддаваться вліянію швабовъ, не развратные румыны. Насъ проглотить не такъ-то легко — подавишься!..» И точно, кто былъ все это время въ княжествѣ, согласится съ нами, что это не пустая фраза.

Петръ Словейковъ — президентъ народнаго собранія въ Софій — это лучшее выраженіе довѣрія страны къ человѣку, который всю жизнь положилъ на ея благо, пожертвовалъ ей всѣмъ и вынесъ для нея все, что только въ силахъ вынести честный гражданинъ.

Изъ своего далека — я посылаю искреннее поздравленіе этому неутомимому борцу свободы. Я считаю честью для себя его дружбу и когда онъ отъ лица болгарскаго народа выразилъ мнѣ привѣтъ за слабыя усилія мои разсѣять предубѣжденія распространенныя у насъ объ этомъ симпатичномъ и родномъ племени — я сказалъ ему тоже самое, что поставлю и въ концѣ этой книги.

— Придетъ пора — когда Болгарія сквитается съ Россіей. Если мы принесли ей въ жертву кровь лучшихъ людей нашихъ, она устроившись, покажетъ намъ знаменательный призмѣрь того: къ какимъ великимъ успѣхамъ ведутъ народы политическая свобода и добрая нравственность.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О КНЯЖЕСТВѢ БОЛГАРІИ.

Губерніи.	ОКРУГА.	Пространство въ □ верстахъ.	Населеніе округовъ.	Сколько душъ при- ходится на □ вер- сту.	ОКР. ГОРОДА.	Населеніе округ- ныхъ городовъ.	Прог. отнош. насел. город. къ всему на селенію округа.
Софійская	Софійскій	2480	106000	42	Софія	10061	9,5
	Орханійскій	1460	52000	35	Орханіе	1200	2,3
	Златицкій	619	12000	19	Златица	585	4,8
	Самоковскій	2330	52000	22	Самоковъ	7410	14,2
	Радомирскій	905	32000	35	Радомиръ	765	2,4
	Дуницкій	985	30000	30	Дуница	2900	9,7
	Кюстендилскій	1208	52000	43	Кюстендилъ	2850	5,5
	Всего	9987*	336000	33		25771	7,6
Тырновская	Тырновскій	5600	102980	24	Тырново	7700	7,4
	Еленинскій		36042		Елена	1868	5,2
	Севліевскій	1334	55094	41	Севліево	2864	5,5
	Габровскій	780	28782	36	Габрово	6368	22,1
	Ловчанскій	1361	92914	68	Ловечъ	2294	2,4
	Османъ-базарск.	958	2160	22	Османъ-базаръ	1068	4,9
Всего	10033	337412	33		21162	6	
Рущукская	Рущукскій	2144	166000	77	Рущукъ	12800	7,7
	Систовскій	1163	31204	26	Систовъ	5550	17,8
	Никопольскій	1208	46988	38	Никополь	632	1,3
	Плевненскій	2167	55620	25	Плевенъ	9700	17,5
	Разградскій	2985	53442	24	Разградъ	7140	13,3
	Туртукайскій	183	31800	174	Туртукай	3336	10,5
	Эски-Джумскій	549	9778	18	Эски-Джумая	3532	36,2
	Всего	10399	394852	38		42690	10

* Къ Софійской губерніи слѣдуетъ еще отнести Трынскій округъ и большую половину Пиротскаго, занимаемые нынѣ сербами, но составляющіе часть Княжества Болгаріи. Всѣ эти таблицы извлечены изъ Софійскаго календаря.

Губерніи.	ОКРУГА.	Пространство въ □ верстахъ.	Населеніе округовъ.	Сколько душъ при- ходится на □ вер- сту.	ОКР. ГОРОДА.	Населеніе округ- ныхъ городовъ.	Прод. отнош. насел. город. къ всему на- селенію округа.
Видинская.	Видинскій	1114	61286	55	Видинъ	13682	22,3
	Ломскій	706	77186	109	Ломъ	900	1,2
	Раховскій	2844	52489	18	Раховъ	2585	4,8
	Врачанскій	4713	61758	13	Враца	8000	2,9
	Берковецкій	1870	52820	28	Берковица	8000	15,1
	Бѣлградчикскій	883	28842	32	Бѣлградчикъ	1000	3,4
	Кульскій	638	35000	88	Кула	4224	1,1
	Всего	12769	372381	28		38391	10
Варненская.	Варненскій	1458	36200	24	Варна	9000	94,8
	Правдскій	1600	50072	31	Правдиа	300	0,5
	Бальчикскій	1037	20000	19	Бальчикъ	3078	15,
	Базарджикскій	1754	19000	11	Базарджикъ	3800	20,
	Шумненскій	2361	134660	57	Шумень	18000	13,7
	Силистрийскій	5904*	68280	11	Силистриа	4200	6,1
	Всего	13514	328212	24		38378	9,5
Итого въ Княжествѣ	56702	1754436	30		166392	9,5	

Приложеніе II.

По окончаніи войны за освобожденіе Болгаріи, въ печати не разъ появлялись свѣденія о томъ, что неистовства турокъ въ Болгаріи были значительно преувеличены корреспондентами

* Отъ сего округа значительная часть отошла къ Румыніи вмѣстѣ съ Добруджей.

и дипломатами. Не раздѣляя этого взгляда, привожу, извлеченныя изъ софійскаго календаря свѣдѣнія:

О ЦЕРКВАХЪ, РАЗРУШЕННЫХЪ И ОГРАБЛЕННЫХЪ ТУРКАМИ ВЪ ПОСЛѢДНИЕ ТРИ ГОДА.

1. Въ Сливенской губерніи.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого сятаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для возстановленія въ прежнемъ видѣ.
	ЕНИ-ЗАГАРСКАГО ОКРУГА.				
1	Городъ Ени-загра. Церковь деревянная во имя Успенія Богородицы о трехъ предѣлахъ.	1854	500	Раззорена до основанія.	11,749 руб.
	СЕЛЕНІЯ.				
2	Село Гюнелій. Церковь деревянная во имя Св. Іоанна Рыльскаго о двухъ предѣлахъ.	1870	267	Раззорена до основанія.	3,750 руб.
3	Село Морлакъ-махла. Церковь каменная во имя Св. Троицы о двухъ предѣлахъ.	1876	292	Внутренность церкви сожжена и вещи ограблены.	825 руб.
4	Село Богданъ-махла. Церковь деревянная во имя Димитрія о двухъ предѣлахъ.	1867	161	Раззорена до основанія.	1,510 руб.
5	Село Бешъ-Тепе. Церковь деревянная о двухъ предѣлахъ во имя Св. Параскевы.	1859	350	Раззорена до основанія.	3,400 руб.
6	Село Кюсе-махла. Церковь деревянная въ два предѣла во имя Святыхъ.	1859	340	Раззорена до основанія.	2,150 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для восстановления въ прежнемъ видѣ.
7	Село Акъ-Бунаръ. Церковь деревянная въ два предѣла во имя Св. Димитрія.	1834	270	Раззорена до основанія.	3,900 руб.
8	Село Чифрликъ. Церковь деревянная въ два предѣла во имя Св. Кирилла и Меодія.	1875	180	Раззорена до основанія.	2,150 руб.
9	Село-Куруджій. Церковь деревянная въ одинъ предѣлъ во имя Св. Богородицы	1861	250	Раззорена до основанія.	300 руб.
10	Село Орманово. Церковь деревянная въ три предѣла во имя Св. Иліи.	1867	380	Раззорена до основанія.	3,500 руб.
11	Село Авлени. Церковь деревянная въ одинъ предѣлъ во имя Св. Кирилла и Меодія.	1869	150	Раззорена до основанія.	500 руб.
12	Село Нады-Аланъ. Церковь деревянная въ одинъ предѣлъ во имя Св. Димитрія.	1871	190	Ограблена.	375 руб.
13	Село Лабатлари. Церковь деревянная въ два предѣла во имя Св. Димитрія.	1871	300	Раззорена до основанія.	4,124 руб.
14	Село Атлари. Церковь деревянная въ одинъ предѣлъ во имя Св. Георгія.	1871	65	Раззорена до основанія.	825 руб.
15	Село Терубасъ. Церковь деревянная въ два предѣла во имя Св. Димитрія.	1860	650	Раззорена до основанія.	825 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько приходовъ, мужского пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для восстановления въ прежнемъ видѣ.
16	Село Твердица. Церковь каменная въ два предѣла во имя Св. Параскевы.	1835	390	Раззорена до основанія.	1,500 руб.
17	Назосъ-Мади. Церковь каменная въ три предѣла во имя Св. Архангела Михаила.	1843	140	Сожжена и ограблена.	1,625 руб.
18	Село Конари. Церковь каменная въ три предѣла во имя Св. Троицы.	1850	220	Ограблена.	1,325 руб.
19	Село Хаинити. Церковь деревянная въ два предѣла во имя С. Димитрія.	1860	280	Раззорена до основанія.	990 руб.
20	Село Чанакчій. Церковь деревянная въ два предѣла во имя Св. Богородицы.	1869	25	Раззорена.	1,575 руб.
21	Село Кортень. Церковь каменная въ 2 предѣла во имя Св. Николая.	1835	620	Раззорена до основанія.	7,250 руб.
22	Село Енденьой. Церковь каменная въ два предѣла во имя Архангела Михаила.	1858	20	Ограблена и сожжена.	4,250 руб.
	СЛИВЕНСКАГО ОКРУГА.				
	СЕЛЕНІЯ.				
1	Село Дермень-Дере. Церковь каменная съ большимъ сводомъ во имя Св. Архангела.	1868	150	Ограблена, внутреннія части уничтожены.	2,100 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для восстановления въ прежнемъ видѣ.
2	Село Керменли. Церковь полукаменная и полудеревянная во имя Св. Параскевы.	1870	270	Раззорена и ограблена.	400 руб.
3	Село Гердеме. Церковь полукаменная и полудеревянная во имя Св. Кирилла и Меѳодія.	1875	500	Ограблена.	250 руб.
4	Село Космидий. Церковь деревянная во имя Св. Георгія.	—	250 ж.	Ограблена.	100 руб.
5	Село Мусукодзалий. Церковь полукаменная и полудеревянная во имя Св. Архангела.	1873	300	Ограблена.	710 руб.
6	Село Боедникъ. Церковь полукаменная и полудеревянная во имя Св. Димитрія.	1856	200	Совершенно раззорена и ограблена.	5,000 руб.
7	Село Карапча. Церковь деревянная во имя Св. Богородицы.	1838	400	Ограблена.	400 руб.
8	Село Иелрий. Церковь полукаменная и полудеревянная во имя Св. Кирилла и Меѳодія.	1872	350	Ограблена.	100 руб.
9	Село Медванъ. Церковь каменная во имя Св. Великомученицы Марины въ три предѣла.	1842	320	Совершенно ограблена и раззорена.	5,500 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для восстановления въ прежнемъ видѣ.
10	Село Нейково. Церковь каменная во имя Св. Троицы.	1863	260	Ограблена.	460 руб.
ЯМБОЛЬСКАГО ОКРУГА.					
1	Городъ Ямболь. Каменная церковь во имя Св. Георгія.	1834	1000 ч.	Церковь сгорѣла, а вещи изъ золота и серебра разхищены.	до 3,000 руб.
2	Каменная церковь во имя Св. Троицы.	1863	500 ч.	Церковь сожжена, а церковныя принадлежности частію разграблены, частію сожжены.	10,000 руб.
3	Въ деревнѣ Кашланк. Каменная церковь во имя Св. Великомученика Димитрія.	1857	170	Церковь опалена и разграблена.	400 руб.
4	Въ селѣ Атбани. Каменная церковь во имя Св. Богородицы.	1873	90	Церковь разрушена и разграблена.	350 руб.
5	Въ селѣ Арнаутна. Каменная церковь во имя Св. Великомученика Димитрія.	1857	99100	Церковь разграблена и разрушена.	450 руб.
6	Въ Новомъ селѣ. Каменная церковь во имя Вознесенія Христова.	1857	6070	Церковь разграблена и разрушена.	450 руб.
7	Въ селѣ Бомалій. Каменная церковь во имя Св. Георгія.	1858	6070	Церковь разбита и ограблена.	300 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для возстановленія въ прежнемъ видѣ.
КАРНАБАТСКАГО ОКРУГА.					
1	Городъ Карнабатъ. Церковь каменная во имя Св. Іоанна Богослова въ одинъ предѣлъ.	1838	100	Сожжена, остались полуразрушенные стѣны.	7,500 руб.
2	Д. Комарево. Церковь каменная во имя Св. Великомученика Дмитрія въ одинъ предѣлъ.	1858	300	Сожжена.	3,000 руб.
3	Д. Костень. Церковь каменная во имя Собора Архангеловъ въ одинъ предѣлъ.	1873	250	Сожжена.	2,500 руб.
4	Д. Кая-Башъ. Церковь каменная во имя Св. Троицы въ одинъ предѣлъ.	1873	150	Ограблена и осталась безъ иконъ.	
АЙДОСНАГО ОКРУГА.					
1	Городъ Айдось. Церковь каменная во имя Св. Дмитрія въ три предѣла.		800	Сожжена со всѣми церковными вещами въ январѣ 1878 г.	20,000 руб.
БУРГАСКАГО ОКРУГА.					
1	Ка и л и й, церковь деревянная во имя Св. Георгія въ одинъ предѣлъ.	1873	20	Сгорѣла со всѣми вещами.	2,000 руб.
2	Урумъ-Еникъой. Церковь каменная Св. Аеонасія въ одинъ предѣлъ.	1838	700	Ограблена; сожжена лавка и пекарня церковныя.	700 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для восстановления въ прежнемъ видѣ.
3	Калешиний. Церковь деревянная Св. Николая въ одинъ предѣлъ.	1874	500	Сожжена.	750 руб.
4	Русо-Костро. Церковь деревянная въ память Св. Георгія въ одинъ предѣлъ.	1868	300	Сожжена со всѣми вещами.	7,511 руб.
5	Анезлій. Церковь каменная Св. Троицы въ одинъ предѣлъ.	1878	300	Ограблена.	200 руб.
6	Карабинаръ. Церковь каменная въ память Всѣхъ Святыхъ.	1858	500	Сожжена со всѣми вещами.	2,500 руб.
7	Джемерень. Церковь деревянная Св. Троицы въ одинъ предѣлъ.	1861	150	Ограблена.	1,000 руб.
8	Дюмерлій. Церковь каменная во имя Св. Георгія въ одинъ предѣлъ.	1818	300	Ограблена.	400 руб.
9	Киръ-Хорманъ. Церковь каменная въ память Успѣнія Богоматери въ одинъ предѣлъ.	1828	200	Сожжена со всѣми вещами.	2,000 руб.
10	Алаюнъ. Церковь каменная Св. Константина въ одинъ предѣлъ.	1868	400	Ограблена, поломаны иконы.	
11	Урумъ-Кюй. Три церкви: одна каменная I. Св. Ильи, II. Св. Георгія, III. тоже Св. Георгія.	1826 1867 1830	320 80 150	Ограблена. Сожжена. Ограблена.	около 1,300 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для восстановления въ прежнемъ видѣ.
12	Коджо-Бунъ. Церковь каменная въ память Успенія Богородицы въ одинъ предѣлъ.	1866	300	Ограблена и сожжена.	2,500 руб.
13	Неглесъ-Кюй. Церковь каменная въ память Св. Димитрія въ одинъ предѣлъ.	1875	500	Ограблена.	2,000 руб.
14	Чагланкъ. Церковь деревянная въ память Св. Иліи въ одинъ предѣлъ.			Ограблена.	150 руб.
15	Сармашикъ. Церковь каменная во имя Св. Димитрія въ одинъ предѣлъ.	1844	150	Вещи ограблены.	200 руб.
16	Аммалій-Малій. Церковь каменная въ память Рождества Пр. Богородицы въ одинъ предѣлъ.	1828	250	Сожжена со всѣми вещами.	2,500 руб.
17	Гюкъ-Тепе. Церковь каменная въ память Св. Аѳанасія въ одинъ предѣлъ.	1871	200	Ограблена.	500 руб.
18	Калово. Церковь каменная въ память Св. Георгія въ одинъ предѣлъ.		150	Ограблена.	100 руб.
19	Заберна. Церковь каменная въ память Св. Луки въ одинъ предѣлъ.	1758	100	Ограблена.	150 руб.
20	Стоилово. Церковь каменная въ память Св. Иліи въ одинъ предѣлъ.		100	Ограблена.	200 руб.

Очень старая,
неизвѣстно когда
да построена.

Неизвѣстно
когда построена.

Неизвѣстно
когда построена.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для восстановления въ настоящемъ видѣ.
21	Грамалатиково. Церковь каменная въ память Св. 40 Мучениковъ въ одинъ предѣлъ.	1839	500	Сожжена со всѣми вещами.	400 руб.
22	Бродилово. Церковь каменная въ память Св. Пантелеймона въ одинъ предѣлъ.	1844	120	Ограблена.	200 руб.
23	Вургари. Церковь каменная въ память Св. Константина въ одинъ предѣлъ.	1874	500	Сожжена со всѣми вещами.	2,500 руб.
24	Рѣзово. Монастырь Св. Иоанна, каменная церковь въ одинъ предѣлъ.	Неизвѣстно когда построена.	150	Ограблена.	100 руб.
25	Вижица. Церковь каменная въ память Св. Троицы въ одинъ предѣлъ.	1856	100	Ограблена.	250 руб.
26	Панигорово. Церковь каменная въ память Рождества Богородицы въ одинъ предѣлъ.	1871	150	Ограблена.	225 руб.
27	Найракой. Церковь каменная въ память Св. Аеонасія въ одинъ предѣлъ.	1858	300	Сожжена со всѣми вещами.	2,000 руб.
28	Соримусса. Церковь каменная въ память Св. Иліи въ одинъ предѣлъ.	1858	250	Сожжена со всѣми вещами.	1,750 руб.

	Въ какомъ округѣ, городѣ или селѣ, какая церковь: каменная или деревянная, во имя какого святаго и въ сколько предѣловъ.	Когда построена.	Сколько прихожанъ, мужскаго пола.	Въ чемъ именно заключается ущербъ, нанесенный церкви.	Какая сумма требуется для возстановленія въ прежнемъ видѣ.
29	Св. Николай. Церковь каменная въ память Св. Николая въ одинъ предѣлъ.	1858	500	Ограблена.	250 руб.
80	Махличной. Церковь деревянная во имя Св. Георгія въ одинъ предѣлъ.	1858	500	Сожжена и ограблена.	2,500 руб.
81	Койнарджа. Церковь деревянная въ память Св. Апостола Петра въ одинъ предѣлъ.	1870	150	Ограблена.	150 руб.
	Въ Сливенской губернии ограблено церквей	—	—	27	
	Раззорено до основанія	—	—	48	
	Всего	—	—	75 церквей.	
	Кромѣ того, ограблено и разрушено до основанія 20 училищъ, состоявшихъ при церквяхъ.				

2. Филиппопольской губернии.

Ряд. №	Название городов и селений.	Разорены.	Ограблены.	Ряд. №	Название городов и селений.	Разорены.	Ограблены.
	1. Онругъ Татаръ- Пазарджиской.			40	Говедаре.	—	1
					Саладиново	—	1
					Бошуля.	—	1
					Згарлій	—	1
1	Т.-Пазарджикъ . . .	—	4		Славоница	—	1
	Панагюрище	3	—	25	Аканджіево	—	1
	Пещера	—	2		Мененево	—	1
	Брацигово	—	1		Момины	—	1
5	Стрѣлча	1	—	49	Каменица	—	1
	Чанакчіево	—	1		Ракитово.	—	1
	Бѣга.	1	—			21	34
	Радилово	1	—		Кромѣ того, сож- женъ монастырь св. Николая при селѣ Камрерово и ограбленъ мона- стырь св. Петра при с. Патеница.		
10	Али-Кочово	1	—				
	Дебрашица	—	1				
	Батакъ.	1	—				
	Петричь	1	—				
	Мечка	1	—				
	Попенцы	1	—				
15	Калагларъ	1	—				
	Джумая	1	—				
	Елшица.	1	—				
	Лѣсичево	1	—				
	Шърково	1	—	1	Куртъ Вунаръ . . .	1	—
20	Калугерово	1	—		Илхово	1	—
	Цѣрово	1	—		Калерата	1	—
	Сяртъ-Харманъ . . .	1	—	5	Алли-Гюнъ	1	—
	Вѣтренъ	1	—		Чолхакново	1	—
	Кара-Мусалъ.	1	—		Гюджерлій	1	—
25	Стрѣнча	—	1		Кара-Алтя	1	—
	Пателеница	—	1		Меричлеръ	2	—
	Варвара	—	1		Гурбетово	1	—
	Семчиново	—	1	10	Акъ-Бунаръ	1	—
	Гольмо-Белево	—	1		Дермень-Махла- Дерели	1	—
	Ковачево	—	1	13	Каратерзилеръ . . .	—	1
	Кюссе-Муратово. . . .	—	1			11	2
	Понбремъ	—	1				
	Бяте.	—	1				
35	Мало-Белево	—	1				
	Баня	—	1				
	Кюпелій	—	1	1	Шипка	2	—
	Черногорово	—	1		Габарева.	1	—
	Конаре	—	1		Сохраніе	1	—
	Рищигово.	—	1		Търничане	1	—

№	Названіе городовъ и селеній.	Раззорены.	Ограблены.	Ряд. №	Названіе городовъ и селеній.	Раззорены.	Ограблены.
5	Голѣмо-Село	1	—		Нахія Караджа-Дагъ.		
6	Торія	1	—				
		7	—	1	Г. Аджаръ	2	—
	Нахія Гюпца.				С. Рахманлій	1	—
					„ Суютчюкъ	1	—
				5	„ Рогошъ	—	1
1	Г. Сопоть	2	—		„ Гереныты	—	1
	Село Дябине	1	—		„ Чакарджіе	—	1
	„ Баня	1	—		„ Кара-Орманъ	—	1
	„ Арапово	1	—		„ Балджиларъ	—	1
5	„ Митеризово	1	—	10	„ Колачево	—	1
	„ Дуганджій	1	—		„ Чяхларе	—	1
	„ Богаза	1	—		„ Абрашларъ	—	1
	„ Маджаре	1	—	13	„ Хамзаларъ	—	1
	„ Гелилеръ	1	—		„ Мисслите	—	1
10	„ Кочмаларъ	1	—			4	19
	„ Бюль-Оба	1	—		Нахія Коюнь-Тепе.		
	„ Синджерлій	1	—				
	„ Кара-Топракъ	1	—	1	С. Перущица	2	—
	„ Мрачникъ	1	—		„ Дермень-Дере	1	—
15	Г. Клисуря	2	—		„ Кратово	1	—
	„ Калоферъ	2	—		„ Пастуня	1	—
	„ Карлово	—	2	5	„ Елешница	1	—
	Село Долно-Мобабасъ	—	1		„ Жр. Ирелій	1	—
	„ Михаилцы	1	—		„ Старо-ново	1	—
20	„ Кисилеръ	—	1	10	„ Козарско	1	—
	„ Дерелій	—	1		„ Палалища	—	2
	„ Чюкорлій	—	1		„ Куртъ-Конаръ	—	1
	„ Войнягово	—	1		„ Калековецъ	—	1
	„ Дермень-махла	—	1		„ Думанлій	—	1
25	„ Паничере	—	1	15	„ Бъл. Чардакъ	—	1
26	„ Демерджилеръ	—	1		„ Голѣмо Конаръ	—	1
		20	10		„ Палатово (Адикюй)	—	1
					„ Бръстовица	—	1
					„ Костіево	—	1
				20	„ Копривщица	—	1
					„ Кавакъ-дере	—	1
				22	„ Чирелій	—	1
					„ Строево	—	1
						10	15
	Кромѣ того, сожжены монастыри: Сопотскій св. Спаса, Калоферскій св. Богородицы, Калоферскій Дѣвичій и Сопотскій Дѣвичій.				Кричемскій монастырь св. Врачеви.	1	—

3. Терновскій епархіа.

Еленинскій округъ.

		Ограблены.	Разрушены.
1	Въ селѣ Распоповцы на 857 руб.	1	—
	” ” Горна-Морянь ” 2,194 ”	1	—
	” ” Буйнувци . . . ” 1,316 ”	1	—
	” ” Блюсковци . . . ” 983 ”	1	—
	” ” Духовци ” 843 ”	1	—
	Г. Елена ” 19,579 ”	3	—

Терновскій округъ.

	Село Мургазлі	1	—
	” Дигинь	1	—
	” Злотарица	1	—
	” Кадя-квѣй	1	—
	е Тренбешъ-Горскы	1	—
	” Долняя Литенца	1	—
	” Влатица	1	—
	” Козарювиць	1	—
	” Лесичери	1	—
	” Краль-Бунаръ	1	—
	Дреновскій монастырь	—	1
	Г. Бебровъ на 38,160 руб.	—	1
	Село Камилово	1	—
	” Костень	—	1
	” Тонкы	—	1
	” Вословцы	—	1
	Монастырь Дѣвичій въ Ново-Село	—	1
	Г. Чирпань	1	3
	Село Дервенска	—	1
	” Новомахленска	1	—
	” Орѣховка	1	—
	” Чирновска	1	—
	” Караджалиска	1	—
	” Дълбонска	1	—
	” И. Махаленска	1	—
	Радна-Махаленска	1	—
	Карабурунска	—	1
	Кулфалческа	—	1
	Тръновска	—	1
	Арабаджіевска	—	1
	Ахіевска	—	1
	Памукчиска	—	1
	Въ Габровскомъ округѣ	2	1

	Ограбленн.	Разрушены.
Въ г. Ловчѣ	2	1
„ сел. Троянѣ	1	1
„ „ Келейцы	—	1
„ „ Дарианцы	—	1
„ „ Шедро	1	—
„ Гол. Онилюзма	1	—
„ сел. Скугинѣ	1	—
„ „ Гложенски	1	—
	7	4
Въ Бѣстендильской епархіи	12	22
„ Доростоло-Червенской епархіи	16	41
„ Виддинской епархіи	40	8

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Читай.</i>
14	— 9 снизу	— ee видѣль	— Я ee видѣль
„	— 8 „	— ожидали	— ожидалсь
21	— 7 „	— убѣжденіямъ	— увѣреніямъ
81	— 11 сверху	— словъ-болгарь	— ословъ-болгарь.
176	— въ заголовкѣ	— національ-горцы.—	— паціональ-горды. .
197	— 11 снизу	— Въ Смедовѣ	— Въ Смедовѣ, Шибкѣ,

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

У Океана. Жизнь на крайнемъ Сѣверѣ. Повѣсти.	2 р.	50 к.
Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія русскаго корреспондента		
Соловки. Воспоминанія и рассказы	1 >	50 >
Лапландія и лапландцы. Публичныя лекціи изд. 2-е	1 >	— >
На просторѣ. Очерки и повѣсти	1 >	25 >
Страна холода. Большой изящный томъ съ рисунками	5 >	— >
Подневольные странники. Повѣсти и рассказы 2 тома	3 >	50 >
По Волгѣ. (Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки)	2 >	50 >
Годъ Войны. (Дневникъ русскаго корреспондента) 1877—1878, Изданіе второе, исправленное и дополненное. 3 тома	6 >	— >
Гроза. Романъ изъ событій послѣдней войны, въ трехъ частяхъ и 3-хъ томахъ. Изданіе третье, съ приложеніемъ двухъ, нигдѣ ненапечатанныхъ очерковъ: «Сестра въ траншеѣ» и «Ночная рекогносцировка»]	2 >	50 >
Воинствующій Израиль. (Недѣля у Дагестанскихъ евреевъ)	1 >	— >
Даль. (Очерки и рассказы изъ поѣздки по Югу)	1 >	25 >
Въ гостяхъ. (Очерки и рассказы)	1 >	25 >
Святые горы. (Очерки и впечатленія).	—	75 к.

П Е Ч А Т А Е Т С Я :

Плевна и Шибба. Романъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ Автора.	
I. Передь отъездомъ	1
II. Одесса	12
III. Варна	18
IV. Наши и Мусульмане	27
V. Самоубійцы	35
VI. Надежды и опасенія	39
VII. Общественная жизнь	3
VIII. Статистическія данныя!	59
IX. Монастырь Св. Дмитрія	69
X. По пути въ Шумлу.	87
XI. Консулы.	100
XII. Губернаторъ Цанковъ.	110
XIII. Шумла	119
XIV. Болгары въ Шумлѣ. Школы Войска	131
XV. Нѣсколько дней въ Гирловскомъ Султанствѣ,	156
XVI. Переваль черезъ Балканы.	170
XVII. Кара-Демиръ.	181
XVIII. Акъ-Дере	186
XIX. Рышь и Байраль дере	192
XX. Возвращеніе въ Шумлу.	203
XXI. Болгарское министерство	212
XXII. Между Шумлою и Рущукомъ	216
XXIII. Подъ Рущукомъ	224
XXIV. Рущукъ.	229
XXV. Отъ Рущука до Тырнова	241
XXVI. Тырново.	260
XXVII. Губернаторъ Стояновъ.	267
XXVIII. Тырновскія впечатленія.	270
XXIX. Статутъ Княжества Болгарскаго	276
XXX. Петко Словейковъ	298

ПРИЛОЖЕНІА.

I. Статистическія свѣденія о Княжествѣ Болгаріи.	317
II. Разрушенія, Совершенная Турками.	318
Сочиненія того же автора.	334